

ЮГО- ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЮГО- ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

ИСТОРИЯ,
СОВРЕМЕННОСТЬ

А. А. Губер

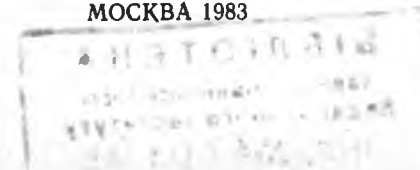
ИБ ПНУС

470156

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

9(н) (Азия)

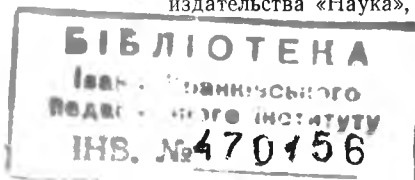
УДК
Ю 15

Ответственные редакторы
А. Н. УЗЯНОВ, Ю. О. ЛЕВТОНОВА

Сборник статей посвящен памяти основателя советской школы изучения стран Юго-Восточной Азии академика А. А. Губера. В книге анализируются характерные черты метода научной работы А. А. Губера, освещается его роль как одного из крупных организаторов советской науки. Большинство статей посвящено проблемам истории, идеологии и политики в странах региона.

Ю 0803000000-075 81-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Посвящается 80-летию
со дня рождения академика
Александра Андреевича
Губера

Раздел I

АКАДЕМИК А. А. ГУБЕР

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Александр Андреевич Губер (1902—1971) вошел в историю мирового востоковедения как выдающийся ученый, историк — основатель и глава советской школы изучения Юго-Восточной Азии.

А. А. Губер стоял у истоков новой советской востоковедной науки, принадлежал к тому поколению исследователей, чьи труды определяли главные вехи ее развития. Основные направления его научных поисков и интересов обозначились уже в 20-е годы, в то время, когда сама историческая эпоха поставила перед учеными востоковедами задачу выработки качественно нового, базирующегося на марксистско-ленинской методологии, подхода к изучению колониальных и зависимых стран Востока.

В ряде публикаций, подготовленных в 70-е годы советскими авторами, воспроизведена научная биография академика Губера, показан тот поистине неоценимый вклад, который он внес в исследование истории, социально-экономических и политико-идеологических процессов в странах Юго-Восточной Азии, а также в разработку общих методологических и теоретических проблем востоковедной и исторической науки в целом. Поэтому, не возвращаясь вновь к оценке и конкретному анализу богатейшего научного наследия А. А. Губера, остановимся лишь на некоторых принципах и чертах, характерных для метода и стиля его исследовательской работы.

Особенности научного метода А. А. Губера получили наиболее полное отражение в работах по Юго-Восточной Азии, заложивших основу для углубленного изучения этого региона. Как исследователю А. А. Губеру были свойственны убежденность, интерес к сложным, наименее изученным вопросам, к которым принадлежали и разрабатывавшиеся им проблемы новой и новейшей истории стран Юго-Восточной Азии. Губер был одним из

первых советских исследователей, применивших комплексный подход к востоковедной науке как особой отрасли обществоведения. Метод комплексного изучения обществ стран ЮВА опирался на его обширную эрудицию, глубокие и многосторонние знания в различных областях общественных наук. В его трудах, прежде всего в монографических исследованиях по Индонезии и Филиппинам, рассматриваются все основные направления общественного развития каждой из стран, фундаментальное изучение истории сочетается с не менее глубоким анализом социальных, экономических и политико-идеологических процессов.

Особенность метода А. А. Губера заключалась в умении выделить коренные вопросы, определяющие основные тенденции развития того или иного общества. Так, в упомянутых монографиях конкретно-исторический анализ, выводы и обобщения по социально-экономическим и политико-идеологическим проблемам подчинены раскрытию сквозной, центральной темы — выявлению особенностей и тенденций национально-освободительного движения и революционного процесса в Индонезии и на Филиппинах:

На всех этапах творческого пути ученого его работу отличало сочетание теоретической глубины исследований с их подлинно научной актуальностью. Он считал актуальными все те проблемы, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному историческому периоду, которые служат основой и предпосылкой для понимания и осмысления современных явлений и процессов. Придавая первостепенное значение их изучению, А. А. Губер всегда выступал за тесную связь науки и практики, полагал долгом и одним из основных принципов деятельности советских востоковедов оказание помощи партии и правительству в разработке основ внешней политики нашего государства. На всех этапах своей деятельности Губер занимал эту активную гражданскую и партийную позицию. Не преувеличивая, можно сказать, что нет ни одной его работы, начиная с первых публикаций 20-х годов и кончая трудами последнего периода его жизни, где бы с присущей ему глубиной научного проникновения не ставились и не разрабатывались наиболее актуальные для соответствующих исторических этапов проблемы и темы. В этой связи следует упомянуть ряд его публикаций в конце 40-х и в 50-х годах, посвященных кризису колониальной системы империализма после второй мировой войны и особенностям нового этапа национально-освободительного движения.

Учитывая новые сложные задачи, которые встали перед советскими учеными-востоковедами в 50—60-х годах в результате кардинальных исторических перемен, происходивших в развивающемся мире, А. А. Губер вновь обратился к ленинскому теоретическому наследию, изучая влияние идей ленинизма на национально-освободительное движение и современные процессы развития молодых освободившихся государств. Эта тема по-

лучила отражение в ряде его статей и докладов на международных научных конгрессах.

А. А. Губер считал важным и обязательным для каждого ученого-востоковеда постоянно работать, чтобы глубоко и творчески овладеть марксистско-ленинской теорией и методологией, выступать за активное участие ученых в идеологической борьбе, непримиримость к идейным противникам, отстаивание в науке принципов марксизма-ленинизма. С этих позиций А. А. Губер неизменно выступал на многих международных научных форумах, где он представлял советскую востоковедную науку. Его научные труды отличались полемической заостренностью, содержали аргументированную критику буржуазных концепций и взглядов. Органическое включение полемики по характеру материала в общую канву исследования было блестяще продемонстрировано Губером в монографии «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм», первом марксистском труде, освещающем один из важнейших периодов филиппинской истории. Как известно, эта работа содержит глубокий анализ и критику концепций и взглядов на филиппинскую революцию 1896—1898 гг. и политику американского империализма на Филиппинах представителей самых различных направлений и течений американской и филиппинской историографии. Poleмика с буржуазными авторами, чьи работы искажали историю освободительной борьбы филиппинцев и апологетически изображали империалистическую политику США, еще более четко оттеняла марксистскую концепцию Губера, придавала его труду особую значительность и глубину.

Особенность метода и стиля А. А. Губера в исследовании современных социальных и политических процессов заключалась и в его стремлении к научному предвидению и обоснованию будущих тенденций и закономерностей общественного развития. Элементы прогностического подхода к изучению проблем современности основывались на необычайно развитой научной интуиции А. А. Губера, обширной эрудиции, блестящем владении марксистским методом исследования, сочетании в его трудах теоретических обобщений и конкретно-исторического анализа. Умение видеть связь событий и явлений прошлого с настоящим и будущим характерно для его работ по Индонезии, Филиппинам, странам Индокитая, его общих трудов по региону ЮВА.

Известно, что многие выводы и гипотезы, содержащиеся в работах А. А. Губера, были подтверждены опытом сегодняшнего развития стран ЮВА, послужили основой для дальнейшей разработки его учениками вопросов национально-освободительного, коммунистического и рабочего движения в регионе, трансформации классово-социальных структур, политики и идеологии различных классов и общественных сил.

Необходимо сказать несколько слов о характерных чертах

его метода исторического исследования. История конкретной страны изучалась А. А. Губером с неперменным учетом всемирно-исторического процесса. Исследования истории колониальных обществ опирались на фундаментальное знание истории метрополий и международных отношений в мировом и региональном масштабе, что способствовало всестороннему анализу особенностей и различий в колониальной политике, проводимой державами-метрополиями в странах ЮВА. Не случайно в трудах А. А. Губера по новой и новейшей истории региона ведущая тема, посвященная исследованию процесса зарождения и развития национально-освободительного движения, неразрывно связана с изучением истории колониализма.

А. А. Губер не признавал «обезличенной» истории. Его работы были первыми в советской историографии Юго-Восточной Азии, где автор широко использовал жанры исторической биографии и политического портрета. Обращение к этим жанрам не только способствовало более точному и «одушевленному» воссозданию исторической эпохи, но и помогало сквозь призму биографий отдельных личностей выявлять проблемы и тенденции политической жизни, освободительной борьбы, развития общественной мысли. Напомним, что книга о Х. Рисале, крупнейшем филиппинском просветителе и национальном идеологе, положила начало многолетней работе Губера над проблемами национально-освободительного движения на Филиппинах, завершившейся изданием солидной монографии. В ней А. А. Губер снова вернулся к оценке исторической роли Х. Рисала в процессе пробуждения национального самосознания филиппинцев и идейной подготовки антиколониальной революции. В этом же труде мы находим ряд политических портретов ведущих лидеров и идеологов революции 1896—1898 гг., представлявших различные течения в революционных силах.

Интерес к биографическим сюжетам А. А. Губер сохранил и в последний период своей жизни. Во фрагментах двух незаконченных монографий, посвященных истории европейского колониализма в ЮВА в XIX в., присутствуют портреты британских колонизаторов, проводников английской колониальной политики в этом регионе (С. Раффлз и др.). Одна из незавершенных книг — историческая биография Дж. Брука, известного авантюристическими «подвигами» по установлению английского контроля на Северном Калимантане. Как и в других исторических исследованиях Губера, в данных работах биографический материал способствует раскрытию более широких тем и сюжетов — истории англо-голландской борьбы за Индонезию, соперничества европейских держав в Юго-Восточной Азии, особенностей колониальной политики Англии и Голландии.

А. А. Губер всегда уделял исключительно серьезное внимание работе над источниками как основе любого исторического исследования. Он поощрял у своих учеников интерес к источ-

никоведению, старался привить им навыки владения источниково-книжечным материалом. Труды самого Губера, даже те, которые создавались в 20—30-е годы при крайне скудной источниковедческой базе, как правило, основаны на чрезвычайно широком круге разного рода источников и документов. В 1956 г. вместе с другими видными советскими учеными он обратился в редакцию журнала «Международная жизнь» с предложением систематически издавать научные «Публикации документов иностранных государств» и «Мемуары зарубежных и советских деятелей». А. А. Губер первым ввел в научный оборот документы из архивов дореволюционной России, которые содержали ряд свежих и ценных материалов по новой истории стран ЮВА. Хорошо известен вклад А. А. Губера в подготовку и издание трехтомной публикации архивных документов о колониальной политике европейских держав и национально-освободительном движении в Юго-Восточной Азии. Он был ответственным редактором этого уникального издания. Научную ценность публикации еще более повысили предисловия А. А. Губера к каждому из трех томов, которые сами по себе носят характер оригинальных, глубоких исследований исторической обстановки в странах региона в соответствующие периоды и представляют не меньший интерес как образцы источниковедческого анализа включенных в трехтомник архивных документов и материалов.

Столь же большое значение А. А. Губер придавал историографическим исследованиям, всячески содействовал развитию этой отрасли исторической науки, прежде всего в области востоковедения. Его собственные труды, основанные, как правило, на изучении всей доступной мировой литературы по исследуемым проблемам, могут служить образцами мастерского владения историографическим материалом.

Говоря о стиле научной деятельности А. А. Губера, нельзя не упомянуть о его редком научно-педагогическом даре, заслугах в воспитании востоковедных кадров. Губеровская школа в советском востоковедении объединяет в настоящее время не одно поколение его учеников — специалистов в области изучения Юго-Восточной Азии.

Предлагаемый читателю сборник — третья специальная публикация, посвященная памяти А. А. Губера, подготовленная отделом Юго-Восточной Азии Института востоковедения АН СССР. Два предыдущих сборника — «Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии» (1972 г.) и «Советская историография Юго-Восточной Азии» (1977 г.) — вышли в свет в связи с 70- и 75-летием со дня его рождения. В настоящем сборнике, близком по тематике научным интересам А. А. Губера, исследуются вопросы истории и современного развития Юго-Восточной Азии, которые отражают новые направления в изучении стран ЮВА и региона в целом, сложившиеся в 70-е годы.

Сборник открывает статья Ю. Н. Гаврилова, посвященная важнейшей стороне творческого метода А. А. Губера — глубине научного проникновения в существо изучаемых проблем, способствовавшей необычайному долголетию его исследований, и сегодня полностью сохраняющих свою актуальность и научную значимость. На материале работ Губера по Индонезии автор анализирует сделанные в них выводы о специфике социального и политического развития колониальных стран в послеоктябрьский период, которые свидетельствовали о приоритете Губера в разработке ряда проблем, имевших первостепенное значение для советской востоковедной науки, заложили основу для дальнейших научных поисков, продолженных его учениками. В статье Е. И. Гневушевой на основе широкого круга документальных материалов рассматривается насыщенная и многогранная деятельность А. А. Губера как одного из крупных организаторов советской науки.

В остальные разделы сборника входит серия статей, освещающих проблемы идеологии, политики и истории стран Юго-Восточной Азии.

А. Н. Узянов, Ю. О. Левтонова

Ю. Н. Гаврилов

**О ГЛУБИНЕ НАУЧНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ
В ТРУДАХ А. А. ГУБЕРА**

Хотя первая из работ, на которых строится данный обзор, появилась более пятидесяти лет назад и уже более десяти лет отделяет нас от того дня, когда Александр Андреевич Губер ушел из жизни, его труды не стали достоянием лишь узкого круга специалистов по историографии — историков советского востоковедения. В значительной своей части книги и статьи академика Губера воспринимаются как современное по всем параметрам научное исследование, что свидетельствует о его глубоком проникновении в исследуемые проблемы.

Многое из того, что составляет в наши дни предмет научных дискуссий, либо предугадано, либо намечено А. А. Губером. В немалой степени это объясняется педагогическим даром нашего учителя, так как большинство ныне работающих по Юго-Восточной Азии историков, часть экономистов и филологов — его ученики. Но основная причина — это обширность эрудиции и живая заинтересованность, счастливое сочетание множественности знаний с редкой интуицией и способностью проникновения в суть явлений.

Все пишущие о творчестве А. А. Губера отмечают, что ему принадлежит приоритет марксистско-ленинского исследования социально-экономических и исторических процессов в новейшей истории Вьетнама, Индонезии, Филиппин, что у него не было предшественников в российском изучении истории этих стран [11]. Заслуги А. А. Губера не ограничиваются только этим, хотя и этого более чем достаточно, чтобы войти в историю отечественной науки: не всем дано открывать новые направления в общественном исследовании. Нам представляется, что А. А. Губер счастливо соединил в своем лице глубокое овладение конкретно-историческим методом исследования и гражданское мужество.

Овладение марксистско-ленинским методом исследования не могло быть простым процессом. Многие исследователи, в том числе и выдающиеся востоковеды, прошли через такую стадию становления, когда представлялось, что раз открыты общие закономерности развития общества и никто не в силах изменить законы общественного развития, то это освобождает исследователя от изучения конкретной стадии социально-политического вызревания того или иного народа. Марксистское советское во-

стоведедение противостояло вновь проявившейся в 60-е годы тенденции рассматривать Восток и Запад как разные миры, объявлять весь Восток великим антимиром, к изучению которого якобы должен быть даже качественно иной подход, чем к изучению европейских стран. Обращая в те годы основное внимание на неправомочность полного противопоставления Востока и Запада, на то, что сами эти понятия весьма относительны и что противопоставление было призвано оправдать колониальную экспансию европейских капиталистических держав, многие востоковеды упустили из виду, что общее проявляется через конкретное и особенное, что и общественно-экономические формации, и соответствующие им социальные классы и слои проходят различные этапы своего становления. Процесс же осознания специфичности своего положения социальным классом требует значительного времени и проходит, как отмечает К. Маркс, немало промежуточных стадий, в ходе которых происходит осознание общности интересов, возрастает сплоченность и организованность [1, с. 183].

Сегодня очевидно (чему немало способствовали и работы А. А. Губера), что традиционные отношения и представления оказались весьма стойкими, они сохраняются в политическом мышлении, в приемах и методах политической борьбы, в социальном поведении масс, да и в самой общественной структуре. А ранее большинство востоковедов исходило из того, что оценки, применяемые к развитым капиталистическим отношениям, могут быть непосредственно перенесены на оценку ситуации на Востоке. Академик же Губер обращал внимание на то, что общие закономерности общественного развития проявляются в странах Востока в конкретных формах. «На примере Индонезии, — писал он, — можно проследить те новые черты, которыми характеризуется освободительная борьба колониальных народов на современном этапе. Вместе с тем общие для нового послевоенного этапа национально-освободительной борьбы тенденции проявляются в Индонезии в своих особых конкретных формах. Чтобы разобраться в характере освободительной борьбы индонезийского народа в послевоенный период, разобраться в процессах внутренней дифференциации в лагере индонезийской республики, необходимо учесть, что представляла собой Индонезия накануне второй мировой войны с точки зрения классовой структуры и политической организации классов и как был путь, пройденный различными классами в процессе освободительной борьбы» [7, с. 137].

В этом отрывке прежде всего привлекает внимание утверждение о том, что существует «лагерь индонезийской республики», что внутри его находятся разнородные социально-политические силы и что, несмотря на продолжающуюся в нем дифференциацию, эти силы не переходят в лагерь «марионеток империализма» и «цепных псов реакции». Но в том же отрывке

мы видим и глубину проникновения в суть явлений. Ученый утверждает, что характер послевоенной освободительной борьбы индонезийского народа можно понять, лишь уяснив стадию социального вызревания индонезийского общества, что позволит понять особенности взаимоотношений между классами и путь, пройденный ими в освободительной борьбе.

Еще одно отклонение от общепринятых параметров свидетельствует о проникновении А. А. Губера в существо рассматриваемых проблем. К 1949 г. было общепринято, что народы колониальных и зависимых стран ведут борьбу за свое национальное освобождение. А. А. Губер и в названии этой работы, и в тексте ее говорит о «борьбе за независимость», об «освободительной борьбе индонезийского народа». И объясняет это тем, что в Индонезии проживают представители многих этнических групп, что даже у «наиболее развитых народностей и национальностей» процесс складывания наций находится на различном уровне и еще не завершен. Ему уже тогда было ясно, что достижение политического суверенитета, обретение государственности ускорит процессы образования наций [7]. Исследования учеников Александра Андреевича, а также их учеников говорят о том, что и через 30 лет после написания им этой работы процессы национальной консолидации в странах Азии и Африки не завершены.

Опираясь на анализ, проведенный в опубликованной в 1932 г. книге «Индонезия. Социально-экономические очерки», А. А. Губер приходит к выводу, что в Индонезии в целом еще не сложилась ситуация, когда пролетариат и буржуазия противостоят друг другу, что специфика предшествующего исторического развития тормозила формирование основных классов капиталистического общества во всей стране, а характерной чертой на большей части территории страны (на всех островах архипелага, кроме Явы) «было почти полное отсутствие местной буржуазии и пролетариата» [7, с. 138].

Слабость местного пролетариата и буржуазии на большей части территории Индонезии, утверждает Губер, приводила к тому, «что самостоятельных политических партий и организаций, выражавших более или менее осознанно интересы этих классов... до второй мировой войны практически не существовало. Пробуждавшиеся к борьбе народные силы выступали, как правило, под религиозными лозунгами, объединялись в различные религиозно-мусульманские организации, без четкой программы и очень пестрые по своему составу» [7, с. 139]. Это особенно злободневно звучит в конце 70-х — начале 80-х годов, когда «неожиданно» активизировались массовые движения под знаменем ислама.

Но А. А. Губер не останавливается на констатации факта социальной аморфности и идейной всеядности существовавших тогда организаций, пробуждающихся к борьбе за свою государ-

ственность масс. Он пишет, отражая объективную реальность, существовавшую, во всяком случае, на части территории Индонезии, что «была возможность антиимпериалистической борьбы при участии и даже под руководством феодализирующихся вождей и даже мусульманского духовенства» [7, с. 138].

Подобная ситуация была обусловлена стадией социально-политического вызревания населения большинства островов. А она была такова, что для «вождей этих районов борьба против империалистов представлялась борьбой за свои интересы, которым еще реально не угрожала даже стихийная классовая борьба основных масс племени» [7, с. 139].

Губер анализирует и ситуацию в более развитых районах страны — на Яве. Исследуя процессы социально-экономического развития Явы, он одним из первых в советском востоковедении раскрывает процесс становления капиталистических отношений на колониальной почве. И в данном отношении он остается вполне современным исследователем, т. е. автором, позиции которого не могут не приниматься во внимание и сейчас при обсуждении данной проблемы. И хотя в те годы еще никто не говорил, что в колониальных и зависимых странах существует многоукладная экономика с отсутствующим формационно-образующим укладом [10], и никто не утверждал, что определяющим моментом их эволюции является сложившийся там тип зависимого капиталистического развития, но было уже стремление понять существо процессов для того, чтобы уяснить особенности перспектив политической борьбы. Губер не ставил перед собой задачу быть «первооткрывателем» и «основоположником» «нового направления», а исходил из того, что человечество едино не только биологически, но и социально, т. е. его социальное развитие определяется общими закономерностями, проявление которых модифицируется в конкретно-исторических условиях. Наиболее четко свои соображения по этому поводу он формулирует в работе «К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии» (1958 г.). Отмечая действие общих закономерностей в развитии стран Азии и Африки, Губер подчеркивает: «Внутренними социально-экономическими силами, особенностями исторического развития каждого народа, своеобразием формирования классов и соотношением классовых сил определяется большое разнообразие путей, какими идет процесс возрождения независимых государств Востока, установление форм политической власти, взаимоотношений со странами социализма, борьба за ликвидацию экономической зависимости от стран империализма» [9, с. 71].

А. А. Губер исследует прежде всего проблему, связанную с резким расширением масштабов капиталистического угнетения при перерастании капитализма в империализм и складывании мировой капиталистической системы хозяйства, в рамках которой проявлялось действие объективных законов развития ка-

питализма. Капиталистической эксплуатации (колониальная эксплуатация — это в любом случае капиталистическая эксплуатация, в каком бы докапиталистическом обличье она ни выступала) стала подвергаться не только масса мелких товаропроизводителей, но и в значительной мере патриархальное общинное крестьянство. Несмотря на то что капиталистический уклад в подавляющем большинстве из них не превратился в безраздельно господствующий и с ним непосредственно было связано лишь меньшинство коренного населения, включение колониальных и зависимых стран в мировую капиталистическую систему хозяйства обуславливало ведущее положение капиталистического уклада. А это означало, что экономика афро-азиатских стран, оставаясь мелкотоварной и даже патриархальной, развивалась (и не могла развиваться иначе) в соответствии с внутренне присутствующими капитализму общими закономерностями.

Разумеется, в конкретных условиях стран Азии и Африки действие этих закономерностей модифицируется, что обусловлено особенностями той стадии социально-экономической эволюции, на которой находятся эти страны. И при «нормальном» становлении капитализма в ведущих странах Европы капиталистические отношения не сразу вытеснили докапиталистические, долгие годы они существовали параллельно. И при «зависимом» варианте развития капиталистические отношения существуют вместе с другими производственными отношениями. Напомним, что в Европе становление капиталистических отношений происходило в течение 300—500 лет, а капиталистическое освоение колоний, т. е. процесс активного внедрения в них капиталистических отношений, не насчитывает еще и 100 лет.

Поздний, или вторичный, вариант развития капитализма отличается рядом существенных особенностей. Так, если условием становления первичного капитализма было разложение общины, т. е. расчистка территории от докапиталистических отношений, то при вторичном варианте это уже не было обязательным условием становления капитализма. И это было отмечено К. Марксом. В 1881 г. он писал, что уже сложился тип развития капитализма, при котором разложение общины не обязательно предшествует становлению капиталистических отношений, что при этом варианте становление капитализма происходит при сохранении господства общинных отношений в системе землевладения и землепользования, а развитие капитализма приобретает наиболее тяжелые для подавляющего большинства населения формы, происходит прежде всего «за счет крестьян». При таком варианте развития капитализма прогрессируют «те отрасли западной капиталистической системы, которые, несколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непродовольственными посредниками». Происходит обогащение «нового капиталистического паразита,

который высасывал и без того оскудевшую кровь из „сельской общины“» [2, с. 409].

Анализируя процесс развития вторичной формы капитализма, когда капиталистические отношения налагаются на традиционные общинные, В. И. Ленин приходит к выводу, что в этих условиях возникает «непомерная распространенность *низших и худших форм капитала*, торгового и ростовщического», идет процесс пауперизации крестьянства, что он характеризует как «низшую и худшую форму разложения крестьянства» [3, с. 56]. К проблеме о поэтапном, ступенчатом становлении капиталистических отношений Ленин возвращался не раз. В 1916 г. в «Итогах дискуссии о самоопределении» Ленин подчеркивает, что с наступлением эпохи империализма «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии» [4, с. 35]. 19 марта 1919 г., выступая на VIII съезде РКП(б), Ленин вновь подчеркивает этапность, ступенчатость в становлении капитализма как формации и в национальных и в глобальных масштабах. Утверждать, что могут существовать чистые однотипные отношения, говорил он, «это значит принять желаемое за действительность» [5, с. 154].

Исследуя социально-экономические процессы в колониальной Индонезии, А. А. Губер приходит к выводу, что процессы развития капиталистических отношений приобрели специфически колониальный характер. Это выразилось прежде всего в том, что произошло подчинение докапиталистических форм производства потребностям монополистического капитала, рост налогового бремени привел к резкому усилению наиболее тяжелых форм эксплуатации. Вскрывая суть происходивших процессов, Губер пишет: «Установить соотношение между насильственным переводом туземного сельского хозяйства к производству экспортных товарных культур и товарным производством, возникающим на основе процессов капиталистической эволюции, так же трудно, как отделить эти процессы развития капитализма от всей системы колониального угнетения, обуславливающего их уродливые колониальные формы» [6, с. 184].

Продолжая разработку этой проблемы, ученый отмечает, что переход к капиталистическому освоению колоний, способствуя ускорению процесса разрушения крестьянской общины и внутренней дифференциации крестьянства, одновременно открывал чужеземным монополистам «широкие возможности для различных форм докапиталистических отработок, представлявших для империалистов особенно выгодными при некоторых процессах сельскохозяйственного производства» [7, с. 140—141].

Существенным моментом раскрытия процесса проникновения капиталистических отношений на колониальную почву является рассмотрение особенностей становления местной буржуазии. Как представляется, здесь наиболее значимы два обстоятельства, на которых делает акцент А. А. Губер: 1) распространен-

ность ростовщичества, высасывавшего соки не только из крестьянского хозяйства, но и из мелкого предпринимательства и торговли и явившегося наряду с колониальной эксплуатацией мощным препятствием на пути первоначального накопления капитала в колониальных странах [6, с. 184]; 2) те незначительные капиталы, которые были у малочисленной и слабой местной буржуазии, а также «сбережения» пришедших на колониальную службу представителей традиционной знати не направлялись в промышленность, торговлю и сферу обслуживания, а вкладывались в землю [7, с. 141].

Из второго отмеченного Губером обстоятельства формирования местной буржуазии в колониальных условиях вытекают, по-видимому, объяснения двух явлений, очень важных для последующего, уже после провозглашения независимости, периода. Капиталовложения в землю и осуществление эксплуатации на приобретенной земле традиционными методами способствовали сближению позиций старых и новых землевладельцев. А это привело к тому, что в тех странах, где власть после провозглашения независимости попала в руки выразителей интересов нарождающейся местной буржуазии, оказалось невозможным осуществление радикальной земельной реформы, которая бы положила конец докапиталистической эксплуатации крестьянства. Законы о реформах принимались с большим трудом, а осуществлялись они такими темпами, что только правнуки земледельцев могли рассчитывать на эффект от этой меры.

Не меньшее значение для последующего развития социально-экономических процессов в колониальных странах имело то обстоятельство, что в условиях капиталистического освоения колоний пребывание на государственной службе и «нормальные» злоупотребления служебным положением стали одним из существенных компонентов первоначального накопления капитала. Колониальный вариант развития капитализма происходил в психологическом климате непрестижности любого рода труда и деятельности, кроме бюрократической, а это готовило предпосылки для превращения капиталистической бюрократии в существенный элемент социальной структуры и политической борьбы.

Капиталистическая бюрократия — не исключительно колониальное явление. На первоначальных этапах становления капиталистической формации «интенданты» и «суперинтенданты» превращали свои государственные должности в средство сколачивания личного капитала. Но только в колониальных условиях, приведших к отчуждению работника от труда, к выработке психологического стереотипа, презиравшего и физический труд, и предпринимательство, складываются условия, в которых капитализирующиеся чиновники могли контролировать, оказывать решающее воздействие на политическую жизнь страны.

Зависимость же формирующейся национальной буржуазии

от места в колониальном аппарате не исключает высказанного А. А. Губером в 1949 г. и неоднократно затем подтвержденного положения о том, что основным противоречием колониальной эпохи было противоречие между почти всем населением колонии и империализмом. Практически все отряды находившейся в стадии становления национальной буржуазии, в том числе и кабиры, рассматривали господство метрополии как главное препятствие на пути осуществления их узкогрупповых интересов.

В 40-е годы А. А. Губер впервые высказал мнение, подтвержденное впоследствии советским обществоведением, что в специфически колониальных условиях на доминирующие позиции в политической жизни и в борьбе за достижение и упрочение политического суверенитета выходит местная интеллигенция. В статье «Индонезийский народ в борьбе за независимость» изложение особенностей социальной структуры страны автор заключает выводом: «В результате экономическая и политическая роль национальной буржуазии относительно невелика. Соответственно и в руководстве национально-освободительным движением буржуазия даже на первых его этапах не играла такой роли, как в большинстве других старых колоний (Индия, Филиппины, Индо-Китай и др.). С первых лет в руководстве буржуазно-националистических организаций крупную роль играли представители индонезийской интеллигенции, чрезвычайно пестрой по своему классовому составу — от выходцев из среды феодальной и феодально-бюрократической аристократии до представителей мелкой буржуазии» [7, с. 143].

Более того, радикальность индонезийских массовых организаций, в частности в первые годы после Великой Октябрьской революции, Губер объяснял в соответствии с объективной действительностью большим удельным весом «мелкобуржуазной разночинной интеллигенции в руководстве... массовых партий» [7, с. 137]. Одним из первых А. А. Губер понял специфику социального и политического развития колоний в послеоктябрьские годы. Ему открылись многие грани проявления всеобщего кризиса империализма после победы Октября. Всеобщность кризиса проявилась и в том, что метрополии уже не могли оставить неизменными порядки в колониях. Кроме административных реформ повсеместно проводятся реформы в области образования, которые при всей их ограниченности в несколько раз увеличивали число учащихся в высших и средних учебных заведениях, что, в свою очередь, вело к расширению социального состава обучающихся. Однако в колониальных условиях лишь 13% дипломированных специалистов находили себе применение на государственной службе или на частных предприятиях. Да и этим работающим фактически был закрыт путь к достижению высших должностей, а за равные должности они получали неравное с белыми жалованье.

Характеризуя подобную ситуацию, Губер в одной из своих

последних работ пишет: «В дальнейшем процессы развития неизбежно приводили все большее число выходцев из приаи (традиционной индонезийской знати. — Ю. Г.) в разряд разночинной мелкобуржуазной интеллигенции. Оскудение класса служилого дворянства, полная бесперспективность для множества представителей многодетных семей приаи найти себе применение в системе колониальной администрации ставили их в положение, ничем уже не отличавшееся от положения интеллигенции, формировавшейся с начала XX века из мелких и средних торговцев, верхушки крестьянства, служащих» [8, с. 25].

Основывающаяся на глубоком знании индонезийской действительности убежденность А. А. Губера в том, что, несмотря на неоднозначность развития колониальной интеллигенции, она и в своей основной массе оставалась мелкобуржуазной [8, с. 31], приводит его к выводу, резко отличавшемуся от общепринятых позиций, о том, что на заключительном этапе борьбы за политическую независимость ею руководили не буржуазия и не пролетариат, а «демократические элементы из народа» и что руководство этих элементов «открывало возможности для успешного сочетания борьбы за независимость с борьбой за подлинно демократические преобразования» [7, с. 143].

Вывод о возможности руководства антиколониальной борьбой «демократических элементов из народа» логически связан у Губера с выводом о возможности в послевоенной Азии складывания широкого демократического фронта борьбы за независимость, «единство национального фронта борьбы за независимость». Реализация этой возможности, подчеркивает ученый, была связана с тем, что определяющим моментом политической борьбы в те годы было совпадение интересов различных социальных групп и складывающихся классов. «Это оказалось возможным, — пишет он, — в результате тех представлений, которые связывали с будущей независимостью различные классы колониального общества, с одной стороны, и иллюзиями, что война положила конец довоенной колониальной системе (которые к моменту окончания войны питали колониальные народы), — с другой» [7, с. 143].

А. А. Губер последовательно проводит мысль о том, что достижение политического суверенитета отвечало интересам «не только демократических сил народа», но и интересам «крупной туземной буржуазии и даже части феодальных элементов» [7, с. 108]. Более того, он конкретно показал, почему именно национальная буржуазия была заинтересована в достижении независимости и даже в национализации собственности метрополий и монополий. Он отмечает, что это было связано с тем, что все слои буржуазии видели и в колониальном аппарате, и в иностранном капитале основное препятствие на пути достижения своих целей.

А. А. Губер первым из советских ученых высказал мнение,

что достижение политического суверенитета даже при условии, что к власти приходили представители местных имущих слоев, не было ни пустым звуком, ни обманом масс. В ходе второй мировой войны и в мире в целом, и в колониальных и зависимых странах произошли необратимые изменения, связанные с резким возрастанием роли масс в политике. Сложилась такая ситуация, что в азиатских странах лидеры могли удержаться у власти лишь при учете интересов большинства населения. Поэтому, а также вследствие экономической слабости местной буржуазии конституционные акты освободившихся государств отражали «в известной мере требования широких народных масс, вынесших на своих плечах всю тяжесть борьбы с оккупантами» [7, с. 152]. Ему же принадлежит приоритет в выяснении ставшего впоследствии классическим положения о том, что каждая социальная группа и формирующийся класс связывают свои интересы с достижением независимости. А это ведет к тому, что после создания национального государства ускоряются процессы политической поляризации, начинается перегруппировка социальных сил, обостряется борьба вокруг возможных путей дальнейшего развития. При этом принятые на волне демократического подъема конституционные акты открывали возможность для углубления революционных преобразований с опорой на существующее законодательство.

Примеры того, как значительно опережал А. А. Губер многих своих современников в проникновении в существо исследуемых явлений, как в его творчестве обобщения соседствовали с подчеркиванием уникальности тех или иных моментов, как он находил в себе силы публично, печатно высказывать не только не общепринятые оценки и взгляды, но и открыто противоречащие им, можно было бы продолжить. Занимать такую принципиальную самостоятельную линию давало ему право владение методологией конкретно-исторического анализа, доскональное изучение всех доступных источников, глубокое понимание ситуации.

Представляется, что в лице А. А. Губера мы имели редкое сочетание востоковеда академического склада с живым, наблюдательным исследователем, чутко улавливающим самые перспективные тенденции общественного развития в колониальных и зависимых странах. Его веское слово и точные оценки не устарели и в 80-е годы, они помогают нам понять существо происходящих в странах Востока явлений, глубже разобраться в социальной и политической обстановке в них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Ницета философии.— Т. 4.
2. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Т. 19.
3. Ленин В. И. Рецензия [на кн.:] Р. Гвоздев. Кулачество-ростовщиче-

ство, его общественно-экономическое значение. СПб., 1899. Изд. Н. Ггарина.— Т. 4.

4. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.— Т. 30.
5. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.— Т. 38.
6. Губер А. А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1932.
7. Губер А. А. Индонезийский народ в борьбе за независимость.— Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии. М.— Л., 1949.
8. Губер А. А.— автор вводной главы и ответственный редактор.— Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970.
9. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
10. Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980.
11. Колониализм и национально-освободительное движение. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
12. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.

Е. И. Гневушева

А. А. ГУБЕР — ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Александр Андреевич Губер — выдающийся ученый нашей страны, основоположник изучения стран Юго-Восточной Азии в СССР, его труды проложили путь советским исследователям истории, экономики, культуры этого региона. Большое место в его жизни занимала и научно-организаторская деятельность.

В годы второй мировой войны Александр Андреевич, тогда молодой профессор, заведовал кафедрой истории колониальных и зависимых стран в Московском университете. Время было трудное. Основной коллектив университета эвакуировался в Ашхабад. Многих преподавателей и студентов забрала война. Оставшиеся занимались в полупустых, плохо отапливаемых аудиториях. Александр Андреевич сумел так организовать учебный процесс, что ни преподаватели, ни студенты занятий не пропускали, их прекращала только воздушная тревога. И тогда все шли по своим постам охранять и защищать старинное здание университета. А. А. Губер в это тяжелое время совершенствовал курс лекций (впоследствии они были застенографированы и стали учебным пособием для студентов); писал статьи; написал и защитил в 1943 г. докторскую диссертацию; он побуждал к научной деятельности членов кафедры. Вскоре ему было предложено заведовать кафедрой новой и новейшей истории в Московском городском педагогическом институте, где еще до войны он читал курс истории колониальных и зависимых стран. Не все научные и учебные заведения вернулись из эвакуации. Специалистов в столице было мало, но все, кто жил в Москве, были привлечены Александром Андреевичем для работы в Московском городском педагогическом институте.

Во время войны произошли изменения в организации советского востоковедения. Из Ленинграда в Москву перебрались ведущие востоковеды страны: И. Ю. Крачковский, Н. В. Пигулевская, Н. И. Конрад, Е. Э. Бертельс и др. Те востоковеды, которые занимались актуальными тихоокеанскими проблемами, Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией, тяготели к Тихоокеанскому институту, в 1942 г. включенному в систему Академии наук. «Передача Тихоокеанского института в систему Академии наук СССР преследовала в первую очередь задачу расширения и углубления научно-исследовательской работы по вопросам истории, экономики и политики тихоокеанских стран

в связи с международными отношениями на Тихом океане» [10, с. 127].

Со времени включения Тихоокеанского института в систему Академии наук А. А. Губер связывает с ним свою научно-организаторскую деятельность. С 1947 г. он — заместитель директора института. За короткий срок существования Тихоокеанского института с его незначительным штатом сотрудников было выполнено большое число научно-исследовательских работ разнообразной тематики. В этом несомненная заслуга руководителей института — Е. М. Жукова и А. А. Губера.

В 1950 г. Академией наук СССР была произведена реорганизация Института востоковедения: он был переведен из Ленинграда в Москву, Тихоокеанский институт был закрыт, его кадры переданы Институту востоковедения, туда же перешли востоковеды и из других учреждений Академии наук. Сектор стран Юго-Восточной Азии в реорганизованном институте возглавил проф. А. А. Губер. На его долю выпало создание первого в стране научного центра по изучению Юго-Восточной Азии. Из лиц, которые пожелали работать в секторе, кроме О. И. Забозлаевой, никто до тех пор не занимался Юго-Восточной Азией. В основном это были корейцы и китайцы. Из них Александру Андреевичу надлежало сделать специалистов-юговосточников. И он это сделал. Через несколько лет сотрудниками сектора были защищены первые диссертации, написаны и опубликованы первые научные работы по странам ЮВА.

В 1951 г. А. А. Губер стал заместителем директора Института востоковедения АН СССР, а в 1953—1957 гг. был директором института.

Несмотря на большую административную, организаторскую работу главы научного института, А. А. Губер написал несколько статей, участвовал в солидных коллективных трудах, редактировал многие востоковедные работы, выступал с научными сообщениями на ученом совете института, на различных конференциях и совещаниях, прочел доклад на международном конгрессе востоковедов в 1954 г.

Занимая различные административные должности — от заведующего кафедрой до директора института, — А. А. Губер всегда участвовал в научных диспутах, в обсуждении работ своих коллег и сотрудников. Исключительный такт и доброжелательность определяли особенность его критики. Он быстро умел улавливать главное в человеке и в обсуждаемой работе. Его замечания всегда сопровождалась конструктивными предложениями, поэтому критикуемый не терял, а обретал веру в себя.

Научные заслуги А. А. Губера были признаны избранием его в 1953 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР. С этого времени он стал выполнять ряд научно-организаторских функций: заместителя академика-секретаря Отделения истории АН, члена бюро редакционно-издательского совета АН, за-

местителя председателя редакционно-издательского совета Издательства восточной литературы. В 1955 г. он был избран заместителем, а в 1957 г. председателем Национального комитета историков СССР. Александр Андреевич возглавлял Советский национальный комитет Тихоокеанской ассоциации с момента его организации — с 1957 г. С 1956 г. он — главный редактор журнала «Новая и новейшая история».

Александр Андреевич Губер всегда сознавал свою ответственность как ученого, как руководителя учреждения или организации, которые он возглавлял. Он понимал людей, умел подойти к каждому. У Александра Андреевича был мягкий характер, и многие полагают, что ему не хватало суровости. Но мягкость его характера не мешала ему быть принципиальным человеком и ученым. Помимо всего, у него была редкая способность видеть не только сегодняшний день, но и его перспективу, а это помогало направлять деятельность научного учреждения.

А. А. Губер придавал большое значение контактам с зарубежными учеными и видел несомненную пользу научных дискуссий. Первым международным конгрессом востоковедов, в котором участвовали советские ученые после войны, был XXIII конгресс в Кембридже. Делегацию советских ученых возглавил А. А. Губер. Кто наблюдал Александра Андреевича на конгрессах, во взаимоотношениях с иностранными учеными, всегда восхищался его изумительным тактом, огромной выдержкой (все дискуссии он вел в спокойном тоне), его остроумием. Шутили, что он обладает обаянием международного значения.

В чем тайна обаяния личности? Трудно определить это. Когда говорят об Александре Андреевиче, то называют его эрудицию, доброту души... Члены нашей делегации понимали, что успеху на конгрессе во многом обязаны своему руководителю. Неудивительно, что в делегацию советских ученых на X международный конгресс историков в Риме в 1955 г. был включен и А. А. Губер.

Между конгрессами историков действовал его руководящий орган — Бюро международного комитета историков, которое созывало сессии бюро и генеральную ассамблею конгресса. На генеральной ассамблее в Лозанне летом 1957 г. Губер был избран членом Бюро комитета вместо скончавшейся А. М. Панкратовой. В декабре 1957 г. состоялся очередной пленум Национального комитета историков СССР, который избрал А. А. Губера его председателем [12, с. 181].

А. А. Губеру, уже как председателю Национального комитета советских историков, приходилось вести большую организационную работу, переписываться с учеными и часто совершать поездки за границу. В результате расширялись связи с национальными комитетами зарубежных государств. Двусторонние

научные встречи становились одной из самых продуктивных форм работы. Когда в 1957 г. начались переговоры о создании постоянной комиссии историков СССР и ГДР, то их со стороны советских историков вел Губер. В 1958 г. он во главе делегации советских ученых отправился в Лондон на первую советско-английскую конференцию историков. В Комиссии историков СССР и Венгрии, созданной в 1969 г., Губер возглавлял советскую сторону.

С момента образования Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации (1957 г.) А. А. Губер — ее бессменный председатель. На XI Тихоокеанском конгрессе в Токио (1966 г.) он возглавлял советскую делегацию, которая состояла из 170 представителей 45 научных учреждений Академии наук СССР, академий наук союзных республик, специалистов из министерств и ведомств. Такой делегацией руководить было нелегко. Е. М. Сузюмов, участник X и XI Тихоокеанских конгрессов, отметил такие черты руководителя делегации: Александр Андреевич быстро ориентировался в любой сложной проблеме, быстро понимал главное, отсекая мелочи, любой вопрос схватывал и развивал с большим знанием дела. «То, что сразу бросалось в глаза, — вспоминал Е. М. Сузюмов, — его эрудиция, высокая культура» [13]. Признание высокого авторитета руководителя советской делегации сказалось в решении конгресса: в числе трех новых членов он был избран в Совет Тихоокеанской ассоциации. «На заключительном пленарном заседании А. А. Губер выступил с призывом к мирному сотрудничеству ученых всех стран в решении неотложных проблем Тихоокеанской области и использовании достижений науки на благо развития населяющих ее народов» [14, с. 9].

Личные контакты ученых способствовали лучшему ознакомлению с их научной деятельностью, облегчали общение ученых на международных форумах. В упрочении контактов ученых Востока и Запада, социалистических стран и капиталистических, научных связей между учеными иногда очень разных идейно-политических взглядов огромная заслуга А. А. Губера. Он принимал большое участие и в организации в 1960 г. XXV Международного конгресса востоковедов в Москве. Его солидный опыт участия в научных международных встречах был использован в полной мере. После конгресса президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов объявил А. А. Губеру благодарность за активную научно-организационную работу по подготовке и проведению этого конгресса. Московский конгресс востоковедов имел большой успех. Тому можно привести много свидетельств. Вот, например, мнение английского ученого Сейнера: «Наша работа здесь была действительно очень успешной... Конгресс был не только успешным, но и приятным в результате его блестящей организации нашими гостеприимными хозяевами» [1, с. 220].

Приближалось открытие XIII Международного конгресса

исторических наук в Москве, все больше времени у А. А. Губера поглощала его подготовка: он был председателем организационного комитета и входил в редакционную коллегию сборников статей, которые к XIII конгрессу совместно готовили советские и французские историки. Как председатель Национального комитета историков СССР он уделял внимание и другим международным встречам: принимал участие в 3-й встрече советских и итальянских историков, которая состоялась в Москве в 1968 г.; возглавил с советской стороны 4-й итало-советский диалог историков в Риме в 1969 г.; был руководителем делегации на 4-й советско-французской конференции историков в Ереване (ноябрь 1969 г.).

Ассамблея Международного комитета исторических наук, собравшаяся перед открытием конгресса, избрала нового президента. Им стал академик А. А. Губер, до того бывший вице-президентом Международного комитета исторических наук. Это было признание больших научных заслуг ученого. Это было признание советской исторической науки, которую с таким достоинством представлял А. А. Губер на международных форумах.

XIII конгресс исторических наук стал крупным событием. Непосредственная роль А. А. Губера в его организации, в его идейно-творческом направлении огромна. Профессор П. Арсен в заключительном слове назвал А. А. Губера «душой конгресса» [15, с. 252]. Он отметил его неутомимость, неустанную заботу обо всем и обо всех, а также то, что председатель оргкомитета свободно владел многими языками делегатов конгресса, и это повышало среди гостей и без того высокий авторитет советского ученого. «Ваша доброжелательность, Ваша ученость, обаяние Вашей личности, — сказал П. Арсен, обращаясь к А. А. Губеру, — побеждали все трудности» [15, с. 252]. Оживленные дискуссии на конгрессе носили иногда острый характер, но проходили в деловой, по определению Губера, «академической» обстановке. По-прежнему идейно-методологические подходы историков-марксистов и историков-немарксистов были непримиримы, но вместе с тем «отчетливо выступала возможность совместно разрабатывать конкретные исторические проблемы» [15, с. 249].

Доклады, которые делал А. А. Губер на международных конгрессах, являли собой образец исторического исследования ученого-марксиста («Филиппинская республика 1898 года», 1954 г., XXIII Международный конгресс востоковедов; «К вопросу об особенностях формирования классов в колониальной Индонезии», 1957 г., XXIV Международный конгресс востоковедов; «Некоторые особенности экономического развития тихоокеанских стран», 1961 г., X Тихоокеанский конгресс; «Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX веке», совместно с А. Ф. Миллером, 1965 г., XII Международный конгресс исторических наук).

С большой ответственностью Губер относился к международным научным встречам, всегда тщательно готовился к своим докладам и сообщениям, выступал пропагандистом советской исторической науки. Он с блеском выполнял организаторские функции, когда ему приходилось возглавлять делегацию или быть председателем научного заседания или конгресса.

Велико значение А. А. Губера в создании и подготовке кадров востоковедов в нашей стране. Он участвовал в создании буквально всех учебников и учебных пособий по истории стран Востока для вузов. Подлинно научный анализ материалов — архивных источников, монографий, прессы — обеспечил разделам, написанным Губером, долгую жизнь.

Когда на счету ученого уже было несколько изданий учебников для вузов, он пришел к мнению: «Никакие учебники не могут поспевать за бурным развитием науки» [11, с. 88]. Выходом представлялось ему изучение студентами монографий: «Надо смелее вводить в учебный процесс то новое, что получено нашей наукой» [11, с. 88]. Заслуживает внимания и сегодня предложение Губера, долженствующее, по его мнению, повысить качество преподавания истории в вузе: «Известно, например, что нагрузка преподавателей вуза велика и вести одновременно научно-исследовательскую работу преподавателю трудно. Можно было бы включать на какой-то год преподавания доцента, профессора в работу научно-исследовательского института по своей специальности, полностью освобождая его при этом от педагогической нагрузки. И наоборот, занимающихся рассмотрением научных проблем истории, не забывших, как ее преподают, следовало бы включать на какое-то время в преподавательскую деятельность. Следовало бы также посылать специалистов, скажем, из Института народов Азии не в московские или ленинградские университеты, где в кадрах не так нуждаются, а в какой-либо периферийный вуз» [11, с. 88].

С огромным вниманием Александр Андреевич относился к научной работе студентов. Даже в более поздние времена, будучи академиком, обремененный большой научной и общественной работой, ученый никогда не отказывался от руководства дипломными работами студентов. Он интересовался и курсовыми работами, этой первой пробой пера студента, ценил любое проявление научного творчества. «Я не знаю ни одной диссертации московских аспирантов, где не было бы для меня вещей новых и ценных, — говорил он. — Всякая диссертация должна быть каким-то вкладом, даже дипломные работы студентов в условиях Московского университета сплошь да рядом вносят небольшой марксистский вклад в понимание той или иной проблемы» [2, л. 168об.].

Особую ответственность чувствовал А. А. Губер при руководстве аспирантами. Он был добрым и отзывчивым человеком, но, когда дело касалось разработки научной проблемы, стано-

вился требовательным, взыскательным, не делал скидок на молодость.

Теперь уже невозможно назвать точную цифру диссертаций, которые рецензировал проф. Губер, выступая на их защите в качестве официального оппонента, но известно, что за всю научную жизнь он руководил более чем ста аспирантами. Какое же огромное время занимала у него эта часть педагогической работы! Александр Андреевич смело привлекал своих учеников — молодых ученых к совместной разработке научных проблем. Марксистско-ленинское теоретическое осмысление исторического процесса в его развитии всегда было у А. А. Губера главным требованием, которое он предъявлял к исследователю [7]. Последний должен иметь острый политический подход, неуклонно разоблачать любую фальсификацию истории.

«Всякое историческое исследование должно быть конкретным, оно должно основываться на фактах. Оно должно последовательно и систематически излагать ход исторического процесса» — таково было одно из основных требований ученого [8]. Чем большее количество фактов освещает историческое явление, чем они разнообразнее, тем больше возможности для ученого рассмотреть его всесторонне, не оставляя ни одной грани, ни одного затемненного пятна на поверхности исследуемого события. Подчеркивая великое значение изучения фактов для исследования, А. А. Губер не устал напоминать, что незнание фактов приводит к неправильным выводам. Он всегда относился отрицательно к теориям и концепциям, если они не были подкреплены фактическим материалом. Он говорил, что ученый может выдвигать новое положение только тогда, когда в состоянии подкрепить его бесспорными доказательствами [4, с. 481]. Уже после его смерти, в 1972 г., в русском издании вышла книга Т. Хейердала «Экспедиция „Кон-Тики“ — „Ра“», к которой Губер написал послесловие. С одобрением ученый отметил особенность научной борьбы Т. Хейердала: «Критике своих противников он неуклонно стремится противопоставить новые фактические доказательства» [4, с. 479]. Это дало повод ученому лишней раз подчеркнуть, что только глубокий анализ фактов обеспечивает убедительность доводов.

Исследователь должен в своей работе использовать все доступные ему источники, как опубликованные, так и обнаруженные им в архивах, мемуары, рассказы непосредственных участников и свидетелей событий. Он должен изучить все, что написано его предшественниками. «Внимательное отношение к своим предшественникам, уважение к трудам, даже в тех случаях, когда их авторы по разным причинам не могли использовать всех тех источников, которые привлек он, всегда подкупает. Серьезному ученому нет нужды становиться в позу первооткрывателя, ибо сам труд его является лучшим доказательством, что подлинно новое внесено им в разработку проблемы» [7]. Тща-

тельный сбор материалов, сжатое и ясное изложение своих мыслей Губер считал несомненным достоинством исследования.

Ученый-востоковед, он неоднократно подчеркивал значение Востока для современной истории человечества и убедительно доказывал необходимость изучения стран Востока в рамках всеобщей истории. Неоднократно приходилось слышать от Александра Андреевича о той великой задаче, которая стоит перед историками, — создании всеобщей истории человечества, отражающей единый мировой процесс. А. А. Губер был всегда убежден в необходимости изучения страны в ее взаимоотношениях с другими странами, в сложном комплексе государственного, экономического, общественного и культурного развития.

С точки зрения Губера, исторический процесс многообразен. Чтобы хорошо понимать его, историк должен ясно представлять, как наряду с социально-экономическими процессами развивались культура, политика, идеология. Так, касаясь исследования проблем в области культуры, он неизменно настаивал, чтобы их рассмотрение было связано с процессами социально-экономического развития [5]. Литературовед должен быть эрудирован не только в вопросах литературы, но и в вопросах истории [6]. Востоковед должен знать язык изучаемой страны: «Подготовка всесторонне образованных ученых-языковедов является важнейшим условием дальнейшего развития истории Востока» [3, с. 96]. Эту свою мысль ученый не устал защищать.

Представляет несомненный интерес мнение А. А. Губера о влиянии идей на общий ход исторического процесса. Он считал важным всегда четко представлять историческую обстановку, в которой возникли и эволюционировали идеи. Если он, например, изучает исландское развитие ислама в одной стране, то он должен его рассматривать в связи со схожими процессами в других странах; не меньшее значение представляет выяснение связи и противоречий идейных течений (для Индии, например, мусульманских и индуистских) в различные периоды истории. А. А. Губер видел особую ценность в исследовании мусульманских идейных течений у различных слоев мусульманского населения.

Чем разнообразнее источники, чем больше их, тем лучше историк понимает события. Губер всемерно содействовал выявлению материалов и документов, которые проливали новый свет на историю Юго-Восточной Азии. Под его редакцией были подготовлены и изданы документы и материалы советских архивов по странам ЮВА в трех томах. Первый том вышел под названием «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII—60-е годы XIX в.)», второй том (в двух книгах) носил название: «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917)». Ответственным редактором издания был А. А. Губер, им было написано предисловие к каждому тому.

В основном это были донесения царских дипломатов правительству. Долгое время Россия не была заинтересована ни в столь отдаленных территориях, ни в экономических связях с ними, не имела «никаких специфически колониальных интересов». Это накладывало отпечаток объективности на те донесения, которые писали послы и сотрудники посольств. Губер высоко оценивал эти материалы. Он писал: «Нескованные в отношении стран Юго-Восточной Азии ни скрытыми политическими намерениями, ни прямой тенденциозностью, дипломатические представители России, несмотря на свою классовую ограниченность, имели возможность освещать происходившие там события в относительно более беспристрастных тонах и давать им более трезвые и откровенные оценки» [9, с. 12]. А. А. Губер видел научную ценность материалов русских архивов в том, что они позволяли уяснить «конкретные особенности колониальной политики различных держав в эпоху победы и утверждения капитализма» [9, с. 12].

Обращался А. А. Губер и к проблеме актуальности. «Было бы в высшей степени неправильным, если бы мы установили хронологические рамки актуальности, — говорил он. — У нас часто вульгарно понимают актуальность темы, если она относится к новому или новейшему периоду. Если она относится к средним векам или к древней, не дай бог, истории, — это неактуально, уход в академизм и т. д. В том и другом случае проблемы могут быть актуальными и неактуальными. Критерий должен быть основной: в какой мере разработка той или иной проблемы, помогая пониманию общих закономерностей и процессов в развитии колониальных стран на любом этапе, отвечает нашим требованиям борьбы с империалистическим режимом, в какой мере средневековая или древняя тема раскрывает необходимые для понимания современности задачи и проблемы» [2, л. 166об.—167].

А. А. Губер в своих работах расширял круг материалов, которые позволяли лучше и полнее уяснять исторический процесс. Художественные произведения отражают историческую действительность; по убеждению ученого, романы Хосе Рисаля ярко показывают историческую обстановку на Филиппинах в конце XIX в.

Обобщение в науке не означает абстракции. А. А. Губер не удовлетворялся, когда характеризовали исторического деятеля, указывая только на его принадлежность к какому-нибудь классу или слою общества. Он требовал раскрывать его человеческие черты, его индивидуальные качества.

Многообразен исторический процесс, сложен и его творец — человек. Историю делает народ, а народ — это не сумма отдельных индивидуумов, а всегда трудный в постижении организм.

Научно-организаторская деятельность А. А. Губера заслуживает не только большого признания и уважения. Она достойна

изучения, как и его взгляды на формы международного сотрудничества ученых, на методы исторического исследования, на воспитание научной смены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафуров Б. Г. Международный форум ориенталистов.— «Вопросы истории». М., 1960, № 11.
2. Губер А. А. Выступление на объединенном заседании кафедр...— Архив МГУ, ф. 9, оп. 8, ед. хр. 137.
3. Губер А. А. 25 лет изучения стран Востока в СССР.— «Исторический журнал». М., 1942, № 10.
4. Губер А. Классика путешествий и открытий. Послесловие.— Тур Хейердал. Экспедиция «Кон-Тики» — «Ра». М., 1972.
5. Губер А. А. Отзыв на диссертацию В. В. Сикорского «К вопросу об истории становления современной индонезийской литературы». Рукопись. М., 1962.
6. Губер А. А. Отзыв на диссертацию Н. И. Никулина «Творчество Нгуен Зу». Рукопись. М., 1961.
7. Губер А. А. Отзыв на диссертацию Б. Ширендыба «История Монгольской народной революции 1921 г.». Рукопись. М., 1960.
8. Губер А. А. Отзыв на диссертацию М. Ф. Юрьева «Революция 1925—1927 гг. в Китае». Рукопись. М., 1972.
9. Губер А. А. Предисловие.— Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII—60-е годы XIX в.). М., 1962.
10. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения, 1917—1967. М., 1970.
11. Обсуждение в Институте восточных языков вопроса о преподавании истории стран Азии и Африки. Изложение А. Г. Гавриловой.— «Народы Азии и Африки». М., 1966, № 5.
12. Пленум Национального комитета историков СССР.— «Новая и новейшая история». М., 1957, № 1.
13. Сузюмов Е. М. Воспоминания об А. А. Губере. Запись Е. И. Гневушевой. Личный архив.
14. Сузюмов Е. М. Проблемы Тихоокеанской области и международное сотрудничество ученых (К итогам XI Тихоокеанского конгресса).— «Вестник АН СССР». М., 1967, № 1.
15. XIII Международный конгресс исторических наук... Доклады конгресса. Т. 1. Ч. 7. М., 1974.

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЮВА

А. И. Ионова

ИСЛАМ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
(на материалах Индонезии, Сингапура, Малайзии)

Понимание того, что выход на рубежи современного прогресса немислим без преобразования как экономики, общественных устоев, так и сферы массового сознания, делает проблему освоения культурных достижений человечества, «духовной революции» и формирования «нового человека» одной из актуальнейших и острейших в жизни развивающихся стран. В каком направлении и каким образом эта проблема решается — во многом зависит от уровня общественно-экономической активности, от политической ориентации правящих кругов и характера их социальной базы, наконец, от исторического наследия. Немаловажным компонентом такого наследия остается религия, чье воздействие на умы и души значительной части населения афро-азиатского мира все еще велико. Инерция религиозной традиции и связанных с нею форм мировосприятия и психологии не просто тормозит движение вперед. Порой она способна вызвать временный отход от достигнутого. Регрессивный потенциал религиозной традиции обусловлен идеализацией норм далекого прошлого, запечатленных в установлениях вероучения и культа, тем, что освящение и консервация таких норм остаются основой основ всей конфессиональной деятельности. Однако различные классы и социальные прослойки нынешнего многоукладного общества развивающихся стран обнаруживают разное отношение к религии. Апелляция к ней не означает, как правило, сходство целей и единство устремлений. Под внешне религиозно-традиционной формой порой проступает так или иначе сориентированное на приспособление к современным условиям содержание. Под апелляцией к религии могут таиться и своекорыстная защита классовых интересов эксплуататорскими верхами, и социальный протест эксплуатируемых масс. Налицо, таким образом, неоднозначное отношение как к самой религиозной традиции, так и к ее использованию в практических целях.

По справедливому замечанию Л. Р. Полонской, в настоящее время ситуация на зарубежном Востоке такова, что «осмысленные обыденным массовым сознанием социальных и политических сдвигов зачастую происходит в привычных религиозных образах и символах, и на психологии тех общественных групп, которые освобождаются от традиционной догматики, нередко нарастает новый религиозный идеологический слой» [13, с. 243]. Подобная трансформация — результат не только субъективного преломления в умах верующих объективных перемен в окружающем мире, но также итог целенаправленной пропагандистской работы, осуществляемой правительственными учреждениями, различными конфессиональными организациями.

Советскими учеными много сделано для исследования базиса и соответствующего ему уровня массового сознания в развивающихся странах. Менее изучен вопрос о ведущих направлениях религиозно-пропагандистского воздействия на это сознание, об установках и механизме отработки новых стереотипов мировосприятия и психологии. Настоящая статья представляет собой попытку несколько восполнить этот пробел с помощью анализа ситуации в мусульманских общинах Индонезии, Малайзии и Сингапура. В качестве источников использованы, во-первых, материалы социологических и этнографических наблюдений над жизнью местных мусульман, во-вторых, пропагандистские выступления индонезийских, малайзийских и сингапурских идеологов, где обрисовывается идеал «нового человека» или же новым содержанием наполняются унаследованные от прошлого стереотипы мышления и поведения.

Систематизация подобных данных подтверждает прежде всего существование немалых различий в духовно-психологическом микроклимате мусульманских общин, живущих в мире как добуржуазных устоев и представлений, так и разных стадий генезиса капитализма. Благодаря работам английского этнографа Т. Харрисона (в Сараваке), его соотечественника — социолога Дж. Пикока (в Индонезии, Малайзии, Сингапуре), американских социологов К. Гиртца и Р. Джея (в Индонезии) можно выявить специфику религиозно-ценностных установок докапиталистических укладов и при капитализме. В общинах традиционного типа передача социального опыта идет главным образом через тщательно сохраняемые устои жизни предшествующего поколения. Если перемены и происходят, то не столько в силу осознания их необходимости, сколько из-за объективной невозможности сохранять все по-старому. Привязанность к традиции и нежелание без особых на то причин порывать с нею сочетаются у верующих мусульман с отсутствием забот о будущем (едва ли не единственная из них — намерение совершить хадж, предписанное исламом паломничество в Мекку), с ограничением трудовой активности в пределах удовлетворения насущных потребностей [18, с. 213]. Представления о вероучении и культе на

массовом уровне весьма отрывочны, ограничены и примитивны. Чтобы считаться мусульманином, порой достаточно не употребить алкоголя, не есть свинины и время от времени молиться, причем индивидуальная молитва далеко не столь престижна, как организация коллективных ритуальных торжеств (сламетанов). Помимо религиозных поводов, связанных с мусульманскими празднествами и знаменательными датами, устройство таких торжеств вызывается и другими — событиями семейной жизни (свадьба, рождение ребенка и т. д.), ритуалом, сопутствующим циклу сельскохозяйственных работ и т. п. Среди участников сламетанов — члены родственной группы, происходящей от одного предка; все они поддерживают культ последнего, причем центральная фигура отнюдь не представитель мусульманского духовного сословия, а шаман («дукун», «бахаса»). Говоря о явном несоответствии подобной социокультурной ориентации запросам современной жизни, видный индонезийский ученый Кунчаранинград подчеркивал, что попытка перестройки микроклимата в общностях, где господствуют традиционно-религиозные устои, обречена на неудачу, если не будет принята во внимание система социального функционирования самой традиции [23, с. 67]. И действительно, «коллективистский» характер культовой практики не может рассматриваться вне обычаев патриархально-общинной взаимопомощи и взаимовыручки, воспроизводство устоявшихся норм жизни и представлений — вне всего архаичного способа производства, власть над умами верующих таклида (т. е. принципа неукоснительного следования религиозным авторитетам) — вне учета строгой регламентации межличностных отношений и доминирования в конечном счете авторитарного метода регуляции общественной жизни¹.

Однако подобный образ жизни и сопутствующий ему духовно-психологический микроклимат в целом имеют второстепенное значение для мусульманской активности в современной Индонезии, Малайзии, не говоря уже о Сингапуре. Они сохраняются лишь в самых глухих и отсталых местностях. И все же традиционно-религиозные представления далеко не изжиты там, где идет становление и вызревание буржуазных устоев (подробнее см. [11, с. 62—63; 9, с. 137—141]).

¹ Фиксируя живучесть традиционно-авторитарного метода такой регуляции в современной сунданской деревне, американский социолог К. Д. Джексон отмечал, что при этом весьма велика роль личного престижа, поддерживаемого способностью дать нужный совет, оказать финансовое содействие, быть в глазах односельчан «провидцем, защитником, наставником», являться для них «отцом» (по-индонезийски — «бапаком»). Переходя из поколения в поколение, система бапакизма отличается прочностью и известной устойчивостью, будучи в то же время оплотом сохранения традиционных отношений и связанного с ними типа представлений. Один из немаловажных компонентов бапакизма — понятие о моральном долге («хутанг буди») «отцов» и «детей». И ныне оно оказывается более действенным средством политической мобилизации масс в сунданской деревне, чем современные идеологические установки [20, с. 186, 276].

Ряд исследователей (К. Гиртц, Р. Джей, Дж. Пикок, Б. А. Р. Мокхзани) отмечали, что в городах модернизация мировосприятия и морально-ценностных установок в мусульманской среде идет быстрее, чем в сельских районах. Это обстоятельство связывалось с более высокой степенью приобщения к «современной коммерческой активности» и товарно-денежным отношениям, с лучшей постановкой школьного образования и массовой информации по линии соответствующих правительственных учреждений [26, с. 38, 44]. По заключению Мокхзани, молодое поколение более восприимчиво к новым веяниям, что порождает напряженность в отношении между родителями и детьми. Тем не менее забота о будущем детей, а стало быть, семьи вынуждает родителей думать о том, чтобы их наследники получали современное образование и необходимые профессиональные навыки. Малайзийские горожане-мусульмане, принадлежащие к «среднему классу», на первое место ставят учебу не в религиозных, а в государственных светских школах [26, с. 44]. Аналогичные явления отмечаются также в Индонезии и Сингапуре. Примечательна тенденция к сокращению расходов на религиозные церемонии и упрощению культа. Говоря о своеобразном течении «мусульманского пуританизма», Дж. Пикок подчеркнул, что сторонниками последнего становятся по преимуществу люди с образованием, а также участники объединений, созданных исламскими реформаторами. По заключению этого исследователя, деятельность последних неотделима от развития капиталистического предпринимательства в мусульманской среде, от проявления прозападных и модернизаторских тенденций. На уровне же массового сознания разница между реформаторским и традиционалистским типами мировосприятия проявляется в том, что сторонники первого не столь рьяно либо вовсе не поклоняются священным реликвиям, не верят в пришествие мессии, в духов и т. п., чаще отвергают ритуалы, призванные повлиять на собственную судьбу через потусторонние силы, наконец, сламетанам предпочитают регулярное совершение ежедневной пятикратной молитвы [28, с. 41—42, 50].

По наблюдениям Пикока, наибольшим уважением в реформаторской среде пользуются обладатели отнюдь не аристократических и духовных исламских титулов, а званий, полученных в результате учебы или занимаемой должности. Житейские и государственные дела, а также исторические события привлекают больше внимания, чем мифы, предания, связанные с ними ритуалы и узаконенные обычаи церемонии. Земная жизнь рассматривается как проявление божьего промысла и подготовка к «небесному» существованию, причем весь жизненный цикл воспринимается в виде целенаправленного движения по стезе прогресса. Детей сравнительно рано приучают к самостоятельности, к повиновению и инициативности одновременно. Игрушки покупаются с расчетом на развитие коммерческих наклонностей

или технического мышления. Учеба сочетается с участием в реформаторском молодежном движении. Для зрелого возраста характерны предпочтение бизнеса государственной службе, заинтересованность в результативности своего труда. Раньше начинается трудовая активность, выше возраст вступления в брак. Вместе с тем в реформаторски настроенных слоях населения ослабевают внутрисемейные контакты, меньшее значение придается соседским и земляческим, а также этническим связям. Установление хороших деловых и служебных отношений получает приоритет над заботой о поддержании дружбы. Главный упор делают на работе и учебе, а не на общении с окружающими. Планы на будущее строят, исходя в первую очередь из собственных намерений, а не из учета мнений родственников, соседей, ровесников и особенно старших. Примечательны нетерпимое отношение к вмешательству со стороны, предприимчивость, мобильность, когда появляется возможность осуществить прибыльную сделку.

Применительно к индонезийским реформаторам Пикок счел возможным отметить и то, что они не разделяют традиционного взгляда на женщину как на существо, чье положение в обществе несравненно ниже соответствующего статуса мужчины. Участие женщин в общественной и религиозной деятельности не только допускается, но и поощряется. Нередки случаи обращения мужа за советом к жене [28, с. 108—111]. Между тем традиция принижения социального статуса женщины стойко держится среди мусульман Сингапура, усвоивших, по наблюдениям Пикока, в гораздо большей степени по сравнению с индонезийскими реформаторами «протестантские» методы религиозной практики. В рамках этой практики молитва совершается чаще по желанию, а не в соответствии с установленными часами. Не наблюдается должной пунктуальности в соблюдении прочих предписаний ислама. Вместе с тем стойко держится традиция почитания сейидов (потомков пророка Мухаммеда), что, по мнению Пикока, есть результат воздействия на сингапурских мусульман представителей местной арабской колонии, а также выходцев из Пакистана [28, с. 154].

В Малайзии (здесь главным объектом исследования был штат Кедах) реформаторский тип мировосприятия и психологии менее привился в исламской среде, чем в Индонезии и Сингапуре. Этот вывод подтверждается не только опросом кедахских мусульман об их отношении к таклиду и иджтихаду², но также рядом бытовых деталей. Среди последних — сравнительно позднее прививание детям гигиенических и прочих навыков, необходимых для самообслуживания, меньшая мобильность, даже когда есть возможность получить выгодную работу или же извлечь

² Иджтихад — исламский принцип самостоятельных суждений в пределах Корана и сунны (собрания хадисов — преданий об изречениях и поступках пророка Мухаммеда).

прибыль. Юноши из мусульманских семей Кедах позже, чем их сингапурские сверстники, покидают родительский кров и начинают самостоятельную трудовую жизнь, раньше женятся, и притом преимущественно по выбору родителей. С ними же в большинстве случаев остаются жить молодые семьи. (Правда, социальный статус кедахской мусульманки в целом выше, чем сингапурской.) И все же налицо факты, свидетельствующие о модернизации духовно-психологического настроения части мусульман Кедах. Среди таких свидетельств — разделение сфер жизненной и трудовой активности, а также планирование той и другой, учащающееся желание принять смерть «вблизи бога», а не родственников и друзей, что, по мнению Пикока, говорит о пренебрежении традиционными формами и способами общения [28, с. 180—186]. Главное же, что характеризует реформаторскую модернизацию психологии и морально-ценностных установок мусульман, полагает этот исследователь, это рационализация, стимулируемая развитием капитализма [28, с. 187, 195]. Такое развитие, в свою очередь, дает импульс формированию индивидуалистских устремлений. Один из важных рычагов подобной перестройки Пикок усматривает в приверженности принципу иджтихада [28, с. 187]. И такая точка зрения имеет под собой определенную основу: если таклид освящал повторяемость устоявшихся норм и традиций во всей их целостности, то иджтихад допускал возможность вариантов, что и открывало простор для осовременивания ислама, для модернизации общего микроклимата в мусульманской среде.

Между тем яванские наблюдения К. Гиртца и Р. Джея привели их к выводу о том, что реформаторское воздействие на массовое сознание неоднородно. Многие зависят от того, от кого это воздействие исходит: от прозападно настроенной буржуазии, главным образом городской, или же от сельской, настроенной более консервативно в отношении религиозно-традиционного наследия. Если представители первой преобладают в рядах тех, кто отождествляет вестернизацию с модернизацией и наоборот, то глашатаи и популяризаторы ценностных установок второй тяготеют к «арабскому стилю». В обоих случаях происходит отрыв от местной народной культуры, которой чужда буржуазная цивилизация Запада с ее духовной опустошенностью, культом наживы и чистогана и для которой неприемлемы стародавние нормы быта арабов. Сельские торговцы и разбогатевшие крестьяне, писал Гиртц, считают себя «истинными мусульманами». Остальные же односельчане называют их «яванскими арабами» [16, с. 123]. Джей отметил, что моральные устои деревенских богатеев при всей их показной «ортодоксальности» крайне низки. Хранительницей лучших народных традиций, традиций самоуважения и взаимопомощи, моральной чистоты предстала в его описании бедняцкая прослойка крестьянства [21, с. 53]. Обратив внимание на «враждебность к ис-

ламу многих рабочих», Гиртц увидел причину в том, что мусульманские верхи современной Индонезии представляют «средний класс», т. е. буржуазию, которая, в свою очередь, придерживается «правой политической ориентации» [16, с. 172]. Общая же тенденция такова, что ширятся расхождения между культурными и морально-ценностными установками индонезийских мусульман, входящих в разные слои общества. Главное же, подчеркивали и Гиртц и Джей, различия в характере религиозного мировосприятия все более получают политическую окраску, а сама исламская община все явственнее становится ареной социальных конфликтов³.

Аналогичные явления были зафиксированы в современной Малайзии английским социологом К. Кесслером и его соотечественником — политологом М. Лайоном, а применительно ко всем странам Юго-Восточной Азии — американским исследователем Ф. Р. фон Мехденом. На материалах обследования, проведенного в малайзийском штате Келантан, Кесслер показал, что антиэксплуататорские настроения местного крестьянства способны отлиться в религиозную форму. При этом выступления против феодалов, разбогатевших землевладельцев, ростовщиков, торговцев и всех тех, кто пренебрегал крестьянскими интересами и чаяниями, получили религиозно-этическое обоснование как борьба за торжество истинно исламских принципов. Главным из них был провозглашен принцип подлинного благочестия — «акал», согласно которому общественные интересы должны быть предпочтительнее личных. Те, кто ставил на первый план сугубо индивидуальные устремления, объявлялись вероотступниками, впадшими в грех — «нафсу», т. е. в эгоистическое безразличие к благополучию остальных членов общества. Лиц, поддавшихся «нафсу», именовали «думающими лишь о собственном желудке», «спящими во мраке». Всем им и их порокам объявлялась «священная война» — джихад. Целью такой войны провозглашалось восстановление справедливости в обществе и торжество истинной морали над сугубо материальными устремлениями [22, с. 246, 248]. Исходя из этого, Кесслер заключил, что не может быть и речи о едином мировосприятии в рядах приверженцев ислама, что в каждом конкретном случае оно корректируется социальным опытом [22, с. 251].

Между тем Мехден отметил, что крестьянские и прочие проявления социального протеста под видом призывов к реставрации раннемусульманских порядков и установлений в настоящее время, особенно после событий в Иране, привлекают пристальное внимание и все чаще пользуются поддержкой со стороны

³ «Вопреки некоторым теоретикам, — заключает Гиртц, — религия играет не только объединяющую, способствующую созданию социальной гармонии роль в обществе, но и разъединяющую, отражая тем самым соотношение между центробежными и центростремительными силами социальной системы» [16, с. 355].

молодого поколения интеллигенции. Основное в деятельности лидеров этой молодежи, нередко получивших образование в странах капиталистического Запада, — атаки на «западный образ жизни», на «аморальность, империализм и материализм», на «вестернизацию» как таковую. Отвергаются и марксизм, и буржуазные доктрины модернизации, в основу всего кладется призыв к созданию общества, где торжествуют предписания Корана и сунны, где все члены руководствуются «исламскими ценностями» [25, с. 553].

В конце 70-х годов М. Лайон зафиксировал факт создания молодежной коммуны недалеко от Куала-Лумпура, столицы Малайзии. Участники этого объединения носят арабские одежды и пытаются подражать жизни пророка Мухаммеда, особенно тех времен, когда тот прибегнул к хиджре⁴ [24, с. 37].

Таким образом, материалы социологических и этнографических полевых исследований, которые были осуществлены в современной Индонезии, Малайзии и Сингапуре, свидетельствуют о том, что духовно-психологический настрой в местных мусульманских общинах отнюдь не единообразен. Представления религиозно-традиционного типа еще господствуют в мире докапиталистических отношений и далеко не изжиты там, где вырывает капитализм. При этом зона воздействия таких представлений на верующие массы убывает далеко не в прямой зависимости от того, как быстро ослабевают и рушатся добуржуазные устои. Причина такой диспропорции не только в силе инерции традиционно-ценностных установок в рамках религиозного мировосприятия, но и в том, что их живучесть поддерживается спецификой развития капитализма на зарубежном Востоке с его многоукладностью и соответствующей пестротой социального облика местного общества (подробнее см. [11, с. 62—63]). Подобная диспропорция сознательно и целенаправленно стимулируется отдельными буржуазными группировками. Естествен, однако, вопрос: каков подлинный смысл этой апелляции к религиозному наследию, носит ли она формальный или же сущностный характер (см. [10])? Немаловажно уяснить также и то, как соотносится обращение к традиции с тенденцией ее модернизации в рамках нынешней религиозно-пропагандистской обработки массового сознания.

Между тем анализ идеологических установок ведущих исламских лидеров и теоретиков Индонезии, Малайзии и Сингапура свидетельствует в пользу того, что доминирующей является тенденция осовременивания стереотипов духовно-психологического настроения верующих. Таков итог поисков путей приспособления к меняющимся условиям жизни, к сдвигам в образе жиз-

⁴ В мусульманском предании хиджрой называют события, связанные с переселением пророка Мухаммеда и его соратников из Мекки в Медину (622 г.) и обычно интерпретируемые как акт отречения от порочного и грешного мира, с тем чтобы собрать силы для борьбы за «торжество ислама».

ни тех или иных слоев мусульман. Одновременно это и результат попыток воспрепятствовать проникновению в исламскую общину ряда новых веяний, противопоставив им обновленную традицию, а через нее — привязанность к религии в целом. Но при этом сохраняются определенные различия в деятельности представителей разных социальных и политических сил, прежде всего буржуазных либералов прозападного толка, консерваторов из буржуазно-помещичьих группировок и примкнувших к ним мелкобуржуазных слоев, а также мелкобуржуазных защитников мусульманских низов.

Наиболее решительно и открыто ополчаются на те пережитки традиционно-религиозного сознания, которые препятствуют ускоренному преодолению отсталости в русле капиталистической «стратегии развития», либералы. Индонезиец Бахрум Ранкути считает, например, устаревшими такие традиционно-мусульманские добродетели, как терпение и смирение, обычай содержания родственников жены, весь патриархальный быт с его замедленным ходом жизни и «пустой тратой времени» [17]. Антифеодалные выпады наиболее резки в выступлениях малайзийских и сингапурских буржуазных теоретиков. Но в Малайзии, где ряд прав и привилегий местной аристократии находится под охраной закона и где открытое их осуждение рискует быть официально признанным «антиконституционной» акцией, критика феодально-традиционных жизненных стереотипов ведется в виде популяризации добродетелей, приписываемых пророку Мухаммеду. Он объявляется борцом с «нищетой духа» и олицетворением «духовных богатств». Наряду с решимостью воссоздать величие ислама в разряд мусульманских ценностей зачисляются умение рационально мыслить, проявлять инициативу, стремление к самоусовершенствованию, уверенность в собственных силах, умение ценить время и знать цену деньгам [29, с. 356]. В Сингапуре же, где, как и в Индонезии, на очереди стоит борьба не столько с феодально-патриархальным укладом жизни, сколько с его пережитками в массовом сознании, буржуазные сторонники вестернизации открыто ополчаются на наследие докапиталистического прошлого. Особенно много для его дискредитации сделал и делает видный сингапурский мусульманский деятель, социолог и публицист, проф. С. Х. Алатас. Острые своей критики он обращает на «бебализм». С этим понятием связывается такой тип мышления, который характеризуют бездумность, невосприимчивость к логике, равнодушие, пассивность [15, с. 31—32]. Именно эти качества, заявляет Алатас, присущи малайской аристократии, а также бюрократической элите, взявшей за образец стереотипы поведения и мышления феодально-традиционного типа [15, с. 21, 95]. Между тем именно они — одно из немаловажных препятствий на пути модернизации и общественного прогресса, которое нельзя преодолеть без рациональных изменений всего образа жизни, без пе-

ревода его на научную основу, без реформаторской трансформации самой религии [15, с. 94—96].

Индонезийские, малайзийские и сингапурские популяризаторы прозападной переориентации духовно-этических ценностей были довольно едины в отстаивании принципов буржуазного индивидуализма, в идеализации «делового человека», чья личная и предпринимательская инициатива не стеснена никакими препонами традиционно-религиозного свойства и тем более обязательствами перед менее удачливыми родственниками, соседями, прочими единоверцами. За то, чтобы в человеческих взаимоотношениях главными были интересы «дела», выступали индонезиец Вахид Хашим и малайзиец Заба. Первый мотивировал свою точку зрения тем, что «каждый человек волен иметь свои соображения и собственные права» (цит. по [14, с. 836]). Второй не только писал о том, что во исполнение воли божьей мусульманам нужно заботиться о средствах к существованию, о поддержании здоровья, о преодолении дурных страстей и т. д., но и давал конкретные рекомендации по накоплению богатств: советовал держать сбережения в банках, не влезать в долги к ростовщикам, не поддаваться уговорам домочадцев о приобретении вещей, в которых нет необходимости, не производить трат и покупок в расчете на еще не полученные доходы, самому вести все дела и т. д. [31, с. 150—153]. Основная же ставка делалась на то, чтобы внедрить в массовое сознание идеальный образ рачительного и трудолюбивого, инициативного и руководящегося здравым смыслом предпринимателя. Как его антипод изображался бедствующий тунеядец, растратчик своего достояния, пусть даже и во имя благочестивых целей (например, ради хаджа в Мекку). Большое место отводилось националистической пропаганде, в рамках которой гражданский долг, «долг перед нацией» фактически получал приоритет над сугубо конфессиональными обязанностями и узам, хотя немало говорилось о важности религиозной (мусульманской) мотивации государственных акций.

Национализм был неотъемлемой составной частью той агитации в массах, которую вели консервативно настроенные исламские лидеры, представлявшие буржуазно-помещичьи и примыкающие к ним мелкобуржуазные слои. Рекламируя свое «антизападничество», они выдвигали на первый план идею возрождения первоначальной чистоты вероучения. При этом порой на щит поднимался канонический постулат о халифате — всемусульманском государстве, а иногда (и чем далее, тем чаще) во главу всего ставился принцип суверенной, но «исламской» государственности. Однако в очень немногих случаях за таким традиционалистским по форме фасадом стояла открытая, как у прозападно настроенных либералов, пропаганда республиканства и парламентаризма. Чаще всего проводилась проповедь теократии (в ее олигархическом варианте — со стороны

представителей буржуазно-помещичьих группировок, в виде народовластия — со стороны мелкобуржуазных теоретиков), а также националистических устремлений.

Главное же отличие консервативно-мелкобуржуазной массовой пропаганды от буржуазной заключалось в выдвигании идеала не личности, а общества: объявлялся джихад во имя оздоровления социальных устоев путем реализации принципов исламской солидарности, братства, равенства и справедливости. Соответствующая апелляция к Корану и сунне в различных интерпретациях выглядела, однако, по-разному. В консервативно-мелкобуржуазной — как обоснование задач мирного преобразования общества с помощью мусульманских религиозно-этических установлений. Подобное обоснование учитывало психологию самих мелкобуржуазных слоев и моралистическую направленность духовного настроения народных масс, где этические проблемы, а также их религиозная мотивация занимали исключительно важное место. Между тем это не было чуждо и консервативно-буржуазной пропаганде. Но под прикрытием призывов к реставрации раннеисламского «братства и солидарности», а также стародавней практики взаимопомощи и семейной сплоченности там отрабатывались приближавшиеся по своей сути к патерналистским методам внедрения в массовое сознание идей гармонии труда и капитала. Популяризировался образ благочестивого и милосердного работодателя, отечески опекающего трудовой люд. А тот, в свою очередь, воспитывался в духе благодарности благодетелям — «бапакам», в духе повиновения и дисциплины, которые исключают саму возможность выступления «мусульман против мусульман».

Между тем конформистский характер такой пропаганды, особенно же фактическое узаконение и освящение с помощью ислама буржуазного правопорядка с его социальным неравенством и угнетением трудящихся, отнюдь не устраивал мелкобуржуазных радикалов, выступавших в защиту эксплуатируемых мусульманских низов. Эти выступления базировались на таком обращении к раннеисламской традиции и местным обычаям, которое использовалось затем для обличения эксплуататорских верхов в злонамеренном и своекорыстном использовании религии, с одной стороны, и для пробуждения в массах духа социального протеста — с другой. В обоих случаях делалась ставка на идеализацию «справедливых» порядков времен пророка Мухаммеда, на возвеличение личности «борца за веру» — муджахида, на призыв к «священной войне» против несправедливости в современном обществе, на истолкование хиджры как вдохновляющего примера отмежевания от всех зол и грехов мира во имя их последующего уничтожения, на проповедь чистоты и простоты нравов, на осуждение роскоши и противопоставление ей идеалов «скромной жизни». Отражая отдельные иллюзии и утопии мелкобуржуазного сознания, такая постанов-

ка вопроса учитывала и некоторые черты психологии широких слоев верующих. Так, им неизменно импонировал тезис о приоритете «божьей» справедливости над людской. И притягательность этой идеи росла по мере крушения надежд на всеобщее процветание, якобы автоматически наступающее после низвержения колониального гнета. Кроме того, мусульманские низы не могли воспринять нормы нравственности вне религии, а борьбу за торжество справедливости — вне освящения ее исламом.

Между тем попытки практического осуществления традиционнорелигиозных социальных и этических установок совершали лишь мелкобуржуазные защитники этих низов. Пример тому — действия Кахара Музаккара и его приверженцев, возглавивших дарульисламистский мятеж на юге Сулавеси в 1950—1965 гг. 1 марта 1955 г. было объявлено там началом «духовной революции»: в следующие шесть месяцев населению предписывалось сдать в общий фонд не только драгоценности, но и излишнюю одежду. Порицалось греховное стремление к роскоши, в связи с чем предлагалось не приобретать золота, драгоценностей, шелка, губной помады, пудры, не покупать сыра, кондитерских изделий, шоколада и т. д., осуждалось намерение обзавестись крупной собственностью или же феодальными титулами. Восстанавливалось действие раннеисламских норм помощи жертвам «священной войны» — сиротам, вдовам, инвалидам, а также шариатских наказаний за уголовные преступления [19, с. 259—260].

Тем временем и либеральные и консервативные буржуазные группировки ограничивались декларативными изъявлениями верности мусульманской традиции. Но во всех без исключения случаях проявлялся избирательно-прагматический подход к отдельным ее элементам, именно к тем, на которые способно откликаться массовое сознание.

Не будучи, таким образом, внутренне однородной, преломляя в себе разные классово-политические устремления, исламская пропаганда включала ряд общих для всех ее направлений компонентов. Прежде всего она неизменно исходила из теоцентристской установки, из явного предпочтения всем прочим средств религиозно-эмоционального воздействия на психологию верующих. Даже самые рьяные сторонники внесения «рационального» начала в мусульманскую религию обращались к массам на языке коранических образов и символов; нравоучительные наиздания хадисов (преданий о деяниях пророка Мухаммеда) так перелагались применительно к современности, что обретали облик социальных ценностей. В рамках такой интерпретации и аргументации широкое хождение получали приемы, которые К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали как «контрабандное протаскивание мыслей». «Для превращения одного представления в другое, — писали они, — или для доказательства тождества двух совершенно разнородных вещей

подыскивается несколько промежуточных звеньев, которые, частью по своему смыслу, частью по этимологическому составу и частью просто по своему звучанию, пригодны для установления мнимой связи между обоими основными представлениями. Эти звенья пристегиваются затем в виде приложения к первому представлению, — и притом так, что все дальше уходишь от отправного пункта и все больше приближаешься к желанному месту» [1, с. 263]. Последствия использования этих приемов были различными. Во-первых, создавался простор для толкований одних и тех же предписаний⁵. Во-вторых, облегчались возможности своеобразной мимикрии, когда различные потоки мусульманской пропаганды окрашивались в несвойственные им тона: так, правобуржуазные деятели пытались создать себе репутацию «друзей народа», беря на вооружение терминологию мелкобуржуазных радикалов. В-третьих, сравнительно беспрепятственно пробивала себе дорогу практика наполнения традиционно-религиозной формы модернизированным содержанием, в том числе за счет прямых или же опосредствованных заимствований из светских учений. Но повсюду обнаруживалось сугубо избирательное отношение к нововведениям. А оно в решающей степени определялось классово-политическими позициями идейных вдохновителей исламского воздействия на массовое сознание и общественное мнение.

Порой действие всех этих трех факторов сливалось воедино. Наиболее яркий тому пример — популяризация идей «мусульманского социализма»⁶. Именно тогда почти стирались различия между либерально- и консервативно-буржуазными, а также радикально-мелкобуржуазными потоками подобной пропаганды. Именно тогда деятели правого толка активно брали на вооружение «левую» фразу и даже «социалистический» лексикон. Вместе с тем, если буржуазные течения перенимали отдельные положения «демократического социализма», взятые из арсенала западноевропейских социал-демократов или местных правых социалистов, то иначе обстояло дело с пропагандистскими установками мелкобуржуазных радикалов. В Индонезии они

⁵ В толковании индонезийца Нотосутарджо, например, молитва рассматривалась как способ укрепления дружеских связей между мусульманами, а пост — как средство развития у богатей сочувствия к бедным единоверцам. Закят (религиозный налог) объявлялся свидетельством социалистической природы ислама. Другое же свидетельство этого усматривалось в хадже: ведь все паломники одинаково одеты и ведут одинаковый образ жизни. Несколько иначе говорил Усман эль-Мухаммади, соотечественник Нотосутарджо. Молитву он считал оградителем от общественных зол, закят — реализацией социальной справедливости и стимулятором классовой гармонии, пост — доказательством наличия у мусульман милосердия и сострадания, хадж — олицетворением демократизма [27, с. 26—28; 30, с. 11—20].

⁶ В Сингапуре и Малайзии такого рода пропаганда неизменно активизируется с конца 50-х годов. Индонезия же во времена независимости пережила три периода такой активизации: в конце 40-х годов, в первой половине 60-х и в середине 70-х годов.

опирались как на некоторые элементы марксизма (главным образом из области критики буржуазного общества и разоблачения империализма), так и на отдельные принципы сукарновского учения о мархаэнизме. В Сингапуре и Малайзии преимущественным вниманием местных популяризаторов мелкобуржуазной вариации «мусульманского социализма» пользовались эти принципы Сукарно.

Между тем сама «социалистическая» окраска ряда потоков исламской пропаганды служила одним из симптомов и показателей ее возрастающего насыщения современными социальными сюжетами. И чем далее, тем большие размеры принимает этот процесс. В итоге все более формальной становится апелляция к религиозной традиции, все более сущностно модернизированной — интерпретация мусульманского наследия применительно к уровню мировосприятия и психологии различных слоев верующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
2. Бельский А. Г., Янов В. Ф. Традиционная культура и модернизация в развивающихся странах.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 1.
3. Вафа А. Х., Полонская Л. Р. Националистическая идеология и проблемы традиций.— Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
4. Гордон А. В. Восприятие мира в традиционно-крестьянском сознании.— «Азия и Африка сегодня». 1980, № 3.
5. Ерасов Б. С. Тропическая Африка: идеология и проблемы культуры. М., 1972.
6. Иорданский В. Б. Тропическая Африка: архаичное сознание и структура его коллективных представлений.— «Народы Азии и Африки». 1980, № 2.
7. Лукин В. П. Идеология развития и массовое сознание в странах «третьего мира».— «Вопросы философии». 1969, № 6.
8. Подберезский И. В. Сампагита, крест и доллар. М., 1974.
9. Полонская Л. Р. Религия в современной общественно-политической борьбе.— Зарубежный Восток и современность. Т. 3. М., 1981.
10. Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Типология немарксистских идейных течений в развивающихся странах.— «Азия и Африка сегодня». 1977, № 9.
11. Пимаков Е. М. Ислам и процессы общественного развития стран зарубежного Востока.— «Вопросы философии». 1980, № 8.
12. Миренская Ж. Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба. М., 1979.
13. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
14. Abubakar H. Sedjarah karangan K. H. Wahid Hashim. Jakarta, 1957.
15. Alatas S. H. Intellectuals in Developing Societies. L., 1977.
16. Geertz. C. The Religion of Java. Glencoe, 1960.
17. «Harian abadi». Jakarta, 21—22.1.1959.
18. Harrison T. The Malays of South-West Sarawak. A Sociological Survey. East Lancing, 1970.
19. Hawey B. S. Tradition, Islam and Rebellion in South Sulawesi. Ann Arbor, 1974.

20. Jackson K. D. Traditional Authority, Islam and Rebellion. A Study of Indonesian Political Behaviour. Berkeley — Los Angeles — London, 1980.
21. Jay R. Religion and Politics in the Rural Central Java. N. Y., 1963.
22. Kessler C. S. The Politics of Islamic Egalitarianism.— «Humaniora Islamica». The Hague — Paris, 1974, vol. 2.
23. Koentjaraningrat. Family and Religion in Indonesia.— «East Asian Cultural Studies». Tokyo, 1974, vol. 13, № 1—4.
24. Lyon M. L. The Dakwah Movement in Malaysia.— «Review of Indonesian and Malaysian Affairs». Sydney, 1979, vol. 13, № 2.
25. Mehdien F. R. Religion and Development in South East Asia: a Comparative Study.— «World Development». Oxford — New York etc., 1980, vol. 8, № 7/8.
26. Mokhzani B. A. R. The Malay Family and Religion.— «East Asian Cultural Studies», 1974, vol. 13, № 1—4.
27. Notosoetardjo. Tindjauan agama Islam terhadap sosialisme Indonesia. Jakarta, 1964.
28. Peacock J. L. Muslim Puritans. Reformist Psychology in Southeast Asian Islam. Berkeley — Los Angeles — London, 1978.
29. Revolusi mental. Kuala Lumpur, 1970.
30. Usman el Muhammady. Pengantar ilmu Islam. Medan, 1951.
31. Z'aba. Asohan budi menerusi Islam. Kuala Lumpur, 1959.

А. Б. Беленький
ИЗ ИСТОРИИ
ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА
В ИНДОНЕЗИИ

Как не раз отмечали основатель советского индонезиеведения А. А. Губер и его ученики (Н. А. Симония, В. А. Цыганов и др.), характерной чертой национально-освободительного движения в колониальной Индонезии было преобладание мелко-буржуазной демократии над буржуазным либерализмом, вытекавшее из крайней слабости индонезийской национальной буржуазии даже по сравнению с буржуазией многих других колониальных стран. Развитие индонезийской буржуазии затруднялось не только наличием многочисленных феодальных пережитков, не только засильем западного монополистического капитала, но и конкуренцией местного китайского капитала.

Собственно индонезийская буржуазия в колониальный период была представлена в основном сельской буржуазией, связанной с торгово-экспортным земледелием, а также с производством продовольственных культур для растущих городов. Постепенно формировалась городская торговая буржуазия, начавшая, хотя и в ограниченных пределах, конкурировать с китайскими торговцами, известное развитие получил индонезийский торгово-ростовщический капитал. Индонезийская промышленная буржуазия состояла, как правило, из владельцев мелких предприятий мануфактурного типа и полкустарных мастерских. К концу голландского колониального режима (1940 г.) национальному капиталу принадлежало менее 2% общей суммы прямых капиталовложений в Индонезии [12, с. 90].

Крайняя слабость индонезийской буржуазии лишала ее возможности установить свою гегемонию в национально-освободительном движении, подобно тому как это сделала буржуазия Индии и некоторых других колониальных стран. Однако эта же слабость способствовала ее переходу на антиимпериалистические позиции. Поскольку компрадорские функции в стране принадлежали в основном местному китайскому капиталу, а голландская колониальная администрация опиралась на феодально-аристократические элементы и отказывалась идти на серьезные уступки индонезийской буржуазии, среди последней не было влиятельных слоев, заинтересованных в сохранении колониальных порядков.

Хотя в идеологии индонезийского национального движения радикальный мелкобуржуазный национализм в целом преобладал над либерально-буржуазным национализмом, последний все же определял программы и тактику некоторых видных национальных организаций колониального периода. Имена таких лидеров либерального крыла национально-освободительного движения, как Сутомо (1888—1938) и Тамрин (1894—1941) (о них см. [19; 32]), приобрели большую популярность и прочно вошли в историю освободительной борьбы индонезийского народа. Между тем в советской литературе до сих пор не было работ, специально посвященных либерально-буржуазному крылу национального движения в колониальной Индонезии в целом и его идеологии в частности. В данной статье автор пытался хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Подобно радикальному мелкобуржуазному национализму, либеральный буржуазный национализм существовал в Индонезии как в светской, так и в религиозной («мусульманский национализм») формах. Мы сосредоточим свое внимание на его светских, нерелигиозных формах.

За время, прошедшее от основания первой индонезийской национальной организации в 1908 г. до крушения голландского колониального режима в результате японского вторжения в 1942 г., общественно-политические программы либеральных партий и организаций Индонезии, воззрения их лидеров и идеологов претерпели значительную эволюцию. Ниже мы постараемся проследить основные моменты этой эволюции, начав с эволюции *политических требований* либералов.

Первой индонезийской либерально-буржуазной организацией и в то же время первой организацией современного типа вообще явилась Буди Утомо («Прекрасное стремление»), созданная в мае 1908 г. Хотя Буди Утомо объединяла главным образом яванскую аристократию и аристократическую интеллигенцию, ее программные требования были направлены на буржуазное развитие страны и объективно выражали интересы зарождавшихся буржуазных сил (см. подробнее [2, с. 137—159]).

До первой мировой войны Буди Утомо вообще не выдвигала политических требований, деятельность ее носила исключительно социальный и культурно-просветительный характер. С началом войны, в обстановке заметного усиления национально-освободительного движения, Буди Утомо сделала первые шаги на пути участия в политической борьбе. Ее руководство выразило готовность поддержать инспирированное голландскими властями движение за обеспечение «обороноспособности» Индонезии и организацию с этой целью «туземной милиции» (ополчения), однако при условии, что в стране будет создано «народное представительство (парламент) с законодательными правами». Печать Буди Утомо рассматривала создание парламента как

шаг к будущему самоуправлению Индонезии «под протекторатом Нидерландов» [2, с. 266—271].

Летом 1917 г. левое крыло Буди Утомо, представленное главным образом учащейся молодежью, добилось принятия новой программы, которая носила ярко выраженный политический характер [5, с. 94; 18, с. 11]. Согласно этой программе, организация должна была добиваться введения в Индонезии «парламентарной формы правления в национальном духе», расширения избирательных прав, установления равенства индонезийцев и европейцев перед законом. При этом Буди Утомо, как и другие национальные организации, противопоставляла подлинный парламент совещательному псевдопарламенту — фольксрааду, который в годы первой мировой войны был создан голландскими властями в Индонезии.

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала дальнейшему усилению освободительной борьбы в Индонезии, как и в ряде других колониальных стран. В этих условиях влияние левого крыла на политику Буди Утомо возросло.

В конце 1918 г. Буди Утомо вошла в «Радикальную концентрацию» — блок представленных в фольксрааде национальных союзов, выдвинувший требование скорейшего создания парламента, «избранного народом из народа», с законодательными правами и с ответственным перед ним правительством [29, т. 1, с. 143]. Состоявшийся в декабре 1921 г. конгресс Буди Утомо потребовал, чтобы все представительные органы в Индонезии состояли не менее чем наполовину из индонезийцев [23, с. 29]. Вслед за тем Буди Утомо вошла во вторую «Радикальную концентрацию», которая была создана в ноябре 1922 г. уже не как парламентский блок, а как федерация национальных партий и союзов (включая Коммунистическую партию) в ответ на нарушение голландским правительством данных им в ноябре 1918 г. обещаний серьезных реформ государственного устройства Нидерландской Индии. Однако федерация быстро распалась, а борьба правого и левого крыла Буди Утомо закончилась к середине 20-х годов победой правых, чему способствовало усиление репрессий, особенно после поражения восстания 1926—1927 гг.

С 1926 г. и до конца существования Буди Утомо (1935 г.) ее возглавляло весьма умеренное руководство во главе с яванским аристократом Кусумо Утойо, которое объявило Буди Утомо не политической, а социальной организацией [23, с. 278—279; 15, с. 145]. Разумеется, и в этот период совершались отдельные политические акции, однако никаких новых политических программных требований Буди Утомо не выдвигала. Пределом требований этой первой выразительницы индонезийского либерального национализма в политической области оставалось создание в Индонезии подлинного парламента и уравнивание индонезийцев с европейцами перед законом.

В 1924 г. один из основателей Буди Утомо, врач Сутомо, создал в Сурабае Индонезийский исследовательский клуб — первый из «исследовательских клубов», возникших в 20-х годах в крупных городах Явы и объединявших интеллигентную молодежь, которая стремилась изучать актуальные политические, экономические и культурные проблемы, чтобы поставить себя на службу интересам национально-освободительного движения. Клуб Сутомо сосредоточил внимание на создании национальных кооперативов, банков, поликлиник, школ, независимых от колониальных властей. Однако клуб не был политической организацией и никакой политической программы не выдвигал.

В январе 1931 г. в результате слияния Индонезийского исследовательского клуба с Союзом мадурцев — Сарекат Мадура была создана первая в истории страны либеральная политическая партия — Персатуан Бангса Индонесиа (Единство индонезийской нации), или сокращенно ПБИ. В принятой партией программе [11, с. 65; 23, с. 433—435; 24, с. 97—100; 25, с. 137] ее конечной целью объявлялся расцвет народа и родины «на национальной индонезийской основе» и выдвигалось требование «завоевания руководящих постов в колониальном аппарате управления», но только законными средствами. Политическую программу ПБИ можно было трактовать по-разному: речь могла идти и о постепенном продвижении к независимости с помощью «законных средств», т. е. реформ сверху, и о статусе доминиона, и о внутреннем самоуправлении при сохранении власти Нидерландов над колонией.

Подобная неопределенность — не случайное явление, а типичная черта политической программы буржуазного либерализма в Индонезии. Как отмечал А. А. Губер, в требованиях либерально-буржуазных организаций «в одинаковой мере сказывалось стремление к независимости и страх перед „незаконными“ действиями для ее достижения, способными вызвать жестокие кары властей» [4, с. 86]. Опасаясь репрессий, либеральные националисты не решались выдвинуть прямо требование предоставления независимости в ближайшее время, как сделали национально-революционные партии — Национальная партия Индонезии (НПИ) и ее преемница Партия Индонезии (Партиндо).

В середине 30-х годов Сутомо и его соратники предприняли новую попытку консолидации либеральных сил. В декабре 1935 г. под руководством Сутомо была создана Партия Великой Индонезии (Париндра), в которую влились ПБИ, Буди Утомо и ряд региональных этнических организаций. В условиях, когда деятельность левых организаций была скована репрессиями, Париндра стала одной из наиболее влиятельных национальных партий.

В целом для Париндры был характерен упор на социально-экономическую деятельность, однако она выдвигала и политические требования [6, с. 295; 11, с. 126—130; 28, с. 178—191; 32,

с. 53—55; 29, т. 2, с. 55—65]. В принятой на объединительном съезде в декабре 1935 г. Декларации принципов конечной целью партии провозглашалось создание «Великой Индонезии с правительством, образованным на национальной и демократической основе». Главным условием успеха борьбы за «Великую Индонезию» партия объявляла духовное, политическое и социальное единство индонезийского народа.

Лозунг «Великой Индонезии» отражал характерную для либерально-буржуазного национализма расплывчатость и неопределенность формулировок. Как бы его ни комментировали лидеры Париндры, он не мог вызвать такую же резкую реакцию властей, как прямое требование независимости. В то же время неопределенность лозунга позволяла сделать его приемлемым для многих сторонников независимости страны и вовлечь их в партию, тем более что либеральные националисты действительно рассчитывали в конце концов добиться независимости, однако исключительно реформистским путем.

Следует к тому же иметь в виду, что во второй половине 30-х годов большинство левых националистов в связи с ростом фашистской угрозы как для Индонезии, так и для ее метрополии временно сняло лозунг немедленного предоставления независимости и выступило за антифашистский союз с демократическими силами Нидерландов. Созданная в 1937 г. левая партия Движение индонезийского народа (Гериндо) не отказалась от независимости как конечной цели, но объявила своей непосредственной задачей борьбу за создание полноправного парламента и предоставление народу широких демократических прав. Таким образом, произошло временное сближение лозунгов радикальных и либеральных националистов.

Обстановка надвигавшейся второй мировой войны, которая несла с собой угрозу захвата Индонезии милитаристской Японией, а самих Нидерландов — гитлеровской Германией, наложила отпечаток на позицию как левого, так и либерально-буржуазного крыла национально-освободительного движения. Как и большинству народов колоний, чьими непосредственными угнетателями являлись не фашистские, а буржуазно-демократические страны, индонезийцам было нелегко определить свое отношение к надвигавшейся войне, в особенности к возможному столкновению между великой азиатской державой — Японией и блоком западных государств, включавшим Нидерланды. Пример Японии, единственной азиатской страны, сумевшей стать на равную ногу с западными державами, восхищал многих индонезийских националистов еще со времен русско-японской войны. Используя эти чувства поработенных европейцами азиатов, большинство которых еще не сумело понять империалистический характер политики Японии, спекулируя на «расовом единстве» с угнетавшимися «белыми империалистами» народами, японские правящие круги выдвинули лозунг «Азия для азиатов». Они

обещали своим «азиатским братьям» освобождение от колониального гнета и процветание под эгидой Японии.

В условиях, когда Нидерланды упорно отказывались пойти на реальные уступки требованиям индонезийского национально-освободительного движения, японская пропаганда добилась определенных успехов. Накануне и в начале второй мировой войны прояпонские настроения отмечались как в народе, так и среди части интеллигенции. Если большинство левых индонезийских националистов заняло перед войной твердую антифашистскую позицию, не делая при этом исключения и для азиатского участника фашистского блока, то в либерально-буржуазных партиях были деятели, которые проявляли определенные симпатии к Японии.

На пример Японии не раз ссылались, в частности, некоторые лидеры Париндры в период ее создания [21, 1936, с. 136—137, 279]. В 1936—1937 гг. председатель Париндры Сутомо совершил путешествие в Азию и Европу, в ходе которого посетил Японию. Свои путевые впечатления он опубликовал в редактируемых им газетах — «Суара умум» («Голос общестственности»), «Темпо» («Время») и др. [32, с. 6—8]. Сутомо восхищался прогрессом Японии и рассматривал ее во многих отношениях как пример для Индонезии в будущем. Он заявлял, что «паназиатизм, проповедуемый японцами, горячо приветствуется каждым благомыслящим азиатом» (цит. по [11, с. 99]). Сутомо рассказывал о новом движении среди японской аристократии и интеллигенции, которое на основе идей первого императора Японии выступает за равенство и братство всех народов мира. Подобное движение, по его словам, соответствует принципам Париндры, которая добивается равенства индонезийцев со всеми народами [21, 1936, с. 293—294].

Прояпонские высказывания Сутомо вызвали критику в левой индонезийской печати, которая справедливо упрекала его в идеализации японских порядков, в том, что он игнорирует агрессивную политику Японии по отношению к Китаю и другим странам Азии, империалистический характер японского государства [21, 1936, с. 382—383, 410—411, 508—509; 33, с. 89—91]. Завязалась полемика, в ходе которой «Суара умум» и некоторые другие газеты Париндры выступили в защиту Сутомо.

Однако позиция Париндры в целом не была прояпонской. Она была прежде всего буржуазно-националистической. Сутомо и некоторых других деятелей этой партии именно как буржуазных националистов привлекал пример Японии, единственной азиатской страны, ставшей мощной капиталистической державой. Как указывал виднейший лидер левого крыла национально-освободительного движения Сукарно, индонезийские буржуазные националисты мечтают, чтобы Индонезия «превратилась в такую же „великую страну“, как Япония, или Америка, или Англия, хотя бы ее флот вызывал удивление во всем мире,

чтобы ее города были огромны, чтобы ее банки повсюду протянули свои щупальца» [10, с. 245].

Конечной целью буржуазных националистов, скрывавшейся за лозунгом «Великой Индонезии», было превратить свою родину в мощную капиталистическую державу, используя при этом многое из японского опыта, но вовсе не обрекая Индонезию на судьбу японского сателлита. Характерно, что, выступая за дружественные отношения с Японией, Сутомо утверждал, что сами японцы происходят из Индонезии, и мечтал о том, чтобы именно индонезийцы «стали лидерами всей Азии» [33, с. 89; 28, с. 190]. Таким образом, паназиатизм Сутомо преследовал не японские, а прежде всего индонезийские националистические цели.

Характерно, что в прессе Париндры прояпонские высказывания сочетались со статьями, в которых разоблачался не только европейский фашизм, но и его японский союзник. В одной из них прямо говорилось, что лозунг «Азия для азиатов» имеет целью «установить над азиатскими народами гегемонию Японии» [21, 1936, с. 175—176], в другой — что целью пакта трех держав 1940 г. является передел мира, причем Берлин и Рим намерены господствовать в Европе, а Токио — в «Великой Азии» [21, 1940, с. 1028].

Итак, хотя прояпонские настроения и существовали среди либеральных националистов, они не определяли их позицию перед второй мировой войной. Подобно некоторым национальным партиям в других колониях западных держав, Париндра предлагала голландским властям сотрудничество в обороне страны от возможной агрессии, но при условии уступок и реформ с их стороны. Основными политическими требованиями Париндры в эти годы были: создание подлинно народного представительства (парламента), постепенное увеличение удельного веса индонезийцев в государственном аппарате вплоть до достижения внутреннего самоуправления, равенство всех граждан Индонезии перед законом.

В вопросе о создании «туземной милиции» позиция Париндры была аналогична позиции Буди Утомо в период первой мировой войны: она выступала за создание ополчения только при условии предоставления индонезийцам участия в управлении страной.

Требования индонезийских либерально-буржуазных националистов были выражены не только в документах Париндры и заявлениях ее лидеров. Они нашли отражение также и в фольксрааде, где было представлено умеренное крыло национального движения. Видную роль в фольксрааде играла основанная в 1930 г. и возглавлявшаяся Тамрином «Национальная фракция». Тамрин был депутатом фольксраада с 1927 г., а в 1939 г. он стал первым заместителем его председателя [19, с. 13—16]. В состав фракции вошли 10 депутатов от Явы, Суматры и Ка-

лимантана, что сразу же придало ей общендонезийский характер [14, с. 207—210; 19, с. 20—21; 29, т. 2, с. 32]. Конечной целью Тамрин объявил достижение независимости Индонезии легальными методами [19, с. 43—45, 54—56]. Фракция должна была добиваться преобразования государственного строя и ликвидации неравноправия в области политики, экономики и народного образования, вызванного колониальными порядками [20, с. 443—455].

«Национальная фракция» и лично Тамрин завоевали довольно широкую популярность своей борьбой за единство национального движения и требованием независимости. Хотя Тамрин принадлежал к либеральному крылу движения, его выступления подчас содержали чрезвычайно резкую критику политики колонизаторов, особенно репрессий против левых национальных сил.

Если «Национальная фракция» объявила своей конечной целью независимость Индонезии, то более умеренные аристократические и либерально-буржуазные депутаты фольксраада ограничивались требованием статуса доминиона. В 1936 г. группа депутатов во главе с председателем весьма лояльного Союза туземных чиновников (организации служилой аристократии) Сутарджо предложила петицию королеве Нидерландов и голландскому парламенту, суть которой заключалась в предоставлении Индонезии статуса доминиона¹ путем постепенных реформ (см. подробнее [11, с. 130—131, 164; 22; 29, т. 2, с. 66—68]).

Петиция Сутарджо была принята фольксраадам, но отклонена голландским парламентом и короной, что вызвало горечь и разочарование даже у самых лояльных сторонников сотрудничества. После этого на рассмотрение фольксраада было внесено еще несколько проектов резолюций, направленных на предоставление Индонезии внутреннего самоуправления и на уравнивание индонезийцев в правах с голландцами, однако и они были отклонены голландскими властями. Казалось бы, что в обстановке нарастающей угрозы нападения Японии голландцы должны были стремиться создать в Индонезии прочный тыл путем уступок ее национальному движению, пойти навстречу тем силам внутри этого движения, которые предлагали им сотрудничество в борьбе против угрозы фашизма при условии соответствующих реформ в колонии. Тем более можно было ожидать уступок со стороны правящих кругов Нидерландов после оккупации их собственной страны гитлеровской Германией в мае 1940 г. Лидеры индонезийских организаций рассчитывали, что теперь голландские власти наконец поймут, что настала пора предоставить Индонезии самоуправление, тем более что с оккупацией метрополии Индонезия осталась единственной серьезной

¹ Сам термин «доминион» авторы петиции из осторожности не употребляли.

опорой этих властей, причем содержание эмигрировавшего в Лондон голландского правительства и голландских вооруженных сил целиком легло на плечи индонезийцев.

Однако голландские власти не только не пошли навстречу самым умеренным требованиям индонезийцев, но объявили 10 мая 1940 г. осадное положение, означавшее усиление цензуры печати, запрет открытых собраний, митингов и демонстраций. Мало того, впредь голландские правящие круги стали откладывать рассмотрение всех требований индонезийского национального движения относительно реформ в управлении Индонезией до окончания войны и освобождения Нидерландов. Результатом такого положения явилось полное разочарование политической голландских властей и потеря надежд на серьезные реформы сверху даже у самых умеренных либерально-буржуазных и аристократических элементов. Для настроений последних было весьма характерно заявление Сутарджо, что демократические государства Европы, обвиняющие диктаторские режимы в непризнании права слабых стран на существование, сами не уважают прав «слабых азиатских народов». «У себя дома они демократичны, — писал Сутарджо, — но, когда они распоряжаются судьбами других народов, они тоже становятся диктаторскими и автократичными» [21, 1940, с. 625—626].

Разочарование политикой Нидерландов ярко проявилось в позиции, занятой Париндрой и другими либеральными силами по отношению к представленному правительством в начале 1941 г. законопроекту о создании так называемой туземной милиции. III съезд Париндры (июнь 1941 г.) осудил правительственный законопроект, ибо план создания милиции не был связан с предоставлением народу новых прав в области государственного управления. В июле 1941 г. законопроект все же был принят фольксраадам² (главным образом голосами голландцев и «туземных» чиновников-аристократов), однако депутаты от либеральных организаций и кругов голосовали против [11, с. 153—155; 29, т. 2, с. 91—94].

По существу, речь шла о начале отхода от сотрудничества с колониальными властями основных сил, стоявших на позициях либерально-буржуазного национализма. Этому весьма способствовал обыск в доме виднейшего лидера либерального крыла национального движения Тамрина и его домашний арест (вопреки депутатской неприкосновенности) в январе 1941 г. Через несколько дней после обыска Тамрин внезапно скончался. Похороны Тамрина, в которых участвовали около 20 тыс. человек, в том числе представители всех национальных организаций, приняли характер демонстрации всеобщего недовольства политической властей.

² Боязнь голландских властей вооружить индонезийцев была столь велика, что к моменту нападения Японии милиция насчитывала не более 6 тыс. человек и никакой роли в боевых действиях не сыграла.

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что основными пунктами политической программы либерально-буржуазного национализма в Индонезии в период между двумя мировыми войнами были: 1) создание полноправного парламента с ответственным перед ним правительством, что вместе с постепенным увеличением доли индонезийцев в представительных органах и государственном аппарате должно было привести к внутреннему самоуправлению Индонезии в рамках голландской империи. При этом степень самоуправления могла соответствовать статусу доминиона (оптимальный вариант) или быть несколько меньшей; 2) уравнивание в правах индонезийцев с европейцами.

Эта программа значительно уступала в основных своих пунктах требованиям радикального мелкобуржуазного национализма, являвшегося идеологией национально-революционных партий и открыто добивавшегося до второй половины 30-х годов независимости Индонезии в кратчайшие сроки, не исключая при этом революционных путей ее достижения.

Из либерально-буржуазных сил требование борьбы за независимость (и притом только легальными средствами) выдвигала лишь «Национальная фракция» фольксраада, не являвшаяся партией и не имевшая массовой организационной базы.

Различия между либерально-буржуазным и радикальным мелкобуржуазным национализмом касались не только политических целей и требований этих двух течений. Не менее серьезные различия существовали и в вопросе о тактике национально-освободительного движения, о средствах, какими оно должно добиваться осуществления своих целей. Левые национальные партии выдвигали объективно революционное требование свержения голландского колониального господства в кратчайший срок с помощью организованных политических действий масс. В соответствии с этим они добивались обострения противоречий между угнетателями и угнетенными и с начала 20-х годов проводили тактику несотрудничества с колониальными властями. Практически несотрудничество левых националистов и их организаций — Перхимпунана Индонезия, НПИ, Партиндо — выражалось в отказе от участия в созданных колонизаторами местных муниципальных органах и в фольксрааде. Однако оно не сводилось только к своему конкретно-практическому выражению. Принцип несотрудничества должен был подчеркнуть непримиримость интересов колонизаторов и угнетенного ими народа, способствовать возникновению массового антиколониального движения.

В отличие от левых националистов либерально-буржуазный национализм либо исходил из принципа сотрудничества, либо допускал определенное сочетание сотрудничества и несотрудничества, не придавая этому вопросу принципиального характера. При этом следует иметь в виду, что и сотрудничество, если оно

сочеталось с использованием муниципальных органов и особенно фольксраада в качестве трибуны в интересах национального движения, отнюдь не являлось изменой национальным интересам. Это обстоятельство специально подчеркивал А. А. Губер [4, с. 85].

Первая либерально-буржуазная организация — Буди Утомо придерживалась позиции сотрудничества, и ее представители участвовали в фольксрааде с момента его основания. Индонезийский исследовательский клуб Сутомо признавал сотрудничество лишь при условии равенства сторон. Клуб сочетал сотрудничество и несотрудничество, причем рассматривал применение несотрудничества как тактическое средство для того, чтобы постепенно принудить голландцев принять требования об участии индонезийцев в государственном управлении и создать таким образом условия для сотрудничества на равноправной основе [13, с. 63—64]. Что касается выросшей на базе этого клуба ПБИ, то она разрешала своим членам участвовать в местных представительных учреждениях (но не в фольксрааде), однако лишь в качестве частных лиц. Таким образом, партия в целом не стояла на позиции сотрудничества, но ее члены могли сотрудничать с властями [35, с. 382—383]. ПБИ как бы занимала промежуточную позицию в этом вопросе.

В момент образования Париндры вопрос о политическом сотрудничестве и несотрудничестве официально не уточнялся, однако современники рассматривали это событие именно как создание «единого фронта сотруднических партий» [21, 1936, с. 132]. Подобное мнение подтверждалось как выступлением Сутомо на учредительном съезде Париндры, так и высказыванием органа этой партии [21, 1936, с. 3, 739—740]. На I съезде Париндры в 1937 г. было принято решение перейти к полному сотрудничеству, включая участие в фольксрааде. После смерти Сутомо в 1938 г. парламентская деятельность Париндры особенно активизировалась, а его преемник Тамрин прославился именно своей борьбой в фольксрааде.

В целом во второй половине 30-х годов на первый план выступили сторонники сотрудничества, к которым примкнуло и большинство левых. Однако уже в 1940—1941 гг. в результате близорукой и твердолобой политики голландских властей наметился отход национальных индонезийских сил от сотрудничества.

В другом вопросе стратегии и тактики национально-освободительного движения — единстве всех национальных сил — либералы и радикалы придерживались одного мнения. Подавляющее большинство и тех и других выступало за единство национального движения. Конечно, каждая из партий, групп, социальных сил Индонезии стремилась в конечном счете к единству под своим руководством и на основе своей платформы, однако сам лозунг единства национально-освободительного дви-

жения входил в программы огромного большинства организаций и был существенным элементом идеологии этого движения в целом.

Как вспоминал один из основателей Буди Утомо, эта организация «сознавала, что наша сила в единстве, и всегда стремилась к созданию федераций национальных сил» [15, с. 164]. Буди Утомо входила в первую и вторую «Радикальные концентрации» (1918 и 1922 гг.).

В 1927 г. была создана федерация сотrudнических и несотrudнических организаций — ПППКИ («Соглашение политических националистических союзов Индонезии»), куда вошли все наиболее влиятельные союзы и партии. Хотя в первое время в федерации было чрезвычайно сильно влияние леворадикальной НПИ, председателем ее был избран лидер либералов Сутомо, снискавший себе большой авторитет неустанной борьбой за единство национальных сил. Главным лозунгом федерации было «индонезийское единство». Деятельность федерации способствовала консолидации национально-освободительного движения, но подлинным национальным фронтом она не стала в результате противоречий между мусульманскими и светскими, сотrudническими и несотrudническими организациями. К 1935—1936 гг. ПППКИ распалась.

Как уже отмечалось, позиции умеренных и левых организаций Индонезии к началу второй мировой войны по ряду вопросов сблизилась. С одной стороны, твердолобая политика колонизаторов вызывала разочарование и горечь у умеренных сторонников сотrudничества и толкала их на сближение с левыми. С другой стороны, в условиях нарастающей фашистской угрозы левые временно сняли лозунги несотrudничества и немедленно предоставления независимости, изменили свое негативное отношение к либерально-буржуазным организациям и выступили за единый фронт с ними. По инициативе Париндры, призвавшей «объединить все национальные силы» [19, с. 31], в 1939 г. была организована новая федерация национальных партий — ГАПИ (Индонезийское политическое объединение). Главным трeбсванием ГАПИ было создание в Индонезии полноправного парламента с ответственным перед ним правительством, что означало бы серьезный шаг если не к полной независимости, то хотя бы к статусу доминиона. При условии предоставления индонезийскому народу прав в управлении страной ГАПИ предлагало голландскому народу и властям сотrudничество в борьбе против фашистской угрозы и возможной японской агрессии.

На базе ГАПИ в 1941 г. была создана более широкая организация единого фронта — Народный совет Индонезии, охвативший не только партии, но и профсоюзные, молодежные и другие организации (в том числе мусульманские). Однако достигнутое в тот период единство еще не было подлинным единым национальным антиимпериалистическим фронтом. Во-первых, ГАПИ

и другие федерации были недостаточно связаны с массами, во-вторых, между входившими в них организациями существовало немало разногласий, причем и по принципиальным вопросам.

Характерной чертой идеологии как радикального мелкобуржуазного, так и либерального буржуазного национализма в Индонезии было более или менее четко выраженное отождествление единства национально-освободительного движения с государственным и национальным единством. Все крупные и влиятельные национальные союзы и партии в Индонезии не только носили общеиндонезийский характер, но и выступали под лозунгами образования единой индонезийской нации, хотя среди их лидеров и рядовых членов были представители самых различных народностей.

Разумеется, идея государственного и национального единства пробивала себе дорогу постепенно. При этом умеренное, либеральное крыло национально-освободительного движения выдвинуло эту идею позднее, нежели левое, сформулировавшее ее уже в 1912—1913 гг. В принятых на I конгрессе Буди Утомо в 1908 г. статутах этой организации указывалось, что ее цель — «прогресс коренного населения Явы и Мадур, в первую очередь яванцев, сунданцев и мадурцев, а во вторую очередь — коренных жителей других островов... проживающих на Яве» [2, с. 152—153]. Таким образом, Буди Утомо возникла первоначально не как общеиндонезийская организация, хотя она сразу была лишена узкоэтнического характера, ибо объединяла все население Явы, а не одних яванцев. К тому же официальным языком Буди Утомо был объявлен не яванский, а малайский, т. е. будущий общеиндонезийский язык.

Процесс формирования общеиндонезийского национального самосознания нашел яркое отражение в идеологии Буди Утомо. Уже в посвященном десятилетию этой организации сборнике «Сумбангских» («Вклад») фигурировали термины «Индонезия», «индонезийцы» и даже содержался призыв к «национальному единству всех индонезийских народов, которые на сегодняшний день уже образуют политическое единство под голландским господством» [31, с. 132—133].

Еще через десять лет, в 1928 г., под явным влиянием общеиндонезийских лозунгов левой НПИ в устав Буди Утомо был добавлен пункт о стремлении этой организации к «осуществлению идеи общеиндонезийского единства», а термин «туземец» заменен термином «индонезиец» [23, с. 282—286]. В 1930 г. в ряды Буди Утомо был официально открыт доступ представителям «всех народов Индонезии» [23, с. 289—290], а в 1931 г. ее устав был изменен и она была объявлена организацией, основанной на «индонезийском национализме».

К этому времени виднейший лидер и идеолог либерального крыла национального движения Сутомо стал, по словам современников, «пропагандистом идеи индонезийского национального

единства» [17, с. 140]. Само название основанного им клуба — Индонезийский исследовательский клуб — свидетельствовало о влиянии общендонезийской идеи. Руководство клуба было специально составлено из представителей разных народностей страны, что как бы символизировало общендонезийское единство.

В 1931 г. на базе клуба Сутомо и союза мадурцев возникла новая партия с красноречивым названием «Единство индонезийской нации» (ПБИ). В руководство ПБИ входили представители различных районов и народностей страны, а партия постоянно подчеркивала, что она «стоит на индонезийских позициях», а не на позициях яванского сепаратизма [21, 1936, с. 113—114].

В программе Париндры указывалось, что партия, уважая культуру различных индонезийских народов, рассматривает ее «как достояние всей индонезийской нации» и что членами партии могут быть «все индонезийцы» [28, с. 179—180]. На проведенных после учредительного конгресса собраниях местных отделений Париндры неизменно подчеркивалась «необходимость национального единства», что является целью партии, «основанной на индонезийском национализме» [21, 1936, с. 84].

На I съезде Париндры в 1937 г. Сутомо призывал добиваться того, чтобы «языком общения между народами Индонезийского архипелага являлся индонезийский, официально признанный в качестве государственного языка» [32, с. 67].

С момента своего создания «Национальная фракция» Тамрина стояла на позициях «общендонезийского национализма». Как указывал сам Тамрин, идейной основой фракции было сознание «принадлежности всех индонезийцев к одной и той же национальной общности» и понимание «необходимости создания единого фронта против врагов идеи индонезийского единства» [14, с. 208].

В 1939 г. Тамрин внес в фольксраад законопроект, предусматривавший официальную замену унижительного термина «туземец» на «индонезиец», а названия «Нидерландская Индия» на «Индонезия». Этот законопроект был горячо поддержан прессой Париндры, рассматривавшей его как шаг к равноправию индонезийцев с другими народами, к признанию их национального единства и национального достоинства [21, 1940, с. 766—768, 808—809, 866—867]. Колониальные власти приняли первый пункт законопроекта в августе 1940 г., т. е. после оккупации Нидерландов гитлеровцами, да и то не полностью: термин «туземец» сохранялся в законодательстве и в документах юридического характера. Второй же пункт вообще не был принят [21, 1940, с. 668—669, 769, 1018; 29, т. 2, с. 83—84].

Выступая за общендонезийское единство, либерально-буржуазные лидеры, как и левые индонезийские националисты, смешивали понятия национального и государственного единст-

ва и выдвигали на первый план субъективные факторы формирования нации, нередко рассматривая ее возникновение как прямой результат стремления народов Индонезии и их организаций к национальному единству.

Наиболее четкие различия между радикальным мелкобуржуазным и либеральным буржуазным национализмом в колониальной Индонезии существовали в области их *социально-экономических* программ, т. е. в той области, в которой нагляднее всего проявляется классовая природа того или иного течения общественной мысли. Для идеологии левого крыла национально-освободительного движения было характерно негативное отношение не только к империализму и колониализму, но и к капитализму как системе, причем на высшем этапе развития этой идеологии возникли концепции (мархаэнизм Сукарно, «народный суверенитет» Хатты), в которых национализм угнетенной нации сочетался с мелкобуржуазным субъективным социализмом народнического типа. Ничего подобного мы не встречаем в либерально-буржуазном национализме, для которого характерна ориентация на капиталистический путь развития Индонезии.

Ориентация на буржуазное развитие была весьма четко выражена уже в программных требованиях первой либерально-буржуазной организации — Буди Утомо. Выступая с докладом о задачах этой организации на ее первом конгрессе в 1908 г., Сутомо призывал отказаться от традиций, мешающих прогрессу, и прививать молодежи интерес и уважение к предпринимательской и торговой деятельности, добиваться повышения качества производимых яванцами товаров, подъема торговли, ремесел, земледелия. Основное внимание в первой программе Буди Утомо уделялось развитию образования, подъему сельского хозяйства и торговли, прогрессу «туземной» промышленности.

О стремлении направить Индонезию по пути буржуазного развития и добиться упрочения позиций национального капитала убедительно свидетельствуют материалы сборника «Сумбангсих». В сборнике содержались многочисленные призывы добиваться создания в Индонезии такого же «среднего сословия», какое существует в передовых странах, т. е. обладающих современными коммерческими и техническими знаниями «земледельцев и ремесленников, торговцев и промышленников», организовывать индонезийские кооперативы, способные вытеснить китайский капитал из посреднической торговли, и вообще покончить с таким положением, когда все капиталы, торговля и промышленность «находятся в руках иностранцев» [2, с. 142—150; 31, с. 130—131].

Наиболее четко требования буржуазного развития были выражены в социально-экономической программе Париндры [11, с. 126—129; 6, с. 295—296; 24, с. 101—103; 28, с. 178—180]. В ее основные положения входили: создание предпосылок для развития индонезийского «среднего сословия», индустриализация

Индонезии, переход «экономических средств» в руки индонезийцев, самостоятельное участие их в международной торговле и т. п.

В одной из своих статей, написанных в начале 1936 г., т. е. сразу же после создания Париндры, Сутомо с сожалением констатировал, что в этой партии много «кромо»³, интеллигентов, аристократов, но недостаточно представителей «среднего сословия». Между тем именно оно — «становой хребет индонезийского движения». Надо всячески развивать «среднее сословие», поощряя «предпринимательский дух» у индонезийцев, создавая банки и кооперативы, с помощью которых возникнут национальные предприятия [21, 1936, с. 50—51].

Буржуазный характер программ и практической деятельности Клуба Сутомо, ПБИ и Париндры уже отмечался в советской и зарубежной марксистской литературе [4; 7; 11; 6; 28]. Его отмечали и многие западные наблюдатели и исследователи социал-демократического и либерального направления. Так, голландский социал-демократ Д. М. Г. Кох, проживший почти полвека в Индонезии и лично знакомый с виднейшими деятелями ее национально-освободительного движения, указывал, что «Париндру можно рассматривать как политическую организацию поднимающегося индонезийского капитализма и как правое крыло национального движения» [16, с. 125]. По словам Коха, Сутомо считал, что руководство обществом «должно быть в руках представителей буржуазии и высших слоев населения», и «рассматривал в качестве образца для себя Кемаля Ататюрка» [17, с. 144].

Известный голландский историк Я. Ромейн также считал Париндру «партией современной индонезийской буржуазии, туземного капитализма» и полагал, что «в качестве буржуазно-националистической организации ее можно до известной степени сравнить с египетским Вафдом и партией Кемаля Ататюрка в Турции» [27, с. 214].

Если Сутомо считал образцом для себя Кемаля Ататюрка, то его соратник Тамрин питал особые симпатии к Кесону — первому президенту автономных Филиппин, защищавшему интересы национальной буржуазии и помещиков, но, подобно Сутомо и Тамрину, завоевавшему немалый авторитет в народе. Индонезийский биограф Тамрина неоднократно подчеркивает идейную близость Тамрина и Кесона [19, с. 20, 26—27].

Характерно и социальное положение двух главных идеологов и лидеров либерального национализма в Индонезии. Тамрин — сын «туземного» чиновника, крупный торговец, владелец земель, домов, чайной плантации, чье состояние оценивалось в 1 млн. гульденов [19, с. 24]. Сутомо — выходец из служилой аристокра-

³ Кромо и Мархаэн — распространенные среди крестьян на Яве имена, ставшие нарицательными в смысле «простой человек», «бедняк».

тии, не только знаменитый врач-дерматолог, совершенствовавший свои знания в Голландии, Германии и Австрии, но и весьма состоятельный человек, владевший тремя газетами, журналом и другим значительным имуществом, которое он завещал употребить на развитие национальной экономики [34, с. 167—168]. Таким образом, оба лидера являлись типичными представителями индонезийской буржуазии и буржуазной интеллигенции.

Либералы и их организации выдвигали на первый план не политическую борьбу и пропаганду, как левые, а социально-экономические «конструктивные действия», соответствовавшие интересам формирующейся национальной буржуазии: поощрение национального производства, создание национальных банков, кооперативов, торговых компаний и т. п. Эта направленность была ясно выражена как в программах либерально-буржуазных организаций, так и в заявлениях их лидеров, которые подчеркивали, что экономическая независимость должна предшествовать политической, и рассматривали укрепление экономических позиций индонезийского «среднего сословия» в качестве важнейшего условия достижения политического суверенитета. Так, Сутомо заявлял, что сначала надо сделать народ «экономически обороноспособным», а затем уже развернуть борьбу за политическую независимость, а формула руководителя Буди Утомо Кусумо Утойо гласила: «Экономическая деятельность является основой политического прогресса» [23, с. 202, 284].

«Конструктивная деятельность» Буди Утомо выразилась в создании кредитных, сбытовых и потребительских кооперативов, значительная часть которых разорялась, не выдержав конкуренции европейского и китайского капитала. Индонезийский исследовательский клуб и ПБИ проводили эту деятельность в более широких масштабах, основывая не только кооперативы, но и национальные банки для кредитования индонезийских торговцев, промышленников, ремесленников.

Широкую «конструктивную деятельность» в интересах создания индонезийского «среднего сословия» развернула Париндра, в руководстве которой имелся специальный экономический департамент, занимавшийся вопросами кооперации, банков, развития торговли и сельского хозяйства. Париндра основала «Сельскохозяйственную туземную торговую компанию» для торговли сельскохозяйственными продуктами, строительства и эксплуатации предприятий по переработке этих продуктов. Она расширила основанный ПБИ крестьянский кооперативный союз «Рукун Тани», доведя численность его членов до 10 тыс. [11, с. 128; 32, с. 55—57].

Успехи буржуазно-либеральных организаций в области «конструктивной деятельности» не следует переоценивать. Слабость национальной буржуазии, нехватка капиталов, коммерческого опыта и знаний, конкуренция европейского и китайского капитала способствовали банкротству значительной части кооперати-

вов и товариществ. Накануне второй мировой войны в Индонезии было всего 640 кооперативов, охватывавших около 50 тыс. человек, — ничтожная цифра для страны с населением более 60 млн. [1, с. 58].

Все же 30-е годы ознаменовались определенным ростом индонезийской национальной буржуазии и укреплением ее позиций в некоторых отраслях народного хозяйства [8, с. 27—34]. Рост этого класса в 30-х годах сопровождался усилением его участия в политике. Прямым отражением этого было создание Париндры и ее превращение в одну из наиболее влиятельных национальных партий.

Буржуазный характер Буди Утомо, ПБИ и Париндры не означал, разумеется, полного отсутствия в их программах социально-экономических требований, которые отражали бы интересы трудящихся. Если на первых порах аристократические по своему происхождению лидеры буржуазного либерализма считали элитарный характер руководимых ими союзов естественным явлением, то вскоре к ним пришло понимание необходимости расширения социальной базы своих организаций, привлечения масс под свои знамена. Несомненное влияние на этот процесс оказал пример левого крыла национально-освободительного движения. В то же время одной из целей либералов сразу же стало вырвать массы из-под влияния левых и поставить их под свое руководство.

В результате в программах национально-либеральных организаций, в произведениях их идеологов появились отдельные требования, отражающие интересы крестьянства, городской мелкой буржуазии, пролетариата. Уже Буди Утомо включила в свою принятую летом 1917 г. программу требования установления минимума арендной платы за арендуемые иностранными плантациями крестьянские земли, снижения налогов, борьбы с ростовщичеством [2, с. 304]. Однако усилия лидеров Буди Утомо привлечь крестьянские массы не дали никаких результатов: к концу своего существования эта организация насчитывала даже меньше членов, чем в первые годы (в 1930—1933 гг. — около 1800 человек [25, с. 134]).

Значительно больше усилий к завоеванию масс приложили ПБИ и Париндра. Создавая в 1931 г. ПБИ, Сутомо рассчитывал превратить ее в массовую партию, которая смогла бы занять место задушенной репрессиями левой НПИ и поглотить часть ее членов. С этой целью из устава влившегося в ПБИ Индонезийского исследовательского клуба был снят параграф о необходимости образовательного ценза для его членов, а партия пыталась привлечь крестьян и ремесленников с помощью кооперативной деятельности и различных социально-культурных мероприятий (создание поликлиник, приютов, школ и т. п.). Однако расчеты Сутомо не оправдались. Оставшиеся на свободе лидеры НПИ во главе с Сартоно спасли партию ценой ее переименова-

ния: распущенная ими НПИ тут же была воссоздана под названием Партии Индонезии (Партиндо), которая продолжала борьбу за независимость. Вскоре Партиндо стала крупнейшей партией страны и насчитывала 20 тыс. членов, в то время как ПБИ — менее 3 тыс. [11, с. 64—66].

Более благоприятно сложилась обстановка для созданной в конце 1935 г. Париндры. В условиях, когда левые партии были парализованы новой волной репрессий, легально действовавшая Париндра привлекла в свои ряды значительно больше трудящихся. К этому времени главный идеолог либерального национализма, основатель Париндры Сутомо окончательно проникся мыслью о значении массовой базы для успеха либералов. «Мы должны вернуться лицом к массам и приложить все силы к работе среди масс, среди трудящихся», — писал он в органе Париндры [32, с. 62—63]. В программе Париндры говорилось, что партия должна организовать народ и «использовать влияние народного движения» [28, с. 179—180]. В ее программу был включен ряд демократических требований, отражавших интересы не только буржуазии, но и трудящихся (равноправие всех граждан Индонезии, демократическая реформа государственного аппарата, создание избранного народом парламента и др.), а также ряд пунктов в защиту интересов крестьян и пролетариата.

Энергичная пропаганда программы Париндры, включение в нее ряда требований трудящихся принесли свои плоды: если к моменту создания Париндра насчитывала 3—4 тыс. человек, то к 1940 г. число ее членов перевалило за 10 тыс., а находившиеся под ее влиянием кооперативные, профсоюзные и другие организации охватывали несколько десятков тысяч членов [24, с. 198; 21, 1936, с. 145]. Правда, и в тот период нельзя было говорить о гегемонии буржуазного либерализма в национальном движении, ибо наряду с Париндрой активно действовала левая партия Гериндо, насчитывавшая тоже более 10 тыс. членов [11, с. 124].

С проблемой завоевания масс и руководства массами в идеологии либерально-буржуазного национализма тесно связан тезис о просвещении и воспитании народа как моральном долге интеллигенции. С момента возникновения либерально-буржуазного течения его идеологи придавали особое значение просвещению, тесно связывая его развитие с укреплением национального самосознания, а овладение западной культурой — с возможностью добиться равенства с европейцами. Не случайно толчком к созданию Буди Утомо послужила кампания за создание «учебного фонда» для детей яванцев «невысокого происхождения», обладавших способностями, но лишенных средств на учение.

Просветительские тенденции характерны для идеологии национально-освободительного движения на первом этапе ее развития в большинстве колониальных стран. Однако если в идео-

логии левого крыла этого движения они довольно быстро отходят на второй план, то умеренные либеральные идеологи, не ставя своей задачей открытую политическую борьбу за независимость, продолжают и в дальнейшем делать упор на просветительские идеи. Просветительская деятельность была чрезвычайно характерна для Буди Утомо, которая основывала национальные учебные фонды, ремесленные училища, женские школы, библиотеки и т. д. Очень сильным было просветительское начало в Индонезийском исследовательском клубе и ПБИ. Сутомо неоднократно указывал, что долг национальной интеллигенции — идти в народ, нести ему «светоч просвещения» и руководить им [32, с. 48 и др.]. В одной из своих речей 30-х годов Сутомо заявил: «Мы окончили высшие школы на деньги, собранные с нашей нации, страдающей и живущей во тьме. Поэтому моральный долг и обязанность интеллигенции — предоставить свои знания и энергию делу благополучия и процветания народа, удовлетворения его нужд» [32, с. 63]. Выступая на учредительном конгрессе Париндры, Сутомо подчеркивал, что «первая задача, отвечающая общим интересам всех слоев населения Индонезии, — просвещение. Страны, которые обрели независимость, — Россия, Турция и Филиппины — прежде всего увеличили расходы на просвещение» [21, 1936, с. 3—4].

В Декларации принципов Париндры и в ее программе указывалось, что главный путь к достижению «Великой Индонезии» — просвещение и воспитание народа в политической, экономической и социальной областях, чтобы он созрел для управления своей родиной, а важнейшая практическая задача партии — развитие «национального образования» [24, с. 104—105; 29, т. 2, с. 57—58].

Во время своего путешествия в 1936—1937 гг. Сутомо изучал постановку национального образования в различных странах, с тем чтобы использовать их опыт. В Индии он посетил Шантиникетан Тагора, в Египте — аль-Азхар, в Турции — Анкарский университет и т. п. Сутомо был одним из организаторов конгресса по национальному образованию в Индонезии в 1937 г. Выступая на конгрессе, он предложил добиваться того, чтобы молодые индонезийцы могли совершенствовать свои знания не только в Европе, но и в азиатских странах, особенно на Филиппинах, в Индии, Японии, Турции, для чего необходимо ввести в «туземных» школах Индонезии изучение не только голландского, но и английского языка [32, с. 58—61]. Здесь наряду со стремлением прорвать голландскую «культурную блокаду» чувствуется явная связь и с паназиатскими идеями Сутомо.

В качестве основного объекта просвещения и в то же время главной массовой опоры национального движения либералы рассматривали крестьянство. Орган Париндры в январе 1936 г. специально разъяснял, что эта партия понимает под «кромо», или «мархаэнами», крестьян, которые обделены имуществом и

знаниями, но образуют «базис индонезийского общества» — 80% населения страны. Именно этим крестьянам Париндра намерена помогать не на словах, а на деле [21, 1936, с. 33].

Учредительный съезд Париндры принял резолюцию в защиту интересов крестьян, вынужденных сдавать свою землю в аренду голландским сахарным заводам на выгодных лишь для последних условиях [21, 1936, с. 6]. Сутомо и его последователи еще с 20-х годов создавали бюро жалоб для крестьян, бюро против ростовщичества и др. Они принимали меры и для политической организации крестьян под руководством либеральных партий. Так, союз «Рукун Тани» не только занимался кооперативной деятельностью, но и боролся против ущемления прав крестьян со стороны сахарных и табачных плантаций, за демократический характер выборов деревенских советов и сельских старост, представляя собой определенный политический резерв либерального национализма. Либералам удалось повести за собой некоторую часть крестьянства, однако участие его в их политических и социально-экономических мероприятиях не следует переоценивать.

С целью вовлечь в национальное движение под своим руководством городскую мелкую буржуазию и полупролетариат либералы приняли некоторые меры по защите их интересов. Так, экономический департамент Париндры создал кооперативную организацию мелких индонезийских судовладельцев — «Рукун Пелаяр» (Рупелин), имевшую отделения в Сурабае, Джакарте, Макасаре, Баликпапане и других портах Индонезийского архипелага. Под руководством Париндры были основаны Союз извозчиков, Союз базарных торговцев и др.

Хотя либеральные националисты в отличие от многих национальных революционеров не считали пролетариат авангардом национального движения, это вовсе не означало, что они не пытались распространить на него свое влияние. Либеральные союзы и партии проявляли интерес к рабочему и профсоюзному движению и время от времени выдвигали требования в интересах пролетариата. В Декларации принципов Париндры среди задач в социальной области значились: «право на труд, охрана труда, запрещение детского труда, улучшение условий труда» [29, т. 2, с. 58; 32, с. 55]. В решениях съездов Париндры фигурировали требования установить минимум заработной платы, бороться с безработицей, обеспечить безработных пособиями и др. [11, с. 127; 25, с. 139—140].

Чтобы поставить под свой контроль рабочее движение, вырвать его из-под влияния левых и уберечь от «крайностей» революционной борьбы, либералы стремились создавать свои профсоюзы и профобъединения. Эти охранительные тенденции были ясно выражены в речи Сутомо на II конгрессе федерации индонезийских национальных организаций (ПППКИ) в декабре 1929 г. Сутомо заявил, что рост народного движения в Индоне-

зии ставит перед лидерами вопрос, как «обуздать и направить напор народа». В связи с этим важной задачей интеллигентов-националистов становится создание профсоюзных организаций современного типа. Сутомо подчеркивал: в стачечном движении в Индонезии в 1925 г. коммунисты сыграли ведущую роль только потому, что интеллигенты-националисты держались в стороне, и эта ошибка не должна повториться. В качестве примера для рабочего движения Индонезии он привел успехи реформистской Социал-демократической рабочей партии в Голландии и лейбористов в Англии. Сутомо утверждал, что в Голландии руководимое социал-демократами профсоюзное движение добилось таких успехов, что «ныне мы все чаще видим, как работодатели и их наемные работники как равные протягивают друг другу руку» [23, с. 266—268].

В речах, адресованных членам профсоюзов железнодорожников и шоферов, Сутомо подчеркивал, что задачи профдвижения исчерпываются борьбой за лучшие условия труда и издание правительством соответствующих рабочих законов. Он всячески предостерегал против внесения в профдвижение политики или религии, которые приведут к его расколу и гибели. В качестве положительного примера он приводил успехи руководимого социал-демократами голландского профцентра НФФ [23, с. 372].

Как видим, главный идеолог либерального национализма в борьбе против революционного влияния на индонезийский рабочий класс и профсоюзное движение апеллировал к опыту европейских, и особенно голландских, реформистов. Влияние их концепций заметно сказалось на подходе Сутомо к задачам рабочего движения, которые он сводил к экономической борьбе в рамках капиталистического общества.

Практическая деятельность либеральных националистов в области рабочего движения выразилась в организации нескольких небольших профсоюзов. Советские и зарубежные марксистские исследователи (Е. П. Заказникова, В. А. Цыганов, С. Ю. Рутгерс) единодушно отмечают, что влияние Париндры среди рабочего класса было значительно меньшим, нежели среди крестьян и мелкобуржуазных элементов, которые и являлись ее основной массовой базой.

Подавляющее большинство лидеров национального движения колониального периода стремилось к социальному компромиссу во имя антиколониального национального единства. Но если некоторые левые идеологи (например, Сукарно) все же признавали в теории неизбежность и закономерность классовой борьбы, хотя на практике отодвигали ее в неопределенное будущее, то либерально-буржуазные националисты отвергали классовую борьбу в принципе.

Сутомо прямо заявлял, что Париндра «не намерена разжигать классовую борьбу». Понятие классовой борьбы, указывал

Сутомо, привнесено в Индонезию с Запада. Между тем в Индонезии существует реальная возможность избежать классовой борьбы, создав «синтез рабочих и работодателей... восточную систему труда, основанную на взаимопомощи и взаимоуважении», которая существовала здесь еще в древности [21, 1936, с. 314—315].

Классовой борьбе Сутомо и другие либеральные лидеры противопоставляли призывы к «национальному единству», весьма популярные в условиях колониальной страны. Пропагандируя идею национального единства, Сутомо и его соратники неизменно изображали Париндру в качестве воплощения этого единства на практике. В речи на учредительном конгрессе Париндры Сутомо заявил: «Париндра — националистическая партия, которая охватывает все общество: крестьян, средние слои, интеллигенцию, аристократию. Она хочет улучшить положение различных групп населения, но не за счет других его групп». Партия будет заботиться о крестьянах — «базисе индонезийского общества». Она должна прочно сплотить «среднее сословие» и побудить аристократию и интеллигенцию выполнить свой долг перед народом. Главное при этом — сохранить «национальное единство» [21, 1936, с. 3—5].

В некоторых своих речах и статьях Сутомо объявлял основой сотрудничества всех социальных слоев традиционный индонезийский общинный принцип взаимопомощи готонг-ройонг. Он отмечал, что видит в кооперации современное воплощение «древней национальной добродетели» индонезийцев — готонг-ройонга [21, 1936, с. 50—52, 68; 24, с. 102].

Апелляция Сутомо к национальным традиционным коллективистским нормам типа готонг-ройонга, к основанной на них древней «восточной системе труда», как и его идеи о долге интеллигенции перед народом, имеет явное сходство с некоторыми постулатами народничества как в Индонезии, так и в Азии вообще. Известно, что в правых популистских течениях народнический утопический социализм противоречиво сочетается с буржуазным реформизмом. В идеологии же Сутомо мы можем констатировать сочетание буржуазного либерализма (реформизма) с отдельными элементами народничества, роль которых в целом весьма незначительна. Ведь в отличие от подлинно народнических идейных систем апелляция к традиционным общинным нормам имела у Сутомо лишь одно назначение — «наведение мостов» к массам, особенно к крестьянству, и не была связана с идеей некапиталистического развития с помощью этих норм. Это наглядно видно на примере кооперации, которую Сутомо называл современным воплощением готонг-ройонга. Дело в том, что крайне слабая экономически индонезийская буржуазия видела в кооперации способ коллективной защиты своих интересов от натиска гораздо более мощного западного и китайского капитала, необходимый этап на пути становления индонезий-

ского частного предпринимательства. Поэтому лидеры Париндры и призывали развивать «туземное предпринимательство» через кооперацию [21, 1936, с. 136—138].

В связи с вопросом об апелляции Сутомо и других светских либеральных националистов к некоторым традиционным институтам необходимо рассмотреть их отношение к религии, в частности к господствовавшему в Индонезии исламу. Как и все светские националисты, они не делали ислам основой своих концепций и программ, считая, что это может помешать национальному единству, поскольку индонезийцы исповедуют не одну, а несколько религий и нельзя отталкивать от национального движения христианское и индуистское меньшинство. Они не прибегали к религиозному обоснованию национального единства и были сторонниками секуляризма и свободы вероисповедания.

Уже первая индонезийская либеральная организация — Буди Утомо отказалась от религиозного обоснования своих требований. Если ее первоначальная программа все же предусматривала «поддержку мусульманской религии без нарушения принципа свободы вероисповедания», то в программе 1917 г. данный пункт был сформулирован следующим образом: «В религиозном вопросе Буди Утомо намерена отстаивать свободу вероисповедания», причем всякое упоминание об исламе отсутствовало. Основатели Буди Утомо отвергали религиозную исключительность и призывали к широкой веротерпимости [2, с. 156—157].

Программа ПБИ предусматривала полный нейтралитет в области религии. В программе Париндры говорилось: «Париндра не ведет борьбы в религиозной области и не делает различий между своими членами в зависимости от их религиозной принадлежности» [28, с. 179]. Руководители партии неизменно подчеркивали ее нейтралитет по отношению к религии [21, 1936, с. 84, 279, 397]. Посетив кемалистскую Турцию, Сутомо одобрил «современную позицию по отношению к исламу», т. е. упразднение халифата и отделение религии от государства [32, с. 7].

Однако в Индонезии, как и в большинстве стран Востока, светские националисты не были и не могли быть атеистами. Действуя в стране, где 90% населения составляли мусульмане, они должны были постоянно подчеркивать свое приятие ислама и уважение к нему, отмежевываясь от атеизма. Так, в одной из своих речей Сутомо говорил: «Наше движение не основано на религии, но это не означает, что мы отвергаем религию или запрещаем членам нашей партии исповедовать религию. Совсем наоборот. Предоставляя им свободу вероисповедания, мы настоятельно рекомендуем выполнять как следует свой религиозный долг и вести себя в соответствии с заветами своей веры» [32, с. 68].

Лично Сутомо, как и большинство светских либеральных националистов, несомненно был «добрым мусульманином», но

ни он, ни его соратники не ставили ислам в основу своих программ. Мало того, в отличие от многих левых светских националистов они не апеллировали к тем или иным нормам ислама для завоевания масс. Вообще характерной чертой светского либерально-буржуазного национализма в Индонезии была крайне слабая апелляция к традициям. Этим он отличался не только от «мусульманского национализма» в его буржуазном и мелкобуржуазном вариантах, но и от радикального светского национализма, который гораздо шире использовал традиционную идеологию и традиционные образы (в том числе и немусульманские) в целях вовлечения народных масс в национально-освободительную борьбу.

* * *

Светский либерально-буржуазный национализм сыграл определенную роль в национально-освободительном движении колониальной Индонезии, причем наиболее заметной она была в период зарождения этого движения, когда Буди Утомо являлась первой и единственной национальной организацией, и в последние годы голландского господства, когда Париндра стала одной из наиболее влиятельных индонезийских партий. Однако в целом роль мелкобуржуазного радикального национализма в колониальный период была значительно большей. После завоевания независимости соотношение сил еще более изменилось в пользу мелкобуржуазного крыла национально-освободительного движения. Если светские радикальные националисты, выступавшие под лозунгами мархаэнизма и «индонезийского социализма» Сукарно, вели за собой такие влиятельные массовые партии, как возрожденные НПИ, Партиндо и ряд более мелких, то у светских либералов не было единой сильной организации. Ведущая либерально-буржуазная партия Машуми стояла на позициях «мусульманского национализма», а под контролем нерелигиозного крыла либералов были лишь некоторые мелкие партии и группировки. Правда, до 60-х годов либеральный светский национализм все еще пользовался влиянием в политической жизни страны: он оказывал воздействие на правое крыло НПИ, многие его идеи разделялись Социалистической партией Индонезии.

Сокрушительный удар либерализму как в области идеологии, так и в области политики был нанесен установлением «направляемой демократии» (1957—1965) и сменившего ее военно-бюрократического «нового порядка». Бюрократическая буржуазия одержала победу над сторонниками свободного предпринимательства, а авторитаризм, всемогущество государства и вооруженных сил — над сторонниками либеральных порядков. Тем не менее и в современной Индонезии имена лидеров и идеологов либерального национализма колониальных времен,

особенно Сутомо, весьма популярны. Имя Сутомо постоянно упоминается в печати в связи с годовщинами первых национальных организаций (Буди Утомо и др.), в воспоминаниях о годах борьбы за независимость. Объясняется это, видимо, не только его действительными заслугами перед индонезийским национальным движением, но и тем, что в глазах прославляющих его Сутомо является образцом «чистого националиста», которому чужды были не только прокоммунистические тенденции, но и идеи мелкобуржуазного народнического социализма, а поэтому его фигура устраивает весьма широкие круги умеренных и правых националистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Ю. Г. Крестьянское движение в Индонезии.—Крестьянское движение в странах Востока. М., 1967.
2. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
3. Беленький А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии. 1917—1942 гг. М., 1978.
4. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
5. Дингли С. Борьба крестьянства Индонезии. М.—Л., 1927.
6. Заказникова Е. П. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971.
7. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970.
8. Пахомова Л. Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966.
9. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
10. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1957.
11. Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии. М., 1969.
12. Шабалина Г. С. Позиции иностранного монополистического капитала в экономике колониальной Индонезии.—«Народы Азии и Африки». 1962, № 4.
- 12a. Abdurrachman Surjomihardjo. Some Aspects of the Indonesian Press 1900—1942. Yogyakarta, 1974.
13. Dahm B. Soekarno en de strijd om Indonesie's onafhankelijkheid. Meppel [б. г.].
14. «Indonesia. Jubileum-Nummer»... Leiden, 1938.
15. Ki Hadjar Dewantara. Dari kebangunan nasional sampai proklamasi kemerdekaan. Djakarta, 1952.
16. Koch D. M. G. Om de vrijheid. Djakarta, 1950.
17. Koch D. M. G. Batig slot. Amsterdam, 1960.
18. Kolonial verslag van 1917. I. Nederlandsch- (Oost-) Indie, [б. м., б. г.].
19. Matu Mona. Riwayat penghidupan dan perjuangannya. Husni Thamrin. Medan, 1950.
20. Notosoetardjo H. A. Bung Karno dihadapan pengadilan kolonial. Djakarta, 1964.
21. «Overzicht van de Inlandsche en Maleisch-Chineesche pers». Batavia.
22. De Petite Soetardjo. Leiden, 1937.
23. Petrus Blumberger J. Th. De nationalistische beweging in Nederlandsch-Indie. Haarlem, 1931.
24. Pluvier J. M. Overzicht van de ontwikkeling der nationalistische beweging in Indonesie. 's-Gravenhage — Bandung, 1953.

25. Pringgodigdo A. K. Sedjarah pergerakan rakyat Indonesia. Djakarta, 1950.
26. «Recht en Vrijheid». Amsterdam.
27. Romein J. De Eeuw van Azie. Leiden, 1956.
28. Rutgers S. J. Indonesie. Het koloniale systeem in de periode tussen de eerste en tweede wereldoorlog. Amsterdam, 1947.
29. Slametmuljana. Nasionalisme sebagai modal perjuangannya bangsa Indonesia. Dj. 1—2. Djakarta, 1968—1969.
30. Soekarno. An Autobiography. Indianapolis, 1965.
31. Soembangsih. Gedenkboek Boedi Oetomo. Amsterdam, 1918.
32. Supardi J. Dr. Soetomo. Riwayat hidup dan perjuangannya. Djakarta—Amsterdam, 1951.
33. Suryadinata L. Pre-war Indonesian Nationalism and the Peranakan Chinese.—«Indonesia». Ithaca (N. Y.), 1971, № 11.
34. Tamar Djaja. Pusaka Indonesia. Bandung, 1951.
35. Vlekke B. H. M. Nusantara. A History of Indonesia. The Hague — Bandung, 1959.

Г. И. Колодкова

**ЦЕРКОВЬ «ИГЛЕСИЯ НИ КРИСТО» НА ФИЛИППИНАХ
КАК ПРИМЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ХРИСТИАНСТВА
В УСЛОВИЯХ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАНЫ**

Известна характерная особенность распространения так называемых мировых религий: проникнув первоначально как иноземная в новое для нее общество, такая религия со временем в известной мере принимает местную национальную форму, трансформируется под влиянием традиций, господствующих в данном обществе. Конечно, благодаря такой трансформации эта ветвь мировой религии имеет больше шансов выжить на новой национальной почве, и не только выжить, но и оказывать воздействие на все стороны жизни общества. Ведь она воспринимается уже не как чуждая традиционным стандартам система религиозных представлений, которые следует отторгнуть, вывести из организма общества, а как религия, органически сплавленная со сложившейся ценностной ориентацией общества. Это произошло на Филиппинах, где католицизм, еще в XVI в. привнесенный в эту страну испанскими колонизаторами и сумевший закрепиться в ней, до некоторой степени филиппинизировался, т. е. произошло своеобразное приспособление христианской доктрины и практики к мировоззрению, традициям, образу жизни филиппинского общества.

Христианская религия довольно скоро стала, используя выражение Гегеля, «масштабом и первообразом» для филиппинца, а также послужила каналом для проникновения социально-политических и культурных ценностей западного общества. Но одновременно эта религия все же оставалась для филиппинцев религией колонизаторов и потому в некоторых ситуациях воспринималась ими как вера принудительная, которая должна быть отвергнута; но в условиях уже утвердившейся в умах христианской идеологии и частичной утраты архаических, примитивных верований такой протест, естественно, выражался с позиций христианской религии, в форме сектантских движений, выдвигавших в качестве альтернативы различные интерпретации христианского вероучения в духе традиционных филиппинских ценностей.

Ситуация, когда при господстве в колониальном обществе христианской идеологии угнетатели и угнетенные являются равными «потребителями» определенного комплекса религиозных

символов, но в социальной жизни никогда не могут быть равны, чревата, особенно на уровне крестьянского сознания, возникновением различного рода религиозных сектантских движений, несущих в себе социальный протест угнетенных масс против угнетателей. Появлению сектантства способствовал и ряд других факторов, в числе которых можно назвать разрыв между официальной религиозной идеологией и новыми установками в религиозном мировоззрении, отражающими динамику социально-экономических изменений, когда, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей» [1, с. 445]. Сектантские течения при колониальном господстве появлялись почти во всех христианизированных странах Латинской Америки, Африки и Азии, в частности на Филиппинах, где вплоть до XIX в. чуть не все социальные движения принимали религиозную окраску, а чисто религиозные часто скрывали под своей оболочкой социальные и политические мотивы¹.

Следует обратить внимание на два существенно разных направления трансформации христианства на Филиппинах. Помимо реформаторских движений подобная трансформация, умеренная по своему характеру, имела место в рамках ортодоксальной католической церкви, приверженцами которой объявляет себя большинство филиппинцев: не отходя по сути от христианской доктрины, церковь в определенной степени филиппинизировала свою практику.

Религиозно-сектантские движения милленаристского, мессианистического типа первоначально проходили на Филиппинах в рамках традиционных крестьянских выступлений. Однако уже к концу XIX в. крайняя враждебность почти всех слоев филиппинского общества к испанским католическим служителям, в особенности монахам, этим полновластным хозяевам колонии, значительно расширила социальные границы религиозного сектантства за счет вовлечения в него представителей городских низов и средних слоев, в том числе националистически настроенной интеллигенции. Подъем национально-освободительного движения, крах испанского господства, а затем закабаление страны американцами привели к росту национализма. В обществе, где религия продолжала играть большую роль в духовной жизни, это способствовало росту сектантских движений, в которых религиозные мотивы сочетались с националистическими.

Система идей любого религиозного течения формируется под влиянием многих факторов: социально-экономических условий, политических и национальных моментов, личности проповедника и т. д. Степень влияния каждого из этих факторов в разных религиозных течениях неодинакова. Если в одном на переднем

¹ Примером может служить деятельность секты «Братство св. Иосифа», которая под руководством филиппинского священника Аполинарио де ля Круса подняла в 1841 г. (вскоре после ее основания) антииспанское восстание.

плане выступают исторические традиции, то в другом большую роль играют личность проповедника или политическая платформа тех социальных групп, которые поддерживают данное движение. Нередко в одних религиозных течениях находят выраженные интересы самых реакционных сил в обществе, а в других отражаются народно-демократические и национально-освободительные устремления. Таким образом, существует много критериев, по которым можно было бы классифицировать религиозно-сектантские движения на Филиппинах. Если ограничиться вопросами об уровне их идеологической зрелости и о степени их распространения, можно условно разделить эти движения на две группы: в первую войдут движения небольшие, локальные, идеологически аморфные, а в другую — движения крупные, получившие распространение по всей стране и даже за ее пределами, в высокой степени идеологизированные, с четко разработанным религиозным и социальным учением, имеющие тенденцию к оцерковливанию или уже представляющие собой церкви. Среди идеологически оформленных можно назвать: аглипаянское движение (названное так по имени его основателя филиппинского священника Грегорио Аглипая, возглавившего так называемую Независимую церковь), Церковь знамени нации, Святую церковь нации и, наконец, вторую по числу членов после Аглипаянской церкви — «Иглесия ни Кристо» (ИНК), или Церковь Христа. В рамках данной статьи мы можем остановиться лишь на некоторых аспектах деятельности «Иглесия ни Кристо», кратко обрисовать ее социальные истоки, политические позиции и структурно-идеологические основы.

В начале 1914 г. филиппинец из протестантов Феликс Манало, еще в ноябре 1913 г. начавший свою проповедническую деятельность в рабочих пригородах Манилы, крестил своих первых 12 последователей. А 27 июля 1914 г. новая церковь, названная «Иглесия ни Кристо», была официально зарегистрирована американскими властями. В уставе ее говорилось, что «цель этой организации — не что иное, как распространение учения Христа по всему Филиппинскому архипелагу» [15, с. 415]. В организационных вопросах и вопросах веры приверженцы церкви должны были руководствоваться Библией. Главой ИНК провозглашался Феликс Манало. Он родился в 1886 г. в крестьянской семье. После смерти отца мальчик, окончивший к тому времени третий класс начальной школы, воспитывался в доме своего дяди, католического священника. Однако, несмотря на религиозные убеждения родственников, Манало отходит от католичества и в 1902 г. провозглашает себя протестантом. Дальнейшая его жизнь, вплоть до создания собственного религиозного учения, связана с деятельностью в разных протестантских сектах: Манало посещает библейскую школу, находящуюся в ведении методистов, затем в одной из миссий евангелистов пропагандирует Библию на тагальском языке, наконец, его принимает в члены

и посвящает в духовный сан секта адвентистов седьмого дня² [15, с. 331—333; 16, с. 350—351]. Многие идеи, почерпнутые Манало у протестантов, вошли затем составной частью в доктрину ИНК и повлияли на ее организационную структуру.

По мере роста влияния и популярности ИНК, учение которой сразу же нашло отклик в среде беднейшего крестьянства и рабочих, к ней начинают примыкать представители более обеспеченных слоев общества, мелкая буржуазия и интеллигенция. Прошло всего несколько лет, и сфера деятельности ИНК значительно расширилась. Из Манилы и ее пригородов она распространила свое влияние почти на все провинции о-ва Лусон (особенно на его центральные районы), на Висайские острова. Даже на о-ве Минданао, где коренное население в значительной части исповедует ислам, среди проживающих там христиан появились члены секты.

Своих сторонников ИНК имеет и за границей. Первая заграничная миссия церкви начала свою работу в Гонолулу (Гавайские о-ва) в 1968 г. В настоящее время «Иглесия ни Кристо» имеет свои отделения во многих странах мира, а именно — в США, Канаде, ФРГ, Великобритании, Японии, Австралии, странах Ближнего Востока и Африки. В основном приверженцами учения Манало в этих странах являются проживающие там филиппинцы, но в последнее время на богослужениях в церквях ИНК все чаще появляются представители других наций, так, по крайней мере, утверждают деятели ИНК [17].

Число последователей Церкви Христа довольно быстро росло. Если за первый год Манало сумел обратить в свою веру более тысячи филиппинцев, то в 1960 г., согласно переписи, ИНК насчитывала уже 270 тыс. сторонников³ [16, с. 353]. Впрочем, руководство ИНК, стараясь внушить своим сподвижникам представление о величии этой церкви, о ее грандиозном успехе по всей стране, значительно (почти в 15 раз) завышает число своих членов, публично заявляя, что приверженцами учения ИНК являются почти 4 млн. филиппинцев. Но даже если исходить из реальных данных, успех Церкви Христа следует признать значительным⁴. В стране, где давно и успешно действуют такие мощные религиозные организации, как Римская католическая церковь, Независимая церковь (Аглипаянская), протестан-

² Один из исследователей деятельности ИНК, католический священник Ж. Каванах, полагает, что Манало одно время даже был колорумом, т. е. состоял членом одной из примитивных религиозных сект, действовавшей в окрестностях г. Тагуаю (см. [11; 12; 13]).

³ Согласно переписи 1960 г., из 28 млн. населения Филиппин приверженцами католической церкви объявляли себя 23 млн. человек, а аглипаянцами — 1414 тыс.

⁴ Показательно, что с 1948 по 1960 г. Церковь Христа увеличила число своих членов более чем на 200%, в то время как население Филиппин за этот период времени увеличилось всего на 40,8% [10, с. 334].

станты, суметь обратить в свою веру даже эту четверть миллиона филиппинцев — задача не из легких.

По мере увеличения числа членов, а также оформления основ догматики и создания организационной структуры ИНК приобретает законченные черты уже не секты, а самостоятельной церковной организации. В чем же кроется притягательная сила учения этой церкви, способной в короткий срок привлечь на свою сторону тысячи бывших католиков, аглипаянцев, протестантов? Две работы, написанные Манало: «Ang Sulo sa Ikati-tiyak sa Iglesia Katolika Apostolika Romana» («Факел, проливающий свет на Римскую католическую церковь») и «Ang Katotohanan ukol sa mga aral ng Iglesia Katolika Apostolika Romana» («Правда, которую следует знать о вероучении Римской католической церкви») — положены в основу официальной доктрины ИНК [15, с. 347]. Манало, подобно протестантам, отвергал священное предание как источник веры. Воплощением божественного откровения он признавал только Библию. Обращаясь к Библии, и в первую очередь к ее пророческим книгам, Манало старался убедить верующих, что возникновение его учения обусловлено библейскими пророчествами, что оно — проявление божественного предначертания. Краеугольным камнем своего учения основатель церкви считал положение, включенное в 1948 г. в качестве поправки в устав ИНК и выглядящее следующим образом: «Появление церкви связано с библейским пророчеством» [16, с. 353], и далее следует ссылка на некоторые строки из Апокалипсиса [Арос. 7 : 1—3] и из Ветхого завета [Isaiah 24 : 15—16; 46 : 11, 43 : 6—7]⁵. Эти библейские тексты, интерпретированные Манало в истинно националистическом духе, были положены им в основу религиозной доктрины церкви. Ссылаясь на указанные тексты, основатель ИНК объявлял себя «Ангелом», посланником божьим на земле, которому суждено нести человечеству последнее послание бога о спасении. Здесь обращает на себя внимание совпадение позиций Манало с позицией адвентистов седьмого дня, которые считали, что им поручена последняя весть милосердия к погибающему миру. Слово «Ангел» обозначает, по мысли идеолога церкви, как духовную, так и телесную субстанцию посланника бога, и потому это

⁵ Вот соответствующий отрывок из Апокалипсиса: «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево. И видел я иного Ангела, восходящего от востока и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего» [7 : 1—3]. А вот выдержки из Книги пророка Исайи: «Я воззвал орла от востока, из дальней страны, исполнителя определения моего. Я сказал и приведу это в исполнение, предначертал и сделаю» [46 : 11] или: «Не бойся, ибо я с тобою, от востока приведу племя твое» [43 : 6—7], наконец: «Итак, славьте Господа на востоке, на островах морских — имя Господа» (всюду курсив мой. — Г. К.) [24 : 15, 16].

слово раскрывает не природу «мессии» — им может быть и человек (здесь намек на самого Манало), — а прежде всего выполняемые им функции. Смысл же их заключается в исполнении воли бога, а именно в воссоздании истинной церкви, призванной нести в себе праведные черты той церкви, которую основал сам Иисус Христос и которая исчезла с возвышением «ложной» церкви Петра, или Римской католической церкви. Таким образом, появление «Ангела» в образе основателя ИНК явилось знаком возрождения этой исчезнувшей, истинной церкви Христа, произошло же это не где-нибудь, а на Филиппинах, которые Манало объявлял богоизбранной страной [15, с. 384; 16, с. 353—354]⁶.

Хотя по своей догматике и особенно в организационной структуре ИНК — это отчасти синтез принципов устройства католической и протестантской церквей, она активно выступает против как той, так и другой. Но, как и Аглипаянская церковь, ИНК сильнее критикует Римскую католическую церковь, божественное происхождение которой, ее истинность, полностью отвергается членами Церкви Христа. Папские декреты и послания, решения соборов ИНК считает неправомочными. Сама католическая церковь рассматривается как воплощение зла, олицетворение духовного и социального беззакония, творимого по отношению к филиппинцам. В своей критике католицизма ИНК часто обращается к произведениям расстрелянного испанцами Хосе Рисаля, филиппинского мыслителя, пользующегося огромной популярностью и уважением широких масс населения.

Существует много точек соприкосновения в трактовке образа Христа в доктринах «Иglesia ni Cristo» и Аглипаянской церкви. Как последователи ИНК, так и аглипаянцы стоят на позициях унитаризма: они отрицают учение о троичности бога и, как следствие этого, божественность Христа⁷. Согласно учению ИНК, Христос не бог, он само совершенство в образе человека, единственный посредник между богом и людьми, основатель истинной церкви. Приверженцы ИНК отвергают один из важнейших догматов ортодоксального христианства — догмат об искупительной смерти Христа, которому, как они полагают, богом было предначертано стать спасителем человечества, но который вследствие своего человеческого происхождения не смог до конца выполнить эту миссию. Члены церкви отрицают существование ада, первородный грех, непорочность зачатия, бес-

⁶ Один из исследователей сектантства на Филиппинах, Дуглас Элвуд, подчеркивал, что филиппинцы, провозгласив своего собственного бога (обычно им был Хосе Рисаль) или свято поверив в филиппинца — посланника божьего (тот же Манало), тем самым обретали чувство национального достоинства и гордости, хотя и через призму религиозных представлений [16, с. 384].

⁷ Отрицание божественности Христа не представляет собой нечто оригинальное, так как еще в IV в. н. э. александрийский священник Арий, по имени которого была названа одна из ересей (арианство), провозгласил Христа не богом, а лишь «превосходнейшим» творением бога-отца.

смертие души. Церковь Христа, подобно многим протестантским сектам, упрощает свой культ. Она отвергает причастие, исповедь, необходимость крещения в младенческом возрасте, почитание изображений святых и девы Марии и т. д. Богослужение начинается с торжественных гимнов с использованием филиппинских народных мелодий и ведется обычно на местном, чаще всего тагальском, языке [16, с. 354—355].

На организационную структуру ИНК наложил отпечаток принятый во многих протестантских сектах принцип построения церковной организации по типу религиозной общины. И хотя формально Церковь Христа — религиозная община, в которой все члены равны и являются «братьями» и «сестрами», по сути своей она больше тяготеет к «дисциплинарной» церкви методистов, чем к общине адвентистов или баптистов, и представляет собой строго централизованную религиозную организацию авторитарного типа с жестким дисциплинарным уставом. Во главе «Иглесия ни Кристо» до 1963 г. стоял ее основатель Феликс Манало⁸, который, согласно третьей статье устава ИНК, «несет на себе полную ответственность, выполняет все обязанности, необходимые для эффективного управления организацией, и выступает в качестве ее официального представителя по всем касающимся ее вопросам» [15, с. 349]. Таким образом, несмотря на принцип равенства всех членов ИНК, уже в самом уставе церкви заложены основы авторитарной власти. И это закономерный итог сакрализации личности Манало, пользовавшегося огромным доверием своих последователей. Феликс Манало относится к типу харизматических лидеров. Авторитет его как религиозного вождя был необычайно высок, его сторонники так свято верят в него, как верят только в Христа.

В руках главы церкви сосредоточена фактически вся полнота власти. Он осуществляет контроль за деятельностью священников, назначает или смещает работников административного аппарата, обладает исключительным правом посвящать членов ИНК в духовный сан. В его подчинении находится Высший административный совет, представляющий собой совещательный орган при главе церкви. При совете действует Экономический комитет, призванный следить за деятельностью администрации (и формально — самого Манало) в вопросах, касающихся церковной собственности. Организационная структура ИНК снизу доверху тщательно разработана. Представители высшего духовенства (в церкви их называют священниками округов) непосредственно подчинены главе церкви. Они регулярно посещают его резиденцию, расположенную в г. Сан Хуан (пров. Рисаль), где консультируются с ним по всем вопросам. За окружными

⁸ В 1963 г. Феликс Манало умер и место главы церкви занял его сын Эрано Манало. Переход поста по наследству подчеркивает как авторитарный характер управления ИНК, так и утверждение о персональном избрании его основателя.

священниками в системе иерархии следуют священники районов, которым, в свою очередь, подчиняются дьяконы и дьяконицы.

Первичной ячейкой Церкви Христа является религиозная община, или, по терминологии ИНК, местное подразделение, куда обычно входит до 15 человек. В то время как священнослужители и члены административного совета «Иглесия ни Кристо» получают жалованье, руководство местным подразделением, состоящее из председателя, заместителя председателя и секретаря, не имеет духовного сана, выбирается, как правило, из членов общины и работает на добровольных началах [10, с. 335; 15, с. 349—354]. Местное подразделение, или общину, можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как группу людей, которая конституирует себя посредством религиозной практики; во-вторых, как совокупность внутригрупповых взаимоотношений, характер которых корректируется в соответствии с признанным в данной группе эталоном. Как религиозный, так и групповой фактор имеют решающее значение для нормального функционирования подобной религиозной общины. От степени реализации религиозных установок в групповых взаимоотношениях и групповых установок — в религиозной практике зависит жизнедеятельность общины. Материал, цементирующий ее сплоченность, — жесткие дисциплинарные и этические нормы, посредством которых на уровне коллективного сознания и осуществляется единство поставленных целей. По средствам достижения этих целей в определенных случаях можно отличить один тип общины от другого. Так, индивид из религиозной общины баптистского типа, хотя и регламентирован определенным дисциплинарным уставом, все же в силу одного из основных протестантских принципов — об искуплении личной верой — имеет некоторые преимущества в свободном волеизъявлении (может сам непосредственно «общаться с богом») по сравнению с индивидом из местного подразделения ИНК, который вместо принципа спасения личной верой придерживается католического догмата о спасающей силе церкви и, следовательно, признает приоритет посреднической роли духовенства в общении с богом⁹.

Местное подразделение занимает специфическое положение в структуре ИНК. С одной стороны, оно обязано подчиняться вышестоящим церковным органам, а с другой — выступает в качестве самостоятельной единицы, имеющей право вовлекать в церковь новых членов, следить за их дисциплиной и даже, в случае недопустимого поведения, наказывать их. Именно в статусе местного подразделения отразилось своеобразие организационной структуры ИНК. Взяв на вооружение организационные принципы католицизма, основанные на догмате о спасающей си-

⁹ Богослужения в «Иглесия ни Кристо» проводятся в церквях, а не на собраниях подразделений, как в общинах протестантского типа.

ле церкви, Манало постарался преодолеть существующее в католицизме противопоставление церковной и светской жизни и с этой целью ввел систему местных подразделений, которые призваны способствовать более широкому вовлечению верующих в религиозный процесс.

Эклектическое соединение протестантских и католических элементов структуры дало возможность ИНК осуществить одно из основных положений своей доктрины — догмат о спасающей силе церкви, который даже получил более категорическую интерпретацию по сравнению с католической первоосновой. Вера в спасающую силу церкви, закрепленная дисциплинарно-этическими нормами, регулирующими поведенческие и мировоззренческие позиции паствы, стала одним из гарантов жизнеспособности и устойчивости ИНК в меняющихся условиях филиппинской действительности. По представлениям идеологов Церкви Христа, последователь учения Манало должен был, приняв нормы поведения в религиозной общине, стать неотъемлемой ее частью, буквально «раствориться» в общине, начав функционировать вместе с ней как единое целое. И как следствие этого, он должен был видеть главный залог своего спасения не в себе самом, а только лишь в церкви, и в частности через призму коллективных отношений в своей общине. Иными словами, если вся деятельность верующих в общинах протестантского толка направлена прежде всего *на себя* для церкви¹⁰, то в ИНК она направлена только *на церковь* и лишь через нее — для себя. Например, принятая в ИНК система надзора верующих друг за другом, может быть и тягостная для них с морально-психологической точки зрения, тем не менее безоговорочно принимается всеми членами только потому, что она способствует целостности и устойчивости положения церкви в обществе.

Церковь Христа проводит широкую пропаганду своего учения по всей стране. В ИНК существует группа так называемых разъездных проповедников, в чью задачу входит пропаганда идей Манало, а также создание общин-подразделений там, где их нет. Проповедникам гарантируется предоставление материальной помощи из «центра» до тех пор, пока на местах не начнут действовать новые местные подразделения, которые должны сами себя обеспечивать. Манало, сохранив в церкви католический вариант миссионерства, ввел наряду с ним принятый в протестантских сектах принцип всеобщего священства, суть которого состоит в том, что на каждого верующего возлагается обязанность быть проповедником, т. е. пропагандировать учение церкви для вовлечения в нее новых членов. Методы и приемы миссионерской деятельности были почерпнуты Манало у адвентистов. Активная пропаганда религиозной доктрины рассматри-

¹⁰ Одно из положений баптистского учения о церкви гласит: «Видимая церковь есть мистическая форма истинной духовной, невидимой церкви, которая образуется душами только праведных и совершенных людей» [7, с. 18].

вается идеологами ИНК как одно из условий эффективной деятельности церкви в обществе. Поэтому каждый приверженец Манало в отличие, например, от последователей Аглипаянской церкви, имеющих лишь приблизительное представление о своей доктрине, наизусть знает основные положения учения ИНК и готов, вооружившись библейскими текстами, вступить в полемику с противником его веры. Следуя наставлениям своего духовного вождя, члены Церкви Христа ведут активную пропагандистскую кампанию практически везде: в деревнях и в городе, на улицах и в учреждениях, на рынках и в магазинах [15, с. 341—344; 16, с. 361].

То, что «Иглесия ни Кристо» широко пропагандирует свое учение, не означает, что ее последователем может стать всякий, кто этого пожелает. Каждый кандидат на вступление в «Иглесия ни Кристо» проходит строгую систему отбора. Прежде всего он изучается проживающими или работающими рядом с ним членами церкви, которая пытается составить полное представление о духовных и моральных качествах (материальное положение не играет существенной роли) своего будущего последователя. Идеологи ИНК требуют от вступающего не пассивной, а обязательно активной веры, основанной, по их представлениям, на серьезном, глубоком знании учения церкви. Претендент обязан пройти, в зависимости от образовательного уровня, 2—6-месячные курсы знакомства с основами официальной доктрины. Курс обучения важен для вступающего не только в плане приобретения знаний, это как бы испытательный срок для выявления соответствия его поведения и наклонностей общепринятому в ИНК эталону. Для этого с желающим вступить в секту проводят беседы, обычно кто-то из руководства религиозной общиной, и ему указывают на те или иные недостатки, от которых он должен избавиться.

По истечении срока обучения испытуемый фактически сдает два экзамена: один — на знание доктрины ИНК, другой — на свою моральную пригодность быть членом церкви. Прошедший все испытания допускается к крещению, которое всегда проходит в торжественной обстановке и должно, по мнению идеологов церкви, восприниматься верующим как акт высокого доверия, оказанный ему всеми членами ИНК [15, с. 357—358]. Основное, что следует понять и усвоить новообращенному, это то, что теперь все его усилия должны быть направлены на поддержание престижа церкви в обществе. Именно от него самого, от четкого выполнения им дисциплинарно-этических норм, принятых в общине, от его личного вклада и участия в работе секты зависит ее жизнедеятельность. А жизнеспособность церкви как социального организма, по мнению идеологов ИНК, — один из показателей истинности ее учения. Другими словами, в новообращенном стараются выработать чувство сопричастности общему делу, ответственности за состояние церкви в целом.

«Истинность» Церкви Христа идеологи ИНК усматривают не только в «верном» учении, но и в «праведном» поведении ее последователей, смысл которого видится им прежде всего в беспрекословном подчинении всем предписаниям церкви. Жизнь каждого приверженца Манало строго регламентируется в соответствии со специально выработанным идеологами ИНК комплексом норм поведения, в которых, по их мнению, нашли отражение утраченные католической церковью принципы раннего, «справедливого» христианства. ИНК, подобно другим христианским церквям, исходит из положения, что нравственные принципы, положенные в основу «праведного» поведения ее последователей, как и любые нормы морали, определены богом.

По мысли идеологов ИНК, местное подразделение должно стать «духовным убежищем» для всякого верующего иглесианца. Оно должно функционировать как коллектив единомышленников, вся жизнь которых протекает в соответствии со строгими религиозными предписаниями. Именно здесь последователь учения Манало вместе со своими «братьями и сестрами» по вере занимается религиозным самообразованием, читает Библию, тщательнейшим образом штудирует официальную доктрину церкви; здесь обсуждаются проповеди, прочитанные священником, и, как правило, заучиваются наизусть целые отрывки из проповедей Манало; здесь верующий может получить ответ на волнующие его личные вопросы, а также обменяться мнениями о событиях в стране и за рубежом, конечно, в соответствии с данной церковью интерпретацией. Именно здесь, в местном подразделении, проходит работа по приобщению каждого верующего к деятельности церкви. Он должен интересоваться, какие мероприятия устраиваются ИНК и в чем их смысл, участвовать в обсуждении порядка проведения торжеств по случаю дня рождения главы церкви, узнавать, сколько денег собираются отпустить на строительство храма, т. е. быть в курсе фактически всех дел ИНК [15, с. 353; 16, с. 357—358]. Таким образом, местное подразделение вынуждает верующего и вне церкви заниматься религиозными вопросами. И это оказывает неоценимую услугу самой церкви, так как активизирует религиозную практику каждого последователя ИНК, делает из него не зрителя, а активного участника церковной деятельности.

Деятели церкви всегда уделяли и уделяют большое внимание контролю за членами секты. Контроль рассматривается ими в качестве необходимого условия моральной сплоченности всех верующих вокруг церкви. А так как первичная ячейка «Иглесия ни Кристо» — это своего рода социальный микроорганизм, функционирование которого помимо религиозной практики определяется спецификой его внутригрупповых отношений, то и надзор за деятельностью и поведением последователей церкви осуществляется через систему этих отношений. Раз в неделю в обязательном порядке члены местного подразделения собираются

на собрание, где фактически каждый верующий должен дать собравшимся полный отчет о его прошедшей и будущей деятельности на благо церкви. Круг вопросов, которые ставятся на обсуждение на подобных собраниях, довольно широк. Здесь и миссионерская деятельность верующего, и его личное участие в диспутах с католиками или протестантами, посещение церковных богослужений и т. д. Каждый член секты обязан присутствовать на церковной службе, которая проводится два раза в неделю, в четверг и пятницу, одновременно по всей стране [15, с. 364, 374—375; 16, с. 359—360].

Хотя ИНК и не обязывает своих последователей отчислять определенные суммы денег в пользу церкви, как, например, адвентисты седьмого дня, рядовой верующий-иглесианец считает своим долгом добровольно вносить деньги на церковь. Каждый раз перед началом богослужения он опускает их в установленный у входа в здание специальный ящик для сбора подношений. Присутствующий при этом акте «доброй воли» председатель подразделения строго следит за тем, чтобы ни один верующий не уклонился от своих «добровольных» пожертвований. Если же это произойдет, то уклонившийся будет публично осужден «братьями» и «сестрами» как отступник, который позорит свое подразделение перед всей церковью.

В «Иглесия ни Кристо» существует система надзора и слежки верующих друг за другом. Каждый член церкви, от рядового до священнослужителя, становится объектом пристального внимания со стороны своих «братьев» по вере. ИНК обязывает верующего следить за своим ближним, знать его жизнь, дела, помыслы, быть информированным о каждом его шаге, о каждой мысли и при малейшем отклонении от установленных норм поведения доносить об этом вышестоящим духовным лицам. Донос в этом случае не считается чем-то постыдным, наоборот, он всячески поощряется церковью как проявление истинной преданности верующего. Естественно, лучшие условия для контроля созданы в местных подразделениях, где существуют более тесные контакты между людьми. Обычно председатель следит за поведением верующих, те, в свою очередь, наблюдают за ним и друг за другом. И все они имеют право в случае недопустимого, по их мнению, поведения дьякона или даже священника поставить об этом в известность главу церкви, отправив ему письма или записавшись к нему на прием [12, с. 28; 15, с. 365—375].

По мнению идеологов ИНК, наблюдение за ближним проводится в интересах последнего, так как раннее выявление его неблагоприятных поступков поможет ему быстро исправиться и, следовательно, откроет оступившемуся путь к спасению. Выходит, что, следя за деятельностью и поведением своего «брата», верующий тем самым спасает его, что на уровне коллективного морального кодекса рассматривается как проявление высшего

долга по отношению ко всей церкви. Таким образом, надзор в сознании верующего воспринимается им не как тягостное обязательство, а как почетное испытание его моральной готовности к служению идеалам церкви.

Если верующий не ведет себя в соответствии с принятыми в ИНК нормами, он может быть подвергнут мерам общественного воздействия, за которыми, при повторении неблагоприятных поступков, последует его исключение из церкви. Верующего исключают из церкви, во-первых, за нарушение моральных предписаний: пьянство, азартные игры, аморальное поведение и т. д.; во-вторых, за отступничество, выражающееся в появлении признаков неверия, попытках посещать другие церкви, освящать свой брак вне церквей ИНК; в-третьих, за несогласие с действиями администрации. Последний пункт трактуется идеологами ИНК в самом широком смысле: от непростительного участия в танцевальных вечерах до вступления в ряды членов профсоюза или несоблюдение верующим директив церкви во время проведения выборов в стране. В большинстве случаев исключенный из ИНК попадает в довольно затруднительное положение. И этому в немалой степени способствует сама ИНК, которая всячески препятствует контактам с выбывшим из церкви, обязывает своих членов не встречаться с ним и даже не разговаривать. В случае если церковь исключает из своих рядов одного из супругов, например мужа, то жена, которая несет за него моральную ответственность перед всеми членами ИНК, должна пытаться избавить его от пороков и вернуть оступившегося в лоно церкви. Если же исключенный супруг не желает расставаться со своими привычками, то Церковь Христа, которая официально признает развод, обязывает женщину в интересах веры оставить мужа [15, с. 379—380].

Исключение из церкви лишает отступника той материальной устойчивости, которую гарантировала ему ИНК. Следует отметить, что «Иглесия ни Кристо» по примеру некоторых протестантских сект активно вмешивается в повседневную жизнь верующих, старается поставить ее в зависимость от своей благотворительности. Будучи довольно влиятельной организацией, церковь почти всегда имеет возможность трудоустроить своих членов, поэтому среди последователей ИНК, как правило, не бывает безработных. Верующим, которые в силу обстоятельств (болезнь, похороны и т. д.) нуждаются в деньгах, церковь предоставляет небольшую денежную помощь. Она также идет на встречу и выдает денежную ссуду тем членам, которые желают заняться мелким предпринимательством. Подобная политика «Иглесия ни Кристо» привязывает верующих к церкви, внушает им, что церковь незаменима во всех отношениях. Заботясь о росте материального благосостояния своих членов, ИНК заботится прежде всего о себе, так как ее доходы находятся в прямой зависимости от обеспеченности ее последователей. Сама

Церковь Христа весьма состоятельна в финансовом отношении. Ее храмы (стоимость постройки некоторых из них превышает 1 млн. песо) поражают роскошью внутреннего и внешнего убранства. Привлекает внимание дворец-храм в г. Сан Хуан, где располагается резиденция главы церкви. Дворец, в котором проживает семья Манало, и церковь на 1217 мест построены в современном стиле, оснащены многочисленными кондиционерами и микрофонами. Они окружены высокими сторожевыми башнями, охраняющими подступы к этому, по выражению одной из манильских газет, «небольшому владению махараджи» [15, с. 345].

«Иглесия ни Кристо» имеет свой журнал «Pasugo» («Посланник»), который она начала издавать в 1939 г. Журнал выходит раз в месяц на тагальском и английском языках. В нем печатаются материалы, посвященные главным образом религиозной тематике. Помимо печатного органа ИНК владеет радиоканалом, который она использует в тех же целях.

Большие денежные средства, которыми располагает ИНК, дают повод для различного рода предположений относительно путей их приобретения. Поскольку добровольные взносы последователей церкви, очевидно, не могут покрыть всех ее расходов, в филиппинской прессе не раз предпринимались попытки связать доходы ИНК с ее активным участием в выборах, а именно высказывалось мнение, что церковь довольно успешно торгует голосами своих приверженцев, получая деньги от кандидатов на ту или иную государственную должность, включая президентскую. Однако ввиду отсутствия достоверных данных пока не представляется возможным безоговорочно принять такую версию.

В филиппинском обществе религиозное мировоззрение вошло составной частью в идеологию многих социально-политических течений. В то же время идеология чисто религиозных движений восприняла в себя политические установки. Этим в первую очередь объясняется то, что все без исключения религиозные течения на Филиппинах, возникшие в конце XIX — первом десятилетии XX в., несут в себе определенный заряд политической активности. Например, аглипаянское движение при своем становлении, в период национально-освободительной борьбы против испанских, а затем американских колонизаторов, развивалось как политическое движение, в котором колоссальную роль играл национализм. Для филиппинца участвовать в этом движении означало быть патриотом. Затем, с созданием Независимой церкви и принятием официальной доктрины, которая была слишком умозрительна и сложна для простого крестьянина, наметилось первое ослабление позиций аглипаянцев в стране. В 40-х годах, с изменением политической обстановки — получением независимости и, как следствие этого, новой расстановкой классовых сил в стране, Независимая церковь начала терять

свою политическую направленность и вслед за тем свое влияние на массы.

В противоположность Независимой церкви ИНК первоначально представляла собой чисто религиозное движение. Однако социально-политическая обстановка, в условиях которой действовала ИНК и которая была совершенно иной по сравнению с той, на фоне которой начинала свою деятельность Аглипаянская церковь, имела решающее значение для изменения характера деятельности ИНК. Усиление национального фактора в идеологии, политике, духовной жизни филиппинского народа, в условиях (после получения независимости) косвенного господства в стране американского колониализма, привело к росту национализма, отражением которого, в частности, явились многочисленные сектантские движения, имевшие отчетливо выраженный националистический характер. В этот период, особенно после 1922 г., когда Манало объявил себя, филиппинца, посланником божьим, а Филиппины — страной, избранной богом, т. е. после внесения в доктрину церкви национального момента, характер движения начинает меняться: оно из чисто религиозного становится религиозно-политическим. И уже к 50-м годам ИНК превращается во влиятельную религиозно-политическую организацию, с мнением которой считаются крупные государственные деятели Филиппин.

Позиция ИНК по вопросу об участии в политической жизни складывалась под влиянием многих факторов. Немаловажное значение имела данная ее идеологами интерпретация Церкви Христа как некоей потенциальной модели будущего устройства жизни на земле, которое установится после «тысячелетнего царства», когда Манало со своими приверженцами спустится на землю, чтобы править всем миром. Подобный подход к предназначению церкви в обществе определенным образом повлиял на отношение ИНК к политической деятельности, способствовал тому, что «Иglesия ни Кристо», хотя и ратует за процветание всего филиппинского народа, прежде всего пытается извлечь из политической деятельности пользу только для себя самой. Можно также предположить, что заинтересованность ИНК в политической деятельности тесным образом связана с идеями так называемого социального христианства, почерпнутыми Манало в США в 1922 г. во время одной из своих поездок. Ведь идеологи этого нового направления в христианстве, получившего широкое распространение в 20-х годах в США, например, считали, что «политика сама имеет цель в религии, что в своем высшем самовыражении она религиозна, поскольку все в мире подчинено божественной воле» [4, с. 63]. Участие «Иglesия ни Кристо» в политической жизни приняло такие своеобразные формы, что на первый взгляд может показаться, что она вовсе не занимается политической деятельностью. В отличие от Независимой церкви ИНК никогда не создавала собственной политической

партии, никогда не выдвигала своих кандидатов на выборах, и, наконец, у нее никогда не было четкой политической программы, в которой бы нашли отражение ее политические устремления.

Однако, несмотря на отсутствие явных признаков политической деятельности, ИНК на деле участвует, и довольно активно, в политической жизни страны. Не имея ни собственной партии, ни программы, Церковь Христа предпочитает проводить свою политику через пользующихся ее доверием профессиональных политических деятелей. Для этого она, во-первых, принимает активное участие в проводимых в стране выборах, на которых делает ставку на нужных ей кандидатов, а во-вторых, старается внедрить своих приверженцев в государственный аппарат [10, с. 337; 15, 376, 407; 16, с. 359]. Подобная тактика приносит ощутимые результаты. Глава церкви, который один только вправе решать вопрос о том, какого кандидата поддержать на выборах, всегда имеет надежный источник информации о нем, а именно иглесианцев, которых он в свое время устроил на работу в те или иные государственные учреждения и которым помог занять высокие посты. Они поставляют точные сведения, касающиеся почти всех сторон жизни и деятельности будущего государственного деятеля. Это помогает ИНК расчетливо делать ставку на ту или иную кандидатуру. Почти все кандидаты, которым помогала ИНК, добивались успеха на выборах. Каждый из политических деятелей, баллотирующихся на тот или иной государственный пост, пытается завоевать доверие ИНК. С одной стороны, он нуждается в голосах иглесианцев, с другой — его привлекает националистическая окраска ее учения. Поддержка на выборах почти 300-тысячного блока избирателей — членов секты, в своей доктрине объявляющей Филиппины избранной богом страной, обычно приносит кандидату на должность ощутимый успех. Оказываемая кандидату помощь на выборах, если он стремится и в дальнейшем ее получать, обязывает его считаться с желаниями ИНК, принимать во внимание ее политические интересы. Таким образом, «Иglesия ни Кристо» помимо системы «своих» людей, играющих роль своеобразного лобби, которое при случае может повлиять на то или иное решение государственной администрации, получает в лице поддерживаемого ею политического деятеля дополнительный канал связи с системой государственного управления и при случае может его использовать в соответствии с собственными устремлениями.

Поскольку последователи ИНК должны выполнять все ее предписания, соблюдение указаний идеологов церкви относительно голосования на выборах — прямая обязанность каждого верующего. Церковь требует от своих приверженцев не только активного участия в выборах, но и голосования всех членов исключительно за утвержденных руководством ИНК кандидатов. Для идеологического обоснования необходимости такого единства деятели церкви обращаются к некоторым местам из Нового

завета (см. [Joan 17 : 11, 21; I Corinth 1 : 10])¹¹. За несколько недель до выборов имена утвержденных руководством ИНК кандидатов на должность объявляются всем иглесиянцам. В представлениях верующих только руководство способно правильно ориентироваться в политической обстановке в стране, о которой сами верующие имеют лишь смутное представление. Таким образом, высокая политическая активность церкви сочетается с полной пассивностью ее членов в вопросах политики, с отказом от сознательного участия в политической жизни страны. Например, рабочим, членам церкви, под страхом исключения не разрешается вступать в профсоюзные организации и, следовательно, принимать участие в забастовках, так как идеологи ИНК считают, что трудовые споры между рабочими и предпринимателями противоречат христианскому идеалу любви и братства между людьми. Подобная позиция ИНК вполне устраивает предпринимателей, которые всегда охотно берут на работу приверженцев Манало.

Вообще же, несмотря на желание церкви самой играть роль на политической арене страны, она в основном разделяла и разделяет политическую позицию, занимаемую господствующими на Филиппинах буржуазно-помещичьими партиями. Об этом, в частности, свидетельствуют тесные контакты деятелей церкви с представителями филиппинской правящей элиты, такими, как Кесон, Рохас, Магсайсай, т. е. националистически настроенными лидерами из категории так называемых «сильных личностей», к которым ИНК в силу своей авторитарности питает особое пристрастие. Нынешнее руководство ИНК одобрятельно относится к установленному в 1972 г. режиму личной власти президента страны Маркоса. С такой ориентацией связаны антикоммунистические настроения руководителей Церкви Христа. Например, наряду с горячо поддерживаемой руководством церкви версией об участии приверженцев ИНК в партизанской борьбе против японских оккупантов имеются данные, что «Иglesия ни Кристо» не столько сражалась в рядах партизан, сколько боролась против руководимой коммунистами армии Хукбалахап. Некоторые исследователи сообщают, что, когда в послевоенный период президент Рохас предпринял шаги к ликвидации патристической организации хуков, у руководства которой находились коммунисты, констабулария снабжала членов Церкви Христа оружием для борьбы с хуками (см. [11]).

В период после получения страной независимости (1946 г.) несколько изменился социальный состав ИНК: в ее рядах увеличилось число представителей буржуазии и интеллигенции, что, в свою очередь, отразилось на уровне образованности ее

¹¹ См., например, Послание к Коринфянам [1 : 10]: «Умоляю вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделения, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях».

членов. Если до второй мировой войны образованные члены ИНК составляли 1% общего числа приверженцев Церкви Христа, то в 50-х годах их было уже 35%. Если раньше для священника ИНК достаточно было закончить начальную школу, то теперь, в соответствии со специальными инструкциями церкви, посвящают в духовный сан только тех, кто имеет высшее или среднее образование [15, с. 344]. Однако Церковь Христа, как и раньше, ориентируется в качестве массовой опоры на беднейшие слои крестьянства. По всей стране, как на севере, в районах Центрального Лусона (провинции Нуэва Эсиха, Рисаль и др.), так и на юге (о-в Минданао) «Иglesия ни Кристо» организовала несколько поселений, которые дали пристанище изгнанным со своих земель или преследуемым по религиозным мотивам арендаторам. Интересна история открытия первого подобного рода поселения в провинции Нуэва Эсиха в феврале 1965 г. Сельскохозяйственные рабочие, члены ИНК, в провинции Тарлак (Центральный Лусон) были уволены после введения на асиенде, где они работали, принципа «закрытого цеха», согласно которому на данной асиенде имеют право работать только члены профсоюза. А так как членство в профсоюзе запрещено в ИНК, то 145 семей были выброшены на улицу. В этой ситуации руководство ИНК пошло на довольно рискованный шаг — купило около 900 га земли в Нуэва Эсиха, где и обосновались уволенные члены Церкви Христа. В 1968 г. это «образцовое» поселение посетил президент Ф. Маркос. Подобное признание деятельности ИНК со стороны государственного деятеля еще больше способствовало укреплению престижа церкви в обществе. Идеологи ИНК не замедлили этим воспользоваться. Широко разрекламированные новые поселения стали появляться по всей стране [18].

Подобная тактика Церкви Христа в отношении крестьянства вполне согласуется с ее социальной политикой. Идеологи ИНК, так же как и идеологи многих протестантских сект, считают, что религия должна активно вторгаться в реальную жизнь, только тогда она сможет стать ее духовным стержнем.

В последние годы в поле активной деятельности ИНК вошло и образование. В 1975 г. на средства церкви был построен колледж, куда стали принимать молодых людей независимо от их вероисповедания. В 1980 г. в программу обучения был введен новый курс — «Евангелическая деятельность», входящий составной частью в доктрину Церкви Христа [17].

Медицина также не осталась без внимания «Иglesия ни Кристо». На средства церкви созданы группы медицинских работников, занимающиеся пропагандой медицинских знаний и оказывающие первую помощь всем, независимо от вероисповедания. При нехватке врачей в стране эта деятельность ИНК пользуется большой популярностью среди широких масс населения [17].

Проблема вовлечения в секту молодежи — одна из главных для «Иglesия ни Кристо». С этой целью создано молодежное общество «Союз верящих в победу». Организационно Союз отделен от церкви. Его главной задачей объявляется борьба с неграмотностью, однако идеологи ИНК возлагают на Союз не только эту благородную миссию, в первую очередь они стремятся превратить его в центр по пропаганде своего учения [10, с. 342—343].

В заключение следует отметить, что, несмотря на оригинальность догматики и организационной структуры, ИНК не представляет собой уникального явления в истории реформаторских религиозных движений в колониальных странах. Известно немало примеров подобной трансформации религии в христианизированных колониальных странах Африки (например, в Гвинее, Нигерии), Латинской Америки (Гаити, Доминиканская Республика). Идеология и культура этих стран, испытав на себе «великий натиск» христианства, впитали в структуру традиционных связей некоторые его элементы. Это послужило одним из источников возникновения различных по своим целям и задачам сектантских христианских движений, пытающихся в свойственной им форме решать проблемы социально-политического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.—Т. 4.
2. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.
3. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Т. 22.
4. Кислова А. А. Социальное христианство в США. М., 1974.
5. Левинсон Г. И. Филиппины на пути к независимости. М., 1972.
6. Минкявичус Я. В. Католицизм и нация. М., 1974.
7. Митрохин Л. Н. Баптизм. М., 1974.
8. Мчедлов М. П. Католицизм. М., 1970.
9. Achutegui P., Bernad M. Religious Revolution in the Philippines. Vol. 1—2. Manila, 1965.
10. Ando H. A. Study of the Iglesia ni Cristo: a Politico-Religious Sect in the Philippines.— «Pacific Affairs». Honolulu, 1969, vol. 42, № 3.
11. Kavanagh J. The Iglesia ni Cristo.—«Philippine Studies». Manila, 1955, vol. 3, № 1.
12. Kavanagh J. The Stars that Fall and Mr. Manalo.— «Philippine Studies», 1955, vol. 3, № 6.
13. Kavanagh J. The Voice of the Iglesia ni Cristo 1951—1961.— «Philippine Studies», 1961, vol. 9, № 4.
14. Lachica E. Huk: Philippine Agrarian Society in Revolt. Manila, 1971.
15. Reyes-Sta Romana J. The Study of Iglesia ni Cristo.—«Journal of East Asiatic Studies». Manila, 1955, vol. 4, № 3.
16. Studies of the Philippine Church History. Ithaca (N. Y.), 1969.
17. «Times Journal». Manila, 27.VII.1980.
18. «Weekend Magazine of the Sundry Express». Manila, 22.III.1981.

В. А. Жаров

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В МАЛАЙЗИИ

В последние годы в советской научной литературе возрастает интерес к проблеме идеологической деятельности государства в развивающихся странах [2; 4; 6; 8; 9; 10; 11]. И это не случайно. Сейчас, когда эти страны, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, «с нарастающей энергией отстаивают в противоборстве с империализмом свои политические и экономические права, стремясь закрепить свою независимость, поднять уровень социального, экономического и культурного развития своих народов», когда происходят «серьезные сдвиги в их внутренней жизни и международной политике» [1, с. 15, 13], формирование национального сознания и воздействие на него в нужном правящим кругам направлении приобретает все возрастающее значение.

В настоящее время во многих развивающихся странах в том или ином виде существует официальная идеология. Наиболее полное выражение она находит в том случае, когда после одобрения основными политическими силами страны она утверждается высшими органами власти государства и, следовательно, становится независимой от смены правительств. И хотя нельзя найти двух одинаковых официальных идеологий, поскольку их характер определяется социально-экономическими и политическими факторами конкретной страны, сходные исторические задачи, стоящие перед развивающимися государствами, и во многом схожие проблемы, которые им приходится разрешать, позволяют выделить определенные типы официальных идеологий — от революционно-демократических до буржуазно-консервативных [7, с. 6—7; 9, с. 386—388; 11, с. 89].

Обычно официальная идеология возникает и развивается в наиболее ответственные, переломные периоды жизни страны. Если она находит положительный отклик среди различных слоев населения, то становится основой идейно-политической жизни страны и может служить важным объединяющим фактором при решении самых серьезных и сложных вопросов.

Однако не следует забывать, что правящие круги всегда придают официальной идеологии собственное толкование и используют ее прежде всего в своих интересах, в том числе в борьбе с оппозицией. Ведь, как правило, правящий блок предлагает

общественности согласованную позитивную программу действий по развитию страны, в то время как оппозиция чаще всего имеет лишь негативную программу — стремление свалить стоящее у власти правительство, что ставит ее в невыгодное положение.

Если же происходит смена правящего блока, влекущая за собой изменение социально-политической ориентации страны, то существующая официальная идеология модифицируется новыми правящими кругами, «очищается» ими и формулируется заново, как, например, дважды происходило в Индонезии. Поэтому официальную идеологию не следует отождествлять с политическим режимом. Ее задачи шире и рассчитаны на более длительный срок, а политико-практическое значение состоит в том, что, с одной стороны; она служит консолидирующим фактором, способствующим решению крупных и сложных общегосударственных задач, а с другой — является инструментом укрепления позиций правящей коалиции. Официальная идеология представляет собой важный элемент идейно-политической жизни развивающихся стран, который принимается во внимание политически активными силами в стране, учитывается и широко используется во внутренней и внешней политике.

Официальные идеологии возникают и в последние годы. Так, 31 августа 1970 г. была провозглашена идеология Малайзии, которая называется «Рукунегара», что в переводе означает «Основы государства». «Рукунегара» оказала существенное влияние на разработку политического курса страны, внесла много нового в политическую практику, повлияла на расстановку сил в законодательных и исполнительных органах власти в центре и на местах. Чтобы понять ее значение и воздействие на обстановку в Малайзии в 70-е годы, необходимо рассмотреть условия, при которых она была создана.

Население Малайзии состоит из трех основных общин — малайской, китайской и индийской. Каждая из них имеет свою культуру, религию, язык. Ни одна община не является преобладающим большинством в стране. По данным 1972 г., малайцев было 49,35%, китайцев — 37,2, индийцев — 11,77% (см. [16, с. 31]). Китайцы живут в основном на западе Малаккского полуострова в наиболее развитых в экономическом отношении районах, в то время как отсталые районы восточного побережья заселены преимущественно малайцами. В 1975 г. 50,8% китайцев жило в городах, тогда как лишь 18% малайцев были городскими жителями [24, с. 61]. В руках китайцев — торговля, промышленность, интеллигентные профессии (инженеры, врачи, научные работники и др.). Малайцы заняты в сельском хозяйстве. В то же время за ними закреплено четыре пятых ключевых постов в государственном и административном аппарате [16, с. 33]. Личный состав армии и полиции почти полностью укомплектован малайцами. Индийская община по своему поло-

жению ближе стоит к китайской, чем к малайской. Индийцы и китайцы составляют подавляющее большинство рабочего класса страны.

В «Рукунегара» при определении особенностей многонационального малайского государства говорится, что «в нашем многонациональном обществе существуют различные социальные, культурные и экономические ценности» и что «определенным экономическим группам соответствуют определенные национальные общины с определенным географическим местоположением» [27, с. 1]. И действительно, национальные процессы в Малайзии тесно переплетаются с социальными. Нередко социальные и политические противоречия выступают в форме национальных противоречий. Но, несмотря на свою многоплановость, национальный вопрос в Малайзии — прежде всего политический, и с ним даже связаны такие проблемы государственности, как особенности получения независимости, форма государственного устройства, вопросы гражданства.

В 1971 г. тогдашний министр информации Газали, объясняя в сенате причины разобщенности трех основных общин Малайзии, указывал, что, когда пришли английские колонизаторы, объединенное местное население казалось им опасным и они прибегли к классической формуле: «разделяй и властвуй». В период между двумя мировыми войнами они ввезли в страну миллионы иммигрантов, которые поселились обособленными общинами. Английские власти считали, говорит Газали, что «надо поощрять новых иммигрантов жить обособленно, создавать свои школы, чтобы было разделенное общество под общим колониальным управлением» [32, с. 3].

На практике дело обстояло так. С последней четверти XIX в. для работы на оловянных рудниках и каучуковых плантациях Малайи контрактировались на определенный срок китайские и индийские кули. Кроме того, английские власти разрешали въезд китайским иммигрантам, которые приезжали на заработки. Очень немногие китайцы и индийцы ехали с намерением остаться навсегда. Обычно они считали себя чужестранцами, и лишь стечение обстоятельств приводило к тому, что некоторые из них оставались в Малайе на постоянное жительство. О текущей пришлого населения говорят следующие цифры: в XIX в. в Малайю въехало 5 млн. китайцев, а в 1900—1940 гг. — 12 млн., т. е. в полтора раза больше, чем все население Малайзии в настоящее время [16, с. 31]. Те, кто остался, имел возможность жить среди своих соплеменников, не соприкасаясь близко с другими национальностями. А поскольку в колониальной Малайе господствовали феодальные отношения и крестьяне вели натуральное хозяйство, они не могли стать источником рабочей силы. На предприятиях работали китайцы и индийцы, причем на каждом в основном рабочие одной национальности. Все это создавало социальную и политическую разобщенность.

Китайцы и индийцы образовывали свои общественно-политические организации, которые зачастую были филиалами организаций Китая и Индии, проводили забастовки, и за антиимпериалистическую деятельность сотни китайцев и индийцев ежегодно высылались из Малайи. Малайцы же в движении фактически не участвовали, а зарождавшийся под влиянием национально-освободительного движения Индонезии малайский национализм в колониальный период не шел дальше идеи Великой Малайи, которая выражалась в желании объединения с Индонезией.

Вторая мировая война обострила отношения между китайской и малайской общинами. Перед лицом японских оккупантов, считавших местных китайцев пособниками главного азиатского врага Японии — Китая, китайские трудящиеся массы сплотились и развернули движение сопротивления. Малайскую же общину японцы стремились привлечь на свою сторону, подчеркивая права малайцев как коренных жителей страны.

После войны возник малайский национализм. Свое выражение он нашел преимущественно в двух консервативных партиях: Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) и Панмалайской исламистской партии (ПМИП). Коммунализм получил свое законченное выражение.

В 1957 г. Англия передала власть над разделенной на три национальные группы страной Союзной партии, которая состояла из ОМНО, Китайской ассоциации Малайи (КАМ) и Индийского конгресса Малайи (ИКМ). Это был союз феодально-аристократической бюрократии и крупных торгово-предпринимательских кругов. Во главе партий стояли политические лидеры, объединенные сознанием классовой общности, получившие английское образование, во многом космополитичные и лишенные национальных предрассудков, которые легко сумели наладить сотрудничество своих трех партий друг с другом. Компромисс между общинами был достигнут путем закулисных переговоров на уровне высших слоев общества и не мог, конечно, учитывать в должной мере интересы основных групп национальных общин. Смысл компромисса заключался в распределении ролей: малайская верхушка сохраняла доминирующие позиции в политической жизни, китайская верхушка обеспечивала свои экономические интересы, к китайской верхушке примыкали немногочисленные представители индийской буржуазии.

Компромисс был зафиксирован в конституции Малайской федерации [5]. В 1963 г., уже в связи с образованием Малайзии, в конституцию Малайской федерации были внесены необходимые дополнения — так называемый Акт о Малайзии, впрочем не изменивший существа конституции. Наиболее спорными, вызывающими борьбу мнений и обострение противоречий между общинами являются вопросы, связанные с особым положением малайцев и других коренных жителей страны. Они касаются

как проблем государственной власти, так и статуса малайцев. Малайзия состоит из 13 штатов, 9 из которых — султанаты с наследственными князьями во главе. Султаны из своего состава избирают сроком на пять лет верховного правителя Федерации Малайзии (короля). В обязанности верховного правителя, в частности, входит обеспечение особого положения малайцев путем резервирования за ними должностей в государственном и административном аппарате, выделения им пособий, стипендий и квот в учебных заведениях, предоставления разрешений и лицензий для предпринимательской деятельности. В каждом штате имеются земли специально для использования их малайцами. Гражданами Малайзии считаются малайцы и другие коренные жители. Автоматически гражданство получило также небольшое число лиц китайского происхождения, родившихся в Малакке и Пенанге и бывших английскими подданными. Остальное взрослое немалайское население могло получить гражданство путем регистрации и натурализации, что требовало времени и выполнения ряда условий. Ислам объявлялся государственной религией. После десятилетнего переходного периода, в течение которого в официальных целях мог применяться английский язык, малайский язык должен был стать государственным языком.

Официальная пропаганда объясняла особенности государственного устройства историческими предпосылками, а особое положение малайцев — необходимостью уравнивать положение малайской общины с другими более развитыми общинами. Одновременно отрицался дискриминационный характер конституции в отношении немалайского населения, поскольку гарантировались «законные права» всех национальностей, в том числе основные политические права и свободы, право говорить на родном языке, исповедовать свою религию и следовать обычаям и культурным традициям своей нации.

Но, несмотря на официальную пропаганду, трения между общинами возрастали и национальный вопрос обострялся, хотя политические лидеры Союзной партии принимали все меры к тому, чтобы притупить противоречия и переклестить внимание общин на другие проблемы. И это удавалось. Сначала проблемой было повстанческое движение, которое сплотило вокруг Союзной партии все политические силы, желавшие скорейшего разгрома повстанцев. Под знаменем борьбы против повстанцев прошли выборы 1959 г., на которых Союзная партия одержала внушительную победу. Затем возникла конфронтация Индонезии с Малайзией, отодвинувшая на задний план все другие вопросы. На выборах 1964 г. Союзная партия в условиях конфронтации значительно улучшила свои результаты по сравнению с предыдущими выборами. Однако при подготовке и проведении выборов 1969 г. отвлекающей проблемы не оказалось. Все большие вопросы выплыли наружу и стали главным предметом обсуждения в предвыборной борьбе.

К этому времени компромисс высших слоев трех национальных общин стал еще меньше соответствовать позициям и взглядам основных групп этих общин, чем раньше. Опасаясь обострения межнациональной вражды, правительство Союзной партии проводило крайне осторожную политику, считая лучшей альтернативой в национальном вопросе сохранение статус-кво времен конституционного компромисса. Известный английский специалист по Юго-Восточной Азии Майкл Лифер так охарактеризовал тогда основы политики премьер-министра Малайзии Абдул Рахмана: «Хотя он ставил на первое место интересы малайцев, он довольно хорошо сознавал, особенно при разработке политики перед выборами, что почти 50% населения страны — немалайцы — должны играть в политической системе если и второстепенную, но значительную роль. Он был твердый сторонник национальной гармонии, основанной на ясном распределении ролей. Благодаря способности точно излагать свою позицию он приобрел доверие немалайцев» [20, с. 43].

Наглядным примером политики статус-кво явилось решение о малайском языке, который согласно конституции становился в 1967 г. государственным языком. Малайские националисты ожидали, что введение единого национального языка создаст малайцам неоспоримые преимущества на государственной службе и в предпринимательской деятельности, что язык станет орудием ликвидации экономического господства немалайцев. Немалайцы расценивали превращение малайского в государственный язык как еще одну дискриминационную меру, направленную на постепенный отказ от культурного плюрализма, первой из которых было введение в 1960 г. обучения в школах второй ступени на малайском языке [26, с. 287—288]. Закон о языке, принятый в марте 1967 г., объявлял малайский язык государственным, но в переходный период, срок которого не определялся, разрешалось пользоваться английским языком в официальных целях [13, с. 288—289]. Следовательно, в области языковой политики сохранялось статус-кво.

Но статус-кво уже нельзя было поддерживать в стране. Малайские националисты были недовольны тем, что премьер-министр Абдул Рахман сохранил якобы лишь номинальную представительную власть, в то время как китайцы, ущемляя интересы малайцев, цепко держат в своих руках экономику и настойчиво добиваются равенства в политической области. И действительно, китайские националисты все меньше соглашались занимать второстепенное политическое положение в стране, чье богатство, по их убеждению, создали именно они. В годы независимости большое число молодых китайцев, ставших малайскими гражданами, получили современное образование и их карьерные устремления переместились из сферы коммерции в другие области, такие, как государственная служба, которая строго регламентируется статьями конституции об особом поло-

жении малайцев. Среди китайцев вызывало возмущение политическое господство малайцев, рассматривавшееся ими как препятствие на пути создания равных возможностей для всех граждан Малайзии. Они требовали не малайской, а «малайзийской Малайзии».

Поляризация взглядов национальных общин отчетливо проявилась в предвыборных установках оппозиционных партий. Председатель Панмалайской исламистской партии Дато Мохамед Асри назвал Союзную партию, видимо, за лояльность к китайской общине наследницей политики колониального правительства и утверждал, что положение конституции, объявляющее ислам официальной религией, имеет лишь символический характер и является политической уловкой Союзной партии, имеющей целью успокоить малайское население [18]. ПМИП, хотя и выражала общее согласие с основными положениями политики Союзной партии, энергично подчеркивала необходимость дальнейших усилий, направленных на оказание помощи малайской общине, в том числе путем внесения в конституцию новых статей, которые бы укрепили особое положение малайцев. Она требовала также специального законодательства по упрочению положения ислама в стране и превращению исламских законов в основу экономического развития [23, с. 395]. Иными словами, партия хотела использовать ислам как орудие в борьбе против немалайцев. Отвергая обвинения в том, что ПМИП — расистская партия, ее секретарь по информации Абдул Латиф заявил, что, строго говоря, то, что называется малайзийской нацией, в действительности есть не что иное, как малайцы [18]. Этим он только подтвердил национальную нетерпимость ПМИП.

В то же время немалайские партии сосредоточили огонь своей критики главным образом на проблемах особого положения малайцев. В наиболее развернутом виде взгляды немалайской (в основном китайской) оппозиции изложены в предвыборной декларации Партии демократического действия¹. По мнению партии, «отсутствие экономического равновесия между общинами отражает медленное развитие социально-экономических процессов в деревне и различия в доходах и производительности труда в деревне и городе», что «характерно для всех развивающихся стран» [29, с. 21]. «Что касается совпадения классового деления с общинным, то оно не такое прямое и всеобщее, как кажется с первого взгляда... В действительности братство немущих малайзийцев можно найти как в городе, так и в деревне, и они принадлежат ко всем общинам и религиям» [29, с. 22]. Партия считала, что нарушение равновесия в социально-экономической области можно ликвидировать разумной политикой, чего нельзя сказать о политике Союзной пар-

¹ Эта партия после выхода Сингапура из Малайзии в 1965 г. выделилась из Партии народного действия.

тии. Так, «подавляющее большинство студентов-малайцев в университете поступают на факультеты малайского языка и богословия, в то время как крайне необходимо, чтобы все больше малайцев получало квалификацию в современных областях науки, медицины, технологии, экономики и т. д.» [29, с. 22]. В отношении улучшения сельской экономики, «казалось бы, главной целью должно стать повышение дохода на душу населения малайского крестьянина», а Союзная партия использовала статьи конституции об особом положении малайцев «не с целью повисить общий уровень жизни в сельских районах, а для создания капиталистического класса малайской элиты» [29, с. 23]. Партия предлагала принять и претворять в жизнь принцип национального равенства «на всех уровнях национальной жизни и во всех областях национального строительства — политической, социальной, экономической, культурной и образовательной» [29, с. 18].

Еще одну альтернативу выдвигала партия Народное движение Малайзии (в сущности, единственная партия, состоявшая из представителей различных национальностей), которая предлагала покончить с национальной рознью путем социальных реформ. В своей программе она делала упор на экономические проблемы, а не на национальный вопрос. Ее лозунгом было политическое «равенство, справедливость и равные возможности для всех». Вместо упоминания особого положения малайцев партия сосредоточила внимание на вопросах, которые требовали разрешения, в том числе: экономическая слабость малайцев и других коренных жителей, положение сельского населения, рыбаков, плантационных рабочих, переселенцев в новые деревни, скваттеров, городской бедноты. По вопросам стратегии строительства нации партия Народное движение Малайзии считала, что должен происходить естественный процесс исторического развития. Вместо проведения искусственных экспериментов и навязывания немалайцам элементов другой культуры она призывала к «религиозной, этнической, культурной и классовой терпимости» [23, с. 393].

Союзная партия в своем манифесте подчеркивала достижения правительства за четырнадцать лет, в частности экономический рост страны, осуществление социальных реформ и проведение политики, направленной на «установление процветающего, стабильного, либерального и терпимого общества». Она подтверждала особое положение малайцев, обещала поднять уровень жизни неимущих и обеспечить каждому возможность добиваться успеха. Партия обвиняла оппозицию в безответственной игре на национальных чувствах, тогда как она сама не способна стать заслуживающим доверия альтернативным правительством [23, с. 395]. В брошюре «Межнациональная гармония» Союзная партия указывала, что в стране существуют две крайности в национальном вопросе: одни считают, что малай-

зийская нация не что иное, как малайцы, а другие отказываются стать частью малайзийской нации. Партия считала, что национальное единство может быть достигнуто в два этапа. Сначала нужно наладить тесное сотрудничество и взаимосвязи всех национальностей, с тем чтобы достигнуть такой интеграции, при которой можно было бы постепенно смягчить обстановку. И лишь на второй стадии возможен отказ от коммунизма и создание малайзийской Малайзии, т. е. полного равенства для всех [18].

На выборах 10 мая 1969 г., проводившихся в Западной Малайзии, Союзная партия победила, получив 66 из 104 мест в парламенте, что не обеспечивало ей большинства в две трети голосов, необходимых для внесения поправок в конституцию. В штатах Пенанг, Перак и Тренггану партия не завоевала большинства. В общей сложности она потеряла по сравнению с предыдущими выборами почти 10% голосов. Теперь за нее голосовало менее половины избирателей (по одним данным, 49,1%, а по более поздним — лишь 48,4%). В немалайских избирательных округах Союзная партия получила всего 39% голосов. Оппозиция победила в крупных городах. ОМНО выставила 68 кандидатов, а провела 52. КАМ выставила 27 кандидатов, провела только 13. Часть малайцев отдала свои голоса ПМИП. Китайцы же предпочли голосовать за Партию демократического действия и Народное движение Малайзии [14, с. 9—10]. «Более половины избирателей-немалайцев несомненно голосовали за оппозиционные партии, выступавшие против политического превосходства малайцев», — говорится в исследовании, подготовленном для правящих кругов Вашингтона [15, с. 10].

Немалайские общины, считавшие, что результаты выборов должны привести к изменению промалайской политики правительства, вышли на улицы Куала-Лумпура праздновать победу. В ответ малайские экстремисты тоже вышли на улицу. Начались серьезные столкновения между малайцами и китайцами. Лишь на четвертый день с помощью войск удалось восстановить порядок. В результате этих трагических событий, по официальным данным, убито 196 и ранено 439 человек. Среди погибших 25 малайцев и 143 китайца. Между 13 мая и 31 июля свыше 9 тыс. человек было арестовано, причем большинство из них составляли китайцы [22, с. 88—91]. По данным печати, все эти цифры занижены.

Кровавые столкновения в Куала-Лумпуре показали, что практика сотрудничества трех общин через посредничество их верхушечных партий больше не оправдывает себя. «Программа, рассчитанная только на сглаживание национальных противоречий, оказалась недостаточно хороша», — говорил позже Газа-ли [17].

Поражение Китайской ассоциации Малайи на выборах означало, что она теряет связи с основной массой китайской общи-

ны, которая считала партию причастной к политике осуществления особого положения малайцев. Поэтому лидеры КАМ объявили, что не пошлют своих представителей ни в местные административные органы штатов, ни в кабинет министров. (Правда, 20 мая три представителя КАМ все же вошли в кабинет.) А малайские экстремисты в то же время требовали отставки Абдул Рахмана за его якобы капитуляцию перед китайцами. И этого им косвенным образом удалось добиться.

События 13 мая и фактический распад Союзной партии — единственной межобщинной организации, которая была способна создать стабильное правительство, — требовали выработки нового подхода к национальному вопросу, модификации основ государственной политики и создания иных форм правления.

Было введено чрезвычайное положение, приостановлена работа парламента, ограничена деятельность правительства, вся власть фактически сосредоточилась в руках вновь созданного Национального совета по управлению. Совет возглавил заместитель премьер-министра Абдул Разак, который одновременно представлял в совете ОМНО. Совет состоял из председателя КАМ Тан Сьюсина, председателя ИКМ В. Т. Самбанатана, министров внутренних дел и информации, постоянных секретарей министерства иностранных дел и департамента административной службы, начальника штаба вооруженных сил, генерального инспектора полиции и помощника командующего вооруженными силами [25, с. 85]. Национальный совет по управлению создал министерство национального единства во главе с Газали для изучения и претворения в жизнь экономических и социальных программ, которые будут способствовать национальной интеграции, а также для формулирования «национальной идеологии, могущей соединить народ Малайзии». Но проект государственной идеологии, составленный бюрократическим аппаратом министерства, остался бы на бумаге, если бы его положения и формулировки не были рассмотрены и согласованы тремя общинами. Для этого был создан Национальный консультативный совет, куда вошли представители федерального правительства, администраций штатов, политических партий и функциональных групп [23, с. 400]. В течение полутора лет совет регулярно проводил закрытые заседания, на которых обсуждались все наиболее важные вопросы, приведшие к политическому кризису. Ему был передан первоначальный проект государственной идеологии для окончательной доработки.

Таким образом, в критический период жизни страны с помощью заимствованной извне парламентарной демократии оказалось невозможным решить неотложные проблемы, представлявшие угрозу самому существованию государства. «Я думаю, нашим большим просчетом при получении независимости, — говорил Газали, — было некритическое принятие концепций и правил демократии вестминстерского типа... Мы не представляли

себе, насколько она не подходила к нашему обществу тогда и не подходит теперь» [32, с. 5]. Для решения различных вопросов пришлось прибегнуть к традиционным формам их обсуждения и принятия согласованного мнения на закулисных переговорах общинных элит. К таким же традиционным совещательным формам решения вопросов часто прибегал и президент Индонезии Сукарно. Да и английские власти не раз пользовались «совещательными советами» в колониальной Малайе, особенно когда хотели выяснить какой-то деликатный вопрос.

31 августа 1970 г., в восемнадцатую годовщину провозглашения независимости, верховный правитель Малайзии в торжественной обстановке обнародовал официальную идеологию («государственную философию») страны — «Рукунегара» («Основы государства») [27]. Этот документ состоит из введения, декларации (основная часть) и комментария, в котором разъясняется каждое положение декларации.

Во введении отмечается, что «усилиям по строительству нации мешают деятельность разрушительных элементов», которые «используют скрытые расистские наклонности и национальные предрассудки, что влечет за собой расовые инциденты», и содержится призыв «обновить и удвоить усилия по строительству нации».

Декларация состоит из двух частей: «Убеждения» и «Принципы». В «Убеждениях» указываются цели, к которым стремится Малайзия: 1) достижение большего единства всех ее народов; 2) поддержание демократического образа жизни; 3) создание справедливого общества со справедливым распределением национального богатства; 4) непредвзятый подход к богатым и разнообразным культурным традициям Малайзии; 5) построение прогрессивного общества, ориентирующегося на современную науку и технику.

Для достижения этих целей «Рукунегара» предлагает применять следующие принципы: 1) вера в бога; 2) лояльность по отношению к королю и государству; 3) уважение конституции; 4) соблюдение законов; 5) достойное поведение и соблюдение норм морали.

В комментарии первая цель «Убеждений» состоит в «создании единой нации, в рамках которой каждый из нас считал бы себя малайзийцем независимо от национального происхождения и вероисповедания», «создании из разнообразных элементов нашей страны единой нации, в которой верность и преданность нации стояли бы выше всех других интересов». Здесь же подчеркивается приверженность к федеральной форме правления, когда «общенациональные цели достигаются при сохранении прав штатов».

Во второй цели — «поддержание демократического образа жизни, при котором верховная власть принадлежит народу, действующему через конституционно избираемый парламент», —

обращается внимание на два момента. Во-первых, вновь подчеркивается, что национальные интересы «должны стоять выше интересов отдельных групп», и, во-вторых, содержится призыв не злоупотреблять политическими свободами, «чтобы во имя демократии не потворствовать расизму и не способствовать ликвидации самой демократии».

Третья цель — построение справедливого общества — может быть достигнута «там, где честно и справедливо распределяются национальные богатства». Для обеспечения этого рекомендуется «помочь слабым и находящимся в невыгодном положении, чтобы дать им возможность конкурировать с остальными на равных правах».

В разъяснениях к четвертой цели пишется, что либеральное общество обеспечивает своим членам право «исповедовать свою религию, следовать своим обычаям и культурным традициям в соответствии с требованиями национального единства». Богатство различных культурных традиций и обычаев должно быть вкладом в создаваемое справедливое общество и «стать источником его силы».

Наконец, пятая цель — построить прогрессивное общество, т. е. такое, «которое идет в ногу с научными и техническими достижениями, не упуская из виду развития духовных ценностей».

Комментарий к первому принципу — вера в бога — указывает, что ислам является официальной религией Малайзии, но могут исповедоваться другие религии «и никто не подвергнется дискриминации на основании религии».

Лояльность по отношению к королю и государству, подчеркивается во втором принципе, — «душа нашего национализма». Она «объединяет различные народы в единую, объединенную нацию». «Лояльность к другим государствам, — предупреждает „Рукунегара“, — несовместима с полной лояльностью к нашей стране». Здесь же говорится, что подданные правителя штата должны быть лояльны и преданы также и ему.

В комментарии к третьему принципу — «уважение конституции» — говорится: «Долг каждого гражданина — уважать и ценить букву, дух и исторические предпосылки конституции». Эти исторические предпосылки касаются верховного правителя, султанов, «положения ислама как официальной религии, положения малайского языка как национального и официального языка, особого положения малайцев и других коренных жителей», а также «законных интересов других общин и предоставления гражданства их членам».

Принцип четвертый — «соблюдение законов» — гарантирует основные свободы, в том числе «свободу личности, равенство перед законом, свободу вероисповедания, право собственности и защиту от изгнания». Он также подчеркивает, что свободы «не включают в себя право на свержение правительства силой

или другими неконституционными средствами». Гарантии всего этого — существование независимой юридической власти.

И, наконец, пятый принцип предостерегает против «поведения высокомерного или оскорбительного для чувств каких бы то ни было групп населения» и указывает, что нельзя подвергать сомнению лояльность гражданина «на основании принадлежности его к определенной общине».

Анализ текста «Рукунегара» приводит к следующим основным выводам. Весь документ проникнут стремлением укрепить национальное единство и предотвратить возможность новых столкновений наподобие событий 13 мая 1969 г. Это особо подчеркивается во введении, второй и четвертой целях, втором и пятом принципах.

Министерство национального единства занималось разработкой «стандартов и критериев» для государственных учреждений, чтобы политика и действия правительства соответствовали «национальной идеологии» и способствовали национальному единству [25, с. 92].

«Рукунегара» выдвигает идею создания единой нации. Она не дает определения нации, но из контекста явствует, что речь идет о «единой государственной нации». Это же подтверждает Газали, стоявший у истоков создания официальной идеологии, который определил нацию как «людей, имеющих одинаковое гражданство и преданность государству» [31].

Акад. Б. Г. Гафуров, указывая на конфликтный характер современного развития освободившихся стран, отмечал, что лозунги «национальной интеграции», «национального единства», лежащие в основе «общенациональных» концепций и теорий, «все больше используются для затушевывания внутривнутриполитических, национальных и классовых конфликтов» [2, с. 179—180]. Давая характеристику такого типа официальной идеологии, как «Рукунегара», Л. Р. Полонская писала, что подобная идеология «отражает попытки снять сверху национальные противоречия» путем «включения всех национальных общностей в „единую государственную нацию“, замены национализма, основанного на этнической и национальной общности, государственным национализмом, национальным единством — государственным единством и т. п.» [11, с. 108].

Все положения конституции, вызывавшие борьбу мнений и обострение противоречий, вместе с тем содержатся в «Рукунегара». Это зафиксировано не только в принципе «уважение конституции», где подтверждается особое положение малайцев и других коренных жителей и всего, что с этим связано. Об этом же говорится в первой цели, которая защищает федеральную форму правления с исторически сложившимися условиями в отдельных султанатах, когда «общенациональные цели достигаются при соблюдении прав штатов». Сюда же примыкает содержащееся во втором принципе положение о том, что Малайзия —

конституционная монархия с институтом верховного правителя и институтами правителей штатов, которые являются «главами соответствующих штатов» со своими подданными, обязанными быть лояльными и преданными им. Наконец, третья цель призывает «честно и справедливо распределять национальные богатства» и «помочь слабым и находящимся в невыгодном положении, чтобы дать им возможность конкурировать с остальными на равных правах». Нет сомнения, что речь здесь идет о малайской общине.

В то же время «Рукунегара» подтверждает права немалайского населения как в отношении «предоставления гражданства» (3-й принцип), так и «равенства перед законом и свободы вероисповедания» (4-й и 5-й принципы). Четвертая и пятая цели о поощрении богатых и разнообразных культурных традиций и обычаев и «развитии духовных ценностей» также относятся прежде всего к немалайскому населению.

«Рукунегара» отсекает все не интегрированные в общество группы и элементы, и в первую очередь коммунистов. Ведь тот, кто признает цели, обязан руководствоваться и принципами. Газали писал по поводу «Рукунегара», что любая группа, включая повстанцев, воюющих в джунглях на малайско-тайландской границе, может утверждать, что она согласна с изложенными в документе целями. «Но, — подчеркнул Газали, — „Рукунегара“ предусматривает, что нация может строиться только на пяти руководящих принципах, и не иначе» [31]. В 4-м принципе для не интегрированных в общество групп и элементов так и записано, что никто не имеет «права на свержение правительства силой или другими неконституционными средствами».

Наконец, во многих серьезных исследованиях подчеркивается, что все проблемы в «Рукунегара» даны в самой общей форме. «Действительно, в „Рукунегара“ формулировки очень широкие. И во имя национального единства долго еще придется разъяснять населению ее положения и внедрять их в сознание», — говорится в обстоятельной монографии «Политика и правительство в Малайзии» [25, с. 94]. Но общие формулировки без конкретизации их и без объяснения форм и методов их претворения в жизнь имеют совсем иную задачу. В то время как конкретизация может вызвать возражения и несогласие определенных групп национальных общин, общие формулировки дают широкий простор различным социальным силам и политическим партиям для трактовки их по-своему. «Сами принципы „Рукунегара“ ни в коей мере не устраняют существующих проблем ее интерпретации и ее претворения в жизнь», — писал один из лидеров партии Народное движение Малайзии — Саид Хусейн Алатас [12, с. 808].

«Очень немногие могут выразить несогласие с этими принципами, как очень немногие не согласятся с десятью библейскими заповедями» (цит. по [25, с. 93]), — сказал о «Руку-

негара» представитель другой оппозиционной партии — Партии демократического действия, единственной, которая не участвовала в обсуждении «государственной философии» в Национальном консультативном совете.

Вместе с тем, поскольку официальная идеология становилась основой идейно-политической жизни страны, она могла служить важным объединяющим фактором, несмотря на то что использовалась правящими кругами прежде всего в собственных интересах. Алатас, являющийся также крупным ученым, считает, что «Рукунегара» выполняет функцию преамбулы к конституции. Он пишет: «Она отражает доминирующие тенденции в политической и философской мысли государства» [12, с. 801]. И далее: «„Рукунегара“ представляет собой соглашение по основным принципам, которых придерживаются различные политические системы, партии и идеологии» [12, с. 807—808]. 30 августа 1970 г. в последнем выступлении перед уходом в отставку премьер-министр Абдул Рахман объявил о снятии запрета на политическую деятельность и созыве в феврале 1971 г. новоизбранного парламента [25, с. 95].

«Рукунегара» была компромиссом между элитарными группами основных национальных общин — более широкими, чем в период подготовки конституции Малайи. Это дало возможность правящим кругам действовать смелее и решительнее, используя эту идеологию в качестве основы всей своей политики. Прежде всего был принят закон о дополнениях к конституции, запрещавший ставить под сомнение или критиковать положения конституции, которые содержатся в «Рукунегара» (власть и статус малайских правителей, права гражданства, особое положение малайцев и других коренных жителей, позиция ислама как официальной религии, роль малайского языка как национально-го и официального языка). Закон давал право верховному правителю не только резервировать места для малайцев в учебных заведениях, но и выбирать те факультеты и специальности, которые готовят специалистов по естественным и точным наукам. В дальнейшем поправки к этим положениям могли делаться только при согласии конференции малайских правителей, которые, как известно, стояли на страже прав и особого положения коренного населения страны. Фактически этот закон запрещал критиковать все положения «Рукунегара». Запрет распространялся и на членов парламента. В случае нарушения закона они лишались неприкосновенности и подвергались преследованию в судебном порядке [25, с. 95—99].

Несогласие выразили лишь представители Партии демократического действия и Народной прогрессивной партии. Их многочисленные возражения сводились к тому, что закон ограничивает парламентскую демократию. Но «Рукунегара» предусматривала ограничение демократии, «чтобы во имя демократии не потворствовать расизму и не способствовать ликвидации

самой демократии». Закон соответствовал «государственной философии» и был одобрен основными политическими силами.

В целом политическая ситуация в стране стала теперь иной, чем до мая 1969 г. Сохранились, изменив название, органы власти, существовавшие во время чрезвычайного положения. Национальный совет по управлению стал Национальным советом безопасности. Национальный консультативный совет и Национальный совет доброй воли, объединившись, превратились в Консультативный совет национального единства с задачей давать советы премьер-министру по мероприятиям и программам, содействующим национальной гармонии, и по проведению исследований в любых областях, касающихся отношений между национальными общинами [25, с. 99]. Иными словами, сохранялись постоянно действующие учреждения, призванные при закрытых дверях обсуждать общинные вопросы, изъятые из ведения парламента и общественности, и готовить по этим вопросам путем консультаций и переговоров согласованные предложения.

Хотя официальная идеология запрещала обсуждать центральные для общества проблемы, партийные руководители не могли избежать этого. От выяснения важнейших вопросов жизни страны зависела их политическая эффективность. Поэтому они стремились получить доступ в Консультативный совет национального единства, а также в правительственные комитеты, где проводились сложные закулисные переговоры по общинным вопросам. Доступ в эти организации, в свою очередь, обуславливался публичным одобрением положений «Рукунегара». Поскольку положения официальной идеологии носили общий характер, политики могли легко выбрать те из них, которые они считали наиболее важными и приемлемыми для своих сторонников. Эти политики придерживались мнения, что «национальная идеология защищала позиции, которые весьма немногие считали для себя предпочтительными, и, хотя и с промалайской позиции... она стремилась узаконить решение общинных проблем путем согласования и переговоров» [23, с. 439].

Таким образом, умеренные политические элиты, которые избегали крайних высказываний и призывов к своим общинам и избирательным округам, вознаграждались, а экстремисты лишались права быть в курсе важных дел. Это весьма ослабляло оппозицию, члены которой стали теперь переходить в правительственные партии. Оппозиционные партии были настолько разобщены, что отказались от попыток создать в парламенте свою фракцию [23, с. 407]. Кроме того, само значение парламентской деятельности при новой структуре власти, создавшейся с помощью «Рукунегара», существенно снизилось, поскольку реально решения принимал не парламент, а верхние бюрократические структуры, использовавшие неофициальные переговоры внутри правящей коалиции.

Вместе с тем правительство стремилось включить оппозици-

онные партии в систему закулисных сделок. И здесь новому премьер-министру Абдул Разаку очень пригодился опыт, когда он был руководителем Национального совета по управлению и Национального консультативного совета. В то время он налаживал контакты, сотрудничал с оппозиционными партиями и «благодаря склонности к компромиссам и способности вникнуть в доводы руководителей оппозиции был ими признан лидером» [19, с. 162].

Не только Абдул Разака, но и умеренных руководителей оппозиционных партий беспокоила свободная игра политических сил в парламенте и среди национальных общин. Бесконтрольная политика представляла угрозу новых расовых беспорядков. Отсюда родилась идея широкой коалиции партий — Национального фронта. Поскольку диапазон открытых для обсуждения политических вопросов сузился, различия между официально провозглашенными курсами партий уменьшились и появилась возможность вхождения ряда оппозиционных партий в правительственную коалицию.

Национальный фронт формировался в течение двух лет после провозглашения «Рукунегара». Его ведущей силой была ОМНО. Партии, составлявшие Национальный фронт, сохраняли независимость. Соглашениями обычно предусматривались коалиции на местах между партией, имевшей большинство в штате, и правительственным блоком, а также допущение вошедшей в коалицию партии к неофициальным политическим сделкам и предоставление ей места в кабинете. Включение большинства оппозиционных партий в Национальный фронт имело своим последствием приглушение общественной критики правительства, особенно в парламенте, и перенос центра тяжести критики с общеполитических проблем на административные вопросы.

Новая структура власти оказалась устойчивой. Национальный фронт дважды одерживал внушительную победу на всеобщих выборах, получая свыше двух третей мандатов в парламенте и контроль над ассамблеями всех штатов. Однако противоречия, существовавшие между правительством и оппозицией, в значительной степени переместились внутрь правительственной коалиции. Они обычно регулировались путем закулисных сделок, но не всегда успешно. В конце 1977 г. разногласия между ОМНО и ПМИП привели к выходу последней из Национального фронта. В связи с этим возникает вопрос, окажется ли при политических осложнениях новая власть более устойчивой, чем Союзная партия.

Если политические мероприятия по уменьшению напряженности в стране и перестройке механизма власти оказались достаточно эффективными, то усилия в идеологической области не принесли ожидаемого результата, несмотря на существование специального министерства национального единства. Видимо, слишком велики были предубеждения и отчужденность меж-

ду общинами. «Для большинства малайзийцев, — заявил ответственный работник этого министерства, — „Рукунегара“ представляет собой только принципы, в то время как в действительности это взгляд в будущее — система ценностей, к которой стремятся малайзийцы. Иными словами, самое важное — внедрение принципов в повседневную жизнь, а не заучивание их наизусть» [28]. Сказывается также отсутствие опыта в проведении индоктринации. Министерство национального единства организовало по всей стране «курсы солидарности», рассчитанные на три года. Их более 6 тыс., и посещает их около 60 тыс. человек, главным образом немалайцы. Кроме расширенного изучения «Рукунегара» на курсах преподается малайский язык. Можно представить себе, какая текучесть слушателей на этих курсах. Ведь очень немногие способны в течение трех лет регулярно их посещать. Вероятно, курсы имеют какое-то положительное значение, но они не могут выполнять роль простого, всем доступного и популярного инструмента индоктринации. Применяются и другие меры, такие, как уроки малайского языка, распространяемые средствами массовой информации. Трудно определить эффективность этих мероприятий.

Упомянутый сотрудник министерства национального единства сообщил, что появилась тенденция к смешанным бракам. Но, разумеется, смешанные браки пока ни в малейшей степени не могут изменить общей картины. Кроме национальных и религиозных предрассудков действуют объективные факторы, например раздельное поселение общин. Поэтому положительным явлением надо считать строительство в городах многоквартирных домов и заселение их людьми разной национальности [28].

Наибольшие надежды на ослабление национальной напряженности возлагаются на новую экономическую политику. Основой ее является третья цель «Рукунегара» — создание справедливого общества со справедливым распределением национального богатства. А принципом претворения в жизнь этой цели считается «уважение конституции», в частности ее постановления относительно «особого положения малайцев и других коренных жителей» и «законных интересов других общин».

Новая экономическая политика представляет собой стратегию последних пятилетних планов развития Малайзии. Ее цели, сформулированными во втором малайзийском плане (1971—1975), являются: 1) уменьшение и в конечном счете искоренение бедности путем повышения доходов и увеличения занятости всех малайзийцев, независимо от их национальной принадлежности; 2) ускорение перестройки малайзийского общества для достижения экономического равновесия, с тем чтобы в конце концов ликвидировать отождествление национальности с определенной экономической функцией. Этот процесс включает в себя модернизацию сельской жизни, быстрый и упорядоченный рост городов, создание коммерческих и промышленных

групп из малайцев во всех сферах и на всех уровнях деятельности для того, чтобы малайцы превратились в равных партнеров других национальностей во всех областях экономической жизни страны [23, с. 408].

Быстрое и эффективное развитие экономики составляло главное условие воплощения в жизнь первой цели новой политики — сокращение и в конечном счете искоренение бедности, ибо экономическое процветание непосредственно связывалось с ростом благосостояния всего населения. Применяв чисто технократический подход к решению социально-экономических проблем, правительство рассчитывало на то, что таким образом будет обеспечен постоянный экономический рост страны, достаточный для удовлетворения основных потребностей и запросов национальных общин, причем предоставление новых экономических возможностей одной общине не осуществлялось бы за счет ущемления интересов других общин.

Что касается перестройки общества для уничтожения экономического неравенства, то был осуществлен ряд мероприятий в рамках статей конституции об особом положении малайцев. Эти мероприятия были направлены главным образом на то, чтобы к 1990 г. малайцы составляли 30% коммерческих и промышленных кругов [24, с. 53]. С этой целью активизировалась роль государства в экономической жизни страны и расширились позиции государственного сектора. В частности, была создана ведущая организация предпринимательской деятельности государства — многоотраслевая «Национальная корпорация» («Пернас») с несколькими дочерними компаниями, а также корпорации экономического развития штатов [3, с. 7]. Но основной организацией, призванной помогать малайцам, остается учрежденный в 1965 г. Совет помощи коренному населению МАРА. Совет принимает участие в различных компаниях, создает смешанные предприятия с китайским и иностранным капиталом, организует обучение и профессиональную подготовку малайцев через пять своих колледжей и технологический институт в области техники, естественных и точных наук [24, с. 197, 199]. Предприятия, опекаемые государственными корпорациями, подвергаются, естественно, минимальному риску.

Третий малайзийский план в качестве «первостепенной задачи системы образования» предусматривал «содействие национальной интеграции и единству». Это должно быть достигнуто «путем все большего использования в процессе обучения малайского языка, внедрения национальных ценностей и воспитания моральной дисциплины как в ходе обучения, так и вне его, а также путем обеспечения доступности образования для каждого» [24, с. 193]. С 1978 г. экзамены, проводимые после третьего класса средней школы, в Малайе и Сабахе идут теперь на малайском языке. В Сараваке, где система единой школы действует с 1977 г., малайский язык постепенно внедряется в на-

чальной школе [24, с. 193]. В 1980 г. в Малайе и Сабахе преподавание в старших классах средней школы и экзамены на полный аттестат, которые проводятся перед выпускным классом, должны были идти на малайском языке [24, с. 201]. Полный переход обучения в школе на малайский язык планировалось завершить в 1982 г. Однако английский язык останется вторым обязательным языком [21, с. 147].

Прошло почти десять лет со времени провозглашения новой экономической политики. Можно уже сделать некоторые выводы о ее результатах. Прежде всего следует отметить, что создается класс малайской буржуазии. Государство всячески способствует этому вплоть до того, что в соответствии с Актом о промышленной координации 1975 г. все компании (кроме самых мелких) должны получать в министерстве торговли и промышленности лицензии, которые могут быть отменены, если еще не удовлетворены запросы малайских предприятий [25, с. 346].

Крупные государственные корпорации, такие, как «Пернас» и МАРА, составляют серьезную конкуренцию немалайскому местному капиталу, представляющему собой не очень большие по размеру, часто семейные предприятия. В 1974 г. экономическая конференция КАМ рекомендовала приступить к созданию крупных современных корпораций китайских капиталистов, а также смешанных компаний, в том числе с иностранным капиталом. В соответствии с этой рекомендацией уже в следующем году была создана многоотраслевая корпорация «Холдинг», которая в состоянии конкурировать с государственными компаниями. Партия Индийский конгресс Малайзии также рассматривала проблемы, связанные с осуществлением новой экономической политики, и учредила свое «Многоотраслевое кооперативное общество» [25, с. 347].

Таким образом, новая экономическая политика дала толчок к ускорению капиталистического развития Малайзии и привела к обострению конкуренции между малайским, китайским и индийским капиталом. Она не столько поощряет сочетание частного капиталистического и государственного предпринимательства, сколько использует государственный сектор в качестве средства стимулирования частной инициативы малайцев.

Правящие круги Малайзии полагают, что модернизация и диверсификация уменьшают культурно-этническую разобщенность общества и тем самым создают условия для национального единства. Последние две пятилетки экономика Малайзии развивалась довольно быстро. Среднегодовые темпы роста ВВП в период второго малайзийского плана составляли 7,4%, а в 1976—1978 гг. они увеличились до 8,7% [24, с. 1]. При таких высоких темпах роста особое внимание уделялось удовлетворению нужд малайцев. А малайцы стали выдвигать требования о дальнейшем увеличении своей доли. Это произошло оттого, что все выгоды от политики обеспечения особого положения малайцев

получили буржуазные и частично мелкобуржуазные, преимущественно городские, слои. В сельских районах стало лучше социальное обеспечение и получены некоторые косвенные выгоды. В целом же увеличились социальная дифференциация и экономическое неравенство внутри малайской общины. И хотя с помощью новой экономической политики удалось ослабить социальный протест мелкой городской буржуазии и частично крестьян и рабочих, националистическая окраска этого протеста не исчезла, а, пожалуй, даже усилилась. Неудовлетворенные малайские рабочие и крестьяне, сознание которых находится в плену традиционных представлений, могут направить свою враждебность в первую очередь не против нового класса малайской буржуазии, а против других национальных общин.

Сравнительно высоких темпов экономического роста и создания новых рабочих мест недостаточно для заметного снижения безработицы. В 1975 г. она составляла 7%, а в 1978 г. снизилась до 6,2%, но и это следует считать достижением [24, с. 59]. Однако дело даже не в уровне безработицы. Основная масса безработных малайцев живет в деревне, где нет правительственных квот для малайцев. Большинство же безработных немалайцев — в городе, где рабочие места согласно правительственным квотам заполняются в первую очередь малайцами. Две трети всех безработных — молодежь. Следовательно, национальная неприязнь и напряженность на почве безработицы затрагивают и молодое поколение.

Та же тенденция прослеживается и в области образования. В 1973 г. из 37 тыс. школьников на экзаменах на полный аттестат провалилась 21 тыс. учащихся. Среди сдававших было 27,8 тыс. немалайцев, из которых провалилось 18,5 тыс. школьников, в том числе 14 тыс. не выдержало экзамена по малайскому языку [23, с. 452]. Можно говорить о необходимости изучения малайского языка и правомерности этого мероприятия. Но факт остается фактом: незнание малайского языка затрудняет доступ немалайцам к среднему и высшему образованию.

И, наконец, со стороны немалайцев раздаются жалобы на то, что квоты для малайцев значительно ограничивают немалайцам возможность поступления на государственную службу. Это также касается прежде всего молодого поколения.

К сожалению, существуют обстоятельства, которые способствуют перенесению национальной напряженности на следующие поколения. Эти же обстоятельства служат препятствием и для решения первой цели новой экономической политики — искоренения бедности. В официальных отчетах по выполнению пятилетних планов приводятся цифры повышения доходов, увеличения занятости и даже уменьшения бедности. Цифры основаны на статистических материалах, и нет основания не доверять им. Действительно, в условиях быстрого экономического развития правительству удалось смягчить наиболее острые социальные

противоречия. А что будет, когда темпы роста снизятся? Экономисты утверждают, что следует ожидать существенного спада экономической активности.

В этой связи обращает на себя внимание статья Исхака Схари «Некоторые соображения относительно искоренения бедности в третьем малайзийском плане», опубликованная в ежегоднике Института по изучению Юго-Восточной Азии Сингапура (1977 г.). После весьма основательного анализа плана автор делает следующие выводы: «Как было показано выше... теоретические предпосылки третьего малайзийского плана не полностью соответствуют историческому развитию и нынешнему состоянию малайзийского общества. В результате политические рекомендации, основанные на этом плане, направлены на сохранение и закрепление той самой слаборазвитости, которую он призван ликвидировать. Поэтому, пока планы развития основываются на нынешней теоретической базе, успехи в ликвидации бедности и нарушенного экономического равновесия в стране вызывают большие сомнения. Более того, в результате политики, сохраняющей зависимость экономики Малайзии от мировой капиталистической системы, планирование малайзийской экономики зависит от множества переменных величин, не поддающихся контролю планирующих органов» [30, с. 181]. Можно соглашаться или не соглашаться с этими выводами, но факты говорят о том, что в процессе проведения новой экономической политики возникают новые, трудноразрешимые проблемы.

Новая экономическая политика преследовала еще одну, необъявленную цель: укрепление позиций ОМНО и консолидацию сил внутри самой партии. Если укрепление ведущего положения ОМНО в политической жизни Малайзии связывалось с успехами осуществления новой экономической политики, то консолидация рядов партии зависела прежде всего от успехов политики по обеспечению особых прав малайцев. И именно здесь достигнуты определенные результаты.

В настоящее время политическую стратегию страны определяет ОМНО. Однако система неофициальных консультаций и закулисных сделок внутри Национального фронта обеспечивает немалайским группировкам доступ к процессу выработки решений. Мнение немалайской элиты в политических вопросах теперь нельзя игнорировать. Осуществление политики по обеспечению особого положения малайцев и возникновение трудно разрешимых проблем в ходе осуществления новой экономической политики в целом может привести в конечном счете к такой ситуации, когда потребуются выработка нового компромисса трех национальных общин. И хотя компромисс вновь будет достигнут за счет интересов трудящихся, он потребует также дальнейших политических уступок немалайцам. Иными словами, произойдет дальнейшее сплочение всех имущих социальных слоев в интересах сохранения политической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976.
2. Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976.
3. Жеребилов В. А. Экономическая политика и планы развития Малайзии.— БИКИ. Прил. 4. М., 1974.
4. Зарубежный Восток и современность. Т. 3. М., 1981.
5. Конституция Малайской Федерации.— Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.
6. Лукин В. П. Идеология развития и массовое сознание в странах «третьего мира».— «Вопросы философии». М., 1969, № 6.
7. Национальное и интернациональное в идеологии национально-освободительного движения. Тезисы [конференции]. Ч. 1. М., 1974.
8. Онан Э. С. Идеологическая деятельность независимых государств Африки. М., 1971.
9. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
10. Сагадеев А. В. Проблема «национальной философии» в идеологии арабского национализма. Современные идеологические проблемы в странах Азии и Африки. М., 1970.
11. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
12. Alatas S. H. The Rukunegara and the Return to Democracy in Malaysia.— «Pacific Community». Tokyo, 1971, vol. 2, № 4.
13. An Act to Provide for the Use of the National Language.— Southeast Asia. Documents of Political Development and Change. L., 1974.
14. Butwell R. Southeast Asia Today and Tomorrow: Problems of Political Development. L., 1970.
15. Carlson S. Malaysia: Search for National Unity and Economic Growth. L., 1975 («The Washington Papers», vol. 3, № 25. A Sage Policy Paper).
16. Hunter G. Southeast Asia — Race, Culture and Nation. Ox., 1966.
17. «Indonesia Times». Jakarta, 25.VI.1973.
18. Indra Gunawan. Kunjungan ke Malaysia. Partai Politik di Negeri Ini.— «Kompas». Jakarta, 9.II.1968.
19. Latif Subki. UMNO: 30 Years after.— «Southeast Asian Affairs, 1977». Singapore, 1977.
20. Leifer M. Dilemmas of Statehood in Southeast Asia. Singapore, 1972.
21. Malaysia in Brief, 1980. Kuala Lumpur.
22. The May 13 Tragedy (A Report of the National Operation Council). Kuala Lumpur, 1969.
23. Means G. P. Malaysian Politics. L., 1976.
24. Mid-Term Review of the Third Malaysia Plan, 1976—1980. Kuala Lumpur, 1979.
25. Milne R. S., Mauzy D. K. Politics and Government in Malaysia. Vancouver, 1978.
26. Report of the Education Review Committee 1960.— Southeast Asia. Documents of Political Development and Change.
27. Rukunegara. Kuala Lumpur, 1970.
28. Ryantony. Malaysia's National Unity.— «Jakarta Times», 15.VIII.1973.
29. Setapak Declaration. Manifesto of the Democratic Action Party.— Who Lives if Malaysia Dies? Kuala Lumpur, 1969.
30. Shari I. Some Comments on the Eradication of Poverty under the Third Malaysia Plan.— «Southeast Asian Affairs 1977». Singapore, 1977.
31. Tan Sri Ghazali Shafie. Building a Nation.— «The Straits Times». Singapore, 3.VI.1974.
32. Tan Sri Ghazali Shafie. Democracy: The Realities Malaysian Must Face. Kuala Lumpur, 1971.

Э. М. Гуревич

**ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ СИНГАПУРА:
СТРУКТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА**

Правящая партия Сингапура — Партия народного действия (ПНД), хотя и сложилась сравнительно недавно, приобрела исключительное влияние в политической жизни страны. После предоставления Сингапуру независимости в августе 1965 г. формирование национальной государственности, идеологического курса, становление и развитие общественных институтов происходят под непосредственным влиянием этой политической партии, и поэтому их содержание в конечном счете определяется в значительной степени характером ее деятельности. Впервые придя к власти в 1959 г., партия провела страну через испытания и трудности первых лет самоуправления, через неудавшийся союз с Малайзией к независимости. За эти годы сама партия претерпела коренную трансформацию — от леворадикальной, какой она появилась на политической арене в начале 50-х годов, к социал-демократической партии правого толка, объявившей борьбу с коммунизмом своим официальным курсом.

Чтобы понять некоторые черты современной политики ПНД, специфику ее деятельности, своеобразие структуры, взаимоотношений с другими общественными организациями, необходимо вкратце рассмотреть политическую ситуацию, сложившуюся в Сингапуре в первое послевоенное десятилетие, в которой происходило формирование взглядов и идеологических устремлений организаторов ПНД.

Середина 50-х годов в политической жизни Сингапура была отмечена мощным демократическим подъемом, большой политической активностью народных масс. Как отмечает советский ученый В. А. Тюрин, в эти годы на политической арене Сингапура выступили три главные силы. «Первой была крупная буржуазия, представленная Европейской, Китайской и Индийской торговыми палатами... Второй политической силой была средняя и мелкая буржуазия и европейски образованная интеллигенция, происходящая из средних слоев китайского, индийского, малайского и евразийского населения города. Она не была однородной, разделяясь на умеренное и левое крыло, причем границы между ними были крайне подвижны и менялись на протяжении послевоенной истории. И, наконец, третьей силой был сингапурский рабочий класс и связанные с ним мелкобур-

жуазные слои города» [4, с. 200—201]. Но наибольший антиимпериалистический заряд несли в себе массы китайского населения, пробужденные к действию как силой и размахом освободительного движения этих лет, так и победой народно-демократической революции в Китае.

Английская колониальная администрация ответила на выступления патриотических сил жестокими репрессиями, многочисленными арестами коммунистов и демократических деятелей. В июне 1948 г. в Сингапуре было введено чрезвычайное положение. Коммунистическая партия Малайи, действовавшая и на территории Сингапура, была объявлена вне закона. Однако, несмотря на это, она оставалась одной из наиболее влиятельных партий и располагала широкой массовой базой [13, с. 228]. Усиление влияния Компартии, в основном китайской по своему национальному составу, объясняется тем, что партия была ведущей силой в антияпонской борьбе, фактически единственной партией, работавшей в подполье на территории Малайи и Сингапура. Уже тогда КП смогла развернуть широкую сеть своих организаций.

В те же годы, иногда при прямом содействии колониальных властей, надеявшихся на сотрудничество консервативных политических деятелей, возникает ряд легальных социал-демократических партий (Рабочая партия, Либеральная социалистическая партия, Партия трудового фронта, Партия рабочих и др.). Общими для этих партий были требования предоставления Сингапуру самоуправления и объединения с Малайской федерацией, программы умеренных буржуазных социально-экономических реформ [2, с. 39]. Ни одна из этих партий не располагала массовой базой.

Несмотря на репрессии, начавшиеся с середины 50-х годов, бурный подъем борьбы рабочих, поддержанных широкими непролетарскими массами, значительно изменил соотношение сил в стране, создал условия для общего сдвига влево. Значительную роль в ознакомлении прогрессивных кругов сингапурского общества с передовыми идеями того времени сыграли студенты, получавшие образование в английских университетах. В период учебы молодые сингапурцы знакомились с теориями западной социал-демократии, которые оказали большое влияние на формирование идеологических воззрений будущих организаторов и идейных руководителей ПНД — Ли Куан Ю, Го Кенг Сы, Тох Чин Чи и др. По возвращении они активно включились в освободительную борьбу, разрывавшуюся в Сингапуре.

ПНД появилась на политической арене в ноябре 1954 г. как радикальная левая социал-демократическая партия. Организаторами ПНД стали представители наиболее политически активных и организационно оформленных слоев мелкобуржуазной интеллигенции, выступавшей под знаменем борьбы против колониализма. В ее рядах объединились представители как рефор-

мистски настроенной интеллигенции, возглавляемой Ли Куан Ю, которые были тесно связаны благодаря своему социальному статусу и образованию с местной элитой и колониальной администрацией, так и предстали левых сил во главе с Лим Цин Сяном, располагавшие широкой поддержкой рабочего класса, профсоюзов, молодежных организаций.

Реформистское руководство ПНД стремилось к сотрудничеству с коммунистами вследствие общности целей на данном этапе антиколониальной борьбы. Как неоднократно подчеркивал Ли Куан Ю, имевший в то время широкие связи в левых профсоюзах, среди учащихся китайских школ, где коммунисты имели наиболее сильное влияние, «ни один политический деятель в Сингапуре, стремившийся заручиться поддержкой китайского населения, не мог позволить себе быть антикоммунистом» [8, с. 2].

В конкретных условиях Сингапура завоевание масс было возможно только в союзе с левыми силами. Последние, в свою очередь, также были заинтересованы в создании широкого национального фронта перед лицом усиливающегося террора колониальных властей и рассматривали ПНД как наиболее прогрессивную и левую партию [10, с. 251]. Однако, вступая в борьбу за национальное освобождение, участники этого движения по-разному представляли себе его конечную цель. Союз их был преходящим. Первые годы становления ПНД — это период острейшей борьбы за руководство в партии.

Председателем партии стал Тох Чин Чи, генеральным секретарем — Ли Куан Ю. В состав Центрального исполнительного комитета вошли представители как левого, так и правого крыла партии.

В период активизации борьбы за независимость успеха могли достигнуть лишь партии, располагавшие наиболее радикальной программой антиколониальной борьбы и организационной базой для широкого контакта с массами, прежде всего с китайским населением, являвшимся этнической доминантой Сингапура. Поэтому в принятом в 1954 г. Манифесте ПНД своей главной целью провозгласила борьбу против колониализма, за немедленное предоставление Сингапуру независимости через объединение с Малайской федерацией и создание «свободной, демократической, некоммунистической, социалистической Малайи» [10, с. 160] на основе выборности всех административных органов, за ликвидацию неравенства и справедливое распределение национальных богатств. Лидеры ПНД понимали, что политический успех партии и освободительного движения находится в прямой зависимости от общего прогресса страны. Поэтому программа партии значительное внимание уделяла развитию экономики. Также в качестве одной из первейших задач партия предусматривала модернизацию традиционной, особенно китайской, системы образования.

Поддержка внутри страны, успехи освободительного движения в регионе создавали в Сингапуре предпосылки для достижения независимости мирными методами борьбы. Одной из задач на этом пути было завоевание партией большинства в важнейшем политическом учреждении страны — Законодательном совете. Руководители ПНД не рассчитывали на всеобщих выборах 1955 г. получить большинство в парламенте [8, с. 2]. Решение партии выдвинуть только четырех кандидатов, очевидно, было продиктовано сознанием незавершенности организационного периода и ввиду этого опасением потерпеть поражение. Это нанесло бы партии ущерб в глазах общественного мнения.

На выборах ПНД получила три места вместо ожидаемых четырех. Предвыборная кампания была использована лидерами ПНД как возможность заявить о своей партии, а Законодательное собрание стало трибуной для распространения их идей. Годы 1955—1959 были своеобразным инкубационным периодом, когда формировалась партийная структура и создавалась массовая база ПНД. Внутри самой партии началась острая борьба за влияние в руководстве между ее правореформистским крылом, возглавляемым Ли Куан Ю, и ориентировавшейся на компартию группой во главе с Лим Цин Сяном. Наиболее острую форму эта борьба приняла на III съезде ПНД, состоявшемся в 1957 г. Победу одержали представители левого крыла, получившие половину мест в ЦИК. Тох Чин Чи и Ли Куан Ю вышли из состава комитета. Председателем партии стал Тан Чонг Хин, а генеральным секретарем — Т. Т. Раджа [7, с. 21].

Правительство Партии трудового фронта, пришедшей к власти в результате выборов 1955 г., стало проводить непопулярную проколониальную консервативную политику. Начались преследования и аресты демократических и прогрессивных элементов. Среди арестованных оказались и 5 членов недавно избранного ЦИК ПНД, 11 партийных работников из отделений, а также молодежные и профсоюзные лидеры. Этими арестами были устранены левые лидеры в самый конструктивный для партии период, а их позиции в ПНД значительно ослаблены, что позволило ее правой фракции восстановить свое влияние. Правое руководство, стремясь укрепить свои позиции в партии и затруднить доступ в нее прокоммунистическим элементам, внесло изменения в устав партии, увеличив срок действия полномочий исполнительного комитета до двух лет, и создало кадровую систему, согласно которой члены партии были разделены на 4 категории: кандидаты в члены партии, рядовые члены, кандидаты в кадровое звено, кадровое звено партии. Из этих четырех групп только последняя обладала правом избирать исполнительный комитет. Более того, кадровыми членами могли стать лишь граждане Сингапура старше 21 года, имеющие определенный образовательный уровень. В свою очередь, кадровое звено утверждалось Центральным исполнительным комите-

том [8, с. 7]. Такая система автоматически исключала участие в принятии политических решений основной массы молодежи и представителей рабочего класса, т. е. наиболее активных сторонников левого крыла.

После ареста лидеров левой фракции и внесенных организационных изменений ПНД вступила в новую фазу своего развития, поставив своей главной целью победу на предстоящих выборах 1959 г. Партия выдвинула своих кандидатов во всех избирательных округах (51) и получила в результате голосования 43 места в парламенте. Из остальных 8 мест 4 получили кандидаты партии Сингапурский народный союз, 3 — представители Альянса и 1 место занял независимый. К этому времени закончились длившиеся с 1956 г. между правительством Трудового фронта и британскими властями переговоры о предоставлении демократических сил, но стремясь при этом сохранить свои позиции в этом стратегически важном пункте региона, английское правительство вынуждено было пойти на уступки. С приходом к власти ПНД Сингапур стал самоуправляющимся государством под опекой Англии.

Превращение ПНД из оппозиционной партии в правящую изменило всю систему отношений как внутри партии, так и между партией и другими политическими силами. В период пребывания в оппозиции партия огромное значение придавала разработке соответствующих программ, мобилизации массовой поддержки путем объединения с левыми силами, агитации против колониального режима. Однако, несмотря на внешне леворадикальный характер партии, в расчеты ее руководства не входило изменение экономической основы буржуазного государства. Она лишь стояла в оппозиции к правящей Партии трудового фронта, стремясь заменить ее у кормила власти.

Теперь, после прихода к власти, основными задачами партии были мобилизация масс для поддержки нового режима и удаление с политической арены своих потенциальных противников, главным образом представителей левых сил. Укрепление массовой базы осуществлялось двумя путями: через государственные учреждения и через отделения партии [6, с. 101]. Замена колониальных чиновников национальными кадрами должна была укрепить государственный аппарат и переориентировать гражданских служащих на выполнение новых задач — осуществление программ экономического и социального развития. Отделения партии были призваны расширить связи ПНД с народными массами. Что же касается борьбы с левыми силами, то правое руководство партии приняло все меры для концентрации власти в своих руках. Встав на защиту интересов буржуазии и пользуясь при этом поддержкой британских властей, правительство ПНД приняло все меры к ограничению политических свобод, и прежде всего деятельности левого крыла партии. Однако пра-

вительству не удалось подавить выступления демократических и патриотических сил.

В условиях ширящегося демократического движения идея создания Федерации Малайзии¹, выдвинутая премьер-министром Малайи Абдул Рахманом, была с одобрением встречена лидерами ПНД. Как откровенно заявил заместитель премьер-министра Го Кенг Сы, они надеялись, что «прочность позиций коммунистов в Сингапуре, основанная на влиянии в массовых организациях, ослабнет в более широкой федерации. Более того, и это самое главное, предполагалось, что федеральное правительство немедленно примет меры безопасности против лидеров левого фронта и его массовых организаций» [10, с. 79]. Этот простой расчет был разгадан демократическими силами.

Вопрос об объединении с Малайзией привел к окончательному расколу партии в 1961 г. и образованию Социалистического фронта. Левое движение продемонстрировало свою силу, так как более 70% членов ПНД вышли из состава партии и присоединились к Социалистическому фронту. В момент создания партии 43 профсоюзные организации публично заявили о своей поддержке Социалистического фронта. Почти все отделения ПНД оказались в руках новой партии [8, с. 15]. Однако ПНД как правящая партия, располагая государственной машиной, под предлогом «борьбы против коммунизма» продлил действие Закона об общественной безопасности 1948 г., запретила деятельность ряда демократических профсоюзов и начала проводить политику репрессий в отношении своих политических противников. Последовал ряд арестов демократических деятелей и лидеров Социалистического фронта, что способствовало кризису руководства оппозиционных партий.

Ход борьбы внутри ПНД нельзя отрывать от всей картины развития классово-политической борьбы в стране. Не случайно моменты наивысшего успеха левого крыла следовали за общим подъемом и усилением левых сил в стране. Конечно, по ряду причин как объективного, так и субъективного характера (жестокости репрессий со стороны колониальной администрации, а затем правительства ПНД, ошибочных установок руководства Социалистического фронта, проистекавших из порочных левацких методов стратегии и тактики классово-политической борьбы) левое движение не могло добиться победы. Однако оно определенно вынуждало правореформистское руководство ПНД корректировать свою политику в соответствии с требованиями широких народных масс, правда, ровно настолько, насколько это позволяло ей сохранить свою власть в стране. Несмотря на то что с образованием Социалистического фронта существенно сузилась массовая база ПНД, положение ее стало более прочным по ряду причин,

¹ В состав объединенного государства Малайзия должны были войти бывшие колонии Англии: Малайская федерация, Сабах, Саравак, Бруней и Сингапур.

и прежде всего благодаря наметившимся позитивным сдвигам в социально-экономической сфере в результате осуществления стратегии развития, принятой в 1959 г., а также благодаря наличию у правящей партии большого арсенала средств для обработки общественного мнения.

В первое десятилетие своего существования ПНД постепенно эволюционировала вправо и после выборов 1963 г. окончательно отмежевалась от левых сил. Правящая партия вновь одержала победу, получив 46,9% голосов и заняв в парламенте 37 мест из 51. Социалистический фронт, несмотря на репрессии и аресты своих активистов, получил 33,3% голосов, обеспечив себе 13 мест в парламенте [13, с. 285]. Победу ПНД на этих выборах нельзя, очевидно, объяснить только ослаблением и разобщенностью левой оппозиции. Причина ее победы состояла также в том, что партия сумела учесть интересы новых буржуазных слоев и внесла определенный вклад в улучшение положения средних слоев и широких масс трудящихся.

Объединение с Малайзией было кратковременным и не столь плодотворным, как рассчитывали сингапурские лидеры. Тем не менее за годы объединения (1963—1965) правительство достигло некоторых успехов в области экономического развития и укрепило свои позиции, существенно ослабив своего главного политического соперника — Социалистический фронт. В 1965 г. в результате одностороннего решения малайзийского правительства об исключении Сингапура из состава Федерации, продиктованного обострением экономических и политических противоречий между малайской и сингапурской буржуазией, страна была поставлена перед необходимостью определения своей дальнейшей судьбы. Руководство ПНД оказалось единственной группировкой, способной взяться за решение стоящих перед молодой республикой проблем.

Социалистический фронт избрал порочную тактику экстремизма и объявил независимость Сингапура фикцией, а республику — неокOLONиальным государством. Решение руководства этой партии бойкотировать парламент и начать внепарламентскую борьбу лишило ее возможности объединения с другими оппозиционными силами для использования конституционных методов в выступлениях против правительственного курса. В этот момент такая позиция не только была непопулярной, но и значительно ослабила массовую базу партии и вызвала раскол в ее рядах.

Образование независимой Республики Сингапур поставило перед ПНД новые задачи, связанные с национальным строительством. Чтобы достичь успеха в выполнении этих задач, необходимо было максимальное объединение усилий всей страны.

Выборы 1969 г. стали своеобразным итогом десятилетнего пребывания ПНД у власти. В течение этих лет, прошедших под знаком острой политической борьбы, что свидетельствовало об

усилении процессов классовой дифференциации и политического размежевания классовых сил, партийная структура нового общества постепенно шла к становлению системы «однопартийной диктатуры в рамках парламентской демократии». По мнению Н. А. Симония, такая модель развития характерна для начальных этапов развития новой политической структуры, которая находит свое выражение в наличии значительных элементов авторитарности как в самой партии, так и в масштабах государства [3, с. 11]. Сделанный Н. А. Симония вывод полностью применим и к условиям такого высоко урбанизированного и капиталистически развитого центра, как современный Сингапур. Становлению авторитарного режима способствовали не только такой фактор, как обострение классовой борьбы в период, предшествовавший выходу Сингапура из Федерации и в первые годы независимости, но в значительной мере также глубокие и устойчивые влияния традиционной китайской политической культуры с характерной для нее абсолютной властью государства и системой высоко централизованной администрации. Формально в стране сейчас зарегистрировано 16 политических партий, включая ПНД, но ни одна из оппозиционных партий не может реально противостоять правящей партии. Главной целью партия провозгласила построение в Сингапуре общества демократического социализма [9, с. 17], что на практике означало развитие Сингапура по капиталистическому пути.

Основную задачу планов развития Сингапура его правительство видит прежде всего в переориентации экономической стратегии с целью ускоренного прогресса экономики, что считается необходимым для обеспечения хозяйственной независимости страны, а также для предотвращения социальных конфликтов. Политика индустриализации страны осуществляется капиталистическими методами с широким привлечением иностранного монополистического капитала и национального частного предпринимательства. Государственный сектор носит вспомогательный характер [1, с. 22—23].

ПНД усилила свой контроль над всеми сферами общественной жизни страны. Аресты лидеров и членов оппозиционных партий ослабляют эти партии. Внутри ПНД сохранена кадровая система, разработаны программы расширения и углубления правительственного и партийного влияния в политической жизни страны. В 1966 и 1968 гг. были приняты антирабочие законы, лишавшие рабочий класс его основного оружия — права на забастовку; под строгий контроль взята судебная система. ПНД установила свою монополию на власть, что проявляется в почти поголовном назначении ее ставленников на ведущие посты в правительственных учреждениях и государственном секторе экономики.

ПНД строится в основном по территориальному признаку с учетом существующего административного деления. В состав

органов партии во всех звеньях входят разные категории членов: избираемых на местах, назначаемых из центра и входящих в организацию по должности² [13, с. 266].

Низовая организация — отделение партии, из которого выбираются члены районных комитетов. Правом выбора в Центральный исполнительный комитет обладает только кадровое звено партии. Повседневное руководство осуществляется ЦИК с помощью оплачиваемых заместителей секретарей. Через них партия связана с государственными органами на всех уровнях [8, с. 24]. Создание этой категории партийных работников представляет одну из форм сращения государственного и партийного аппарата.

Центральный исполнительный комитет осуществляет жесткий контроль за деятельностью отделений: все члены местных партийных комитетов избираются из кадрового звена партии и утверждаются в ЦИК, а председателем назначается член парламента от данного избирательного округа [6, с. 124]. Назначение членов парламента в местные партийные органы должно способствовать проведению единой политической линии партии и государства, оно также затрудняет доступ в руководящий партийный аппарат нежелательным элементам.

На основании обследования образовательного уровня и социально-экономического статуса членов парламента, которые возглавляют местные партийные комитеты, в пяти избирательных округах было сделано заключение, что, как правило, они имеют более высокий образовательный и социально-экономический статус по сравнению с остальными членами районных комитетов [6, с. 119—123]. По мнению сингапурского политолога Чань Хэн Чи, такое положение члена парламента не обязательно несет в себе потенциальный разлад и во многих случаях имеет свои преимущества, особенно когда дело касается личностных взаимосвязей и политического патронажа. Во многих случаях член парламента сам набирает членов своего комитета и, значит, вправе рассчитывать на его лояльность [6, с. 18]. Для каждого партийного отделения обязательно проведение еженедельных встреч членов парламента с избирателями. Такие регулярные встречи используются руководством Сингапура как механизм двусторонней связи, который, с одной стороны, призван продемонстрировать доступность правительства для рядовых граждан, а с другой — поддерживать представление о вовлеченности широких народных масс в дела государства. Однако эта связь носит односторонний характер: правительство действительно находится в курсе проблем и настроений широких слоев населения, что позволяет своевременно корректировать по-

литический курс, но вовлеченность последних в политический процесс носит чисто внешний характер.

ПНД опирается на мелкую и среднюю буржуазию и представителей средних слоев, причем пристальное внимание уделяет работе с профсоюзами. Такой социальный состав ПНД дает ей возможность представлять себя защитницей не партикуляристских, а «общенациональных» интересов. В партии 43 тыс. членов, в основном вступивших в ее ряды после раскола 1961 г. Рядовые члены рекрутируются преимущественно из групп населения с невысоким доходом и образовательным уровнем. Руководство находится в руках образованных представителей средних слоев [5, с. 8]. По национальному составу партия главным образом китайская. Даже в районах с преимущественно малайским населением малайцы составляют не более 20% членов местного отделения [6, с. 129].

Детализированной программы будущего социалистического переустройства Сингапура руководители ПНД никогда не разрабатывали. Однако приверженность партии идеалам демократического и социалистического общества служила дополнительным импульсом к расширению ее массовой базы.

Идеалы равенства и справедливости издавна были присущи массовому сознанию народов Востока, являясь главным импульсом народной борьбы против колониализма. В сознании широких народных масс достижение политической независимости неизменно связывалось с установлением социальной справедливости. Но идеи социализма, ставшие особенно популярными после второй мировой войны, распространяясь и формируясь в колониальном обществе (с характерной для него незавершенностью процесса классовообразования), часто приобретали своеобразную утилитаристскую окраску. Это можно объяснить стремлением лидеров оправдать собственную политику, найти путь к широким массам и с помощью социалистической риторики вовлечь их в руло правительственных мероприятий.

Однако о социализме как о своем социальном идеале большинство идеологов ПНД если и говорят, то как о некоем абстрактном идеале свободы и справедливости. При этом в своих представлениях о содержании этой свободы и справедливости они остаются в рамках реформистской идеологии с характерной для нее внеклассовой трактовкой демократических свобод, игнорированием проблем социалистического преобразования производственных отношений. Идеологи ПНД формулируют эти цели под влиянием теорий западной социал-демократии, в частности теории «общественного благоденствия» английских лейбористов. При этом они апеллируют к изменениям, происшедшим в реальной действительности. Многие задачи социалистического переустройства в Сингапуре решены, полагают социалисты, республика и вообще избирательное право завоеваны; улучшились условия труда; повысился уровень жизни основной массы

² Такая практика сложилась еще до провозглашения независимости, когда в местных партийных организациях, обладавших большей самостоятельностью, было сильно влияние левых элементов.

населения; усилилась действенность государственного регулирования и контроля экономики. Из этой реальности и исходят идеологи партии, делая вывод, что социалистическое движение достигло своей главной цели — освобождения трудящихся от нищеты и политического бесправия.

По мнению лидеров ПНД, партия должна выработать прагматический, реалистический подход к решению основных проблем сингапурского общества — модернизации производства, демократизации системы просвещения, усовершенствования системы социального обеспечения. Это умеренно демократическая программа, характерная вообще для либерально настроенных кругов общества.

Курс на «деидеологизацию», связывающуюся с борьбой за массы, провозглашался давно, но теперь он нашел конкретное воплощение. На первый план выдвигается «деловой», «трезвый» подход к практическим вопросам, отвечающий широко пропагандируемым концепциям «эффективности». Под влиянием официальной пропаганды «общество всеобщего процветания» становится жизненным идеалом многих сингапурцев [7; 10; 12].

Прагматический подход определил и концепцию партии, когда перед ее руководством встал вопрос о том, какой же должна быть правящая социал-демократическая партия. Ответ на этот вопрос дал председатель ПНД Тох Чин Чи: «ПНД должна так скорректировать свою деятельность, чтобы нас признавали не только как политическую партию... нас должны признать как национальную политическую организацию, которая пользуется поддержкой всех национальных групп и слоев населения. ПНД должна расширить свою роль и укрепить структуру, чтобы стать объединительным центром во времена кризисов» [7, с. 279]. Сознательно провозглашая лозунги создания такой прагматической, а не классово-партийной, которая могла бы привлечь (вследствие нечеткости идеологической ориентации) широкие слои трудящихся, мелкой и средней буржуазии, руководство партии преследует цель еще больше расширить свою массовую базу, уделяя при этом особое внимание завоеванию политически индифферентной части населения, в первую очередь служащих, интеллигенции, части молодежи, представителей новых профессий, и тем самым предотвратить социальные конфликты.

С этой целью ПНД создала широкую сеть общественных организаций на уровне избирательных округов. Это гражданские консультативные комитеты, работу которых, в свою очередь, координируют 8 высших гражданских консультативных комитетов, а также общественные центры. Согласно уставу, эти организации должны стать важными каналами двусторонней связи — информировать правительство о положении народных масс и разъяснять им политику руководства, а также способствовать воспитанию чувства национального самосознания [7, с. 281]. Деятельность этих комитетов во многих случаях подме-

няет функции партии. Их создание еще более сузило рамки, в которых могли бы действовать силы оппозиции. То обстоятельство, что вся работа этих комитетов и списки их членов координируются и утверждаются в канцелярии премьер-министра специальным советом, в состав которого входят министр обороны, начальник управления по борьбе с коррупцией и секретарь премьер-министра [6, с. 145], свидетельствует об огромном значении, которое придается этим общественным институтам как механизму политического контроля. Привлекая всех неформальных лидеров и активистов к участию в правительственных учреждениях, ПНД укрепляет основы существующей системы и одновременно блокирует все возможные подступы для распространения влияния оппозиционных партий.

ПНД встала на путь подавления оппозиции, представляя это как единственную возможность при «национальном строительстве», социально-экономической модернизации, как средство преодоления экономической разобщенности и опасности «социальной дезинтеграции». В интервью корреспонденту лондонской газеты «Таймс» премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю подчеркнул, что «развивающиеся страны вынуждены иногда жертвовать определенными свободами ради собственного развития, безопасности и предотвращения коммунистической угрозы» [11, с. 234]. Применяя закон о внутренней безопасности, принятый еще в 1948 г., правительство может подвергать заключению сроком до двух лет всех лиц, подозреваемых в подрывной деятельности. И хотя действие закона теоретически должно распространяться главным образом на коммунистов, сингапурские лидеры широко применяют его против всех своих политических соперников. Успеху правительства ПНД в борьбе с оппозицией способствуют, как говорилось выше, слабость и разобщенность последней, отсутствие четко разработанных программ, способных составить альтернативу планам правящей партии. Деятельность главного политического противника ПНД — партии Социалистический фронт — практически сведена к нулю, поскольку экстремистский характер ее выступлений и лозунгов не встречает массовой поддержки, а регулярно проводимые репрессии в отношении активистов вызвали кризис руководства партии и окончательно ослабили ее позиции. В условиях Сингапура, где антикоммунизм — один из принципов внутренней политики, выступления компартии (она, кстати, продолжает рассматривать Малайзию и Сингапур как единое целое, и потому в Сингапуре нет самостоятельной партии), которые часто сводятся к террористическим актам, позволяют властям использовать жупел «коммунистической угрозы» для оправдания проводимого курса подавления любой оппозиции.

Ужесточение антикоммунистической политики сингапурского руководства в середине 70-х годов (что было связано не столько с активизацией деятельности левой оппозиции, сколько с расту-

щей экономической зависимостью Сингапура от империалистического Запада, а также с событиями международного характера — победой патриотов Вьетнама, сближением США с Китаем) вызвало новую волну арестов, закрытие ряда газет, обвиняемых в разжигании шовинистических настроений, подрыве безопасности и стабильности. Эти меры стали причиной резкой критики со стороны ряда европейских социал-демократических партий в адрес сингапурского руководства, которое обвинялось в нарушении прав человека, ограничении демократических свобод. В 1976 г. ПНД вынуждена была выйти из состава Социинтерна [10, с. 123, 250].

ПНД ограничивает возможности для усиления позиций любой другой политической партии, монополизировав стратегически важную для нее основу — профсоюзное движение. В соответствии с общим политическим курсом конкретные мероприятия ПНД были направлены на реорганизацию профдвижения и замещение независимых профсоюзных организаций единым движением, возглавляемым правым профсоюзным центром — Национальным конгрессом профсоюзов Сингапура; на централизацию руководства профсоюзами; на закрепление руководящей роли партии и установление над деятельностью профсоюзов партийно-правительственного контроля. Партийное руководство считает, что целью профсоюзов должна быть не борьба за улучшение экономического положения рабочих, а безоговорочная поддержка всех правительственных мероприятий и программ, как бы ни шли они вразрез с интересами трудящихся, помощь государству в формировании «нового общества» и национальной общности. Тот факт, что все руководящие посты в профсоюзах занимают члены ПНД, определяет их деятельность в русле политики правящей партии [7, с. 72—77; 12, с. 63—72].

Таким образом, руководству ПНД удалось, установив «однопартийную диктатуру в рамках парламентской демократии», обеспечить централизацию власти путем сращения государственного и партийного аппарата, а также инкорпорирования в действующую структуру власти всех профессиональных и общественных институтов.

На сегодняшний день активность партии несколько снизилась, что неоднократно признавалось многими руководящими работниками ПНД. Очевидно, причина в том, что организационная перестройка и превращение ПНД в кадровую партию влекут за собой борьбу за руководство в партии. Отсюда свертывание внутрипартийной демократии, урезывание прав рядовых членов партии.

Следствием положения ПНД в качестве правящей партии является ее полная институционализация в государстве, что происходит путем сращения партийного и государственного аппарата, когда партийные работники стоят во главе местных и государственных органов власти. Однако носителями государствен-

ной власти оказывается лишь небольшая часть партии, ее верхушка, тогда как основная масса партийных работников остается так же далека от реальной власти, как и прежде. Раджаратнам, один из ведущих идеологов ПНД, в своем выступлении по случаю празднования ее 15-й годовщины уделил большое внимание проблемам правящей партии. Он заявил: «В последние годы создалось впечатление, что партия больше не занимает, как прежде, ключевых позиций в политической жизни Сингапура. Она больше не определяет политического курса просто потому, что эта функция перешла в компетенцию правительства ПНД... Поскольку именно правительство, а не партия вырабатывает политический курс и обеспечивает руководство во всех сферах социальной, политической и экономической жизни, возникает представление, что партия устранилась от дел, что ее единственная функция — проведение выборов... Это неправильное представление. Правящая партия — это все та же политическая партия. Разница состоит в том, что ее главной задачей становится управление государством» [7, с. 287]. Партия народного действия по-прежнему остается ведущей силой в политической структуре Сингапура и оказывает определяющее влияние на все стороны государственной и общественной жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курзанов В. Н. Промышленное развитие Сингапура. М., 1978.
2. Лю Ю. Современный Сингапур. М., 1976.
3. Структурные сдвиги в экономике и эволюция политических структур в странах Азии и Африки в 70-е годы (тезисы докладов). М., 1979.
4. Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980.
5. Bellows T. People's Action Party of Singapore: Emergence of a Dominant Party System. New Haven, 1970.
6. Chan Heng Chee. The Dynamics of One Party Dominance: the PAP at the Grass-roots. Singapore, 1976.
7. PAP 25th Anniversary Issue. Singapore, 1980.
8. Peng Cheng Lian. Singapore's People's Action Party. Its History, Organisation and Leadership. Singapore, 1971.
9. Singapore Year Book, 1966.
10. Socialism that Works... The Singapore Way. Singapore, 1976.
11. «South Asian Affairs». Singapore, 1978.
12. Towards Tomorrow. Essays on Development and Social Transformation in Singapore. Singapore, 1973.
13. Turnbull M. C. A History of Singapore, 1819—1975. L., 1977.

Е. А. Черепнева

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ
ИНДОНЕЗИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ
ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ**

Представляется целесообразным при рассмотрении проблемы государственной (или официальной, или национальной) идеологии основное внимание уделить взглядам индонезиеведов буржуазно-либерального объективистского направления, во-первых, вследствие важности этой проблемы для индонезиеведения и, во-вторых, потому, что именно с названным направлением связаны крупные научные исследования этой проблемы западными авторами.

В то же время статьи и книги представителей другого направления (реакционные политологи, связанные преимущественно с государственными организациями и работающие в основном при университетах Беркли и Калифорнийском в рамках финансируемых государством программ) не дали ни крупных работ, основанных на систематизации большого материала, ни теоретических исследований, которые бы оказали заметное влияние на дальнейшее развитие индонезиеведения.

Государственные идеологии развивающихся стран серьезно изучаются в советском востоковедении. Такие идеологии рассматриваются как синтез идеологических и политических ориентаций правящей элиты в переходном обществе. Советские ученые, занимающиеся Индонезией, уже выработали свой взгляд на эту проблему [3; 4; 5], сводящийся к тому, что изучение государственной идеологии — одна из важнейших проблем, поскольку изменение ее отражает изменение, во-первых, соотношения классовых и политических сил в стране, а во-вторых, методов управления со стороны господствующих классов, так как в условиях Индонезии (и не только Индонезии) государственная идеология является одним из важнейших рычагов управления страной и политического руководства. Официальная идеология в той форме, в какой она функционировала и функционирует в Индонезии, существовала и в сиануковской Камбодже, и в Бирме времен У Ну, и в других странах. Однако в Индонезии ее роль особенно велика, поэтому ее изучение помогает понять механизм действия государственной идеологии в развивающихся странах вообще.

Индонезийская официальная идеология за три десятилетия прошла сложный путь — от Панча сила Сукарно до Панча сила «нового порядка», т. е. от идеологии периода революции и войны за независимость, объединившей все слои населения Индонезии, все разрозненные до того нелегальные организации с целью создания единой независимой демократической Индонезии (1945—1959), через внешне динамичную идеологию «направляемой демократии» (1959—1965), пытавшуюся уравновесить основные политические силы, к официальной идеологии «нового порядка» (с 1966 г.), стремящейся после подавления прогрессивных сил создать в Индонезии при помощи Панча сила видимость единого бесклассового бесконфликтного общества.

Западных исследователей государственная идеология интересовала вначале как сфера, анализ которой позволил бы предсказать дальнейшее развитие режима Сукарно, а затем — как ставший типичным для Индонезии метод традиционного воздействия на массы. Для исследователей буржуазно-либерального направления характерен наиболее многоплановый и научный подход [1, с. 41]. Это направление представляют в основном американские исследователи, хотя с середины 60-х годов заметно возросла и роль австралийских индонезиеведов.

Государственная идеология Республики Индонезии привлекла особое внимание исследователей в период усиления режима «направляемой демократии» Сукарно, т. е. в начале 60-х годов, остается она объектом исследований и теперь. Этот интерес объясняется тем, что период «направляемой демократии», особенно вторая его половина, был временем «пышного расцвета» государственной идеологии. «Бледность» официальной идеологии предшествующего периода (периода парламентской демократии 1950—1957 гг.) — по контрасту с бурной идеологической деятельностью политических партий в тот период — в значительной мере объясняется отсутствием сильной центральной власти, способной аккумулировать потребности общественного развития и, в свою очередь, воздействовать на общество посредством государственной идеологии.

«Новый порядок», нынешний военно-бюрократический режим, утвердившийся после 1965 г., взял на вооружение в качестве официальной идеологии принципы Панча сила, сформулированные Сукарно в период революции 1945 г., постепенно изменив их трактовку в антикоммунистическом, антидемократическом направлении. Второй составляющей частью официальной идеологии «нового порядка» в первые годы стал лозунг «модернизация и развитие», заменивший «направляемую экономику» Сукарно 1959—1965 гг. Этот лозунг, выдвинутый с начала 70-х годов, был окончательно сформулирован в 1977 г. в «Проекте основного государственного курса» в следующих выражениях: «Главная цель долгосрочного развития — создание прочных основ роста и развития индонезийской нации на базе собствен-

ных сил в направлении построения справедливого и процветающего общества, основанного на Панча сила» [24].

Эволюция государственной идеологии в период «направляемой демократии» и «нового порядка» отражает процессы перегруппировки классовых и политических сил.

Концепция государства «направляемой демократии» имела в качестве основы постулат о единстве воли, интересов и целей всех слоев индонезийского общества [2, с. 17] и в общих чертах представляла собой возрождение мелкобуржуазных социалистических идей радикальных националистов во главе с Сукарно, сформулированных еще в 30-е годы. Выдвижение в 1957 г., в момент крайней политической нестабильности, подобной концепции отражало, в частности, типично мелкобуржуазную «озабоченность» Сукарно процессом дальнейшего углубления социального размежевания в стране [5, с. 192]. Внешний динамизм идеологии «направляемой демократии», ежегодное появление новых лозунгов и доктрин выражали стремление Сукарно сгладить бурный процесс политического размежевания, сбалансировать меняющееся соотношение сил. Этой цели служила и его концепция «незавершенной революции» — революции всей нации, требующей единства нации.

Идеология Сукарно пользовалась в то время поддержкой масс, поскольку имела антиимпериалистический, общедемократический характер и была облечена в доступную, понятную народу форму. Основные политические силы, как известно, поддерживали ее в той степени, в какой она соответствовала их интересам на определенных этапах. Так, «индонезийский социализм»¹ (концепция, выдвинутая еще в конце 20-х годов, на которой базировалась теория «направляемой экономики») позволял бюрократии контролировать государственный сектор и использовать его как средство обогащения. Лозунг «незавершенной революции», в связи с которым ставились все новые внешнеполитические задачи (присоединение Западного Ириана, конфронтация с Малайзией), давал возможность армии усилить свои позиции. Коммунистическая партия, со своей стороны, использовала общедемократическое содержание сукарновской идеологии. Но капиталистов-бюрократов и правую буржуазию по мере углубления и развития процесса первоначального накопления все более сковывали лозунги «социализма по-индонезийски», которые сдерживали капитализацию накопленных средств. С установлением режима «нового порядка» эти препятствия были устранены.

Такова в общих чертах связь государственной идеологии и хода исторического развития Индонезии в 50—70-е годы.

Западные историки в целом до середины 1965 г. по указан-

¹ Основные положения «индонезийского социализма» сводятся к отрицанию существования в Индонезии антигонимических классов и утверждению государственной собственности в ведущих отраслях экономической жизни.

ным выше причинам уделяли внимание государственной идеологии «направляемой демократии» в чисто практическом плане, считая, что идеология определяется потребностями политики, т. е. что она «систематизирует нормы управления обществом», «определяет и оправдывает политический порядок и роли лидеров в нем, контролирует изменения, направляя их на поддержку власти» [22, с. 8].

В исследованиях государственной идеологии, шедших в русле буржуазно-либерального направления в 60—70-е годы, можно выделить две группы исследователей — элитистов и плюралистов. Первые авторы рассматривали индонезийское общество как социально слабо расчлененное и при исследовании государственной идеологии пользовались всего двумя понятиями — элита и массы, причем ни массы, ни элиту они далее не расчленяли. Вторые, появившиеся позднее, рассматривали индонезийское общество как совокупность разных социальных сил и соответственно элиту как совокупность представителей значительной части этих сил, совокупность, степень единства которой была различна на разных этапах истории Республики Индонезии и постепенно ослабевала.

Примечательно, что если взять западное индонезиеведение в целом, то в нем идея неоднородности, классовой расчлененности индонезийского общества давно уже получила признание (В. Ф. Вертхейм). Но для того чтобы это положение проникло в исследования государственной идеологии, потребовалось значительное время. Отчасти это, может быть, следствие того, что представители элитистов рассматривают государственную идеологию как продукт развития нерасчлененного индонезийского общества. Они не занимаются идеологией особо, хотя в их работах ей уделяется заметное место. Плюралисты же специально занимаются изучением идеологии и механизмов ее воздействия на общество.

Внутри первой, более многочисленной группы четко выделяются два направления. Эти направления по-разному оценивают социальный характер элиты и, как следствие этого, по-разному понимают роль государственной идеологии в управлении массами со стороны элиты, или, шире говоря, ее роль в обществе.

Сторонники одного направления (условно их можно назвать «политологами») — Г. Фит, Б. Дам, Дж. Минц, Ю. ван дер Круф — рассматривают элиту как совокупность случайных лиц, выдвинувшихся в ходе политической борьбы (причем внутри этой совокупности авторитет их определялся степенью близости к Сукарно), а государственную идеологию — как своеобразный камуфляж для правящих клик, не игравший существенной роли в политической жизни страны.

Представители другого направления (можно назвать их «традиционалистами») — Г. Бенда, Б. Андерсон, Д. Лев,

П. Полонка, Д. Уэзерби — считали элиту совокупностью, возникшей в соответствии с нормами, бытовавшими в индонезийском обществе, и могущей существовать, лишь соблюдая эти нормы. Государственная идеология представлялась им важным и неотъемлемым элементом общественной жизни, и они связывали ее с традиционным механизмом власти, присущим яванскому обществу.

Названные исследователи основывают свои выводы на материале, относящемся ко временам Сукарно, когда некоторая случайность появления в элите каждого ее представителя в ходе бурной истории Индонезии конца 40-х — 50-х годов могла навести и наводила часть исследователей на мысль о случайном и непредставительном характере элиты в целом. Так возникла концепция «политологов». Накопление же информации о режиме Сукарно, опыт «нового порядка» привели к постепенному увеличению числа «традиционалистов», так что фактически разработка этих проблем велась далее в рамках традиционализма.

Индонезисты «политологического» направления, рассматривающего историю Индонезии периода независимости как борьбу политических группировок, считают, что государственная идеология периода «направляемой демократии» не выполняла никакой социальной функции и в основном служила интересам «дворцовой клики» и укреплению авторитарной власти Сукарно. Так, австралийская исследовательница Дж. Минц пишет о системе «направляемой демократии» как о «покрове, под которым шла борьба за власть», «фасаде, построенном из лидеров и лозунгов для прикрытия авторитарной власти» [18, с. 225]. Австралийский ученый Г. Фит замечает, что «создание образа процветающего общества «стало заменой прозаических административных и экономических повседневных дел по реализации этой задачи» [14, с. 384].

Но характерные для периода до 1965 г. «политологические» оценки давались «направляемой демократии» и после ее падения. Так, западногерманский индонезист Б. Дам в 1971 г. высказывает мнение, что ежегодно появлявшиеся в период «направляемой демократии» лозунги, по сути дела, повторяли друг друга с некоторыми вариациями и что принципы «совещательности» и «сотрудничества» всегда играли доминирующую роль в политическом мышлении Сукарно (поскольку принцип «совещательности» давал возможность для манипуляции [13, с. 178]) и тем самым были не формой реакции на меняющуюся обстановку, а пропагандистским камуфляжем. Американский ученый Ю. ван дер Круф в том же, 1971 г. называет набор лозунгов Сукарно «идеологической абракадаброй» [17, с. 48].

Утверждение в Республике Индонезии после попытки парламентской формы правления авторитарной «направляемой демократии» Сукарно, а затем военно-бюрократического режима «нового порядка» привело к появлению с 1965 г. «традиционали-

стского» направления. Все большее число исследователей стало приходить к выводу о восстановлении «традиционных норм» государственной власти. В изучении официальной идеологии это означало переход от прежнего интереса к идеологии правящей верхушки в целях прогнозирования практической деятельности режима Сукарно к анализу традиционных методов воздействия на массы. Тем самым за государственной идеологией стали признавать значительно большую роль в обществе, что заставило исследователей подойти к этой идеологии с культурно-исторических позиций, всесторонне рассмотреть ее и создать наиболее интересные концепции, которым и представляется целесообразным уделить особое внимание.

Тезис о восстановлении «традиционных норм» государственной власти в исследованиях официальной идеологии заставил ученых обратиться к вопросу о характере национальной элиты, причем отмечалась слабая связь элиты с массами и подчеркивалось значение идеологии в преодолении «пропасти» между ними.

Изменился в западной историографии и взгляд на саму индонезийскую элиту как выразителя официальной идеологии. Если в начале 50-х годов исследователи подчеркивали демократический характер элиты (Дж. Кейн, В. Ф. Вертхейм, Ю. ван дер Круф), то с середины 60-х годов та же элита характеризуется в основном как «традиционная бюрократическая», «консервативная» (Г. Бенда, Д. Лев, Д. Уэзерби, П. Полонка)².

Рассматривая отношение правящей элиты к «индонезийскому социализму» (официальной идеологии режима Сукарно), западные ученые, как правило, сходятся на том, что корни принятия лозунгов «социализма» — в непредпринимательском, т. е. «традиционном», бюрократическом характере элиты, стремившейся эксплуатировать общество в целом через государственный аппарат. При этом некоторые авторы выделяют и новый аспект: они говорят об экономической заинтересованности правящей элиты в «индонезийском социализме» как способе нажить капитал. Так, австралийский исследователь Ланс Каслз верно подмечает, что индонезийская правящая верхушка поддерживала сукарновскую идеологию лишь в той мере, в какой эта идеология соответствовала ее экономическим интересам. Он ближе других подходит к констатации необходимости классового анализа идеологии правящей верхушки: «Универсальность социалистического идеала, а также неопределенность, колебания и

² Так, американский ученый Г. Бенда, который первый указал на роль культурно-исторического фактора, отмечает, что именно длительное доколониальное существование страны создало основной комплекс общественных форм (в том числе государственного управления), на которые наложились современные формы. Голландцы в XVIII—XIX вв. не разрушили прежнюю политическую систему, хотя и обезглавили ее. Яванская аристократия осталась бюрократической [8, с. 1065].

непоследовательность, которые сопутствовали его реализации, можно в значительной степени понять в свете индонезийской классовой структуры и ее эволюции» [11, с. 73]. Хотя автор оперирует понятием «класс» как категорией западной социологии, а не марксистской, его призыв обратиться к изучению экономических целей индонезийской бюрократии представляется позитивным сдвигом в западном индонезиеведении.

Тезис о восстановлении «традиционных норм» государственной власти и о консервативном характере элиты заставил некоторых исследователей начать изучение идеологии в культурно-историческом аспекте — как «нормативного», «ненасильственного» атрибута власти в феодальной индонезийской политической системе.

Влияние традиций и индо-яванской мифологии на идеологию индонезийского национализма впервые выделил Б. Дам [12]. Однако он крайне преувеличивает влияние этих факторов на идеологию и политику. В частности, он считает, что партии и политические организации росли и крепились, если они использовали яванские мессианские идеи, и приходили в упадок, если отказывались от них³.

О важности «иррационального момента» в индонезийских официальных доктринах писал (признавая одновременно и политическую функцию идеологии) и американский ученый Д. Уэзерби: «Мы приписываем индонезийской идеологии более высокую степень рациональности, чем она имеет в действительности» [22, с. 16]. Исследование идеологии «направляемой демократии» важно, считает Уэзерби, поскольку она — будущее любого индонезийского правительства [22, с. 13]. «После „30 сентября“ (1965 г. — Е. Ч.) „вербальная магия“ (или устная, словесная магия) не исчезнет, так как она — часть древней, сложной политической культуры» [22, с. VI]. Значение «устной магии» в яванской традиционной концепции власти подчеркивают и К. Берг [9], Г. Бенда [8], Б. Андерсон [7].

Уэзерби видит в официальной идеологии «сознательную попытку традиционной элиты приспособить традиционные ценности для нетрадиционных целей», «обоснование современного поведения ссылками на идущие издревле предписывающие нормы» [22, с. 88]. Идеология по традиционным нормам самоценна, отмечает он, связана с этикой, и, следовательно, оппозиция ей неэтична. (В данном случае он присоединяется к мнению американского социолога К. Гиртца о существовании «лояльности первичных групп» в традиционном обществе.) В концепции Уэзерби очень важно различие между традиционными методами и сегодняшними целями, которые могут быть как традиционными, так и нетрадиционными.

³ Подробное изложение взглядов Б. Дамы и критику его концепции см. в статье А. Б. Беленького [1].

Американский исследователь Б. Андерсон пишет, что, по яванской традиционной концепции, власть («божественная власть» — «сакти») не бывает законной или незаконной: власть просто существует. Поэтому основная проблема для главы государства — концентрация власти как путем внутренней, личной концентрации, так и путем привлечения внешних импульсов, при помощи «словесной магии», импульсов «сакти», исходящих от сосредоточенного в одном месте большого числа людей, и пр. Все это используется при пропаганде государственной идеологии.

«Яванский национализм», считает Андерсон, не столько политическое кредо, сколько стремление к единству перед лицом дезинтеграции традиционного общества при колониальном капитализме [7, с. 24]. Именно боязнь рассредоточить власть можно с точки зрения традиционного политического мышления объяснить и постоянные призывы Сукарно к национальному единству. Андерсон полагает, что традиционная концепция власти оказывала влияние и на характер основных идеологических течений в стране (национализма, исламизма и марксизма), причем замкнутость каждого из них отражала систему традиционного яванского воспитания: противопоставление «посвященных» «непосвященным». Эти идеологии пустили столь глубокие корни, отмечает автор, поскольку они содержали знание, дающее власть («сакти»).

В отличие от Андерсона проблему влияния традиций на политическое поведение бюрократии среднего уровня в Индонезии рассматривает американская исследовательница Э. Р. Уилнер в статье «Неотрадиционная адаптация к политической независимости: пример Индонезии» [23], напечатанной в 1966 г. Она основывает свои выводы на данных собственных полевых исследований середины 50-х годов. Важная особенность работы Уилнер — то, что она обращается к определению «традиционных культурных ценностей». До нее большинство ученых вообще не поясняло этого термина, а Андерсон при проведении параллелей с современностью брал за основу индо-яванскую средневековую концепцию власти, так сказать, в ее чистом виде, в краткой современной научной дефиниции.

Определяя «традиционные культурные ценности», Уилнер отмечает, что главные их носители — яванцы, однако «во многих отношениях ценности эти воспринимаются другими основными этническими группами и составляют часть индонезийской культуры в более широком смысле» [23, с. 522]. С тех пор как яванцы стали преобладать в общественно-политическом отношении, представители других групп, особенно живущие на Яве, должны были приспособиться к тем ценностям яванской культуры, которые вступали в противоречие с их собственными.

За постоянной апелляцией западных исследователей — «традиционалистов» к традиционным ценностям и столь же по-

стоянным нежеланием дать определение этих ценностей стоит верное ощущение того, что и до и после колониального периода государственная идеология существовала и что явление это чрезвычайно сложное. Одним из элементов традиционной духовной жизни населения Явы была обязательная и регулярная подача идеологического импульса от правителей к массам, причем форма этого импульса и методы его подачи были специфичными для индонезийского, и в первую очередь яванского, общества. В этой сфере исследователи указывают на вполне конкретные черты как самого источника идеологии — наделенного сверхъестественными способностями главы государства, так и формы идеологического воздействия (о которой достаточно подробно пишет, в частности, Б. Андерсон).

В отличие от других «традиционалистов» Уилнер не считает, что голландцы сохранили «традиционную» структуру власти, лишь устранив ее верхние элементы. Ссылаясь на исследование Б. Схрике [20] о политической структуре позднего Матарамы, Уилнер отмечает, что голландцы не просто сохранили, а реформировали, т. е. упорядочили и иерархизировали, бюрократический аппарат, отличавшийся ранее плохой организацией и отсутствием четкого разграничения функций. Вместе с тем Уилнер выражает общее для «традиционалистов» мнение, впервые высказанное Бендой, что после революции в Индонезии усиливается влияние традиционных институтов и форм политической жизни и что, несмотря на изменения, произведенные голландцами в XIX — первой половине XX в., «бюрократическая политическая структура» периода «направляемой демократии» обнаруживает большое сходство со средневековыми государствами на Яве — Матарамом (XVI—XVIII вв.) и его предшественником Маджапахитом (XIV—XV вв.) [23, с. 520]. Процесс «традиционализации административной системы» до 1959 г. был, по мнению автора, частично замаскирован двумя факторами: тем, что у власти стояла «современная» (по формальным признакам) элита, а также присутствием в стране иностранного капитала и иностранных экспертов.

В исследовании Уилнер помимо попытки определения «традиционных ценностей» содержится еще одно важное для понимания роли государственной идеологии в традиционном яванском обществе положение. Она считает: отсутствие четкого распределения функций и плохая формальная организация бюрократии позднего Матарамы привели к тому, что «видимость абсолютной власти правителя поддерживалась психологическим (курсив мой. — Е. Ч.) и военным оружием» [23, с. 519]. Бюрократия не была четко организованной и постоянной, но «высокополитизированной»: отношения между правителями и непосредственно им подчиненными крупными чиновниками характеризовались использованием «сложной и хитроумной стратегии переговоров, манипуляций, коварства и уверток» [23, с. 519].

Статья Уилнер захватывает лишь самое начало периода «направляемой демократии». Но, несмотря на то что автор не касается проблемы государственной идеологии, ее статья является одной из основных в исследовании традиционализма западными индонезиеведами, поскольку посвящена средней бюрократии — одному из наиболее традиционных слоев индонезийского общества. Интересно, что Уилнер пытается объяснить политическое поведение и высокую степень политизации бюрократии Матарамы, которые она обнаруживает и в современной Индонезии, сходством сложившихся структур государственной власти, т. е. сходством причин, тогда как Андерсон, например, в современной политике в Индонезии видит интуитивное стремление соблюдать «традиционные нормы», т. е. инерцию, а не влияние сегодняшнего дня.

При всей полезности, на наш взгляд, изучения современной политики в свете традиций обращение только к культурному влиянию яванских традиций не позволяет объяснить многие сложные общественно-политические процессы. Толкование государственной идеологии с позиций нормативизма как необходимого, издревле присущего государственной власти в Индонезии иррационального механизма в значительной мере отвергает научное познание закономерностей эволюции государственной идеологии, затеняет сложные процессы, идущие в общественном сознании современной Индонезии, как отражение ее сегодняшнего общественного бытия.

Мы рассмотрели точки зрения тех исследователей («политологов» и «традиционалистов»), которые анализируют в основном государственную идеологию режима Сукарно. Оценки же государственной идеологии у тех, кто рассматривает период Сукарно вместе с периодом «нового порядка», заметно отличаются от оценок их предшественников.

Опыт «нового порядка» и его государственная идеология, конечно, позволили многое увидеть в идеологии предшествующего периода. (Тем важнее роль тех немногих, прежде всего Г. Бенды, кто сумел сделать это до 30 сентября 1965 г.) Изучение опыта «нового порядка» значительно расширило ряды «традиционалистов». Во-первых, они рассматривают государственную идеологию «нового порядка» как стремящуюся вернуть ей всеобщий характер национальной идеологии Панча сила первых лет независимости, поскольку период «направляемой демократии» характеризуется сужением круга людей, на которых была рассчитана и оказывала воздействие государственная идеология; во-вторых, они пытаются разрешить довольно сложный вопрос возрождения традиционных концепций нетрадиционными слоями (большинство военных, лидеров «нового порядка», не являются выходцами из яванской аристократии — приятия, которых западные исследователи считают основными носителями традиционализма).

Так, П. Поломка совершенно справедливо отмечает два момента в отношении «демократии Панча сила» — официальной идеологии режима «нового порядка». Во-первых, термин Панча сила вернулся в политический словарь, поскольку допускает самое широкое толкование. Во-вторых, идеологи «нового порядка» в интересах консолидации режима восприняли концепцию Сукарно о том, что «демократия» органически присуща традиционному индонезийскому обществу в следующей форме: «согласие» («муфакат») через «совещание» («мушаварах») при сильном руководстве, синтезирующем конечное решение [19, с. 204—206]. Однако Поломка, указывая, что консервативные стороны идеологии Сукарно были включены в идеологию «нового порядка», не вскрывает сущности социальных сдвигов, которые вызвали это явление.

Процесс, начавшийся после 1966 г. и называемый «деполитизацией» и «деидеологизацией», одно время трактовался западными индонезиеведами как отказ от государственной идеологии. Время показало, однако, что после «приручения» политических партий, упрощения партийной системы и сковывания политической активности масс индонезийские лидеры вновь заговорили о важной роли партий в «воспитании масс» в духе официальной доктрины. В действительности «деидеологизация» масс была лишь необходимым для нынешних лидеров этапом. В настоящее время они, будучи в известной мере уверенными в прочности своего влияния на политическую жизнь, вернулись к привычным формам и терминам государственной идеологии [24].

Элитистский подход, преобладающий у западных исследователей, и отсутствие классового анализа власти оставляют неясным характер эволюции государственной идеологии от «индонезийского социализма» к «демократии Панча сила» 70-х годов. В самом деле, если в власти утвердилась «традиционная элита», носящая непредпринимательский характер, то почему вначале так круто изменилось (к худшему) отношение элиты к «индонезийскому социализму» (не к фразеологической его стороне, а к экономической сущности) и почему впоследствии военная бюрократия вновь начала укреплять государственный сектор, вспомнив при этом о «социализме» (после 1975 г.)?

В этой связи многие говорят о сочетании «неофеодализма» и идеализации яванского прошлого с влиянием на часть идеологов «нового порядка» американских социологических концепций о роли армии в обществе и о «деидеологизации» общества по мере его развития [10; 21]. Так, австралийский ученый Кен Уорд отмечает подражательность доктрины «деидеологизации» и ее «отрыв от индонезийской социальной действительности, где существуют острые классовые противоречия». Нынешнее руководство, считает он, игнорирует «глубину и длительность приращенности к (политическим. — Е. Ч.) течениям». Тот факт, что радикальные националисты и Сукарно отрицали наличие

классов в Индонезии, объясняется, по его мнению, их происхождением из приийи и традициями, желанием восстановить после краха голландского колониализма свое собственное господство [21, с. 78]. Обращаясь к той же проблеме — проблеме социального происхождения правящей верхушки, другой австралийский исследователь, П. Бринтон, присоединяясь к мнению о необходимости «традиционных» методов управления в традиционном обществе, пишет, что, поскольку нынешние военные правители в большинстве своем не принадлежат к приийи, их подчеркнута «традиционное» политическое поведение направлено на укрепление их власти, так как этими же методами правили и представители приийи [10, с. 95—96]. Оба автора считают нынешнее индонезийское руководство в действительности менее связанным с традициями, чем прежде, причем Бринтон обращает внимание на поверхностный характер использования традиций, а Уорд — на отказ в рамках «деидеологизации» от традиционных методов воздействия на массы через государственную идеологию.

В целом буржуазные исследователи (как «традиционалисты», так и «политологи») полагают, что государственная идеология служит для узаконения власти правящей элиты, а также ее практическим целям. При этом в большей или меньшей степени учитываются традиционные факторы (здесь, как мы видели, существует широкий спектр в определении государственной идеологии — от традиционных методов воздействия на массы и «вербальной магии» до «идеологической абракадабры»).

И почти все ученые признавали в начале 70-х падение роли государственной идеологии в жизни индонезийского общества при «новом порядке», отсутствие единой, хотя и противоречивой, идеологии, типичной для периода до 1965 г. Это можно рассматривать как признание в косвенной форме того, что период решения общенациональных задач закончился и политические силы размежевались. В условиях явной социальной поляризации и подавления коммунистов то, что сама нынешняя официальная идеология, так же как и при Сукарно, строится на отрицании факта социальной поляризации, означает не претензию на всеобщность, а отрицание за одной из борющихся идеологий права на существование. Но о полном «упадке идеологии», по мнению, например, Р. Лидла, говорить не приходится. Понимая идеологию «по Гиртцу», Лидл пишет: «„Упадок идеологии“ — лишь поверхностное изменение содержания и, на первый взгляд, форм идеологической деятельности». И далее: «Представить государственную систему без идеологии — значит представить общество без конфликта и народ без надежды. Такое явление не существует ни в одном современном обществе, тем более в новом государстве, подобном Индонезии» [176, с. 177].

В этой связи интересно обратиться к причинам временной политической эффективности противоречивых государственных

программ времен Сукарно. Необходимо подчеркнуть, что их успех отражал определенный этап в развитии национально-освободительного движения, этап решения общенациональных задач, о чем неоднократно писали советские исследователи. Иными словами, не отрицая роли традиционных норм политического мышления в выработке и пропаганде государственной идеологии, нужно указать, что при помощи этих традиционных норм формулировались конкретные идеи определенного политического периода, которые не могли не быть во многом новыми вследствие коренного изменения социально-экономической ситуации.

В целом интерпретация государственной идеологии современного периода (70-е годы) с точки зрения традиционализма становится все менее популярной, хотя именно кризис последних лет правления Сукарно и первые годы «нового порядка» вызвали расцвет этой концепции. Традиционалистский подход позволял объяснять целый ряд аспектов государственной идеологии, но его претензия на универсальность была явно необоснованной, как показало дальнейшее развитие западной историографии. К. Уорд и П. Бринтон, примыкая к школе «традиционалистов», на базе исследования идеологии «нового порядка» подвергают в то же время сомнению вывод этой школы, что традиционное общество обязательно обуславливает традиционные методы осуществления государственной власти.

Традиционалистское направление не представляет собой что-то принципиально новое. Оно корнями уходит в концепцию мифологичности восприятия исторического процесса яванцами, основоположником которой является голландский индонезиевед К. Берг.

Перейдем к исследованиям плюралистов, которых представляет Р. Кахане [16]. Его работа интересна и важна еще и тем, что автор применяет иной, в отличие от элитистов, методологический прием, а именно делит общество на социальные группы.

Исходной (и верной) посылкой Кахане служит тезис о многоукладности индонезийского общества (он называет его «антагонистическим»). Основная проблема, интересующая исследователя, — «легитимность» власти в таком обществе, т. е. при каких условиях в «антагонистическом» обществе признается законной центральной властью. Эту проблему автор считает важной, так как, по его мнению, любая попытка эффективно управлять обществом при помощи экономической или организационной силы без опоры на придающие власти законность символы и ценности, к которым привержены члены общества, бесперспективна.

Индонезия смогла просуществовать как унитарное государство без катаклизмов до 1965 г. благодаря применению правящим режимом яркой символики, институционального порядка «направляемой демократии» и попытке использовать различные полити-

ческие группировки. Всем трем механизмам, пишет он, была свойственна «парадоксальность содержания», поскольку в нем сочетались «партикуляристская разнородность и универсалистские принципы» [16, с. 23].

Кахане подчеркивает, что яркая символика была самым важным из трех механизмов. Он выделяет три стадии в развитии «системы символов»: период Панча сила (до 1957 г.), период Манипол и УСДЕК (до 1960 г.) и период НАСАКОМ (до 1965 г.)⁴. Каждая стадия вытекала из предыдущей и сужала социальную базу единства; последнее положение, по сути дела, — констатация отхода Сукарно от союза с правыми партиями. В период Панча сила символика была столь «широкой и абстрактной», что каждая группа общества могла хотя бы частично отождествить себя с ней, не отказываясь при этом от собственной партикуляристской символики. Символика третьего периода — НАСАКОМ — была уже настолько далека от традиций Индонезии, что ее способность придать режиму законный характер оказалась ограниченной. Кахане считает, что символика может иметь успех лишь в том случае, если символы абстрактны, неясны и противоречивы, поскольку противоречивы группы, которые должны быть ими объединены. Однако возникали трудности в практическом руководстве страной, поскольку противоречивые символы остаются абстрактными, и это препятствует любой попытке реально приступить на их основе к решению общественных проблем. Когда Сукарно понял, продолжает Кахане, что не может больше предлагать символы вместо реальных благ, и придал политике более определенное направление, символика сузилась и, утратив свое всеобщее содержание, перестала функционировать в качестве регулятора противоборствующих сил.

Недостаток подобного подхода в том, что ученый рассматривает государственную власть как некий неизменный самостоятельный институт, в то время как приход Сукарно к власти и сохранение им власти в 50—60-е годы — результат длительной и ярко выраженной постоянной классово-борьбы в обществе.

Что касается роли идей (о механизме выработки которых автор не пишет) в укреплении государственной власти в Индонезии в 50-е — первой половине 60-х годов (вопрос, который он изучал специально), то здесь Кахане пришел к ряду интересных выводов, отчасти совпадающих с выводами советских исследователей. Интересуясь в основном комплексами идей, со-

⁴ «Манипол-УСДЕК» — речь Сукарно по случаю годовщины провозглашения независимости Индонезии, произнесенная им 17 августа 1959 г. «Манипол» — «политический манифест», «УСДЕК» — сокращение от слов «конституция 1945 года», «социализм», «направляемая демократия и экономика», «индонезийская самобытность», «НАСАКОМ» — национальный фронт, созданный в 1961 г., куда вошли десять легальных партий.

ставлявшими государственную идеологию в те годы, он выявил постепенное сужение круга этих идей, утрату ими всеобщности, что отражало процесс обострения отношений Сукарно и левого блока с крайне правыми группировками. Кахане, применяя свои собственные формулировки, делает верные выводы о сужении социальной базы режима Сукарно, отмечает обострение процесса социальной поляризации. Справедливо и его утверждение, что в условиях временного относительного политического единства общества традиционные всеобщие идеи и методы нашли себе (также временно) определенную сферу применения, которая сужалась по мере социального развития страны и усиления размежевания политических сил.

Что же в целом сделано индонезиеведами буржуазно-либерального направления в изучении государственной идеологии?

Они исследовали существенные аспекты государственной идеологии и поставили ряд важных проблем. Ими изучена фактологическая сторона идеологии, поставлен вопрос о характере правящей элиты и роли идеологии в преодолении пропасти между элитой и массами. Затронута проблема экономической заинтересованности бюрократической элиты в государственной идеологии, направленной на укрепление госсектора. Сделана попытка изучения идеологии как инструмента придания законности государственной власти в глазах населения. Многие исследователи изучали роль идеологии в традиционном механизме власти и пытались в этой связи интерпретировать современную государственную идеологию.

Но в то же время в их работах отсутствует социальный анализ, социально-экономическая мотивировка тех или иных процессов в обществе и отсюда — их всеобщее увлечение «традициями» и исследованием элит, недостаточно учитывающим эволюцию явлений, а также некоторая упрощенность. Отсюда же и стремление рассматривать принципы Панча сила в системе «нового порядка» как нечто отвечающее традиционному механизму единовластия, в то время как это лозунг периода союза различных социальных сил и в свое время он использовался не только традиционной элитой, но и всеми политическими группами, поддерживавшими Сукарно.

Высказывая справедливое мнение, что принципы Панча сила допускают самое широкое толкование, буржуазные авторы не выделяют заложенные в этих принципах объективные демократические возможности и упускают из виду, что эти возможности могут быть претворены в жизнь при наличии такой государственной власти, которая бы ставила своей целью развитие страны по пути демократии и социального прогресса. Именно в таком свете рассматривают советские исследователи лозунги Панча сила в Индонезии и аналогичные им лозунги единых фронтов в развивающихся странах. Подчеркивая необходимость изучения характера правящих элит и их идеологии в неразрыв-

ной связи с классовым анализом общества, ученые-марксисты считают, что государственная идеология не есть нечто самодовлеющее, но что она отражает интересы экономически и политически господствующих социальных сил.

Касааясь проблем традиционного элемента в государственных доктринах, советские исследователи признают, что «символично-традиционное оформление той или иной доктрины способно в глазах широких масс на какое-то время заслонить ее подлинную классовую сущность, создавая искаженное представление о возможностях ее практического претворения» [4, с. 28]. Второй момент, связанный с практической функцией идеологии, заключается в том, каким образом и в каком виде она воспринимается различными слоями населения. Так, определенное возрождение и укрепление психологического аспекта традиционных общественных отношений на Яве на рубеже 50—60-х годов произошло по двум причинам. Во-первых, ухудшение экономического положения в стране вызвало значительную депролетаризацию и вынуждало людей искать в общине привычный институт социальной защиты. Во-вторых, некоторое упрочение «социального мира» в деревне в период «направляемой демократии» было результатом правительственной социальной и идеологической политики, еще находившей отклик благодаря сохранению многих традиционных институтов в деревне. Ж. Д. Смирнская приходит к выводу, что, «по-видимому, крестьянство традиционных районов Явы, примыкая в 50-е — начале 60-х годов к широкому общественному движению, возглавляемому КПИ, оставалось наименее сознательным в классовом отношении отрядом, и слабость этого звена сыграла свою роль в трагических событиях, которые развернулись в яванской деревне осенью 1965 г.» [6, с. 134].

Изучение государственной идеологии как синтеза идеологических ориентаций правящей верхушки в условиях процесса образования современных классов, а также воздействие государственной идеологической политики на общественное сознание различных классов и влияние этого воздействия на ход классовой борьбы — эти проблемы впервые были поставлены советскими исследователями, и дальнейшая разработка их остается важной задачей индонезиеведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленький А. Б. «Индонезийский национализм» в зарубежном востоковедении. — Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1977.
2. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
3. Забозлаева О. И. Борьба индонезийского народа за упрочение независимости. — Республика Индонезия. 1945—1960. М., 1961.
4. Ионова А. И. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60—70-е годы). — Народы Азии и Африки. М., 1974, № 2.

5. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970.
6. Смиренская Ж. Д. Наследие традиционного общества и общинное крестьянство: особенности общественного сознания (на примере некоторых районов Явы середины XX в.).— Аграрные структуры стран Востока. М., 1977.
7. Anderson B. R. The Idea of Power in Javanese Culture.— Culture and Politics in Indonesia. Ed. by C. Holt. Ithaca (N. Y.) — London, 1972.
8. Benda H. J. Decolonization in Indonesia. The Problem of Continuity and Change. New Haven, 1965 (Reprint Series № 12).
9. Berg C. C. The Javanese Picture of the Past.— An Introduction to Indonesian Historiography. Ed. by Soedjatmoko. Ithaca, 1965.
10. Brinton P. The Indonesian Army: Stabilizer and Dynamizer.— Showcase State. The Illusion of Indonesia's «Accelerated Modernization». Brisbane, 1973.
11. Castles L. The Fate of Private Entrepreneur.— Sukarno's Guided Indonesia. Brisbane, 1967.
12. Dahm B. Sukarno's Struggle for Indonesian Independence. Ithaca, 1969.
13. Dahm B. History of Indonesia in the 20th Century. L., 1971.
14. Feith H. Dynamics of Guided Democracy.— Indonesia. Ed. by R. McVey. New Haven, 1967.
15. Geertz Cl. Ideology as a Cultural System.— Ideology and Discontent. Ed. by D. Apter. N. Y., 1964.
16. Kahane R. The Problem of Political Legitimacy in an Antagonistic Society: the Indonesian Case. Beverly Hills (Calif.), 1973.
17. Kroeef, van der J. M. Indonesia since Sukarno. Singapore, 1971.
- 17a. Lev D. The Transition to Guided Democracy: Indonesian Politics, 1957—1959. Ithaca, 1966.
- 17b. Liddle R. W. Modernizing Indonesian Politics.— Political Participation in Modern Indonesia. Ed. by R. W. Liddle. New Haven, 1973.
18. Mintz J. S. Mohammed, Marx and Marhaen. The Roots of Indonesian Socialism. L.— N. Y., 1965.
19. Polomka P. Indonesia since Sukarno. L., 1971.
20. Schrieke B. Indonesian Sociological Studies. Vol. 1—2. The Hague — Bandung, 1957.
21. Ward K. Indonesia's Modernization: Ideology and Practice.— Showcase State. The Illusion of Indonesia's «Accelerated Modernization».
22. Weatherbee D. E. Ideology in Indonesia: Sukarno's Indonesian Revolution. New Haven, 1966.
23. Willner A. R. The Neo-traditional Accomodation to Political Independence: the Case of Indonesia.— Southeast Asia: the Politics of National Integration. Ithaca, 1971 (впервые вышла отдельной брошюрой в 1966 г.).
24. «Kompas». Jakarta, 14.XI.1977.

В. В. Самойленко

**МАЛАЙЗИЯ
В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В АСЕАН**

Малайзия принимает активное участие в деятельности созданной в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Она стремится к расширению и углублению экономического и политического сотрудничества с партнерами по этой организации — Индонезией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами — как в рамках АСЕАН, так и на двусторонней основе, выступает за повышение эффективности такого сотрудничества. В условиях происходящего в последнее время возрастания веса АСЕАН в делах Юго-Восточной Азии изучение роли Малайзии в субрегиональном политическом сотрудничестве пяти стран-членов, анализ ее места в системе АСЕАН представляет немалый интерес.

С самого своего образования в 1963 г. Малайзия¹ выступила в пользу установления тесных связей с соседними государствами ЮВА на субрегиональной основе. Несмотря на неудачи, постигшие более ранние попытки создания в Юго-Восточной Азии субрегиональной организации, такие, как, например, СЕАФЕТ, АСАС, «Мафилиндо», АСА², идея создания АСЕАН была поддержана правительством с энтузиазмом. Видный малайзийский государственный и политический деятель, один из основателей ассоциации, Абдул Разак, занимавший в 60-е годы пост заместителя премьер-министра, заявил вскоре после образования АСЕАН: «Мы в Малайзии неизменно верим в региональное сотрудничество, и мы не видим для новых, развивающихся государств Юго-Восточной Азии иного выбора, как совместно определять нашу судьбу и предотвращать внешнее вмешательство» [6, декабрь 1969, с. 45].

Заинтересованность Малайзии в налаживании субрегионального сотрудничества и в создании АСЕАН обуславливалась рядом причин как политического, так и экономического характера.

Прежде всего правящие круги Малайзии не могли не учитывать существенные изменения, наметившиеся в международной

¹ В Федерацию Малайзию в 1963 г. вошли: Малайская федерация, Сингапур, Саравак и Сабах.

² Об этих проектах подробнее см.: В. В. Самойленко. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.

обстановке во второй половине 60-х годов в результате укрепления позиций и роста влияния Советского Союза и всей мировой системы социализма, продолжавшегося подъема международного рабочего и национально-освободительного движения, усиления тенденций нейтралитета и неприсоединения, углубления общего кризиса капитализма. Все больше противодействия встречала узкая, односторонняя ориентация на империалистические государства, возрастала непопулярность политики участия в созданных империалистами военных союзах и агрессивных блоках.

Вынужденное решение Лондона (1967 г.) о поэтапной ликвидации английского военного «присутствия» в районах «к востоку от Суэца» затрагивало интересы малайзийских правящих кругов, поскольку означало, что они уже не могли рассчитывать на помощь английских войск в сохранении стабильности своего режима. В то же время, несмотря на эскалацию американской агрессии во Вьетнаме, все яснее становилась неизбежность поражения США в Индокитае.

Предпосылкой создания АСЕАН и участия в ней Малайзии явилось прекращение в 1966 г. индонезийско-малайзийской конфронтации и восстановление дипломатических отношений между двумя государствами. В этом плане создание АСЕАН и развитие сотрудничества между ее членами рассматривалось в Куала-Лумпуре в качестве гарантии от возобновления индонезийско-малайзийского противоборства, отвлекающего значительные силы и ресурсы.

Правительство Малайзии рассчитывало, что создание АСЕАН с участием Филиппин поможет урегулировать территориальную проблему между двумя странами и добиться от Манилы отказа от выдвинутых еще в 1962 г. претензий на малайзийский штат Сабах.

При создании АСЕАН политические мотивы участия Куала-Лумпура в субрегиональной организации были главными, определяющими. Однако помимо политических причин имелись и экономические предпосылки. Правящие круги Малайзии понимали, что если государствам — членам АСЕАН, несмотря на их хозяйственную однотипность, удастся наладить разделение труда в субрегионе, то эффективность усилий Малайзии по достижению целей национального экономического развития значительно повысится. Для Малайзии участие в АСЕАН диктовалось интересами координации сбыта сырьевой продукции и получения за нее «справедливых цен», от чего во многом зависели экономическое благосостояние и стабильность режима страны. Будучи крупнейшим в мире производителем и экспортером натурального каучука и олова, Малайзия стремилась сотрудничать в деле стабилизации цен с другими странами — производителями этих товаров, прежде всего членами АСЕАН. В этой связи показательно, что председатель малайзийской Национальной торговой

палаты А. Дж. Вуд, отмечая важность укрепления регионально-го сотрудничества пяти стран именно в целях превращения АСЕАН во влиятельный фактор международной торговли, подчеркивал, что «это имеет особое значение с точки зрения продажи (этими странами. — В. С.) их основной продукции и наращивания промышленного потенциала» [1].

Правительство Малайзии надеялось, что в перспективе развитие торгово-экономического сотрудничества с партнерами по ассоциации может стать серьезным фактором, способствующим ускорению подъема и роста национальной экономики страны, ослаблению чрезмерной ее зависимости от западных рынков. В свою очередь, ускоренное развитие национальной экономики Малайзии должно было, по расчетам правящих кругов, способствовать решению важной политической задачи — расширению социальной базы правящего режима, укреплению внутривнутриполитической стабильности путем удовлетворения основных потребностей населения, уменьшения бедности и безработицы. Малайзийские правящие круги понимали также, что политические отношения с партнерами по ассоциации неизбежно отражаются на характере торгово-экономического сотрудничества в рамках АСЕАН — либо стимулируя, либо осложняя его.

Наибольших результатов за период с 1967 г. ассоциации удалось добиться в области политического сотрудничества, причем Малайзии здесь принадлежит весомая роль. Хотя официально ассоциация создавалась как организация для осуществления экономического, социального и культурного сотрудничества, с самого начала Малайзии совместно с другими членами АСЕАН пришлось решать сложные политические проблемы. Среди них были такие, как преодоление подозрительности и недоверия, оставшихся от периода индонезийско-малайзийской конфронтации, острые противоречия между Малайзией и Филиппинами из-за претензий Манилы на Сабах, которые в 1968 г. чуть не привели к полному разрыву отношений между двумя странами, незажившие раны, нанесенные в 1965 г. решением правительства Малайзии «изгнать» Сингапур из федерации, и т. п.

Поэтому фактически самым важным аспектом сотрудничества пяти стран, которому правящие круги Малайзии уделяли основное внимание с момента создания ассоциации, стала задача установления атмосферы взаимного доверия и понимания между членами АСЕАН. Определяя задачи субрегионального сотрудничества, как их понимали в Малайзии, главный министр штата Сабах Харрис Салех подчеркивал необходимость создания в АСЕАН «атмосферы взаимного доверия, уважения и понимания путем сведения к минимуму подозрительности и вспышек эмоциональности в регионе» [13, 2.XII.1977].

Малайзия проявляет инициативу с целью предотвратить обострение конфликтных, взрывоопасных проблем. Стремясь обеспечить единство страны, географически разделенной на две

части Южно-Китайским морем, и имея в виду сохраняющиеся притязания Филиппин на штат Сабах, Куала-Лумпур настойчиво выступает за закрепление сложившихся в регионе межгосударственных границ. Малайзия считает, что отношения между государствами региона должны строиться на основе отказа от применения силы или угрозы силой, а все возникающие проблемы следует решать путем переговоров.

На VII ежегодном совещании министров иностранных дел стран—членов АСЕАН в 1974 г. делегация Малайзии поддержала обсуждавшийся в неофициальном порядке проект «эффективной процедуры для урегулирования внутрорегиональных споров» [14]. Это обсуждение фактически заложило основу подписанного главами правительств пяти стран на их первой встрече, состоявшейся в 1976 г. на индонезийском острове Бали, Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Этот совместный документ юридически закрепил политическое сотрудничество в АСЕАН и определил принципы, которыми пять стран должны руководствоваться в развитии отношений и сотрудничества между собой, урегулировании споров и конфликтов [6, март 1976, с. 17—20]. При этом Малайзии принадлежала весьма активная роль в разработке договора, в частности тех его статей и положений, которые касаются порядка урегулирования возникающих между членами АСЕАН трений и противоречий, предотвращения обострения конфликтных проблем.

В этом свете понятна оценка, которую давали малайзийские руководители результатам деятельности ассоциации. В ходе второй встречи в верхах в Куала-Лумпуре (1977 г.) премьер-министр Малайзии Хуссейн Онн заявил, что самое большое достижение ассоциации за первые десять лет ее существования — выработка «асеановского духа», который, по словам премьера, означал «дух понимания, терпимости, взаимного уважения и солидарности» [6, июнь 1977, с. 111]. Утверждение Хуссейн Онна в значительной мере было преувеличением, все же в нем была и доля истины. Действительно, несмотря на сохраняющиеся серьезные противоречия, руководители стран — членов АСЕАН соглашались обсуждать все, в том числе наиболее сложные, конфликтные проблемы. Все вопросы решаются путем достижения консенсуса пяти государств. Благодаря этому правительство Малайзии имеет возможность добиваться приемлемых для него компромиссов в отношениях с партнерами по ассоциации, затушевывать остающиеся противоречия, предотвращать их разрастание и, таким образом, не только сохранять хорошие двусторонние отношения с остальными членами АСЕАН, но и активно развивать их.

Основываясь на идейной и социальной близости правящих режимов пяти стран, правительство Малайзии важное место отводит сотрудничеству со своими партнерами в идеологической области. На практике это выливается в совместные действия

против коммунистической идеологии, а также против подрывной деятельности маоистских групп и пропекинских повстанческих движений в странах АСЕАН. В Куала-Лумпуре поддержали индонезийскую идею выработки каждым членом АСЕАН так называемой национальной сопротивляемости, означающей способность правящего режима соответствующей страны противостоять социальным потрясениям. На основе «национальной сопротивляемости» складывается затем «региональная сопротивляемость», которую министр иностранных дел Малайзии Газали Шафие назвал оплотом против «попыток коммунистов завоевать или подчинить Юго-Восточную Азию своему влиянию либо своей гегемонии» [9].

Иными словами, правящие круги Малайзии, исходя из своих классовых интересов, пришли к мнению о необходимости тесно сотрудничать с правящими кругами остальных стран АСЕАН и оказывать друг другу поддержку ради сохранения правящих режимов. При этом малайзийские руководители исходили из того, что крушение режима в одной стране АСЕАН может стать «дестабилизирующим» фактором для всей ассоциации и повлечь за собой подрыв позиций, а возможно, и падение режимов в других странах. После победы патриотов Вьетнама и образования СРВ правительство Малайзии, как и правительства других стран — членов АСЕАН, опасаясь революционизирующего влияния на народы ЮВА успехов сил национального освобождения в Индокитае, активизировало свои усилия по укреплению внутривнутриполитической стабильности и упрочению на ее базе «региональной сопротивляемости».

Большое значение для политического сближения Малайзии с партнерами по АСЕАН имеет военно-полицейское сотрудничество, которое Куала-Лумпур поддерживает на двусторонней основе с остальными членами ассоциации. Помимо проведения двусторонних военных учений, обмена разведывательной информацией и опытом борьбы с повстанческими движениями между пятью странами ассоциации Куала-Лумпур активно сотрудничает с Таиландом, Индонезией в осуществлении совместных карательных операций против повстанческих отрядов, действующих в районах малайзийско-тайландской и малайзийско-индонезийской границы.

Примечательна роль Малайзии в решении одной из важных политических проблем субрегионального сотрудничества — вопроса о реорганизации и совершенствовании механизма АСЕАН, носившего весьма аморфный характер. Придерживаясь своей традиционной политики осторожного, взвешенного подхода к любым шагам, могущим повлиять на характер ассоциации, правительство Малайзии проявляет сдержанность в вопросе о реорганизации механизма и структуры АСЕАН. При этом Куала-Лумпур исходит из того, что создание в ассоциации постоянных центральных органов с широкими полномочиями может при-

вести к ущемлению национального суверенитета Малайзии и создать трудности в деле защиты ее интересов в рамках АСЕАН. Именно поэтому Малайзия долгое время настороженно относилась к предложениям Индонезии о создании центрального Секретариата АСЕАН.

Однако в середине 70-х годов обстановка в ЮВА существенно изменилась. Для руководителей Малайзии становилось все более очевидным, что, если АСЕАН намерена добиться ощутимых результатов в субрегиональном сотрудничестве, необходим пересмотр ее механизма, создание центральных органов, способных координировать усилия отдельных стран. В этой ситуации правительство Малайзии поддержало идею создания Секретариата АСЕАН. В феврале 1976 г. тогдашний малайзийский министр иностранных дел Ахмад Ритхаудин поставил свою подпись под соглашением об учреждении Секретариата АСЕАН с постоянной штаб-квартирой в Джакарте [13, 25.II.1976]. Это, однако, не означало, что правительство Малайзии отказалось от защиты своей, отличной от индонезийской точки зрения по вопросам статуса, функций, полномочий как Секретариата АСЕАН, так и возглавившего его генерального секретаря. Оно принимает активное участие в составлении бюджета и совершенствовании структуры Секретариата. При поддержке других стран-членов Малайзия, опасаясь за свои интересы, решительно выступает против индонезийского предложения о придании Секретариату функций наднационального исполнительного органа.

С начала 70-х годов Куала-Лумпур стремится проводить активную внешнюю политику. Именно Малайзии принадлежит ряд инициатив, поддержанных затем остальными странами — членами АСЕАН. При этом ее инициативная роль в ассоциации в сфере внешней политики, по объяснению самих малайзийцев, является следствием того, что Малайзия «не отличается чрезмерной осторожностью» в отношениях с Китаем, как, например, Индонезия и Сингапур, никогда не была тесно связана с США, как Филиппины и Таиланд, и не имеет общей границы с государствами Индокитая [10].

Одно из конкретных проявлений такой активной внешней политики Малайзии — ее концепция нейтрализации Юго-Восточной Азии, превратившаяся, по существу, в одну из основ политического сотрудничества пяти государств-членов. Активная разработка и продвижение этой идеи, впервые высказанной в Малайзии в 1968 г. [6, март 1968, с. 49], связаны с приходом к власти в сентябре 1970 г. правительства Абдул Разака.

Главный смысл идеи нейтрализации руководители Малайзии видели в том, чтобы с ее помощью добиться от других государств официальных обязательств не вмешиваться в дела Юго-Восточной Азии. Этим обязательствам, по замыслу малайзийцев, можно было бы через Организацию Объединенных Наций

придать международный характер, и ООН могла бы взять на себя контроль за их выполнением. Успешному осуществлению идеи нейтрализации и уменьшению опасности столкновения интересов великих держав в регионе, согласно малайзийскому плану, способствовала бы поэтапная ликвидация иностранных военных баз, находящихся на территории некоторых государств ЮВА, выход этих стран из военных союзов, созданных ранее с участием империалистических держав. Осуществление плана нейтрализации должно было также закрепить сложившиеся в районе межгосударственные границы. В ходе реализации идеи нейтрализации страны региона, по мнению малайзийских руководителей, должны урегулировать имеющиеся между ними конфликты и разногласия во имя сохранения мира в этой части земли. Решение имеющихся противоречий представлялось важным также потому, что существовала опасность использования их в своих целях другими государствами, не входящими в этот регион.

Непременной предпосылкой реализации предложения о нейтрализации ЮВА малайзийские руководители называли прекращение войны во Вьетнаме. При этом правительство Малайзии исходило из того, что дальнейшее развитие и обострение вьетнамского конфликта могло затронуть интересы соседних стран и создать на каком-то этапе угрозу для правящих режимов в государствах — членах АСЕАН. Осуществление же нейтрализации ЮВА означало бы закрепление в регионе статус-кво, гарантированного великими державами. С помощью нейтрализации правительство Малайзии рассчитывало приблизить решение и некоторых внутривнутриполитических проблем. По замыслу правящих кругов, нейтрализация ЮВА должна была способствовать укреплению существующего режима.

Руководители Малайзии предлагали осуществить нейтрализацию Юго-Восточной Азии в два этапа. На первом этапе представители стран ЮВА должны были собраться, чтобы трезво оценить существующую в мире и в регионе ситуацию и договориться о следующем:

— страны региона должны уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга и не принимать участия в действиях, которые могут прямо или косвенно угрожать безопасности одной из стран. Невмешательство и ненападение — основные принципы, которые должны быть приняты странами Юго-Восточной Азии в качестве предварительных условий дальнейших шагов;

— все иностранные державы должны быть «удалены» из региона;

— страны ЮВА не должны допускать, чтобы регион использовался в качестве арены конфликтов в международной борьбе за влияние;

— государства региона должны изыскивать пути и средства

к обеспечению мира между собой, а также взять на себя ответственность за это;

— они должны представить крупным державам свою коллективную точку зрения на жизненно важные проблемы обеспечения безопасности;

— они должны способствовать развитию всестороннего сотрудничества между государствами региона.

На втором этапе осуществления плана нейтрализации великие державы, такие, как США, Советский Союз и Китай, должны, по идее малайзийцев, договориться о следующем:

— Юго-Восточная Азия будет превращена в нейтральную зону;

— великие державы возьмут на себя обязательства в борьбе между собой не использовать страны региона;

— эти державы должны выработать средства по наблюдению, которые бы гарантировали нейтралитет Юго-Восточной Азии [6, декабрь 1971, с. 51—52].

Правительству Малайзии удалось добиться поддержки концепции нейтрализации Юго-Восточной Азии со стороны партнеров по АСЕАН, что и было закреплено в декларации, подписанной в Куала-Лумпуре 27 ноября 1971 г. министрами иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин и Сингапура, а также специальным представителем Национального исполнительного совета Таиланда. В этой декларации, получившей название Куалалумпурской, отмечалось, что пять государств — членом ассоциации готовы предпринять первоначальные усилия для обеспечения признания и уважения Юго-Восточной Азии в качестве «зоны мира, свободы и нейтралитета», свободной от вмешательства посторонних держав «в любой форме и любым образом» [11, 27.XI.1971]. Таким образом, правительство Малайзии, взявшее на себя инициативу выдвижения и разработки нейтрализации ЮВА, сумело добиться того, что она не только была одобрена партнерами по АСЕАН, но и стала, в сущности, их совместной, общей идеей.

Малайзия остается в АСЕАН наиболее последовательным сторонником идеи нейтрализации Юго-Восточной Азии. Она стремится постоянно поддерживать международный интерес к этой идее и, как правило, оценивает все события, происходящие в регионе и вокруг него, с точки зрения возможности реализации своего предложения о нейтрализации.

Активная роль принадлежит Малайзии в АСЕАН в вопросе отношений с Китаем. Проблема взаимоотношений с КНР для Куала-Лумпура, как и для остальных стран ассоциации, — одна из самых сложных. Это объясняет, почему с первых дней создания АСЕАН высокопоставленные представители пяти стран, включая министров иностранных дел, регулярно консультировались и информировали друг друга по вопросам взаимоотношений с КНР.

Взяв на себя инициативу, Малайзия в мае 1971 г. первой среди членом АСЕАН направила в Китай торговую делегацию. Ответный визит торговой делегации Китая состоялся в августе того же года, причем члены ее были приняты премьер-министром Абдул Разаком. В 1972 г. в КНР побывала группа малайзийских врачей, а в августе 1973 г. в Куала-Лумпур приезжала китайская команда по настольному теннису. Малайзия, по существу, проложила путь для контактов с Китаем и другим членам ассоциации. В 1972—1973 гг. такие контакты с КНР начали Сингапур, Филиппины и Таиланд [8, с. 33—34].

Правительство Малайзии, признавая в принципе необходимость и неизбежность установления в конечном счете дипломатических отношений с КНР, интенсивно обсуждало этот вопрос с партнерами по ассоциации. При этом на первом этапе Куала-Лумпур высказывался за то, чтобы в отношениях с Китаем страны АСЕАН выступали единым фронтом. Однако контакты между руководящими деятелями пяти государств выявили существенные разногласия относительно темпов и конечных сроков нормализации отношений с Китаем. Правительство Малайзии в отличие от Индонезии и Сингапура выступило за более решительный подход к связям с КНР. Не сумев заручиться поддержкой партнеров по АСЕАН, Малайзия выступила за то, чтобы каждая страна ассоциации шла на установление дипломатических отношений с КНР, исходя из собственных интересов и в зависимости от складывающейся внутриполитической обстановки [6, март 1974, с. 66]. Результатом такого подхода Куала-Лумпура стал визит в КНР весной 1974 г. премьер-министра Абдул Разака, в ходе которого были установлены малайзийско-китайские дипломатические отношения. Таким образом, Малайзия стала первой из стран — членом АСЕАН, которая пошла на нормализацию связей с Пекином. Этим шагом Куала-Лумпур, рассчитывавший добиться в первую очередь своих собственных целей, по существу, помешал ассоциации выступить единым фронтом в отношениях с Китаем.

Вместе с тем даже в этот период малайзийское правительство, стремясь сгладить отрицательную реакцию со стороны партнеров по АСЕАН на этот свой шаг, неизменно действовало в контакте с остальными членами ассоциации. Как накануне установления малайзийско-китайских отношений, так и после этого Куала-Лумпур консультировался с партнерами по АСЕАН и информировал их о своих шагах в отношении КНР, а также возникающих в этой связи проблемах [2, с. 54].

Правительство Малайзии проявляет заметную активность в налаживании отношений с государствами Индокитая и наиболее последовательно из всех членом АСЕАН идет на развитие с ними контактов. Верные своей идее превращения Юго-Восточной Азии в «зону мира, свободы и нейтралитета», малайзийские лидеры считали необходимым условием ее успешной реализации

укрепление доверия и развитие взаимовыгодных связей с Вьетнамом и другими государствами Индокитая как предполагаемыми участниками нейтральной зоны.

Малайзия восприняла прекращение войны в Индокитае как фактор, создающий благоприятные условия для улучшения общей атмосферы в Юго-Восточной Азии. Абдул Разак, оценивая крупные перемены в регионе, подчеркивал в октябре 1975 г., что Малайзия «приветствует окончание конфликта в Индокитае не только потому, что вместе с ним прекращаются человеческие страдания и жертвы, но также потому, что оно создает перспективы подлинного мира и сотрудничества в регионе» [6, декабрь 1975, с. 22]. Такой подход позволил Малайзии стать первой из стран — членов АСЕАН, проявившей инициативу в налаживании добрососедских отношений с новыми правительствами в государствах Индокитая. В 1975 г., вскоре после освобождения Юга Вьетнама, руководители заявили о признании правительства Республики Южный Вьетнам, а также Кампучии и высказали готовность обменяться с ними дипломатическими представителями. Малайзия уже имела посольство во Вьетнаме, которое продолжало выполнять свои функции и после образования Лаосской Народно-Демократической Республики [6, декабрь 1975, с. 23]. В октябре 1975 г. Малайзия и Вьетнам также договорились обменяться посольствами [6, декабрь 1975, с. 42]. Правительство Малайзии, по всей видимости, не без согласия и одобрения партнеров по ассоциации взяло на себя роль затейника в развитии связей с государствами Индокитая. Усилия Малайзии по налаживанию отношений с государствами Индокитая содействовали созданию благоприятной атмосферы в Юго-Восточной Азии в целом, облегчая тем самым нормализацию связей между индокитайскими государствами и членами АСЕАН.

Особое внимание Малайзия уделяла развитию двусторонних связей с Социалистической Республикой Вьетнам. Куала-Лумпур направил во второй половине 70-х годов в Ханой ряд технических делегаций с целью поиска возможностей для оказания Малайзией помощи в восстановлении разрушенного войной хозяйства Вьетнама. В частности, СРВ посетили малайзийские эксперты по производству натурального каучука и пальмового масла для изучения перспектив малайзийского участия в налаживании плантационного хозяйства во Вьетнаме. Обсуждались также возможности оказания Малайзией содействия в строительстве дорог и портовых сооружений в СРВ [5, с. 245—246]. Благоприятные перспективы для развития сотрудничества между двумя странами открыл первый официальный визит премьер-министра СРВ Фам Ван Донга в Малайзию в октябре 1978 г. Стороны обсудили перспективы развития двустороннего сотрудничества и отметили необходимость укрепления мира и безопасности в Юго-Восточной Азии.

Выступая за развитие добрососедских связей и взаимовыгодного сотрудничества с государствами Индокитая, руководители Малайзии тем не менее весьма определенно давали понять, что на первом месте у них неизменно остаются отношения с партнерами по АСЕАН и они не допустят, чтобы процесс улучшения связей с СРВ и другими государствами Индокитая хотя бы в незначительной мере затронул интересы других членов ассоциации или АСЕАН в целом [3, с. 16]. Вопреки продолжавшемуся давлению реакционных кругов как внутри АСЕАН, так и извне правительство Малайзии по-прежнему выступает за продолжение диалога с СРВ в интересах нормализации обстановки в ЮВА. Об этом свидетельствует, в частности, визит в Ханой в январе 1980 г. тогдашнего министра иностранных дел Малайзии Ахмада Ритхауддина, который по возвращении из СРВ заявил, что во время переговоров вьетнамские руководители подтвердили свою приверженность принципам уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств. «Я, — подчеркнул Ритхауддин, — с большим уважением отношусь к этим заявлениям вьетнамских лидеров, к их заверениям о намерении придерживаться подобной линии в международных делах» [11, 1.II.1980]. Ответный визит в Куала-Лумпур министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя в мае 1980 г. продемонстрировал, что обе стороны готовы к продолжению диалога. Малайзийско-вьетнамские встречи открыли путь к возобновлению контактов между СРВ и другими странами — членами АСЕАН. Так, вслед за поездкой в Малайзию состоялась визиты Нгуен Ко Тхатя в Таиланд и Индонезию. Контакты на высшем уровне между Малайзией и СРВ продолжались и в дальнейшем. В частности, в июле 1982 г. Нгуен Ко Тхатя вновь посетил Куала-Лумпур.

Таким образом, несмотря на сложную обстановку в Юго-Восточной Азии, происки реакционных кругов, а также трудности нормализации отношений между странами — членами АСЕАН и государствами Индокитая, Малайзия по-прежнему выполняет роль своеобразного «моста» между Вьетнамом и остальными членами ассоциации. В Куала-Лумпуре, как и в столицах некоторых других стран АСЕАН, постепенно приходят к пониманию того, что предпосылки объективного характера требуют улучшения отношений между всеми государствами региона на основе принципов мирного сосуществования, в интересах мира, безопасности и равноправного взаимовыгодного сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами.

Важное место в системе политического сотрудничества Малайзии в рамках АСЕАН принадлежит развитию двусторонних отношений с партнерами по ассоциации. При этом правительство Малайзии рассматривает подобные двусторонние отношения в тесной взаимосвязи с вопросами субрегионального сотрудничества. Оно неизменно принимает самое активное участие в

поисках решения внутрирегиональных проблем и конфликтов. Это подтверждается, в частности, выдвинутым Малайзией концепцией нейтрализации Юго-Восточной Азии, важной ролью Малайзии в деле закрепления существующих в регионе границ, отстаиванием ею принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами ЮВА.

Инициативная роль Малайзии в попытках урегулировать внутрирегиональные конфликтные ситуации определяется ее стремлением избежать обострения двусторонних проблем в АСЕАН, которые, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки найти компромиссное решение, все же полностью не урегулированы и по сей день. В Куала-Лумпуре понимают, что возможное обострение этих проблем не только угрожает ухудшением двусторонних отношений Малайзии с ее партнерами по ассоциации, но и подрывает субрегиональное сотрудничество в АСЕАН в целом. Малайзийский министр иностранных дел Газали Шафие в одном из своих выступлений отмечал, что наиболее эффективным подходом к развитию регионализма в АСЕАН является создание тесных взаимоотношений между странами региона, в первую очередь на двусторонней основе. Затем, базируясь на этих отношениях, следует поощрять создание «сети взаимовыгодных соглашений» между пятью государствами [4, с. 217]. При этом руководители Малайзии полагают, что укрепление двусторонних отношений между странами региона во всех областях и на всех уровнях, а также расширение сети двустороннего сотрудничества позволяют создать в АСЕАН атмосферу политического единства [6, июнь 1970, с. 22].

Несмотря на последствия конфронтации между Индонезией и Малайзией в середине 60-х годов, а также появляющиеся время от времени трудности в отношениях между Джакартой и Куала-Лумпуром, связи между двумя государствами после создания АСЕАН в целом постоянно развивались и укреплялись. Сейчас можно с полным основанием утверждать, что из всех членов ассоциации Малайзия и Индонезия стоят друг к другу ближе всех.

Все это объясняется в первую очередь политическими причинами. В обстановке укрепления позиций социализма в Юго-Восточной Азии правящие круги Малайзии и Индонезии стремятся к объединению усилий ради сохранения в своих странах нынешних режимов. В стратегическом плане Малайзия рассматривает Индонезию в качестве надежного и прочного тыла. Правительство Малайзии, проводящее активную и инициативную внешнюю политику, признает важную роль Индонезии в региональных делах. Оно понимает, что для успешной реализации малайзийских внешнеполитических инициатив необходима индонезийская поддержка. Это побуждает малайзийских лидеров консультироваться с руководителями Индонезии по международным и региональным проблемам.

Таким образом, существуют весьма веские объективные и субъективные политические предпосылки, обуславливающие поддержание тесных двусторонних отношений между Малайзией и Индонезией и стремление этих двух стран к дальнейшему сближению в рамках АСЕАН.

С Сингапуром Малайзию связывают традиционные хозяйственные и исторические узы, укрепившиеся в период полуторавекового английского господства. Вместе с тем деформированное экономическое развитие английской колонии привело к тому, что Малайя оказалась в глубокой экономической зависимости от Сингапура. С уходом английских колонизаторов и выходом в 1965 г. Сингапура из состава Малайзии в отношениях между двумя государствами возникли сложные торгово-экономические проблемы, влияющие и на политические отношения между ними, в том числе в рамках АСЕАН.

Тем не менее Малайзия, добывающаяся равноправных экономических связей с Сингапуром и ослабления хозяйственной зависимости от него, продолжает поддерживать с правящими кругами Сингапура политические контакты, основанные на идеологической общности двух режимов. Понимая, что нарушение внутривластной стабильности в Сингапуре может серьезно отразиться и на положении в Малайзии, Куала-Лумпур, несмотря на появляющиеся порой трения и взаимную подозрительность между этими соседними государствами, исходит прежде всего из наличия у них общности интересов и необходимости сотрудничества в целях решения общих проблем.

Малайзия тесно сотрудничает и с Таиландом, в первую очередь в политической и военной областях. Это объясняется тем, что с военно-политической точки зрения Малайзия и Таиланд, по заявлению бывшего премьер-министра Малайзии Хуссейна Онна, являются «сиамскими близнецами, которых нельзя разделить».

В случае возникновения угрозы безопасности Таиланда Малайзия, по его утверждению, окажется в не меньшей опасности. Вот почему Хуссейн Онн обещал, что Малайзия при необходимости окажет Таиланду всяческую помощь ради предотвращения изменений в нем социально-политического характера [13, 7.III.1977]. Правящие круги Малайзии и Таиланда, исходя из общности своих интересов и целей, стремятся к всемерному развитию военно-политического и экономического сотрудничества, преодолению и затушевыванию возникающих периодически двусторонних проблем, развитию отношений на субрегиональной основе.

Наиболее сложно складываются в АСЕАН двусторонние отношения Малайзии с Филиппинами. При этом острые политические противоречия между двумя странами едва не стали в 60-е годы причиной краха АСЕАН. Правительству Малайзии приходится прилагать большие усилия, чтобы окончательно раз-

рядить конфликтную ситуацию в малайзийско-филиппинских отношениях.

Причина напряженности между двумя странами связана прежде всего с сохраняющимися притязаниями Филиппин на восточно-малайзийский штат Сабах. Хотя филиппинский президент Фердинанд Маркос в 1977 г. на совещании глав правительств стран — членов АСЕАН заявил о готовности Манилы отказаться от территориальных притязаний, эта проблема еще не может считаться полностью урегулированной, поскольку окончательное снятие филиппинских претензий на Сабах требует внесения соответствующих поправок в конституцию Филиппин и прочие законодательные акты.

Другой проблемой является сепаратистское движение филиппинских мусульман — моро, населяющих южные острова страны. Правительство Филиппин время от времени обвиняет Малайзию, несмотря на решительные протесты Куала-Лумпура, в симпатиях и даже поддержке сепаратистов на юге Филиппин. Руководители Малайзии понимают, что проблема мусульманских повстанцев на Филиппинах в настоящее время наиболее реальный и опасный дестабилизирующий фактор в АСЕАН, чреватый даже возникновением кризисной ситуации в регионе. Они сознают, что от ее успешного и безотлагательного решения зависит в значительной мере как дальнейшая консолидация ассоциации, так и улучшение малайзийско-филиппинских отношений. Поэтому Малайзия стремится к скорейшему урегулированию этой проблемы, в результате чего в последние годы наметилась тенденция к улучшению взаимопонимания между Малайзией и Филиппинами, столь необходимого для сохранения политического единства АСЕАН.

В целом Малайзии и ее партнерам по АСЕАН за период существования ассоциации удалось достичь заметного улучшения общего климата в отношениях между членами ассоциации. Фактически все участники АСЕАН, как отмечал Газали Шафие, имеют общую заинтересованность в предотвращении внутрорегиональной напряженности и конфликтов, поскольку понимают, что их возникновение может подорвать интересы национального развития этих стран [7, январь 1975, с. 38].

По мере развития различных форм сотрудничества в АСЕАН, в том числе политического, и общей консолидации этой ассоциации повышалась и заинтересованность правящих кругов Малайзии в субрегиональном сотрудничестве в рамках АСЕАН. Участие в ассоциации все в большей степени становилось для Куала-Лумпура необходимостью, так как открывало новые возможности для объединения усилий с партнерами в интересах достижения собственных политических, а также экономических целей, осуществление которых без АСЕАН и без тесных связей и взаимодействия с остальными участниками ассоциации было бы невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Berita Harian». Kuala Lumpur, 20.IV.1972.
2. A Decade of ASEAN. Ed. by Kernal Singh Sandhu. Singapore, 1978.
3. «Far Eastern Economic Review». Hongkong, 24.VI.1977.
4. «Far Eastern Economic Review. Asia 1976 Yearbook». Hongkong, 1976.
5. «Far Eastern Economic Review. Asia 1978 Yearbook». Hongkong, 1978.
6. «Foreign Affairs Malaysia». Kuala Lumpur.
7. «Insight». Hongkong.
8. K h a w G u a t H o o n. An Analysis of China's Attitude towards ASEAN, 1967—1976. Singapore, 1977.
9. «New Nation». Singapore, 12.XII.1977.
10. «The New Straits Times». Kuala Lumpur, 9.XII.1977.
11. «Siaran Akhbar». Kuala Lumpur.
12. «The Star». Penang, 17.I.1972.
13. «The Straits Times». Singapore.
14. «The Sunday Mail». Kuala Lumpur, 12.V.1974.

Раздел III
ИСТОРИЯ СТРАН ЮВА

И. А. Огнетов

К ВОПРОСУ
О СВЯЗЯХ ВЬЕТНАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
С МИРОВЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ

В 20-е годы нашего века наиболее передовые революционные борцы за освобождение Вьетнама устанавливали первые связи с международным рабочим и коммунистическим движением, различными, порою сложными путями приходили к выводу, что необходимо овладеть учением марксизма-ленинизма и «следовать примеру русских», изучать опыт международного революционного движения, прежде всего Октябрьской революции в России. Этот процесс имел в виду Хо Ши Мин, когда писал: «Лишь постепенно, в ходе борьбы, я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм может освободить от рабства и угнетенные народы, и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм» [7, с. 20].

Большое влияние на формирование марксистских взглядов у вьетнамских революционеров оказали ленинские тезисы по национально-колониальному вопросу, принятые II конгрессом Коминтерна в 1920 г. «В этих тезисах, — вспоминал впоследствии Хо Ши Мин, — встречались политические термины, которые мне было весьма трудно понять, но, читая и перечитывая их много раз, я все же уловил их суть. Как это меня взволновало, согрело, просветило, убедило!.. С этого момента я полностью встал на сторону Ленина и III Интернационала» [7, с. 19].

Значительную поддержку вьетнамским революционерам оказали в 20-е годы коммунисты Франции. Среди первых вьетнамцев, прошедших школу пролетарского интернационализма в рядах Коммунистической партии Франции, были Хо Ши Мин (Нгуен Ай Куок), Тян Дык Тхань, Буи Лам (Нгуен Сить), Зыонг Бать Май, Буй Конг Чынг, Нгуен Ван Тао и др. Нгуен Ван Тао был избран членом ЦК ФКП. В качестве члена ФКП Хо Ши Мин принимал участие в работе Коминтерна в 1924 г. в Москве.

Первые вьетнамские марксистские группы организуются в

конце 20-х годов на территории Южного Китая. Здесь же действовали и некоторые вьетнамские националистические организации, в которых начали вести разъяснительную работу первые вьетнамские коммунисты, пользовавшиеся помощью и поддержкой деятелей китайской революции.

Особенность связей вьетнамских коммунистов с международным коммунистическим и рабочим движением в 20-е годы заключалась в том, что во Вьетнаме еще не существовало коммунистической партии как организации. Главную цель своей деятельности в это время вьетнамские марксисты видели в подготовке создания самостоятельной компартии Индокитая. 20-е годы XX в. были для них важной школой теоретической подготовки, практической деятельности в других странах (Франция, Китай) и собственно во Вьетнаме в целях создания условий для организации революционной партии, коммунистической «не только по названию», способной осуществить связь трудящихся Вьетнама с мировым пролетариатом, «пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран», на язык, доступный каждому вьетнамцу, «осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран» [3, с. 330].

Важную роль в собирании сил, стоящих на марксистских позициях, сыграло созданное в 1925 г. на территории Китая по инициативе Хо Ши Мина Товарищество вьетнамской революционной молодежи. В своей практической деятельности оно стремилось руководствоваться решениями Коминтерна и своей целью считало распространение во Вьетнаме идей марксизма-ленинизма, «завоевание национальной независимости, свержение власти мирового империализма и построение коммунистического общества» [24, с. 195]. «Впервые положения марксистско-ленинского учения о классовой борьбе, роли масс в истории и т. д. получили распространение во Вьетнаме. Результатом этой пропагандистской работы явилось образование при Товариществе вьетнамской революционной молодежи коммунистической фракции» — так оценивает Коммунистическая партия Вьетнама роль Товарищества в развитии революционного движения в стране [25, с. 20].

Уделяя серьезное внимание работе среди трудящихся страны, пытаясь наладить сотрудничество с прогрессивными организациями мелкобуржуазного толка, члены Товарищества, и особенно его марксистское ядро, старались использовать опыт зрелых коммунистических партий, обращались за помощью к международному коммунистическому движению в лице Коминтерна. Показательно в этом отношении стремление вьетнамских коммунистов и в вопросах практической организации партии опереть-

ся на помощь мировых революционных сил. Выступая на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., Хо Ши Мин, отмечая рост массового недовольства во французских колониях, констатировал вместе с тем отсутствие руководства, которое могло бы возглавить движение этих «сейчас пассивных крестьян». Первый вьетнамский коммунист видел выход в том, что «Интернационал должен помочь им организовать, он должен дать им руководителей и указать путь к революции и освобождению» [14, с. 762]. Еще более определенно говорили о необходимости создания коммунистической партии в Индокитае при прямой помощи Коминтерна вьетнамские коммунисты, участвовавшие в работе его VI конгресса впервые как представители собственно индокитайского движения. Вьетнамский делегат Ан (Нгуен Ван Тао) в своем выступлении отметил, что, несмотря на сильное революционное брожение среди рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии, «революционная масса еще не организована и поэтому бессильна». Он заявил: «Нам необходимо иметь революционную организацию, которая служила бы авангардом индокитайского революционного движения... Коминтерн должен обратить особое внимание на вопрос о создании Индокитайской коммунистической партии, он должен изучить вопрос об организации рабочих профсоюзов и крестьянских союзов. Только это даст вьетнамским рабочим и крестьянам возможность получить полную свободу» [15, с. 248—249].

В результате движения трудящихся на фабриках и заводах, шахтах и плантациях, активной деятельности коммунистов к 1930 г. во Вьетнаме появились три коммунистические организации: Индокитайская коммунистическая партия, Коммунистическая партия Аннама, Союз коммунистов Индокитаея. С одной стороны, это было показателем того, что во Вьетнаме возникли условия для создания подлинной партии рабочего класса, с другой — это свидетельствовало о том, что в организационном отношении коммунистическое движение в Индокитае еще страдало узостью и известной незрелостью. Каждая из указанных выше организаций считала себя единственно подлинной политической партией рабочего класса и старалась всячески завоевать признание Коминтерна. «Случалось, что в своей деятельности, пропагандистской работе и при приеме новых членов они не ладили друг с другом и вели борьбу между собой за влияние среди масс» [25, с. 25].

В этой сложной обстановке на помощь вьетнамским коммунистам пришел Коминтерн. В октябре 1929 г. Исполком направил письмо всем коммунистическим организациям Вьетнама, в котором констатировал, что отсутствие единой коммунистической партии в момент неуклонного нарастания массового движения в стране представляет большую опасность для судеб вьетнамской революции, угрожает осуществлению ее конечных целей, мешает коммунистам завоевать руководство этим дви-

жением. «Поэтому нерешительность и равнодушие, проявляемые определенными группами в отношении немедленного создания коммунистической партии, совершенно ошибочны», — отмечал ИККИ [20, с. 69].

Исполком Коминтерна давал также конкретные рекомендации относительно организационной структуры руководящих органов партии, предлагал создать комитет из представителей всех коммунистических организаций страны, который возглавлял бы делегат Коминтерна. Этот комитет должен был еще до съезда партии объединить всех коммунистов страны в единую организацию. Исполком высказал пожелание, чтобы будущая «объединенная коммунистическая партия Вьетнама поддерживала постоянную связь с французской коммунистической партией (равно как и с другими братскими коммунистическими партиями) и информировала бы о своей деятельности» [20, с. 69]. Так, Исполком Коминтерна, осуществляя на практике выдвинутый IV конгрессом Коминтерна лозунг о едином антиимпериалистическом фронте, ставил его как одно из условий деятельности создаваемой вьетнамскими коммунистами партии.

Для оказания конкретной помощи вьетнамским коммунистам в Гонконг (Сянган) был направлен представитель Коминтерна Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин). Им была создана объединительная комиссия, которая приняла решение о проведении специальной конференции представителей коммунистических групп Индокитаея. В феврале 1930 г. в Гонконге, основываясь на указаниях ИККИ, делегаты единодушно приняли решение об объединении коммунистических организаций, действовавших в Индокитае, в единую Коммунистическую партию Вьетнама.

Документы объединительной конференции были тщательно изучены в Исполкоме Коминтерна. Во Вьетнам было направлено письмо, содержащее ряд соображений и указаний, касающихся линии и задач вьетнамской революции. В нем также ставился вопрос о переименовании Коммунистической партии Вьетнама в Коммунистическую партию Индокитаея.

Эти указания легли в основу решений I пленума ЦК компартии Вьетнама (октябрь 1930 г.). В принятой пленумом политической программе Коммунистической партии Индокитаея (так со времени I пленума ЦК стала называться компартия Вьетнама) указывалось, что в эпоху империализма и пролетарской революции в России вьетнамская революция превратилась в неотделимую часть мировой пролетарской революции. Основываясь на теоретических положениях марксизма-ленинизма, ЦК КПИК подчеркивал, что вьетнамская революция должна пройти два этапа — буржуазно-демократической и социалистической революции. В ходе первого этапа будут решаться две тесно связанные между собой задачи — антиимпериалистическая и антифеодалная; в ходе второго этапа Вьетнам, опираясь на помощь тех стран, в которых установится пролетарская диктатура, пойдет

прямо к социализму, минуя капиталистический этап развития. Главное условие, обеспечивающее победу революции, как указывалось в Программе КПИК, — наличие коммунистической партии, принявшей на вооружение в качестве идеологической основы марксизм-ленинизм, организованной по принципу демократического централизма, имеющей строгую дисциплину, теснейшим образом связанной с народными массами и сформировавшейся в процессе революционной борьбы.

Создание во Вьетнаме партии, коммунистической «не только по названию», но и по существу, было закономерным итогом развития национально-освободительного движения в колониальной стране в эпоху, открытую победой революции в России. Изучив опыт коммунистического движения в зарубежных странах, придя к марксизму-ленинизму, поняв важность союза угнетенных народов с международным пролетарским революционным движением, вьетнамские коммунисты, опираясь на поддержку Коминтерна, создали боевой политический марксистско-ленинский авангард народа. «Образование Коммунистической партии Вьетнама 3 февраля 1930 года знаменовало собой решающий поворот во вьетнамском революционном движении. Рабочий класс Вьетнама в лице своей авангардной партии взял на себя историческую миссию по руководству делом национального и социального освобождения», — отмечал генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан [13, с. 85].

Выдающуюся роль в распространении марксизма во Вьетнаме, его соединении с практической борьбой рабочих и крестьян страны сыграл революционер-интернационалист ленинской школы Хо Ши Мин. «Первой великой заслугой Хо Ши Мина было то, — подчеркивал Ле Зуан, — что он связал революционное движение во Вьетнаме с международным рабочим движением, повел вьетнамский народ по тому пути, который прошел он сам, — от патриотизма к марксизму-ленинизму. Это был единственный путь к освобождению, который открыла трудящимся и угнетенным нациям всего мира Октябрьская революция в России» [10, с. 194].

В резолюции VI конгресса Коминтерна «О коммунистической стратегии и тактике в Китае, Индии и подобных им колониальных странах» подчеркивалось: «Коммунисты должны использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, усилить их значение, связывать с ними агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать эти массы к самостоятельным открытым выступлениям с собственными требованиями» [16, с. 142]. Это положение практически воплотилось в жизнь во Вьетнаме уже в 1930—1931 гг., когда компартия приняла активное участие в выступлениях рабочих, пролетарских и полупролетарских слоев в деревне, придавая этим выступлениям политическую направленность.

Наивысшего подъема революционная борьба достигла с со-

зданием в 1930—1931 гг. советов в провинциях Нгеан и Хатинь. Восставшие в сентябре 1930 г. крестьяне этих двух провинций ликвидировали во многих местах органы колониальной власти. В провинции Нгеан партийный комитет принял решение об образовании советов как формы местной революционной власти рабочих и крестьян. Эта власть дала демократические свободы народу, перераспределила землю среди крестьян, поощряла население к изучению национальной письменности и т. д. ЦК КПИК внимательно следил за развитием движения в Нгеане и Хатине, корректируя ошибки левацкого толка, допускаемые местными партийными ячейками и комитетами, стремясь в ходе революционной борьбы масс найти пути к созданию единого антифеодального и антиимпериалистического фронта. Восстание в Нгеане и Хатине было подавлено колонизаторами к марту 1931 г. Отмечая ошибки, допущенные в восстании: определенный субъективизм, неумение последовательно проводить в жизнь политику антиимпериалистического единого национального фронта, неумение в момент спада движения организованно отступить, Партия трудящихся Вьетнама в то же время указывает, что «революционный подъем 1930—1931 гг. и создание советов Нгеан и Хатинь имеют очень важное историческое значение. Это была первая генеральная репетиция вьетнамского народа, подготовившая последующую победу Августовской революции» [23, с. 17].

Высоко оценил первые шаги молодой компартии Индокитая Коммунистический Интернационал: «В Индокитае едва оформившаяся компартия смогла за чрезвычайно короткий срок стать важным фактором на общенациональной арене... Индокитайская компартия сумела двинуть вперед рабочее движение и связать лозунги антиимпериалистической борьбы с лозунгами аграрно-крестьянского движения, без чего организация первых советов в Индокитае была бы невозможна» [17, с. 72]. В конце апреля 1931 г. на II пленуме ИККИ компартия Индокитая была признана в качестве самостоятельной национальной секции Коминтерна.

В 1932 г. КПИК разработала «Программу действий». В основу этого документа легла сформулированная на основе марксистско-ленинского учения еще в 1930 г. «Программа буржуазно-демократической революции». Осуществляя на практике положения «Программы действий», вьетнамские коммунисты в то же время вели кропотливую работу по восстановлению разгромленных колонизаторами партийных ячеек, боролись против влияния в партии остатков мелкобуржуазных организаций и групп. Серьезное внимание обращалось на вопросы теоретической подготовки коммунистов, особенно руководящего ядра партии. Во всех аспектах своей деятельности КПИК ощущала надежную поддержку со стороны мирового коммунистического движения. Как отмечают вьетнамские историки, «братские пар-

тии, особенно Коммунистическая партия Советского Союза, Коммунистическая партия Китая и Французская компартия, оказывали нашей партии всемерную помощь в эти трудные годы» [23, с. 19].

Большое число руководящих кадров партии было подготовлено в Советском Союзе, откуда они направлялись «в Китай и во Францию, где... старались установить связи с вьетнамскими организациями для участия в революционном движении своей страны» [25, с. 52]. Хо Ши Мин постоянно подчеркивал важное значение практической помощи советских коммунистов борющимся народам Востока. Еще в марте 1924 г. он опубликовал в газете «Ля ви увриер» статью, посвященную Коммунистическому университету трудящихся Востока в Москве. Он писал, что «революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самым фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна. Одним из ее первых начинаний было создание Университета народов Востока... Можно сказать без преувеличения, что Университет приютил под своей крышей будущее колониальных народов» [5, с. 95, 98].

Коммунисты Франции решительно выступали против кровавой политики французского империализма в Индокитае. «Коммунистическая партия Франции руководила французскими рабочими и трудящимися, согласовывая свои действия с борьбой вьетнамского народа, который находил серьезную поддержку в этих проявлениях пролетарского интернационализма» [25, с. 52]. В поддержку вьетнамских революционеров выступила МОПР. Международное движение протеста против террора колонизаторов Индокитая приняло широкий размах. В результате международному рабочему классу удалось вырвать Хо Ши Мина из рук английской полиции в Сянгане, уже готовившейся передать его французским колонизаторам, которые заочно приговорили замечательного сына вьетнамского народа к смертной казни.

Большую помощь вьетнамским коммунистам в налаживании организационной работы и в идейной закалке партии в годы террора оказал Коминтерн. В 1932 г. в ряде писем, адресованных КПК, он проанализировал ошибки, допущенные в ходе движения за создание советов в Нгеане и Хатине. В соответствии со специальным решением Коминтерна в начале 1934 г. в Макао (Аомыне) был создан заграничный комитет руководства компартии Индокитая во главе с Ле Хонг Фонгом. Задачи комитета состояли в упорядочении организационной системы партии внутри страны, в подготовке руководящих кадров и съезда партии.

Анализируя деятельность КПК, бюро Секретариата Коминтерна отмечало в 1935 г.: «Коммунистическая партия... за шесть лет проделала такой путь развития, для которого в обычных условиях требуются многие годы». В то же время подчер-

кивалось, что «основными задачами, стоящими перед партией на данном этапе, являются перестройка и дальнейшее укрепление нелегальной организации и центрального руководства, завоевание масс и создание массовых организаций. В этой части работы в прошлый период наблюдались большие недостатки. Особенно сказывалась слабость работы партии в промышленных центрах» [17, с. 480, 484].

Опыт борьбы в 1930—1931 гг. и указания Коминтерна легли в основу резолюций, принятых I съездом КПК, состоявшимся в марте 1935 г. в Аомыне. Съезд указал на необходимость укрепления рядов партии, завоевания на ее сторону широких масс трудящихся. Было принято решение о воссоздании массовых освободительных организаций, а также о развертывании кампании за образование единого антиимпериалистического фронта. В материалах съезда указывалось, что необходимо выступать в поддержку Советского Союза и Советов в Китае.

Огромное значение для идейного воспитания вьетнамских коммунистов и более тесного увязывания задач вьетнамской революции с борьбой международного рабочего класса имели решения VII конгресса Коминтерна. В соответствии с установками VII конгресса Коминтерна руководство КПК критически проанализировало политическую линию партии и приняло меры по ее уточнению и совершенствованию. В частности, был временно снят лозунг «Долой французский империализм!» и требование конфискации земли помещиков в пользу крестьян. Было решено создать широкий народный антиимпериалистический фронт, который объединил бы все классы, все партии, различные политические группировки и религиозные организации, все народы Индокитая для совместной борьбы за демократические права. Опираясь на резолюции VII конгресса Коминтерна, Хо Ши Мин, находившийся в то время в Китае, так объяснял сущность политики КПК в конкретных условиях того периода в Индокитае: «В настоящее время КПК не должна выдвигать слишком больших требований (независимость, парламент и т. п.), чтобы не попасть в ловушку, подготавливаемую японскими фашистами. Партия должна ограничиться требованием демократических прав, свободы организаций, собраний, печати, всеобщей амнистии для политических заключенных; бороться за право легальной деятельности. Для осуществления этих целей партия должна добиться создания широкого национально-демократического фронта, который объединил бы не только местное население Индокитая, но и французских прогрессивных деятелей, не только трудящиеся слои населения, но также и представителей национальной буржуазии» [25, с. 60].

Деятельность партии по созданию народно-демократического фронта протекала в сложных внутренних условиях борьбы против троцкизма, за упрочение марксистско-ленинских позиций членов КПК, т. е. за неуклонное выполнение ленинского поло-

жения о необходимости «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения» [4, с. 167]. Актуальность решения этой задачи объяснялась еще и тем, что компартия Индокитая во второй половине 30-х годов фактически была лидером массовой борьбы, в том числе и легальных выступлений. По ее инициативе по всей стране развернулось движение за созыв Конгресса народов Индокитая, за организацию Демократического фронта Индокитая. Приход к власти во Франции правительства Народного фронта несколько ослабил административные репрессии колониального аппарата в Индокитае, дал возможность широким слоям населения активнее приобщаться к патриотической, демократической борьбе. Все это требовало от компартии как единственной, по существу, организованной и действенной политической силы активнее работать в массах, сохраняя при этом чистоту своих рядов, не впадая, однако, в сектантство. В этом смысле весьма важным было то, что партия, используя политическую обстановку в стране и открывшиеся возможности легальной деятельности, развернула пропаганду марксизма-ленинизма, разъясняла курс и политику Коминтерна, что в значительной мере способствовало изоляции троцкистских групп внутри самой партии и ослаблению их влияния среди масс.

Движение за создание Демократического фронта дало партии богатый опыт сочетания легальной, полулегальной и нелегальной работы, «научило, — как подчеркивал Хо Ши Мин, — тому, что если какое-либо требование отвечает чаяниям народа, то народные массы поддерживают его и с энтузиазмом участвуют в борьбе, и только при этом условии движение действительно становится массовым. Оно научило нас также тому, что необходимо всемерно избегать субъективизма и узости» [6, с. 354].

Идеи Коминтерна о борьбе против фашизма и об организации единого антиимпериалистического фронта были путеводной звездой для вьетнамских коммунистов, когда война вплотную подошла к границам Индокитая и после того, как Вьетнам, Лаос и Камбоджа были оккупированы японскими милитаристами (1940 г.). VIII пленум ЦК КПИК, состоявшийся в 1941 г., отмечал: «Интересы одной группы или одного класса должны в настоящее время отступить перед интересами всего народа. Если мы не добьемся ни национальной независимости, ни свободы, то не только государство и нация будут обречены на вечное рабство, но и отдельная группа или класс никогда уже не смогут отстаивать свои интересы» [25, с. 8]. Пленум принял решение о создании Лиги борьбы за независимость Вьетнама (Вьет-Минь).

1941—1945 годы были периодом активной деятельности Коммунистической партии Индокитая по укреплению единого Национального фронта, политической подготовке широких народ-

ных масс, организации вооруженных отрядов революционных бойцов. В ходе этой кропотливой работы партийные кадры росли идейно, глубже овладевали ленинским учением о пролетарской революции и восстании. «Совершенно очевидно, — говорил Ле Зуан, — что, если в период 1940—1945 гг. партия не развернула бы вооруженную борьбу и восстания в отдельных районах страны, не создала бы революционные базы, она не смогла бы поднять на такую высоту движение за спасение страны; но, с другой стороны, если бы мы при создавшейся благоприятной ситуации по-прежнему опирались на вооруженные силы и вели бы только вооруженную борьбу, опирались бы только на горные районы и деревни и не развернули бы быстро работу по мобилизации миллионов трудящихся, не перестроили бы полностью все наши политические и вооруженные силы, чтобы нанести сокрушительный удар по нервному центру врага в городах, то вполне возможно, что мы упустили бы этот единственный благоприятный случай в те августовские дни 1945 г.» [11, с. 339—340].

Неоднократные обращения руководителей Коммунистической партии Индокитая к вопросу о «благоприятных условиях», «благоприятном случае» для осуществления Августовской революции 1945 г. говорят о том, что вьетнамские коммунисты всегда связывали развитие национально-освободительного и коммунистического движения в стране с поступательным ходом мировой революции. Сама история Августовского восстания во Вьетнаме в 1945 г. и всесторонней деятельности коммунистов по его подготовке подтверждает ту непреложную истину, что национальная революция является частью мировой революции и неразрывно связана с ней. Только опора на международное коммунистическое движение обеспечивает той или иной коммунистической партии успех в ее борьбе.

В годы войны Сопrotивления Коммунистическая партия Индокитая подчинила всю свою деятельность задаче отражения агрессии, защите и укреплению завоеванной независимости и революционной власти, сохранению вьетнамской государственности. В целом эта деятельность выразилась в политике укрепления единого фронта Вьет-Минь.

Впоследствии, анализируя опыт, накопленный в деле создания единого фронта в соответствии с ленинскими принципами, Ле Зуан подчеркивал: «Будучи стратегическим принципом марксизма-ленинизма, объективно распространяющимся на все революции, которыми руководит пролетариат, проблема союза рабочих и крестьян приобретает особую важность для таких стран, как наша» [10, с. 204]. Руководствуясь этим принципом, КПИК проводила в рамках Вьет-Миня такие демократические преобразования, которые укрепляли союз рабочего класса и крестьянства — основу единого Национального фронта — и в то же время не отпугивали от Фронта мелкобуржуазных и буржу-

азных представителей. О плодотворности такой политики КПИК говорит создание в 1946 г. Национального союза вьетнамского народа — Льен-Вьет, в ряды которого влились партии или отдельные лица, по той или иной причине не вступившие во фронт Вьет-Минь.

В ноябре 1945 г. в тактических целях КПИК пошла на мужественный шаг — объявила о самороспуске и ушла в подполье. Коммунисты находились на своеобразном нелегальном положении вплоть до 1951 г., активно участвуя в то же время в работе организаций Фронта, и именно этим путем проводили в жизнь политику марксистской партии.

Одним из аспектов деятельности КПИК и фронта Вьет-Минь в годы войны Сопrotивления было воспитание трудящихся в духе интернационализма, что было отнюдь не простым делом в условиях, когда французские колонизаторы огнем и мечом пытались подавить национально-освободительное движение вьетнамского народа. «Мы полны дружеских чувств к французскому народу и хотим искренне сотрудничать с ним», — писал Хо Ши Мин в самом начале войны Сопrotивления [8, с. 70]. Эта принципиальная линия — отделять действия французских колонизаторов от желаний и помыслов народа Франции — проводилась компартией и Национальным фронтом на всем протяжении войны Сопrotивления.

Другим важным моментом было то, что КПИК связывала судьбы вьетнамской революции с развитием мирового революционного процесса. Показательно в этом смысле выступление Хо Ши Мина на заключительном заседании VI совещания партийных работников, состоявшемся в январе 1949 г.: «Мы — партия Индокитая, но нашей задачей является и помощь делу освобождения всей Юго-Восточной Азии... наша партия первой в Юго-Восточной Азии стала правящей партией. Мы говорим это не для того, чтобы похвалиться или погордиться, но для того, чтобы осознать свою ответственность и постараться выполнить свой долг» [8, с. 70].

Сила международной поддержки была одним из важнейших факторов, обеспечивших победу вьетнамского народа в войне Сопrotивления. Именно в эти годы начал складываться международный фронт поддержки Вьетнама. Массовые выступления трудящихся Франции, возглавляемых коммунистами, против «грязной войны» империализма в Индокитае, политические и дипломатические акции Советского Союза и других социалистических стран в поддержку усилий ДРВ, направленных на урегулирование конфликта, сыграли важную роль в деле восстановления мира в Индокитае.

Значительным вкладом в повышение авторитета борющегося Вьетнама на международной арене стало признание ДРВ Советским Союзом и другими социалистическими странами в начале 1950 г., в результате чего Вьетнам получил возможность

установить прямые, непосредственные связи с социалистическим миром.

В феврале 1951 г. состоялся II съезд КПИК (переименованной на этом съезде в Партию трудящихся Вьетнама)¹. Он имел важное принципиальное значение для развития вьетнамской революции. На II съезде было определено, что буржуазно-демократическая революция в такой стране, как Вьетнам, является национальной народно-демократической революцией и что эта революция «завершит буржуазно-демократические задачи и перерастет в социалистическую революцию» [28, с. 101]. Важной стороной работы съезда и принятых им документов был глубоко интернациональный подход к решению проблем, стоящих перед партией и народом Вьетнама. Связывая само рождение ДРВ с победой советского народа во второй мировой войне, Хо Ши Мин подчеркивал в отчетном докладе: «Благодаря победе СССР страны полуколониальные, как Китай, и колониальные, как Корея или Вьетнам, свергли или свергают империалистско-окупиантов и добились свободы и независимости» [8, с. 110]. Президент ДРВ указывал также, что «международное положение тесно связано с тем, что происходит в нашей стране. Победа демократического лагеря — это и наша победа, а наша победа — это победа демократического лагеря. Поэтому наш основной лозунг в настоящее время — уничтожение французских колонизаторов и нанесение поражения американским интервентам, завоевание полного единства, независимости, сохранение мира во всем мире» [8, с. 127].

Подтверждением справедливости оценок международного положения и роли Вьетнама на мировой арене, данных на II съезде партии, стало Женевское совещание 1954 г. Выступая в Женеве 14 мая 1954 г., министр иностранных дел СССР подчеркнул, что «пример национально-освободительной борьбы народов Индокитая имеет историческое значение. Он показывает, что там, где народные массы, находившиеся под колониальным гнетом, поднимаются для защиты своих национальных прав и свободы, там нельзя в наше время вернуть народ к старой жизни, нельзя подавить национальное движение оружием и всякими мерами насилия» [28, 15.V.1954]. В результате настойчивого дипломатического наступления делегаций социалистических стран — участников Женевского совещания и активной борьбы французских трудящихся за мир в Индокитае была создана одна из важнейших предпосылок успеха Женевского совещания. «Мы одержали на Женевском совещании крупную победу, — говорил Хо Ши Мин, — французское правительство признало независимость, суверенитет, единство и территориальную целост-

¹ Это название партия сохраняла до IV съезда, состоявшегося в декабре 1976 г., на котором она была переименована в Коммунистическую партию Вьетнама.

ность нашей страны, согласилось вывести свои вооруженные силы с нашей земли и т. д.» [5, с. 489—490].

Победа вьетнамского народа в войне Сопrotивления и на Женевском совещании была, разумеется, прежде всего результатом усилий Партии трудящихся, единого Национального фронта, всех патриотических сил Вьетнама. Вместе с тем она была бы невозможна без широкого международного движения в поддержку ДРВ. Она является также результатом международного развития в целом. Именно на это обстоятельство как на особенность победы Вьетнама указывал Ле Зуан, подчеркивавший: «Мы нанесли поражение французским колонизаторам, и в 1954 г. были подписаны Женевские соглашения. При имевшемся в тот период соотношении сил внутри страны и на мировой арене подписание Женевских соглашений было правильным» [10, с. 35].

После заключения Женевских соглашений и полного освобождения Севера страны перед Партией трудящихся Вьетнама встали новые, чрезвычайно сложные задачи — осуществлять социалистическую революцию на Севере, бороться за завершение национальной народно-демократической революции на Юге и за воссоединение родины. Решение этих задач вьетнамские коммунисты не мыслили без дальнейшего укрепления единства с братскими социалистическими странами, союза с международным коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением. «Тридцатилетняя борьба нашей партии, — говорил Хо Ши Мин на состоявшемся в 1960 г. III съезде ПТВ, — учит нас, что самым надежным залогом победы революции являются овладение теорией марксизма-ленинизма, преданность интересам пролетариата и нации, укрепление сплоченности и единства внутри партии и между коммунистическими партиями, между странами великого социалистического содружества» [8, с. 270].

Партия мобилизовала массы на осуществление социалистических преобразований и строительство социализма на Севере как главной задачи вьетнамской революции, на превращение социалистического Северного Вьетнама в базу для объединения страны. Этот курс предполагал и активное овладение наукой социалистического строительства, принципами управления плановым хозяйством, познание секретов практической организации, что является самой трудной задачей, ибо «дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей» [2, с. 173].

Решить эту задачу Демократическая Республика Вьетнам могла только при поддержке социалистических стран, при творческом использовании опыта социалистического строительства, накопленного Советским Союзом и другими братскими странами. «Мы будем всесторонне изучать и творчески использовать коллективный опыт братских стран, сочетать его с нашим опы-

том, чтобы еще более совершенствовать деятельность в области экономики, культуры, политики и идеологии в ходе социалистического строительства в Северном Вьетнаме», — указывал Ле Зуан [12, с. 63]. Важным фактором создания материально-технической базы социализма в ДРВ, как подчеркивалось на III съезде ПТВ, вьетнамские коммунисты считали помощь со стороны социалистических государств. Она была названа «необходимым условием, без которого нельзя обойтись» такой стране, как Вьетнам, идущей к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

Сразу же после восстановления мира во Вьетнаме, в 1954—1955 гг., были подписаны межправительственные торгово-экономические соглашения между ДРВ и рядом социалистических стран.

В июле 1955 г. было заключено соглашение об оказании безвозмездной помощи, а также торговое соглашение между СССР и ДРВ. Особое значение для расширения двустороннего сотрудничества имели соглашения о торговле и мореплавании, о научно-техническом сотрудничестве, подписанные в 1958—1959 гг. В соответствии с ними стороны обязались развивать и укреплять торговые отношения на принципах равноправия и взаимной выгоды. В соглашениях регулировались вопросы оказания технического содействия, взаимного обмена специалистами и т. д.

В целом в 1955—1958 гг. правительство ДРВ подписало торгово-экономические соглашения почти со всеми социалистическими странами. С 1955 по 1965 г. социалистические страны предоставили ДРВ кредиты и помощь на 1,3 млрд. руб. [27, с. 555], в том числе безвозмездной помощи на сумму 466,5 млн. руб. [22, с. 119].

Экономическая помощь социалистических стран реализовалась путем поставки машин и оборудования, в том числе комплектного, материалов, топлива и сырья, оплаты труда командированных во Вьетнам специалистов. Практическое значение помощи социалистических стран в создании социалистической национальной экономики ДРВ выразилось в том, что почти все крупные предприятия страны, выпускающие основные виды промышленной продукции, были построены при экономическом и техническом содействии этих стран. Так, предприятия, построенные при помощи СССР, производили в 1964 г. 100% апатита, олова, суперфосфата, серной кислоты, около 90% каменного угля, свыше 80% металлорежущих станков, 100% рыбных консервов, чая и значительную часть медикаментов [26, с. 42].

Сотни специалистов из СССР и других социалистических стран оказывали помощь вьетнамским братьям в восстановлении народного хозяйства после войны Сопrotивления и в закладывании основ социалистической экономики. Интернационалистический характер их работы заключался в том, что они не

только оказывали техническую помощь в сооружении тех или иных объектов, но и на местах обучали вьетнамских рабочих передовым методам труда, управлению современной техникой. Генеральный секретарь ЦК Ле Зуан отмечал, что переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, обусловил то обстоятельство, что вьетнамский народ и его руководители «не прошли школу крупного механизированного производства» [10, с. 296]. Участие социалистических стран в создании в Северном Вьетнаме промышленной базы, подготовка в социалистических странах вьетнамских специалистов различных профилей, по существу, для всех без исключения отраслей народного хозяйства, наконец, работа в ДРВ специалистов из братских стран стали важным вкладом в преодоление этого обстоятельства. Вьетнамские специалисты, кадровые работники проходили «школу крупного механизированного производства» непосредственно в ходе социалистического строительства, опираясь на опыт и постоянную братскую помощь социалистических стран.

Практически осязаемые формы получило сотрудничество ДРВ с Советским Союзом и другими социалистическими странами в решении другой важнейшей проблемы, стоявшей перед вьетнамским народом, — в борьбе за строгое выполнение Женевских соглашений и продвижение к мирному воссоединению Вьетнама.

Партия трудящихся Вьетнама неизменно рассматривала борьбу вьетнамского народа за выполнение Женевских соглашений не только как национальную задачу, но и как интернациональный долг, как вклад в общее дело борьбы народов за мир и международную безопасность, как деятельность по упрочению позиций социализма и мира в Юго-Восточной Азии. Такой подход, отвечавший интересам вьетнамского народа, интересам социализма и мира, разделяли все социалистические страны, которые не только выступали единым фронтом с Демократической Республикой Вьетнам в решении этой важной международной проблемы, но и содействовали привлечению на сторону справедливого дела Вьетнама широких слоев прогрессивной мировой общественности.

Советский Союз, Польская Народная Республика, бывшая членом Международной комиссии по наблюдению и контролю во Вьетнаме, неоднократно выступали на дипломатической арене, добиваясь удовлетворения законных требований и реализации конструктивных предложений ДРВ, направленных на решение вьетнамской проблемы. Единство социалистических стран по международным проблемам, в том числе и по вьетнамскому вопросу, было тем надежным фундаментом, опираясь на который суверенная социалистическая страна — Демократическая Республика Вьетнам вела политическую и дипломатическую борьбу.

Раскрывая существо политики Партии трудящихся в годы, предшествовавшие второй войне Сопrotивления, Хо Ши Мин указывал: «Строительство социализма в нашей стране и наша принадлежность к великой мировой социалистической семье являются осуществлением ленинского тезиса о возможности перехода отсталой колониальной страны к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Успехи Демократической Республики Вьетнам во всех областях обуславливаются, с одной стороны, духом самопожертвования, героизма и творческой активности нашего народа, который воплощает ленинские указания об индустриализации и коллективизации, а с другой — бескорыстной братской помощью социалистических стран во главе с Советским Союзом» [9, с. 212—213].

Во всей полноте проявились тесные связи вьетнамской революции с социалистическими странами, мировым коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением в годы, когда народу Вьетнама с оружием в руках пришлось отстаивать завоевания социализма, независимость и свободу своей родины от посягательств империализма США.

Опубликовано уже немало работ и исследований, посвященных борьбе вьетнамского народа, завершившейся блистательной победой в 1975 г. и вписавшей славную страницу в историю революционного движения народов. В рамках данной статьи нет необходимости вновь рассматривать все ее перипетии и этапы, анализировать методы, использовавшиеся вьетнамскими коммунистами на военном, политическом и дипломатическом фронтах, мероприятия, осуществленные социалистическими странами в поддержку борющегося Вьетнама.

Победа, одержанная вьетнамским народом, — это убедительное доказательство того, что в наши дни никакая сила не способна сломить волю народа, борющегося за свои неотъемлемые права и пользующегося поддержкой прогрессивных сил мира. Огромное историческое значение победы вьетнамского народа состоит в том, что она укрепила позиции социализма в Юго-Восточной Азии, доказала неодолимость дела социализма и национально-освободительного движения, расширила перспективы дальнейшей нормализации международной обстановки. Победа вьетнамского народа оказала непосредственное воздействие на успешное завершение национально-освободительной борьбы народов Лаоса и Кампучии.

Деятельность вьетнамских коммунистов, стратегический курс партии, приведший вьетнамский народ к победе, привлекают все большее внимание представителей коммунистического и национально-освободительного движения стран Юго-Восточной Азии. «Для нас, коммунистов, — писал член ЦК Коммунистической партии Филиппин Хосе Лава, — особенно тех, кто, подобно коммунистам нашей страны, борется за решение в своей стране задач антиимпериалистической и национально-демокра-

тической революции, опыт... вьетнамской революции представляет весьма большой интерес» [29, 1976, № 9, с. 15].

Завершение воссоединения Вьетнама, осуществленное в 1976 г. как итог многолетних настойчивых усилий прежде всего вьетнамского народа, а также его подлинных друзей во всем мире, побуждает еще глубже проанализировать историю вьетнамской революции, связанные с ней события и общие тенденции нашей эпохи. «Уроки эпопеи Вьетнама говорят о многом,— указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Они говорят о всепобеждающей силе марксистско-ленинских идей, о громадном значении последовательно интернационалистской политики правящей коммунистической партии, о неодолимости народа, ведущего борьбу за правое дело» [21, с. 10].

Большая победа, которая вывела вьетнамский народ на новые рубежи — к созданию Социалистической Республики Вьетнам, единого вьетнамского государства, идущего по социалистическому пути, была бы невозможна, если бы борьбой патриотов Вьетнама не руководила все эти годы созданная и воспитанная великим патриотом и интернационалистом Хо Ши Мином Партия трудящихся Вьетнама, опирающаяся на марксистско-ленинское учение. Никакой другой общественный строй, кроме социалистического, не мог бы придать освободительной борьбе вьетнамского народа такой размах, такую организованность, такую стойкость и упорство. Никакая другая политическая сила, кроме марксистско-ленинской партии, не могла бы вооружить борющийся народ таким ясным пониманием целей борьбы, так вдохновить его на массовый подвиг.

В годы борьбы против империалистической агрессии Партия трудящихся Вьетнама в высшей степени проявила накопленный в годы подпольной борьбы, войны Сопrotивления, в период социалистического строительства опыт вождя и организатора широких масс трудящихся. В этот период нашла полное подтверждение и правильность ее курса на укрепление и расширение единого Национального фронта. Опыт единого фронта Вьет-Минь — Льен-Вьет периода антифранцузской войны Сопrotивления был использован, приумножен и развит в деятельности Отечественного фронта, а затем в борьбе Национального фронта освобождения Южного Вьетнама — организующей и направляющей силы южновьетнамских патриотов. Его политическая программа, его призыв к сплочению всех национальностей, политических партий и общественных организаций Юга страны позволили объединить самые широкие слои населения в борьбе против агрессии и реакции, внесли огромный вклад в достижение полного освобождения Южного Вьетнама.

В современных условиях каждая социалистическая революция — это часть мирового революционного процесса, ее перспективы обуславливаются общим соотношением сил в мире, воз-

можностями получить помощь и поддержку со стороны других революционных и демократических движений. В этом смысле победа Вьетнама — это, как указывал Л. И. Брежнев, «живое свидетельство эффективности солидарных действий братских социалистических государств» [21, с. 10]. Их многосторонняя и широкая деятельность, активные усилия, направленные на оказание всемерной поддержки Вьетнаму, стали одним из решающих факторов, обеспечивших успех его правого дела. Солидарность с вьетнамским народом все годы его борьбы была боевой программой действий для коммунистов, всех подлинных интернационалистов. КПСС, Советское государство, весь советский народ, верные ленинским заветам, были рядом с вьетнамским народом, ни на минуту не забывая слов В. И. Ленина о том, что нужно «быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле» [1, с. 177].

Каждая из социалистических стран ежегодно заключала с ДРВ соглашения о предоставлении военной и экономической помощи. Когда агрессоры развернули необъявленную воздушную войну против ДРВ, Советский Союз сделал все необходимое для того, чтобы в кратчайший срок оснастить Вьетнамскую народную армию современным оружием, в том числе зенитными ракетами и артиллерией, истребительной авиацией. Тысячи вьетнамцев овладели новой боевой техникой благодаря помощи советских специалистов, командированных в Демократическую Республику Вьетнам, и подготовке вьетнамских курсантов в советских военных училищах.

Позиция Коммунистической партии Советского Союза по вьетнамскому вопросу была сформулирована в материалах XXIII и XXIV съездов. XXIII съезд КПСС заявил о солидарности советских коммунистов с вьетнамским народом, с Партией трудящихся Вьетнама, Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама и обратился с призывом ко всем коммунистическим и рабочим партиям еще настойчивее добиваться единства действий в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме, руководствуясь незыблемыми принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В принятом XXIV съездом обращении «Свободу и мир народам Индокитая!» было вновь заявлено, что Советский Союз оказывал и оказывает всемерную помощь Демократической Республике Вьетнам в строительстве социализма, в укреплении ее обороноспособности, отражении империалистических посягательств, последовательно и решительно выступал и выступает на стороне освободительного движения в Южном Вьетнаме, Лаосе, Камбодже.

Заявления XXIII и XXIV съездов КПСС стали программой практических действий коммунистов, всех советских людей. В СССР развернулось поистине всенародное движение солидарности с вьетнамскими патриотами. Это движение приобрело

прежде всего форму трудовых усилий советских людей, направленных на четкое, бесперебойное и своевременное выполнение заказов для борющегося Вьетнама. Такая же атмосфера была и в других братских социалистических странах.

Одновременно Советский Союз и другие социалистические страны вели активную работу на международной арене, оказывая поддержку справедливым требованиям ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, направленным на решение вьетнамской и индокитайской проблем.

Возглавляемое коммунистами международное движение солидарности с Вьетнамом вовлекло в свои ряды миллионы людей доброй воли, достигло поистине небывалого размаха, охватив все континенты. Оно явилось мощной демонстрацией глубокой заинтересованности народов различных стран, в том числе американского народа, в мире и социальной справедливости. Полностью подтвердился вывод международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. о том, что, чем крепче единство и сплоченность международного коммунистического движения и всех антиимпериалистических сил в борьбе против общего врага — империализма, тем больше их успехи.

Оценивая одержанную победу и выражая искреннюю благодарность Советскому Союзу, другим социалистическим странам, всем друзьям вьетнамского народа во всем мире за вклад в ее достижение, Ле Зуан говорил: «В результате победы Вьетнама был нанесен удар по глобальной стратегии американского империализма. Она свидетельствует о дальнейшем ослаблении империализма во главе с американским, о наступательном шествии социалистических сил, рабочего и национально-освободительного движения, которые шаг за шагом оттесняют, часть за частью разбивают империализм. Ныне империализм, и даже американский империализм, не в состоянии захватить ни одной пяди земли у любой социалистической страны, не в состоянии заставить отступить национально-освободительное движение, не в состоянии помешать странам идти по пути социалистического развития» [21, с. 27—28].

37-летний путь Социалистической Республики Вьетнам под руководством боевого марксистско-ленинского авангарда является убедительным подтверждением верности выработанного Коммунистической партией Вьетнама курса на укрепление всесторонних связей с социалистическими странами, международным коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением. Глубокая вера и преданность КПВ пролетарскому интернационализму, проведение ею интернационалистского курса стали одним из важнейших факторов, обеспечивших полную победу справедливого дела Вьетнама, укрепление позиций социализма в Юго-Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Т. 31.
2. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти.— Т. 36.
3. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.—Т. 39.
4. Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41.
5. Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959.
6. Хо Ши Мин. Собрание сочинений. Ханой, 1960.
7. Хо Ши Мин. Мой путь к ленинизму.— «Проблемы востоковедения». М., 1960, № 2.
8. Хо Ши Мин. Сочинения (1920—1969). Ханой, 1970.
9. Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1971.
10. Ле Зуан. Избранные статьи и речи (1965—1970). М., 1971.
11. Ле Зуан. Избранные статьи и речи (1970—1975). М., 1975.
12. Ле Зуан. Международная обстановка и задачи нашей партии. Ханой, 1975 (на вьет. яз.).
13. Ле Зуан. В борьбе за национальное и социальное освобождение.— «Коммунист». М., 1980, № 4.
14. V Всемирный конгресс Коминтерна. Л.— М., 1925.
15. Стенографический отчет VI Всемирного конгресса Коминтерна. Вып. 4. М., 1930.
16. Стенографический отчет VI Всемирного конгресса Коминтерна. Вып. 6. М., 1930.
17. Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. М., 1935.
18. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
19. Документы II съезда партии. Ханой, 1965 (на вьет. яз.).
20. Великий этап в истории вьетнамской революции. Ханой, 1961 (на вьет. яз.).
21. Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Демократической Республики Вьетнам. М., 1975.
22. Демократическая Республика Вьетнам. М., 1975.
23. Краткая история Партии трудящихся Вьетнама. М., 1971.
24. Мхитарян С. А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., 1967.
25. Тридцать лет борьбы партии и рабочего класса Вьетнама. Ханой, 1961.
26. Экономика стран социализма. М., 1964.
27. *Việt Nam Tri. Croissance économique de la République démocratique du Vietnam.* Hanoi, 1967.
28. «Правда» М.
29. «Проблемы мира и социализма».
30. «Nhân dân». Hà-nội.

Ю. П. Дементьев

**КОЛОНИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ
(на примере Восточного Индокитая)**

При подведении итогов колониального господства в советской литературе неоднократно отмечалось негативное воздействие колониализма на развитие колонизируемых народов: эксплуатация колоний, насаждение там отсталых форм экономического господства, деформация их социально-политического развития, попытки «наложить» на структуру колонизируемого общества систему буржуазных политических институтов, не совместимых ни с традиционно установившейся системой ценностей, ни с социальной структурой этого общества.

В то же время колониализм вовлек колонизируемые народы в широкий кругооборот всемирно-исторического развития, подготовив тем самым условия для развития национально-освободительного движения, связав его с проблемами антиимпериалистического движения в целом. Именно поэтому, оценивая итоги колониального господства, советские исследователи отмечают «определенную прогрессивную роль» колониализма, например, в создании и укреплении социально-экономического базиса для формирования буржуазных наций на Востоке, выступают против «одностороннего и недостаточного» заключения о том, что, «несмотря на втягивание колониальных стран в мировое капиталистическое хозяйство, общее воздействие империализма тормозило социально-экономическое и этническое развитие» [5, с. 28, 66]. В цитируемой статье М. С. Лазарева ставится вопрос и об известных «положительных моментах в воздействии колониальной эпохи на внутривосточную структуру отдельных восточных обществ» [5, с. 29].

В этой связи нам представляется весьма плодотворным изучение не только сопротивляемости (национально-освободительных движений и т. д.) колонизируемого общества, но также его «приспособляемости» к режиму, который устанавливался обществом колонизаторов, т. е. проблем адаптации, «выживания», сосуществования различных социально-экономических систем. Такой подход к изучению структуры колониального общества, не изменяя картины колониализма в целом, привносит в нее подчас важные детали. Перед нами вместо представления о бездействующем, инертном объекте и активном субъекте (колони-

заторах) возникает картина сложных и многообразных отношений между ними. Ведь, с одной стороны, колонизируемые народы сопротивлялись политическим институтам капиталистического общества, насаждаемым колонизаторами, а с другой — шел процесс активной ассимиляции, адаптации к этим институтам, усвоения их, а также начиналась борьба с колонизаторами уже на новой, как бы капиталистической основе, хотя до развития капитализма в этих странах было еще далеко.

Процесс адаптации в наибольшей степени, естественно, затронул часть феодальной и полуфеодальной аристократической верхушки и так называемой элиты, взращенной колонизаторами внутри колонизируемого общества. Именно поэтому роль колониализма в создании новых социальных слоев и групп, преимущественно прослойки европейски образованных представителей колонизируемого общества, из которой стали формироваться интеллигенция, государственные служащие, будущие политические деятели, т. е. многие из тех, кто позднее активно выступал против колониального режима, так интересует ученых освободившихся от колониального господства стран [4, с. 22—23].

Действительно, состав и идеологическая вооруженность этой элиты во многом, особенно на первых этапах освободительной борьбы, определяли характер национально-освободительного движения и, несомненно, оказали воздействие на его развитие. В то же время элита колонизируемого общества участвовала в освободительном движении лишь на начальном его этапе. Вскоре, в условиях общемировой антиимпериалистической борьбы, ее сменили кадры, закалившиеся и прошедшие подготовку в иных условиях. Развитие национально-освободительного движения в значительной мере определяла борьба между колонизаторами и элитой за основную массу населения страны — крестьянство, прежде всего крестьянина-середняка, бывшего в то время центральной фигурой в деревне.

В настоящей статье мы рассматриваем контакты между двумя обществами — колонизаторов и колонизируемых, сосуществующих в одном — колониальном обществе. Это будет содействовать, на наш взгляд, выяснению вопроса о степени «поглощения» колонизаторами колонизируемого общества и в конечном счете на локальном материале позволит ответить на вопрос о причинах поражения колонизаторов в борьбе за крестьянские массы.

Процесс развития контактов между обществом колонизаторов и колонизируемым обществом мыслится в трех аспектах: отношения господства (война, захват, вооруженное подавление и т. д.); ассимиляция — включение завоеванных народов в политическую, экономическую и культурную систему отношений господствующей нации, т. е. полный отказ от прежних ценностей и принятие новых; наконец, ассоциация. Концепцию ассоциации следующим образом сформулировали Э. Жерарден и К. Дювер-

нуа в вышедшей в 1860 г. во Франции брошюре «Цивилизация Алжира»: колонизовать, организовать, эксплуатировать колонию недостаточно, нужно ее еще и цивилизовать и воспитывать ее жителей. При этом имелось в виду, что метрополия должна не только требовать выполнения определенных обязанностей, но и давать известные права народам колонизованных стран (см. [12, с. 71]). Отмеченные аспекты существовали в период рабовладельческого общества и при феодализме, но только в капиталистическую эпоху с характерной для нее «всеобщностью», нивелировкой, ломкой всех и всяческих перегородок приобрели вполне современную и законченную форму. Именно поэтому колониализм мы рассматриваем как явление нового времени, присущее капиталистическому строю, а не как «устойчивое свойство всякого эксплуататорского строя» [7, с. 9—10].

Уже в начальный период колониальной экспансии в странах Юго-Восточной Азии, например, существовала целая система международных отношений, в которую были включены и государства, являвшиеся ее объектом. В дальнейшем эти отношения усложнились, приобретали более устойчивые формы. Сами капиталистические государства на начальном этапе колониальной экспансии включались в систему международных отношений феодальных государств, которые рассматривали своих будущих порабитителей лишь как новый компонент сложившейся в регионе системы соотношения сил [8, с. 72]. Мотивы же колониальной экспансии со стороны европейских государств, будучи в конечном счете вызваны глубокими формационными изменениями, в каждом конкретном случае определялись часто как бы случайными причинами — идеологическими, политическими, соображениями престижа и т. д., поэтому и колонии, особенно в начальный период колонизации, основывались как бы случайно — «без предварительного плана и строго осознанной необходимости» [6, с. 2].

Вопрос о военной победе капиталистических держав над феодальными, несмотря на их техническое превосходство, в ряде конкретных случаев, например в Восточном Индокитае, отнюдь не был предрешен. Причина военного поражения при образовании колониальных империй в новое время, особенно когда речь идет о народах, имеющих богатый опыт государственного строительства и прошедших длительный путь исторического развития, в другом — в том, что определенная часть элиты, т. е. правящего класса этих государств, по разным причинам не стремилась к решительной борьбе с колонизаторами. Известная же часть ее даже стояла за контакты с западными странами, в том числе и для того, чтобы использовать их опыт в интересах прогресса своей страны.

Это хорошо видно на примере Вьетнама. Уже при первых военных поражениях Вьетнама при дворе Ты Дыка группа сторонников соглашения с Францией выступала за заключение ми-

ра, хотя возможности военного сопротивления были далеко не исчерпаны. Опасаясь широкого народного движения, Ты Дык не решился опереться на массы. Часть его окружения надеялась сохранить свои феодальные привилегии и монархию, сотрудничая с французами [17, с. 24, 27].

В то же приблизительно время в стране возникло просветительское реформаторское движение, связанное при своем зарождении с именем Нгуен Чьонг То (1828—1871), сыном учителя-католика, пробывшего несколько лет во Франции и связанного с французской католической церковью. Католицизм выступил в феодальном Вьетнаме проводником новых просветительских идей [1, с. 478]. Уже с начала XX в. вьетнамские патриоты отходят от конфуцианства и под влиянием идей французских просветителей XVIII в., сочинения которых проникали во Вьетнам в китайских переводах, воспринимают идеи современной науки и демократии. Подобным образом формировались, например, взгляды такого выдающегося представителя буржуазно-реформаторского течения, как Фан Тю Чинь (1872—1926) [1, с. 485].

Анализ отношений общества колонизаторов и общества колонизируемых в плане сосуществования, адаптации двух цивилизаций, на наш взгляд, особенно наглядно показывает, что, несмотря на сравнительно глубокое проникновение в сферу экономики, общество колонизаторов не смогло подчинить себе основную массу общества колонизируемых, главным образом крестьянство, живущее в сельской местности и слабо связанное с городом. Дальнейшая борьба между колонизаторами и поднимавшимися силами национально-освободительного движения свелась в основном к борьбе за широкие слои крестьянства, в которой колонизаторы оказались побежденными.

Колониальное общество в период после колониальных захватов представляет собой некий симбиоз нескольких включенных в него обществ: 1) общества колонизаторов; 2) общества европейцев, но не принадлежащих к обществу метрополии; 3) общества «цветных» (китайского, индийского и т. д.), которое распадается на несколько групп по национальному признаку; 4) общества колонизируемого. В Индокитае это общество распалось по крайней мере на вьетнамцев, кхмеров и лаотянцев, между которыми, в свою очередь, существовали сложные отношения, не говоря об отношениях этих народов к многочисленным национальным меньшинствам.

Межнациональные отношения в Восточном Индокитае складываются в группе колонизируемого общества: из отношений между собой господствующих наций (вьетнамцев, кхмеров и лаотянцев); из отношений между господствующей нацией и национальным меньшинством соответствующей страны.

Большое влияние на межнациональные отношения оказала этническая история Восточного Индокитае. К XV в. на его территории сложились феодальные государства Камбоджа, Вьет-

нам и лаосские княжества, внутри которых долгое время не прекращалась борьба между отдельными феодальными кланами. Отношения между этими государствами вплоть до французского завоевания складывались довольно напряженно, особенно для Камбоджи.

Феодальные Вьетнам, Камбоджа и лаосские княжества силой оружия держали в вассальной зависимости покоренные ими народы. Таким образом, межнациональные отношения на их территории складывались как отношения господства одной народности, точнее, ее феодального класса над другими народами. Эти отношения поддерживались силой оружия, карательными экспедициями, войнами и т. д., которые помимо нового, еще большего ограбления и закабаления других народов приводили к разрушению многих материальных ценностей. Это серьезно тормозило развитие покоренных народов, сильно затрудняя и даже приостанавливая процесс их феодализации.

Отношения национального угнетения поддерживались французскими колонизаторами. Эксплуатация феодальной аристократией Вьетнама, Камбоджи и Лаоса ранее завоеванных народов стала одним из существенных моментов в процессе первоначального накопления в этих странах и способствовала формированию там национальной буржуазии¹. Процесс развития национальных меньшинств значительно задержался в результате великодержавной политики феодалов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, а в годы колониального господства — в результате французской политики подчинения и разделения. Тем не менее уже в годы второй мировой войны феодальная верхушка ряда национальных меньшинств в Лаосе и Вьетнаме выступила за предоставление им национальной автономии.

Мы постараемся рассмотреть прежде всего отношения двух антагонистов — общества колонизаторов и общества колонизируемых. В этом последнем ведущими были вьетнамцы, возглавившие борьбу народов Индокитая против колониального господства и первыми (после Августовской революции 1945 г.) добившиеся независимости.

Французская колонизация Индокитая прошла три этапа: 1858—1907 гг. (период захвата и «организации» захваченных территорий), 1908—1945 гг. — период колониального господства и после 1945 г. — период постепенного освобождения захваченных территорий. Мы рассмотрим отношения между группами колониального общества в период 1907—1940 гг., поскольку он наиболее «чистый» с точки зрения выявления этих отношений. К тому времени сложились основные организационные формы новой французской колонии — Индокитайского Союза (см. [2]).

В 1897—1902 гг. были заложены организационные основы французской колонии Индокитайский Союз. Во главе Союза

¹ Это относится преимущественно к Вьетнаму.

стоял генерал-губернатор, управлявший при помощи штата чиновников, объединенных в созданную Думером (1897—1902) гражданскую администрацию (Service civile). Для большей централизации управления колонией были организованы Общие управления (Services généraux): таможенное, общественных работ, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управление связи. Для покрытия расходов, связанных с нуждами всего Индокитайского Союза, был создан общий (или генеральный) бюджет, образованный за счет поступлений от таможенных сборов, косвенных налогов и доходов от трех монополий — на соль, алкоголь и опиум. Эта система просуществовала в почти неизменном виде до второй мировой войны (1940 г.).

Таким образом, в результате европейского завоевания и последующей «организации» стран Восточного Индокитая создано колониальное общество с двумя главными антиподами — обществом колонизаторов и обществом колонизируемых. В целом же это было общество типично расистское, основанное на насилии, чувстве расового превосходства колонизаторов, которое питалось их привилегированным положением, богатством, научно-техническим превосходством и т. д. В свою очередь, местное население чувствовало себя на положении этнического меньшинства, которому колонизаторы навязывают свою культуру, мораль, систему ценностей и т. д. Не случайно поэтому расовый барьер довольно часто оказывался выше классового, социального, не только в отношениях между этими двумя обществами, но и внутри их: социальные различия внутри этих обществ отступали на задний план перед главным и основным — разницей между двумя обществами.

В отличие от других французских колоний в Восточном Индокитае европейское население было всегда малочисленным, как правило довольно текучим. Сравнительно небольшое число европейцев — в основном владельцы каучуковых и рисовых плантаций — были постоянными жителями колонии. Основная масса «привилегированного» европейского общества — чиновники: в Индокитае на 19 млн. жителей приходилось 4300 французских чиновников, которые набирались в основном в метрополии. Это были высокооплачиваемые кадры, стоявшие для местного населения в этом смысле недостижимо высоко: вьетнамские чиновники низших административных ступеней получали 3700—4000 фр. в год, тогда как дипломированный французский чиновник — 18—20 тыс. фр. [2, с. 132]. Характерно, что во французских колониях процент чиновников по отношению к местному населению был значительно выше, чем, например, в английских. Так, на 325 млн. населения Индии приходилось почти столько же чиновников, как и в Индокитае, — 4800 [11, с. 24]. Население, которое в статистике определяется как европейское, т. е. французские граждане, увеличилось с 23 тыс. в 1913 г. до 42 300 в 1937 г. Более половины этого населения было сосредото-

точено в городах Сайгоне, Ханое, Хайфоне, Пномпене, Хюэ и Дананге [15, с. 28, 36]. Это население, т. е. лица, имеющие французское гражданство, в 1937 г. распределялось следующим образом [16, с. 40]:

Европейцы:	
французы	24 000
другие	3 500
Французы из «старых колоний» (Антильские острова, Реюньон)	3 300
Евроазиаты	6 000
Индийцы и индовьетнамцы	2 000
Индокитайцы	3 100
Китайцы	94
Японцы, филиппинцы	306
<hr/>	
Всего	42 300

Среди европейского населения можно выделить военных, чиновников, частных предпринимателей. Военные составляли около трети европейского населения в мирное время (10—15 тыс.), но не пользовались особым влиянием на положение дел в колонии, составляя, однако, военную опору режима. Две другие группы были близки по численности — 5800 так называемых колоннов (в основном частных предпринимателей) и 4700 чиновников [16, с. 42]. Они и пользовались наибольшим влиянием в европейском обществе.

Европейское общество колонизаторов — типично буржуазное провинциальное общество, отличающееся крайней узостью интересов. Это общество распадалось на верхушку, державшую в руках реальную власть, — крупных предпринимателей и чиновников и «маленьких белых» — мелких чиновников и буржуа. Однако все принадлежащие к этому обществу составляли единое целое — общество «белых», довольно сплоченный и единообразный организм; внутри его не было острых социальных конфликтов, ибо все его члены принадлежали к мелкой буржуазии как в имущественном отношении, так и в идеологическом. Прослойка интеллигенции в этой среде была малочисленной и не пользовалась влиянием. К тому же наличие огромного и враждебного национального населения укрепляло чувство солидарности и превосходства у «белых», которое основывалось также на целой системе «рычагов», обеспечивавших обществу колонизаторов главенство в колонии.

Прежде всего это были армия и полиция. Кроме того, несколько сот чиновников во главе соответствующих управлений гражданской службы держали в своих руках все административное и техническое руководство. Несколько сот частных предпринимателей, будучи у руководства банками, и прежде всего Индокитайского, различного рода торговыми предприятиями и т. д., к тому же тесно сотрудничая с китайской, индийской и

вьетнамской буржуазией, занимали ключевые посты в экономике страны.

Образование и идеологическая обработка местного населения тоже находились целиком в руках колонизаторов, которые через систему образования пытались привить местному населению европейскую систему ценностей, отбрасывая его культуру как низшую, не заслуживающую внимания.

Находясь среди враждебного населения, в котором все сильнее развивались процессы социальной дифференциации, подвергаясь растущему напору местной элиты, которая стремилась максимально приблизиться к европейскому обществу, приобщиться к его ценностям и т. д., общество колонизаторов, чтобы удержать свои позиции, т. е. свои привилегии, вынуждено было все более замыкаться, занимать все более жесткую позицию по отношению к обществу колонизируемых. Таким образом, главной целью этой части колониального общества было стремление сохранить «расстояние» между нею и местными жителями и отношения неравенства между ними. Эти отношения существовали и поддерживались де-факто, несмотря на то что во Франции (метрополии) официально провозглашалась политика ассимиляции, а барьер между двумя обществами был в общем не такой высокий, как, например, в английских и голландских колониях. Во французских колониях представители местного населения могли получить французское гражданство, хотя и оставались при этом французами «второго сорта». В принципе же политика ассимиляции в колониях встречала глухое сопротивление общества колонизаторов, поскольку ему виделась в ней угроза своему существованию.

В системе «колонизатор — колонизируемый» все виды контактов сведены к минимуму. Существует установленная система расовой сегрегации — жилые кварталы, бары, рестораны, гостиницы только для европейцев. Во французских колониях это не было закреплено официально, но существовала негласная градация отелей и ресторанов «для цветных» и «для белых». Многие французы в Индокитае общались только со слугами, переводчиками и барменами. «С женами и детьми, воспитанными, как во Франции, питающимися, как во Франции, живущими в больших каменных домах, в своих кварталах... наши представляют собой как бы отдельный мирок на доброй вьетнамской земле» [13, с. 128], — пишет известный французский историк стран Индокитая Поль Мюс.

Искусственно поддерживаемая обособленность двух обществ дополнялась разделявшей их пропастью в системе идеологических и культурных ценностей. Для конфуцианцев «идея демократии (буржуазной. — Ю. Д.) была абсолютно чуждой». Они могли бороться только за то, чтобы заменить царя «бесчеловечного», «незаконного» царем «законным» [15, с. 18]. Во Вьетнаме тогда возникла целая литература, осуждающая европейскую

систему ценностей и идеализирующая патриархальную жизнь предков. Показательна в этом отношении пьеса Нам Сьонга «Господин европеец из Аннама» (1930 г.), где высмеивается вьетнамец, лицензиат Лэн, забывший родной язык и обычаи своей страны [3, с. 398].

Для увековечения сложившегося разделенного общества колонизаторы использовали сложные национальные отношения, бывшие следствием длительного совместного существования государств и народов Восточного Индокитая, включенных в Индокитайский Союз. Благодаря динамизму вьетнамцев, их умению быстро адаптироваться в новой обстановке колонизаторы, применяя принцип «разделяй и властвуй», использовали их в качестве чиновников низших рангов для управления другими частями Союза, для службы в армии и т. д. За время колониального господства число вьетнамцев в других частях Индокитайского Союза, особенно в Камбодже, значительно возросло. Поскольку главные рычаги управления Союзом были сосредоточены во Вьетнаме — Сайгоне или Ханое, там же были созданы и лучшие возможности для подготовки кадров из местного, вьетнамского населения. Вьетнамцы в Камбодже во все большем числе привлекались для замещения должностей в колониальной администрации, постов в торговых предприятиях и т. д. [9, с. 583].

Принципы национальной политики французских колонизаторов в Восточном Индокитае нашли свое выражение в известных положениях «расовой политики», высказанных одним из «строителей» французской колониальной империи, генералом Галлиени. Он подчеркивал необходимость изучения страны, исходя из того, что «всякое сообщество — люди, раса, народ, племя или семья — представляет собой совокупность общих противоречивых интересов. Есть обычаи и нравы, достойные уважения, есть чувства вражды и соперничества, которые нужно суметь понять и использовать в наших интересах, противопоставляя одних другим, опираясь на одних, чтобы одержать верх над другими». Автор призывает изучать в особенности всякого рода национальные движения, направленные против колониального гнета, определять их корни, движущие причины и т. д., чтобы укрепить в завоеванных странах режим колониального угнетения [10, с. 185].

Попытаемся наметить основные линии отношения общества колонизируемых к обществу колонизаторов. Это даст нам возможность разделить общество колонизируемых на следующие группы:

А. Группу лиц, принимающих установленный в стране режим колониального угнетения. Здесь можно выделить две основные подгруппы:

1. Лица, стремящиеся овладеть европейской культурой, системой ценностей, предложенных европейской цивилизацией. В эту подгруппу входят представители местной администрации

и буржуазии земельной и торговой (национальной, китайской и индийской), местные чиновники колониальной администрации, средний и низший технический персонал, переводчики, служащие торговых и иных предприятий, гостиниц — словом, лица, так или иначе связанные с обслуживанием колонизаторов. «Уже к концу XIX в. сложилась общность интересов у земельной буржуазии Южного Вьетнама (которая быстро офранцузивалась), у французских и китайских торговцев и колониальной администрации (французской и местной)», — пишет французский историк Ф. Девилер [9, с. 746].

2. Лица, стремящиеся к «соединению», слиянию идеологических ценностей европейской и традиционной культур. К этой подгруппе следует отнести представителей вьетнамской интеллигенции типа группировки «Собственными силами» («Ты лык ван доан»), созданной в 1932 г. [3, с. 399], типа объединения, возникшего вокруг камбоджийской газеты «Нагараватта» в 1935 г., и др. Сюда относятся также слои в основном вьетнамского населения, принявшие христианство в той или иной форме.

Стремление этих двух подгрупп воспринять европейскую культуру объяснялось не только общностью экономических интересов национальной буржуазии и общества колонизаторов, их экономическими связями, но также «разоружением» местного общества перед лицом европейской буржуазной идеологии. Вьетнам вступил в XX век с конфуцианством, которое было совершенно неприемлемо как идеологическое оружие. Идеи демократии, с которыми вьетнамская буржуазная интеллигенция знакомилась по сочинениям Ж. Ж. Руссо и других авторов в китайских переводах, все более проникали в ее сознание. Сверх того, обнаружилось, что носители традиционной морали «не могли ни понять, ни воспринять достижения современной науки» [14, с. 20], как отмечает вьетнамский исследователь Нгуен Кхас Вьен. Отсюда стремление местной буржуазной интеллигенции приобрести через французскую культуру к достижениям современной цивилизации.

Представители этих подгрупп служили своеобразной «прокладкой» между колонизаторами и колонизируемыми. Их стремление слиться с обществом колонизаторов сдерживалось, разумеется, стремлением последних к обособлению и сохранению своих привилегий. Именно представители этих подгрупп вызвали в местном обществе наибольшую неприязнь, воспринимались часто как лакеи колонизаторов, продавшиеся угнетателям, как лица, чуждые традиционному обществу. В уже упоминавшейся выше сатирической пьесе вьетнамского автора Нам Сьонга осмеивается лицензиат Лэн, который высокомерно смотрит на своих соотечественников и даже с собственными родителями объясняется через переводчика.

Б. К этой группе относится основная масса населения колонизируемого общества — рабочий класс и крестьянство, предста-

вители городской и сельской мелкой буржуазии, интеллигенция. Их объединяют отрицательное отношение к колониальному порабощению и борьба с ним.

Эта группа, так сказать, идеологически распадается на три подгруппы:

1. Коммунисты, представляющие интересы рабочего класса и крестьянства.

2. Революционные демократы, стоящие на позициях западной буржуазной демократии; им свойственны попытки создать новую культуру с учетом европейских ценностей, поиски путей развития, отличных от капитализма, и т. п.

3. Представители мелкой буржуазии, борющиеся против колониального господства, но стоящие на реакционных идеологических позициях возврата к традиционным ценностям, патриархальной старине (конфуцианство, обновленный буддизм, религиозный синкретизм) либо выступающие за капиталистическое развитие стран Восточного Индокитая по типу Японии.

Категории колонизируемого общества, относящиеся к группе «Б», не восприняли ценностей, связанных с европейской культурой, в частности европейских политических институтов (многopартийность, парламент и т. д.). Руководство этой группы вступило с группой «А» в борьбу за влияние на основную массу населения, которую в Восточном Индокитае составляло главным образом крестьянство, и одержало в ней победу.

Причина провала политики французских колонизаторов, стремившихся закрепиться в колониях, заключалась прежде всего в том, что им так и не удалось создать достаточно широкой социальной базы среди населения колоний. Более того, несовместимость идеологических, социально-политических установок и институтов двух колониальных обществ привела не только к отсутствию диалога между местной элитой и обществом колонизаторов, но и к тому, что часть элиты выступила на основе усвоенных ими идей буржуазного общества против общества колонизаторов. Новый толчок в антиколониальной борьбе был дан после 1917 г., когда идеологическая инициатива и руководство национально-освободительным движением окончательно перешли от буржуазии к пролетариату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшт И. Д., Мхитарян С. А. Вьетнам.—Зарождение идеологии национально-освободительного движения. М., 1973.
2. Дементьев Ю. П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза (1858—1907). М., 1975.
3. История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М., 1970.
4. Кочакова Н. Б. Проблема колониализма и антиколониальной борьбы в историографии англоязычных стран Тропической Африки.—Проблемы колониализма и становления антиколониальных сил. М., 1979.
5. Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке.—Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.

6. Леруа Болье. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.
7. Мнацаканян М. О. Колониализм и его исторические корни. М., 1976.
8. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1976.
9. Asie du Sud-Est. T. 2. P., 1971.
10. Brunschwig H. La colonisation française. P., 1949.
11. Gargos S. Forcerie humaine. P., 1926.
12. Maunier R. Sociologie coloniale. T. 1. P., 1932.
13. Mus P. Viet-Nam. Sociologie d'une guerre. P., 1952.
14. Nguyen Khas Vien. Confucianisme et marxisme en Viet-Nam.—«La Pensée». P., 1962, № 105.
15. Robequain Ch. L'évolution économique de l'Indochine française. P., 1939.
16. Simon P. I. Une village franco-indochinois en Bourbonnais. Lille, 1974. 1956.
17. Trần-huy-Liêu. Lịch sử tám mươi năm chống Pháp. Quyển 1. Hà-nói, 1956.

В. А. Тюрин

К ИСТОРИИ ГОЛЛАНДСКОГО УТВЕРЖДЕНИЯ
В ИНДОНЕЗИИ

В опубликованной в 1941 г. статье [1; 2, с. 13—43] А. А. Губер выделил четыре периода голландского проникновения в Индонезию в эпоху нидерландской Ост-Индской компании (ОИК) и охарактеризовал два первых (1596—1602 и 1602—1625). С тех пор в советской историографии, если не считать глав в учебниках¹ и статей в энциклопедиях, не появлялось сводной работы, которая бы продолжила начатую А. А. Губером тему. Предлагаемая читателю статья рассматривает второй (1625—1677) и третий (1677—1799) периоды голландского проникновения на архипелаг, выделенные А. А. Губером. Представляется, что в отличие от первых двух этапов собственно проникновения эти два периода можно характеризовать как эпоху утверждения голландского господства в Индонезии.

Утверждение торговой монополии Компании в Индонезии (20—60-е годы XVII в.). Если в конце XVI — первой четверти XVII в. голландцы закрепились в некоторых районах архипелага и основные государства Индонезии успешно противостояли натиску колонизаторов, то с конца 20-х годов XVII в. положение существенно меняется. Создавая важные опорные пункты на Яве и Молукках, вытеснившая своих европейских конкурентов, Ост-Индская компания постепенно становится решающей силой на архипелаге в военном, политическом и торговом отношении.

В 1627 и 1629 гг. Я. П. Кун², ставший генерал-губернатором во второй раз, отбил атаки Бантама и Матарамы против Батавии. Обеспечив безопасность центра своих восточных владений, Компания развернула широкое наступление с целью создать себе торговое превосходство в водах архипелага.

При генерал-губернаторе Антони ван Димене (1636—1645), видном колониальном деятеле, много способствовавшем плава-

¹ Первые общие очерки истории колониального захвата Индонезии в университетских учебниках [3; 4] также принадлежат А. А. Губеру.

² Ян Питерсзон Кун (1587—1629) — один из крупнейших колониальных деятелей Нидерландов. Дважды был генерал-губернатором Нидерландской Индии (1618—1623 и 1627—1629). В 1619 г. основал крепость Батавию, ставшую центром голландских владений на архипелаге. В 1621 г. жестоко подавил восстание на о-вах Банда, закрепив господство ОИК над Молукками.

ниям голландцев по Тихому океану, ОИК добилась серьезных успехов. В 1635 г. вспыхнула «первая молуккская война», вызванная хищнической политикой голландцев, которые не разрешали жителям Амбона и Серама торговать пряностями помимо ОИК. Борьбу с колонизаторами возглавили капитан (вождь) Хиту на Амбоне по имени Какиали и кимелахи (наместники) султанов Тернате на Амбоне и Западном Сераме (Луху) [11, с. 187]. Война закончилась в 1638 г. победой ОИК, которая, заручившись поддержкой Хамзы, султана Тернате, предприняла две экспедиции против Амбона. Но сопротивление продолжалось. Хотя голландцам удалось отделаться от Какиали, убитого в 1643 г., другой вождь Хиту, Телукабесси, продолжил борьбу с ОИК, пока в 1646 г. не был схвачен голландцами и обезглавлен.

В 1650—1656 гг. вспыхнула «вторая молуккская война», когда антиголландское движение охватило почти всю территорию Молуккских островов. Губернатор Молукк Арнольд де Фламинг ван Аудсхорн подавил восстание, оставив по себе страшную память на архипелаге [11, с. 189—190]. Были уничтожены целые народы, погибли десятки тысяч людей, сожжено множество деревень, вырублены все гвоздичные и мускатные деревья везде, кроме Амбонских островов. Особенно пострадали Центральные Молукки, где было уничтожено или переселено население Хоамоала, Боано, Келанга и Амбелау и сожжены береговые поселения на Буру, Сула, Макиане и Северной Хальмахере [8, с. 159].

Конец существованию государства Хиту на Амбоне был положен после ликвидации союзов деревень, когда во главе каждой деревни был поставлен вождь с титулом орангкайя, подчинившийся непосредственно голландской администрации.

В 1641 г. ОИК в союзе с южномалайским султаном Джохор захватила португальский оплот в Юго-Восточной Азии — Малакку. Морское и торговое преимущество голландцев в Индонезии стало неоспоримым. При генерал-губернаторе Йохане Метсьюкере (1653—1678) ОИК успешно завершила «вторую молуккскую войну», имевшую решающее значение для обеспечения ее владычества на островах Пряностей, сокрушила мощь главного торгового соперника в Восточной Индонезии — султана Гова и подорвала влияние другого грозного соперника — Аче на Суматре. Именно при Метсьюкере, педантичном юристе, двадцать пять лет управлявшем огромной колониальной империей на Востоке, ни разу не покидая крепости Батавии, человек, скрупулезно следовавший указаниям директоров ОИК, чиновнике, не склонном к самостоятельным действиям, лишенном воображения и чуждом далеко идущим планам, голландская политика в Индонезии в наибольшей степени отвечала идеалу правления ОИК: ограничение владений несколькими важными портами, поддержание с помощью флота жесткой торговой мо-

нополии и минимальное вмешательство во внутренние дела местных государств и владений. Но практическое развитие колониализма оказалось сильнее, чем его теоретическая модель: именно при Метсьюкере ОИК вступила в период территориальных захватов, начав вмешательство в яванские дела.

Главные усилия голландцев в 50—60-х годах XVII в. оказались сосредоточенными помимо Молукк на Суматре и Сулавеси. На Суматре ОИК была заинтересована главным образом в контроле над торговлей перцем — основным продуктом, вывозимым с острова. В 1642 г. она заключила торговое соглашение с султаном Палембанга — самого сильного государства южной части Суматры. Но в 1658 г. голландская фактория в Палембанге была уничтожена местным населением. После карательной экспедиции в следующем, 1659 г. голландцы не только восстановили свои позиции, но и добились права построить форт во владениях султана и получили полную монополию на торговлю перцем [11, с. 304].

На севере Суматры решительным противником голландцев на протяжении всего XVII века оставался султанат Аче, под контролем которого находились также порты Западной Суматры. Воспользовавшись ослаблением Аче после смерти султана Искандара Тани (1636—1641), ОИК подняла восстание среди вассалов — султанатов Западной Суматры. По Пайнанскому договору от 6 июля 1663 г. раджи Индрапуры, Тику и Паданга отдавали себя под покровительство ОИК, которая в обмен на предоставление ей полной торговой монополии обещала защищать их княжества от притязаний со стороны Аче [17; 18]. Но борьба с Аче за Западную Суматру продолжалась еще пять лет. Лишь в 1668 г. голландцы после многочисленных экспедиций, умело используя противоречия между местными владетелями, укрепились в Паданге и других портах западного побережья Суматры. Пайнанский договор и поражение Палембанга сделали голландцев хозяевами почти всего суматранского побережья.

Самым серьезным противником колонизаторов в Индонезии в 50—60-х годах XVII в. оказался султанат Гова на юге Сулавеси. После упрочения своего господства на Молукках голландцы перешли к наступлению на Гова, султаны которого открыли широкий доступ в свои владения торговцам разных национальностей и участвовали в «контрабандной» торговле с Молуккскими островами.

Первое серьезное столкновение между ОИК и Гова произошло в 1653—1655 гг. В 1660 г. голландский флот подверг бомбардировке столицу султаната Макассар, и султан Хасануддин согласился подписать договор, по которому обязывался прекратить торговлю с Молукками и изгнать португальцев из своих владений [11, с. 198—199]. Но Хасануддин продолжал проводить независимую политику и не желал считаться с навязанным ему соглашением.

В 1666 г. «миролюбивый» Метсьюкер направил на Сулавеси экспедицию. Во главе экспедиции стоял Корнелис Янсзон Спееман — один из создателей голландской колониальной империи. Карьера Спеемана — от простого торговца до адмирала, командующего армией Нидерландской Индии и генерал-губернатора — отразила процесс превращения ОИК из торговой организации в суверена территориального государства. Умный и образованный человек, знающий несколько восточных языков, храбрый и не жалеющий других, абсолютно беспринципный, обогащающийся за счет покоренных им народов и государств и позволяющий своим подчиненным грабить, как им вздумается [22], Спееман как нельзя более подходил для роли вдохновителя новой политики ОИК, начавшейся во время похода на Макассар и особенно отчетливо проявившейся на Яве, — перехода к прямому вмешательству во внутренние дела государств архипелага и широкой территориальной экспансии.

Спееман двинул против Макассара 21 корабль и 600 европейских солдат. Эти силы были существенно пополнены за счет христиан-амбонцев во главе с капитаном Йонкером и бугов из княжества Бони, владетель которого Ару Палака был изгнан Хасануддином. Вначале голландский флот разгромил макассарцев, осаждавших о-в Бутон, султан которого признавал вассальную зависимость от Тернате. Затем Спееман отплыл на Молукку, где заставил султана Тидоре, владения которого были покинуты испанцами в 1663 г., признать верховенство ОИК [23, с. 169—170]. В августе 1667 г. Спееман обрушился на Макассар.

Одновременно Ару Палака высадился в Бони, где началось восстание против власти Гова. После четырех месяцев ожесточенной борьбы Хасануддин подписал Бонгаайский договор (18 ноября 1667 г.), по которому предоставлял голландцам монополию на торговлю, обязывался изгнать других европейцев из своих владений, выплачивал деньгами и рабами значительную контрибуцию [16, с. 276]. Бони, где была восстановлена власть Ару Палаки, и Бутон становились вассалами ОИК. Северное и восточное побережья Сулавеси Хасануддин «уступил» Тернате, к тому времени находившемуся под почти полным контролем голландских колонизаторов. Спустя некоторое время Хасануддин попытался организовать восстание, но неудачно. В июле 1669 г. он был отстранен от власти, в Макассаре сооружен форт Роттердам, где появился голландский губернатор [11, с. 200]. С падением Макассара торговая монополия ОИК на востоке архипелага никем более не оспаривалась. Испанцы и англичане были вынуждены ликвидировать свои фактории; португальцы сохранили лишь Восточный Тимор, владение которым ОИК признала за ними по договору 1655 г. [16, с. 278]. В результате «третьей молуккской войны» (1679—1683) голландцы покончили с остатками независимости Тернате, султан которого по догово-

ру 1683 г. признал себя подданным ОИК и отказался в пользу последней от прав на Амбон. Компания установила границы владений и других вассалов — Тидоре и Бачана, а также подчинила себе княжество Минахассы на Северном Сулавеси.

¹ *Восстание Трунаджаи и начало голландского завоевания Явы.* В последней четверти XVII в. ОИК встала на путь прямых территориальных захватов в Индонезии. Эти действия не планировались заранее в Амстердаме, где находился директорат ОИК, или в Батавии, но сама логика колониальной экспансии подталкивала голландцев к вмешательству во внутренние дела индонезийских государств, что неизбежно вело в тех условиях к территориальным захватам. К последней четверти XVII в. ОИК сокрушила три значительных государства Индонезии — Тернате, Аче и Гова, но ограничилась установлением торговой монополии, не участвуя (за исключением Молукк) непосредственно в эксплуатации крестьянства.

Ситуация изменилась, когда Ост-Индская компания начала агрессию против государств Явы — самого плодородного, населенного и богатого района архипелага.

Крупнейшее яванское государство — Матарам испытывало после смерти султана Агунга (1646 г.) серьезные трудности. Тяжелые и обременительные завоевательные походы Агунга разорили не только население территорий, где велись военные действия, но и крестьянство Центральной и Восточной Явы, страдавшее от частых поборов и насильственных мобилизаций. При сыне и преемнике Агунга — сусухунане (правителе) Амангкурате I (1646—1677) налоги и реквизиции возросли, так как, нуждаясь в средствах на содержание пышного двора, на строительство новой столицы в Плереде и утратив доходы от прибрежной торговли (вследствие голландской монополии и отпадения вассалов Южной Суматры и Калимантана), правитель и его окружение усилили нажим на крестьянство основных областей государства. Хищническая политика центрального правительства привела к массовому недовольству не только крестьянства, но и торговых слоев городов северного побережья Явы, страдавших от произвола и вымогательств шахбандаров (портовых наместников), назначенных Амангкуратом I в главные города побережья. Проявляло недовольство и мусульманское духовенство, в котором Агунг и Амангкурат видели соперника в борьбе за власть. После попытки переворота, организованной его младшим братом — пангераном Алитом в 1647 г., Амангкурат пригласил видных богословов и священнослужителей вместе с семьями в свой дворец и там перебил их, обвинив в поддержке Алита [13, 1961, с. 32]. Жестокий самодур, никому не доверявший, казнивший ближайших родственников и приближенных по первому подозрению или вообще без всякой видимой причины, Амангкурат сумел восстановить против себя и значительную часть феодалов, опасавшихся за свою жизнь и судьбу близких

в обстановке террора, царившего при дворе³. Положение в Матараме осложнилось также в связи с появлением на побережье Явы в 70-х годах XVII в. бугов, массами бежавших с Сулавеси после разгрома Гова и установления голландской торговой монополии. Буги во главе со своими феодально-клановыми предводителями (даэнгами и краэнгами) рассеялись по архипелагу и Малаккскому полуострову, занимаясь пиратством и активно участвуя в феодальных усобицах. Появление бугов, пострадавших от ОИК, в Матараме способствовало усилению антиголландских сил при дворе сусухунана, который, по мнению духовенства и части феодалов, благосклонно относился к пришельцам — неверным, подрывавшим торговлю и мощь государства.

Все эти разнородные силы объединились вокруг мадурского радена (князя) Трунаджаи, выступившего против сусухунана с лозунгом восстановления империи Маджапахит. К Трунаджае, высадившемуся на северо-восточном побережье Явы, примкнули буги во главе с краэнгом Галесонгом, его поддержали владельцы Каджорана, тесно связанные с религиозными и торговыми кругами Матарамы, на его стороне выступило также мусульманское духовенство во главе с Сунаном Гири, пользовавшимся традиционным влиянием высшего религиозного авторитета на Яве. Но самое главное — под знамена Трунаджаи стекались разоренные и обездоленные яванские крестьяне, встретившие мадурского князя как избавителя, который восстановит «золотой век» Маджапахита и поправит справедливость. Движение Трунаджаи было сложным и неоднородным: в нем прослеживались и антифеодальные и антиголландские настроения, и мессианские мотивы, и борьба светских и религиозных элементов в яванском обществе, и соперничество дворцовых клик, и сепаратистские устремления местных феодалов, и, наконец, честолюбивое стремление лидера создать новую династию и государство.

В 1676 г. Трунаджаи разгромил матарамскую армию под Гегодогом на северном побережье Явы и захватил все приморские города, кроме Джапары, где находились фактория и войска ОИК [13, 1962, с. 115]. В 1677 г. при поддержке радена Каджорана он повел наступление на столичный район Матарамы.

В этот момент в матарамские усобицы вмешалась ОИК. Посланный во главе сильного флота на побережье Северной Явы Спеелман принял сторону сусухунана, который в обмен на помощь обещал выплатить голландцам 250 тыс. испанских реалов и дать значительное количество риса, а также согласился признать границей между владениями ОИК и Матарамы р. Читарум [16, с. 285]. В мае 1677 г. Спеелман взял штурмом Сурабаю и подчинил Мадурю власти сусухунана. Но тем временем Трунаджаи в июне 1677 г. захватил Плереде, столицу Амангкура-

³ Так, в 1659 г. он истребил весь правящий род пангеранов (наместников) Сурабан и заставил одного из своих сыновей собственноручно зарезать жену, на которой тот женился против воли отца.

та I, который в сопровождении небольшой свиты бежал вместе с наследным принцем на побережье под защиту голландских войск. В деревне Тегалванги, близ побережья, он умер, измученный тяжелой дорогой и угнетаемый непрерывным страхом перед преследователями и собственными сыновьями, начавшими делить наследство еще при жизни отца.

Голландцы признали сусухунаном старшего сына покойного, получившего имя Амангурата II. 19 октября 1677 г. он подписал новый договор с ОИК. Последняя признавала Амангурата II сусухунаном Матарамы и обещала ему помощь. Взамен он передавал Компании право на сбор налогов и пошлин во всех портах Северной Явы — от Краванга на западе до Баламбанга на востоке, признавал владениями ОИК области к югу и востоку от Батавии (территория бывшего княжества Джакарта и Прианган, или Преангер), так что теперь ОИК получала доступ к Индийскому океану, а также предоставлял голландцам различные торговые преимущества в своих владениях [14, с. 13].

Смерть Метсьюкера, последовавшая в январе 1678 г., выдвинула на первый план сторонников широкой экспансии на Яве — нового генерал-губернатора Рейклофа ван Гунса и сменившего его в качестве генерального директора торговли К. Спеелмана. В июле 1678 г. бывший губернатор Амбона Антони Хюрдт двинулся во главе сильного голландского отряда, поддерживаемого бугами Ару Палаки и мадурскими отрядами, на столицу Трунаджай — Кедири. Это был первый военный поход колонизаторов в глубь острова. Преодолев серьезное сопротивление, которое оказали захватчикам войска Трунаджай, Хюрдт в ноябре 1678 г. взял штурмом Кедири и вынудил Трунаджайю отступить в гористый район Бату к западу от Маланга.

Сменивший Хюрдта Кристиан Полеман в конце 1678 г. нанес поражение отделившимся от Трунаджай макассарским отрядам краэнга Галесонга, остатки которых вернулись на Сулавеси. В сентябре 1679 г. объединенные силы сусухунана, Ару Палаки и голландцев разгромили укрепление радена Каджорана, который был схвачен и предан мучительной казни по приказу командующего экспедицией капитана Слоота [20, с. 89].

25 декабря 1679 г. Трунаджая, с горсткой своих приверженцев скрывавшийся в горных районах Восточной Явы, сдался капитану амбонских войск Компании Йонкеру. Доставленный в новую столицу Матарамы — Картасуру, основанную после того, как голландцы возвели Амангурата II на престол, Трунаджая был публично (во время приема) ранен сусухунаном и добит придворными.

Колонизаторам потребовалось еще несколько лет, чтобы покончить с сопротивлением в Матараме. После смерти Трунаджай и гибели радена Каджорана борьбу с голландцами и их марионеткой — сусухунаном возглавили религиозные лидеры. В 1680 г. последователи радена Каджорана напали на Картасу-

ру, но были отбиты голландцами. В конце 1680 г. капитан Слоот взял штурмом укрепление в Тембаяте, где казнил всех попавших в его руки мусульманских священнослужителей. Еще раньше, в апреле 1680 г., голландцы обрушились на Сунана Гири, богослова, под влиянием которого находилась значительная часть Северной Явы. Он был схвачен и казнен вместе со всей семьей [16, с. 294]. В 1681 г. вспыхнуло восстание в Ванакусуме (ныне Ванасари) в области Гунунг Кидул, во главе которого также стояли мусульманские богословы [20, с. 90]. Одновременно произошли волнения в Баньюмасае, где выходец из Макассара раджа Намруд провозгласил священную войну против неверных. Войска Компании в декабре 1681 г. захватили его укрепления, убив Намруда и две тысячи его последователей. Последним очагом сопротивления стала область Ванакусума, сопротивлявшаяся войскам сусухунана до 1683 г.

В результате событий 1674—1683 гг. Матарам перестал существовать как сильное государство. Компания не только захватила часть его владений, но и поставила под контроль его северные порты и столицу Картасуру, где был размещен голландский гарнизон. С точки зрения внутреннего развития Матарамы главными результатами этих событий было ослабление религиозных и связанных с ними торгово-ремесленных элементов государства и подавление всплеск антифеодального движения. Это привело к укреплению власти титулованной знати, значительная часть которой после восстания Трунаджай стала ориентироваться на союз с колонизаторами, что явственно обнаружилось в последующий период матарамской истории.

Утверждение голландцев в Бантаме. Добившись контроля над Матарамом, ОИК, ощутившая свое преимущество над яванскими государствами, обратилась к бантамским делам. Ставший в 1681 г. генерал-губернатором Спеелман проявлял особую заинтересованность в установлении голландского владычества в Бантаме, где продолжали существовать фактории торговых соперников ОИК — англичан, французов, португальцев и датчан. Бантамский султан Абдулфатах, или Агунг Тиртаяса (1651—1682), был энергичным правителем, который осознавал опасность со стороны ОИК для независимого существования своего государства. Стремясь упрочить позиции султаната, он благожелательно относился к европейским и азиатским конкурентам голландцев и разрешал им беспрепятственно торговать в своих владениях. Столица государства была оживленным портом, процветание которого возбуждало зависть и неприязнь соседней Батавии.

Во время восстания Трунаджай бантамский султан предъявил претензии на Чиребон и Прианган, уступленные Матарамом голландцам, пытаясь приостановить продвижение Компании к границам своего государства. В борьбе с Бантамом голландские власти Батавии использовали старый прием, который

верно служил им на протяжении всего XVII века в отношениях с индонезийскими государствами, — поддержку одной из соперничающих сторон в борьбе за трон. Старший сын правителя — Хаджи, недовольный тем, что выбор отца пал на другого, младшего сына, которого в отсутствии Хаджи собирались провозгласить престолонаследником, вступил в тайные переговоры с Батавией, обещая в обмен на вооруженную помощь предоставить голландцам монополию торговли. В 1680 г. Хаджи произвел переворот и заставил старого султана отречься от престола. Однако Абдулфатаха поддержали жители столицы, и мусульманские богословы выступили с призывом к населению свергнуть нечестивого Хаджи, вступившего в соглашение с голландцами. Хаджи был осажден в своем укрепленном дворце и спасся лишь благодаря прибытию отряда ОИК под командованием капитана Ф. Така в апреле 1682 г. В декабре 1683 г. голландцы захватили крепость, где укрывался старый султан, который кончил свои дни (он умер в 1692 г.) пленником в Батавии [16, с. 296—297].

Султан Хаджи (Абдулкахар), обязанный троном Компании, подписал 17 апреля 1684 г. с последней договор, согласно которому Бантам переходил под покровительство ОИК, султан отказывался от претензий на Чиребон, предоставлял голландцам монополию на торговлю перцем, тканями и опиумом и обязывался изгнать всех иноземцев из своих владений. В устье р. Чипанган был сооружен голландский форт (Спеелвейк).

Таким образом, к середине 80-х годов XVII в. ОИК сумела подчинить своему влиянию оба яванских государства и существенно расширить свои территориальные владения на острове.

Движение Сурапати и «первая яванская война за престолонаследие». Проникновение колонизаторов на Яву, захват ими территорий, на которых устанавливалась новая, чужеземная система управления, усиление эксплуатации вследствие введения торговой монополии и принудительных поставок — все это вызывало серьезное недовольство населения, вылившееся в движение, носившее антиголландскую направленность. Если восстание Трунаджаи носило по преимуществу характер династической и междоусобной войны, в которой антиколониальные тенденции находились на заднем плане, то после установления голландского контроля над Матарамом и Бантамом характер движений на Яве изменился: по мере распространения голландского господства над островом на первый план даже в движениях, внешне не выходящих из сферы борьбы за власть, выдвигался антиколониальный элемент, ибо за одной из враждующих сторон всегда стояли голландские власти Батавии.

Инициатива в организации антиколониальной борьбы после подавления восстания Трунаджаи и свержения султана Абдулфатаха в Бантаме перешла в руки мусульманских проповедников. В Матараме, как уже упоминалось, на протяжении 1680—

1683 гг. голландцам и поддерживаемому ими сусухунану Амангурату II оказывали упорное сопротивление жители округов, где было сильно влияние религиозной элиты яванского общества.

В Бантаме, окрестностях Батавии и Чиребоне после 1682 г. непрерывно происходили волнения среди населения; мусульманские священнослужители и богословы выступали с призывами к священной войне против неверных. В Яванском море появился флот под командованием ибн-Искандара, именовавшего себя государем Минангкабау, который начал морскую войну с ОИК [16, с. 303]. Лишь в 1686 г. голландская эскадра сумела уничтожить флот ибн-Искандара.

Наиболее мощным антиколониальным выступлением на Яве в конце XVII — начале XVIII в. было движение Сурапати. Личность самого вождя этого движения по сей день окружена в Индонезии легендами, он стал героем многих литературных произведений, хрестоматийными стали его биография, характер и облик. Но одно несомненно: Сурапати открывает галерею наиболее ярких героев антиколониальной борьбы, воспринимаемых в Индонезии в качестве героев не локальных, а общенациональных. В этом, как представляется, и заключается его отличие от Трунаджаи, который скорее относился к персонажам яванского средневековья, стремившимся свергнуть старую и основать новую династию, несмотря на то что в возглавляемом им движении после 1676 г. стали явственно ощущаться антиколониальные мотивы. Движение же Сурапати с самого начала носило ярко выраженную антиколониальную окраску и выходило за рамки обычных яванских канонов.

Сурапати был балийцем, родившимся на восточной оконечности Явы около 1660 г. В молодости он попал в Батавию в рабство, бежал от своего хозяина и организовал отряд удальцов в горах Западной Явы. Во время бантамской войны Сурапати со своим отрядом поступил на службу ОИК и помог ее войскам захватить вождей партии, выступавшей против султана Хаджи [16, с. 298]. Вслед за тем Сурапати поссорился с голландским офицером, разгромил его отряд и бежал в Чиребон, где организовал антиголландское сопротивление, а затем перешел в матарамские владения [20, с. 96].

Антиголландская партия в Картасуре, возглавляемая патином (первым министром) Неранкусумой, приняла Сурапати, которого окружал ореол борца с захватчиками — голландцами, рассчитывая укрепить свои позиции. Действительно, с прибытием Сурапати и его отряда, в который вливались все новые и новые силы, антиголландские настроения в столице Матарамы, подогреваемые присутствием голландского гарнизона и вызывающим поведением служащих Компании в факториях на северном побережье, усилились. Обеспокоенные власти Батавии направили в ноябре 1685 г. в Картасуру в качестве посла капитана

Ф. Така — победителя Трунаджаи. Он должен был потребовать от картасурского двора выдачи Сурапати и тем самым ослабить позиции антииностранный партии. По прибытии Така Сурапати распространил слухи о своем бегстве на восток. Голландцы бросились в погоню, оставив в Картасуре незначительные силы. Сурапати с небольшим отрядом неожиданно вернулся в столицу и напал на голландцев. В рукопашной схватке перед дворцом сусухунана большинство голландских солдат и офицеров, включая Така, погибли. После этого Сурапати ушел из Картасуры на родину, на восток Явы, где обосновался в Пасуруане и принял имя-титул Пангеран Арья Виранагара [11, с. 237]. Он подчинил своей власти почти все восточные районы острова и создал там независимое государство. К нему стекались недовольные голландским владычеством, обездоленные крестьяне и рабы, за счет которых он пополнял свою армию, ставшую грозной силой.

В 1691 г. умер Таванг Алун, правитель последнего индуистского государства на Яве — Баламбанган — на крайней восточной оконечности острова. Поддержанный ОИК, один из его сыновей попытался вторгнуться во владения Сурапати, расположенные между Матарамом и Баламбанганом. Тогда, в 1697 г., Сурапати при поддержке балийского княжества Бадунг разгромил Баламбанган, которым стал управлять бадунгский наместник, женившийся на дочери Сурапати [20, с. 102].

Положение в Матараме осложнилось после смерти в 1703 г. Амангурата II. Началась борьба за трон между сыном и братом покойного. Сусухунаном стал наследный принц Амангурат III, или Сунан Мас. Его дядя Пангеран Пугер бежал в марте 1704 г. в Семаранг, во владения Компании. Там в июле 1704 г. он был провозглашен голландцами сусухунаном под именем Пакубувоно I. В сентябре 1705 г. член Индийского совета Херман де Вилде с двухтысячным отрядом вступил в Картасуру, везя в своем обозе Пакубувоно I. Последний немедленно подписал новый договор с Компанией, по которому уступал ОИК Восточную Мадuru (Суменеп и Памекасан) и отказывался от претензий на Чиребон. Он также согласился изгнать всех иностранных (кроме голландских) торговцев из Матарама и разместить в Картасуре голландский гарнизон [16, с. 312].

Сунан Мас бежал во владения Сурапати. Сильный голландский отряд, поддержанный мадурскими и яванскими войсками, был брошен осенью 1706 г. против Сурапати. Преодолевая упорное сопротивление, голландцы в октябре 1706 г. пробившись к крепости Бангил, где он находился. Штурм крепости стоил захватчикам более 500 человек убитыми и ранеными. Но патриоты понесли тяжелую потерю: 11 ноября 1706 г. Сурапати скончался от тяжелых ран, полученных при защите Бангила.

Сопротивление продолжили сыновья Сурапати и Сунан Мас. В 1707 г. шли тяжелые бои в Кеdiri, Пасуруане и Маланге.

С большим трудом войска ОИК преодолели сопротивление отрядов Сурапати. В июле 1708 г. сдался Сунан Мас, отправленный голландцами в ссылку на Цейлон. Так закончились события, известные в литературе как «первая яванская война за престолонаследие» (1704—1708). Но борьба продолжалась. В 1713—1718 гг. Восточная Ява вновь была охвачена антиголландскими выступлениями, в которых активную роль играли сыновья и сподвижники Сурапати, а также наместники Сурабаи, Пасуруана и Мадур, выступавшие против непопулярного Пакубувоно I.

«Вторая яванская война за престолонаследие», китайское восстание и договор 1743 г. В феврале 1719 г. в семидесятилетнем возрасте скончался сусухунан Пакубувоно I. Его преемником стал старший сын, принявший имя Амангурата IV (1719—1726). Братья и дядя нового правителя подняли восстание, и сусухунан бежал из дворца под защиту голландских пушек в новый форт, выстроенный в Картасуре. Так началась «вторая яванская война за престолонаследие» — новая вспышка антиколониального движения в Матараме (1719—1723). Оно охватило весь султанат, лишь область Кеду осталась верной Амангурату IV.

После захвата в июле 1719 г. Сурабаи, наместник которой Арья Джаяпуспита перешел на сторону восставших принцев, войска ОИК перенесли действия в Баньюмас, бывший одним из оплотов движения. Повстанцы были вытеснены оттуда и отступили в Джипанг. После нового поражения они отошли еще дальше к востоку, в район Маланга, где соединились с остатками отрядов Сурапати, во главе которых стоял внук прославленного героя. Ожесточенная и изнурительная борьба на востоке Явы продолжалась еще несколько лет. Лишь в 1722 г. сдались принцы Пуспита и Блитар, а в 1723 г. — Пурбая. Принцы (за исключением Пурбаи, получившего удел в Матараме) и их последователи были сосланы на Цейлон и в Капскую землю. Внук Сурапати Раден Брахим не сдался и продолжал партизанскую борьбу в окрестностях Маланга.

При сусухунане Пакубувоно II (1727—1749), сыне Амангурата IV, ОИК безраздельно хозяйничала в Матараме. 8 ноября 1733 г. она заставила Пакубувоно II подписать новый договор, по которому сусухунан брал на себя обязательство достроить голландский форт в Картасуре, снабжать продовольствием гарнизоны Компании в Картасуре, Джапаре и Семаранге, а также поставлять голландцам ежегодно в качестве налога значительное количество риса, индиго, перца и хлопчатобумажной пряжи [16, с. 360].

С дальнейшим наступлением колонизаторов на Матарам в 40-х годах XVIII в. и яванским сопротивлением переплелись судьбы китайского населения, жившего в Батавии и других городах на севере острова. Китайские колонии в Индонезии появи-

лись в XIV—XV вв. Европейская колонизация архипелага и бурные события в Китае в XVII в. — вторжение маньчжуров, повлекшее массовую эмиграцию китайского населения, — способствовали увеличению числа китайцев на Яве, выполнявших роль торговых посредников и ростовщиков. Значительная их часть занималась ремеслами и огородничеством. После того как ОИК укрепила свои позиции на Яве, она изменила отношение к китайцам. В богатых китайцах она увидела более ловких, чем она сама, конкурентов, а в бедных, число которых в связи с постоянными антиманьчжурскими восстаниями в Китае и последующими волнами эмиграции возрастало, — источник недовольства и социальной нестабильности в своих владениях.

В июле 1740 г. генерал-губернатор Адриан Валкенир (1737—1741), человек необузданного темперамента и непродуманных решений, распорядился выслать всех батавских китайцев, не имевших определенных занятий, на Цейлон и в Капскую землю. Приказу предшествовали наводнившие Батавию слухи (естественно, среди европейского населения) о подготавливаемом китайцами заговоре с целью уничтожения всех европейцев. Распоряжение Валкенира было использовано служащими Компании: хватали богатых, давно живших на Яве китайцев и под угрозой высылки вымогали у них деньги. Часть китайцев бежала в пригород Танах Абанг и приготовилась к вооруженному сопротивлению. В ночь с 8 на 9 октября 1740 г. по прямому наущению властей европейские солдаты и моряки вместе с присоединившейся к ним городской чернью устроили китайский погром в Батавии. Все китайцы, без различия пола и возраста, были перебиты, а их дома разграблены и сожжены. Бойня в Батавии продолжалась в течение недели, и всего погибло не менее 10 тыс. китайцев [16, с. 365—366].

В ответ вспыхнуло восстание. Китайцы северного побережья организовались в отряды и стали нападать на голландские гарнизоны и служащих Компании. Был осажден Семаранг — центр голландского владычества на Северной Яве; повстанцы захватили Рембанг. В этой обстановке подняла голову антиголландская партия в Картасуре во главе с патихом Натакусумой. В июле 1741 г. сусухунан Пакубувоно II решил выступить: голландский форт в Картасуре был осажден, а после подхода китайских отрядов Си Панжанга и Син Се, имевших артиллерию, капитулировал. После этого вся Северная Ява оказалась охваченной войной против колонизаторов.

Но вскоре сусухунан, против своей воли вовлеченный в антиголландское движение, напуганный первой же неудачей — поражением под Семарангом, обратился к генерал-губернатору с письмом, в котором молил о прощении. Патих Натакусума призвал в Картасуру китайские отряды, которые сожгли город и поставили на трон внука Сунан Маса. Пакубувоно II бежал под защиту голландцев.

В этот решающий момент неоценимую услугу голландцам оказал князь Западной Мадуры Чакрадининграт IV, который не только помог им удержать важные пункты на побережье, но и двинулся со своими войсками на Картасуру и изгнал из нее китайцев. После этого последние рассеялись по Восточной Яве, часть прекратила сопротивление, а часть ушла в район Маланга, где все еще продолжали сопротивление потомки Сурапати.

Вернувшийся в столицу незадачливый Пакубувоно II подписал 11 ноября 1743 г. новый договор с ОИК, отдававший Матарам целиком и полностью во власть последней. Голландцы отторгли от Матарам все северное побережье (области Сурабая, Джапара и Рембанг), восточную часть Явы от Пасуруана до Баламбангана, а также западную часть Мадуры. Матарам превратился в вассальное, сравнительно небольшое государство, лишенное своих портовых городов. Более того, Компания получала право утверждать в должности патиха (первого министра) и заместников (регентов) во владениях сусухунана, не говоря уже о тех феодалах, которые правили в прибрежных районах, ставших теперь голландской территорией [16, с. 368].

Мадурский князь Чакрадининграт IV, оказавший ОИК значительные услуги во время «китайской войны», был обижен: его враг Пакубувоно II восстановлен на матарамском престоле, а сам он не добился того, на что рассчитывал, — создания полунезависимого (как Матарам) княжества, охватывающего Мадуру и северное побережье Восточной Явы. Недовольный князь вступил в союз с последним отпрыском семьи Сурапати, поддерживаемым балийцами, и поднял восстание. Он захватил почти все побережье и осадил Сурабаю. Но свежие голландские силы нанесли мадурцам поражение под Гири, а затем вытеснили Чакрадининграта с побережья Северной Явы. Некоторое время мятежный князь сопротивлялся в своих родовых владениях на западе Мадуры. В 1746 г. он сдался и был выслан на Капскую землю. Его старшему сыну голландцы вернули власть над частью отцовских владений на условиях ежегодного принесения клятвы верности Компании, передачи голландцам всех портовых сборов и поставки продукции своего княжества Компании по фиксированным ценам [16, с. 371]. Таким образом, западномадурские князья утратили всякую самостоятельность.

В самом Матараме последним отзвуком бурных событий первой половины 40-х годов XVIII в. были волнения в провинции Кеду, жестоко подавленные войсками ОИК.

«Третья яванская война за престолонаследие» и раздел Матарамы. Заключительным актом матарамской драмы были события 1746—1757 гг., в результате которых это самое крупное государство архипелага перестало существовать. В 1746 г. дядя сусухунана — принц Мангкубуми, недовольный ущемлением его прав и уменьшением доходов в результате действий двора в Суракарте (сюда перенес свой кратон из Картасуры, сожженной

во время событий 1740—1743 гг., сусухунан Пакубувоно II), поднял восстание и развернул партизанскую борьбу. К нему присоединился и его племянник, двоюродный брат сусухунана — принц Мангкунегара, или Мас Саид. «Третья яванская война за престолонаследие» с самого начала приняла довольно явственную антиколониальную направленность: Мангкубуми выступил против голландской оккупации побережья, «права» на которое ОИК получила по договору 1743 г. [22, с. 44].

20 декабря 1749 г. умер Пакубувоно II, а 15 декабря, еще при его жизни, губернатор Северо-Восточного побережья Явы барон И. ван Хохендорф провозгласил его старшего сына сусухунаном Пакубувоно III (1749—1788). Новый правитель (в отличие от прежних) стал сусухунаном в качестве вассала ОИК и даже на церемонии провозглашения занял место после двух высших голландских служащих, присутствовавших при этом событии [22, с. 53]. На следующий день принц Мангкубуми, обосновавшийся в Джокьякарте, провозгласил себя суверенным государем, приняв имя-титул Сусухунан Пакубувоно Сенапати Ингалага Нгабдурахман Саджидин Панатагама.

В 1750 г. борьба между голландцами, поддерживавшими Пакубувоно III, и повстанцами вспыхнула с новой силой. Мангкубуми контролировал большую часть собственно Матарам и развернул действия в области Багелен, а Мас Саид, ставший патином и командующим войсками Джокьякарты, повел наступление на Суракарту. С большим трудом ван Хохендорф сумел предотвратить падение Суракарты и вытеснить Мангкубуми из Багелена [19, с. 38]. В декабре 1751 г. повстанцы нанесли врагу тяжелое поражение на р. Боговонто: голландская кавалерия была уничтожена, артиллерия и обоз попали в руки яванцев, а командир отряда де Клерк был убит. После этого Багелен и Кеду снова оказались в руках Мангкубуми, который развернул военные действия и на побережье. Он занял большую часть областей Северо-Восточного побережья и угрожал даже Чиребону.

К счастью для голландцев, в этот момент вспыхнула вражда между Мангкубуми и его племянником Мас Саидом, парализовавшая действия восставших. Воспользовавшись разногласиями в лагере патриотов, голландские власти (в апреле 1754 г. Николаас Хартинг сменил в качестве губернатора Северо-Восточного побережья личного врага Мангкубуми — ван Хохендорфа) начали переговоры с Мангкубуми. 13 февраля 1755 г. в деревне Гьянти, близ Суракарты, Хартинг и Мангкубуми подписали договор, по которому последний получал половину Матарам и становился правителем (султаном) Хаменгкубувоно I [11, с. 267]. Матарам был разделен на два вассальных государства — Суракарту и Джокьякарту. Раздел означал окончательное утверждение ОИК в Центральной Яве, где не осталось никакой значительной силы, которая могла бы противостоять колонизаторам. Размежевание между владениями Суракарты и Джокья-

карты, совершившееся под воздействием амбиций обоих государей, принесло новые тяготы и страдания населению Явы.

Сделка Мангкубуми с голландцами подорвала силы сопротивления. В течение 1755 г. войска ОИК и обоих государей Центральной Явы разгромили несколько повстанческих отрядов, возглавляемых феодалами и мусульманскими проповедниками [21, с. 90]. Но Мас Саид, ненавидевший голландцев и своего тестя и бывшего соратника — Мангкубуми, продолжал борьбу еще два с лишним года. Укрывшись в горах южной части Матарам, он совершал оттуда непрерывные набеги, держа в постоянном напряжении голландские гарнизоны и войска сусухунана и султана. В октябре 1755 г. он разгромил крупный голландский отряд, находившийся под командованием капитана ван де Полла.

Но в начале 1757 г. Харtingу удалось склонить Мас Саида к прекращению сопротивления. В середине марта в местечке Салатига произошла встреча враждующих сторон, а 17 марта было заключено соглашение между ОИК, сусухунаном и султаном, с одной стороны, и Мас Саидом — с другой. Мас Саид, принявший имя-титул Пангеран Адипати Хаменгкунегара Сенапати Ингаюда, получил территорию с 4 тыс. дворов во владениях сусухунана, впоследствии (после 1792 г.) образовавшую наследственное княжество Мангкунегаран [21, с. 92—93]. Таким образом, Матарам подвергся дальнейшему дроблению, что, несомненно, играло на руку колонизаторам, получившим возможность использовать для поддержания своего господства соперничество между правящими домами трех вассалов Центральной Явы и разорвать северное и восточное побережья острова.

3 Восстание в Бантаме. Одновременно с «третьей яванской войной за престолонаследие» голландцам пришлось столкнуться с серьезными осложнениями на Западной Яве — в Бантаме, который с конца XVII в. находился в сфере влияния ОИК.

В 1733 г. султаном Бантама стал Зайнуларифин, который целиком и полностью подпал под влияние одной из своих жен — арабки Фатимы, установившей в Батавии, где она жила до замужества, тесные отношения с верхушкой голландской администрации. Генерал-губернатор ван Имхофф и его окружение поддерживали Фатиму, заставившую султана лишиться права на престолонаследие своего старшего сына — пангерана Густы, а затем, в 1748 г., отстранившую Зайнуларифина от власти (голландцы выслали его в Амбон) и ставшую регентшей. Прислужничеством перед ОИК и своевольной политикой Фатима за короткое время восстановила против себя все население — от крестьян до придворных. В октябре 1750 г. вспыхнуло восстание под руководством священнослужителя Кьян Тапы и военачальника Рату Багуса. Восставшие разбили в ноябре войско Фатимы и осадили голландский гарнизон в столице. Весь Бантам был охвачен антиголландским восстанием, вожди которого

обратились за помощью к англичанам в Бенкулене [7, с. 233]. Рату Багус был провозглашен султаном.

Пришедший на смену ван Имхоффу Якоб Моссель (1750—1761), видя нарастание движения, развернувшегося в непосредственной близости от Батавии, и понимая, что основные голландские силы связаны в Матараме, резко изменил политику в Бантаме. Он вступил в соглашение с бантамскими феодалами, недовольными Фатимой, и согласился возвести на престол брата Зайнуларифина — Арья Ади Сантику.

Хотя после этого большинство феодалов отошло от движения, восстание продолжалось. Оно перекинулось на входящие во владения Бантама Лампунгские области на юге Суматры. Кьяи Тапа двинулся на Батавию и расположился лагерем в ее окрестностях. Голландские власти мобилизовали все европейское население города, способное носить оружие, и сняли моряков с судов, стоявших в батавской гавани. В этот момент прибыли долгожданные подкрепления из Голландии, о которых на протяжении многих лет молили власти Батавии. В июле 1751 г. голландцы атаковали позиции Кьяи Тапы у Чиледуга и заставили его отступить. После устранения угрозы Батавии ОИК могла перебросить войска в Бантам и Лампунг. В августе голландцы нанесли поражение Рату Багусу на отрогах горы Салак, к югу от Батавии. Тем не менее Кьяи Тапа и Рату Багус продолжали сопротивление в районе Бейтензорга (Богора), Чипанаса и Чианжура, т. е. в непосредственной близости от Батавии, до конца 1752 г., когда под натиском войск ОИК они были вынуждены уйти в Баньюмас, а затем в Матарам, где присоединились к силам антиколониального сопротивления.

17 апреля 1752 г. голландцы официально возвели на бантамский трон Сантику (в следующем, 1753 г. его сменил пангеран Густу), который подписал с ОИК новый договор: султан Бантама был обязан ежегодно приносить вассальную присягу голландским властям, а голландцы получали право возвести новые укрепления в его владениях [16, с. 384]. Это означало полную потерю Бантамом самостоятельности.

В 50-е годы XVIII в. ОИК поставила также под более жесткий контроль Чиребон — владение трех султанов из боковой ветви правящего дома Матарамы, завершив тем самым покорение Западной Явы.

Завоевание Восточной Явы. После подавления восстания в Бантаме и раздела Матарамы лишь восточная оконечность Явы оставалась неподвластной ОИК. Крайний восток острова (область Баламбанган) с 70-х годов XVII в., т. е. с ослабления Матарамы, во владения которого он формально входил, находился в вассальной зависимости от балийских княжеств — сначала Булеленга, а затем Менгви. В середине XVIII в. Баламбанганом управлял в качестве вассала Менгви пангеран Мангкунинграт, патихом которого был его младший брат Вонг Агунг

Вилис. Территория же, расположенная между Баламбанганом и Матарамом (области Маланг и Лумаджанг), со времени восстания Трунаджай была фактически независимой, являясь центром антиголландского сопротивления: там находился центр государства Сурапати, во время «второй яванской войны за престолонаследие» население поддержало враждебных голландцам претендентов на трон Матарамы, а после 1755 г. здесь укрылись феодалы во главе с пангераном Сингасари, которые не пошли на соглашение с колонизаторами.

Ост-Индская компания, которая по голландско-матарамскому договору 1743 г. получила Восточную Яву, смогла приступить к утверждению своей власти в этом районе только в 60-х годах XVIII в., после подавления сопротивления в центре острова. В марте 1767 г. голландская экспедиция двинулась вдоль восточного побережья острова и разгромила балийские укрепления. Оставив гарнизон в Пампанге, губернатор Северо-Восточного побережья Вос двинул войска в мятежные Лумаджанг и Маланг, куда с запада вторглись отряды сусухунана. После тяжелых боев у горы Семеру колонизаторы захватили Маланг. В бою был убит один из вождей сопротивления Картапагара; пангеран Сингасари и Мелаюкусума — адипати (наместник) Маланга — укрепились на отрогах горы Келут в Блитаре. Голландцы, потерпев неудачу при попытке атаковать яванское укрепление, были вынуждены отступить.

Тем временем захватчики столкнулись с серьезными трудностями на уже «замыренном» восточном побережье Явы. Воспользовавшись уходом основной массы голландских войск во внутренние районы, пангеран Вилис выбил вражеские гарнизоны и освободил Баламбанган. Батавия вынуждена была отправить новую экспедицию. В мае 1768 г. голландцы штурмом взяли Пампанг и Коту, главные укрепления балийцев, и захватили о-в Баронг у юго-восточного побережья Явы. Вслед за тем колонизаторы покончили с сопротивлением в Блитаре, перебросив туда новые силы. Мелаюкусума был убит, а пангеран Сингасари сдался и был выслан на о-ва Банда [16, с. 404].

В Баламбангане в августе 1771 г. вспыхнуло новое восстание. Поддержанный балийцами из Менгви пангеран Вилис и индуистские священнослужители подняли население под знаменем борьбы с голландцами и против обращения жителей в ислам. Батавские власти бросили в Баламбанган все европейские контингенты из самой Батавии, Пасуруана, Суракарты и Джокьякарты, семарангских драгун — отборную часть колониальной армии — и мадурские части. Голландский отряд был наголову разбит балийцами при попытке захватить укрепленный лагерь Вилиса, причем прославленные семарангские драгуны первыми бежали с поля боя. В середине 1772 г. колонизаторы были вынуждены отправить в мятежный район новую, еще более мощную экспедицию. Лишь в октябре 1772 г. они захватили главное

укрепление защитников Баламбангана и поставили верных им феодалов в качестве регентов и других чинов администрации.

Заключительным аккордом борьбы на Восточной Яве стал захват голландцами о-ва Баронг, который в течение ряда лет после падения Баламбангана служил убежищем для всех недовольных властью колонизаторов и их прислужников. В августе 1777 г. сильная голландская экспедиция была отправлена на остров [11, с. 275]. После яростного сопротивления балийцы покинули Баронг и укрепились на соседнем острове Кембанган. Голландцы блокировали Кембанган и истребили почти всех его защитников, пытавшихся добраться до близлежащего Бали [16, с. 407].

Внешние острова и ОИК в XVIII в. Политика Компании по отношению к индонезийским государствам, расположенным вне Явы, в XVIII в. характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, превращение ее в территориальную державу на Яве и Мадуре привело к тому, что центром ее деятельности (и основным источником доходов) стала не торговля, а управленческо-фискальные функции, и соответственно значимость Внешних владений (Внешних островов) с точки зрения сугубо экономического интереса Компании уменьшилась, тем более что торговля пряностями перестала играть в жизни Европы и Ближнего Востока ту роль, какую она играла в начальный период колониальной экспансии. Но в то же время слабость индонезийских государств, мощь которых была подорвана голландцами еще в XVII в., и страх перед европейскими (в первую очередь английскими) конкурентами содействовали продолжению экспансионистской политики ОИК вне Явы. Правда, она не проводилась теперь с той силой и энергией, как в XVII в., когда голландцы боролись за Молукки и сокрушали Макаassar и Аче, но и XVIII век полон событий, свидетельствующих о неустанной и постоянной экспансии Нидерландов на архипелаге. Как и прежде, эта экспансия затрагивала приморские районы, в глубь индонезийских островов колонизаторы пока не проникали.

К концу XVIII в. голландская Ост-Индская компания в той или иной мере распространяла свое влияние почти на все основные острова архипелага. Исключением являлись, пожалуй, лишь Бали и Ломбок, которые, хотя и находились в непосредственной близости от центра голландского владычества — Явы, тем не менее вследствие воинственности жителей и бедности экспортными продуктами оставались вне сферы влияния Компании.

В западной части архипелага основным соперником голландцев в этот период был султанат Риау-Джохор. В начале XVIII в. здесь разгорелась борьба за трон, в которой приняли участие минангкабауский раджа Кечиль, утвердившийся в княжестве Сиак на восточном берегу Суматры, и вожди бугских поселенцев, появившиеся на Риау и в Малайе после разгрома султанта Гова голландцами. Победа осталась за бугами: Кечиль был

изгнан в Сиак, бугские вожди стали фактическими хозяевами на Риау (с титулом ям-туанов муда, т. е. «младших правителей»), в Малайе возникли княжества, во главе которых стояли бугские династии. Риау распространил влияние на богатые оловом княжества Западной Малайи и султаны Восточной Суматры. При бугских ям-туанах муда Даинг Кембодже (1745—1777) и радже Хаджи (1777—1784) порты на Риау стали центрами оживленной торговли, которая велась в обход голландских запретов и ограничений.

Усиление Риау обеспокоило голландцев. Они вступили в разговор с султаном Сулейманом, тяготившимся властью бугских феодалов, и начали войну (1755—1757). Война, носившая крайне ожесточенный характер, закончилась компромиссом: буги сохранили власть на Риау и в Малайе, а ОИК получила монополию на закупку олова во владениях султана Риау-Джохор. В 1783 г. вспыхнула новая война. Раджа Хаджи осадил голландскую Малакку, которую спасло лишь прибытие эскадры ван Браама, посланной для укрепления пошатнувшихся голландских позиций на Внешних островах. В сражении под Малаккой в июне 1784 г. раджа Хаджи был убит, в октябре ван Браам изгнал бугских феодалов с Риау и заставил султана Махмуда (1761—1812) подписать договор, по которому тот признавал свою зависимость от ОИК и принимал голландский гарнизон и резидента.

Помимо Риау голландцы в XVIII в. продолжали экспансию в прибрежные районы Восточной и Южной Суматры. В 1745 г. по договору с Риау они получили право построить форт в Сиаке, который считался вассалом султанов Риау-Джохора. Затем ОИК вмешалась в династическую распрю в Сиаке, поддержав своего ставленника, от которого она добилась дальнейшего расширения своих привилегий в этом султанате [16, с. 419].

В 1719—1722 гг. Компания приняла активное участие в междоусобицах, разгоревшихся в Палембанге, в результате чего получила монополию на покупку олова на о-ве Банка, который входил во владения Палембанга [11, с. 305]. На протяжении 50—60-х годов XVIII в. голландцы постепенно усиливали контроль над Банка, навязывая Палембангу новые договоры, все более ограничивавшие власть последнего над этим богатым оловом островом [10, с. 113, 381].

На юге Суматры ОИК после подавления бантамского восстания 1752 г. поставила под свое прямое управление Лампунг, вассальное владение Бантама [16, с. 420].

Из прибрежных государств Суматры полную независимость продолжал сохранять султанат Аче, который в XVIII в. не мог, правда, активно участвовать в суматранских делах, так как находился в состоянии упадка и феодальной раздробленности. В 1699 г. султаном Аче стал араб Бадр ал-Алам. Арабская династия в 1729 г. уступила место династии, основанной бугским феодалом, ставшим султаном под именем Алауддин Ахмад-ша-

ха. Междоусобицы продолжались и при новой династии. Каждая из трех областей (саги) Аче поддерживала своих претендентов на престол: так, в 60—70-х годах XVIII в. в Аче было сразу три султана [6, с. 20].

На западном побережье Суматры серьезными конкурентами ОИК выступали англичане, обосновавшиеся в конце XVII в. в Бенкулене. Помимо форта в Бенкулене на Суматре существовало несколько английских торговых факторий, важнейшими из которых были Тапанули и Наталь в районе, населенном батаками [5, с. 27].

В 1760 г. небольшая французская эскадра под командой графа д'Эстена захватила английские фактории на Суматре и передала их голландцам. Но по Парижскому договору 1765 г., которым закончилась Семилетняя война, Тапанули и Наталь были возвращены английской Ост-Индской компании. Несмотря на протесты голландской Ост-Индской компании, правительство Нидерландов вынуждено было отступить перед более могущественным соперником, и Англия вновь учредила свои фактории в Западной Суматре [15, с. 499].

На Калимантане основное внимание ОИК сосредоточила на западном и южном побережьях острова.

Княжества Западного Калимантана с начала XVII в. были вассалами Матарамы и Джохора. После 1610 г., когда местные жители уничтожили голландскую факторию в Самбасе, ОИК не предпринимала активных действий на Западном Калимантане вплоть до самого конца XVII в., когда она вмешалась в междоусобную войну между Сукаданой и Ландаком на стороне последнего. Голландцев толкали на вмешательство в дела Западного Калимантана два обстоятельства: стремление заполучить только что открытые здесь месторождения алмазов и желание ликвидировать английскую факторию, появившуюся в Сукадане. В 1699 г. совместная голландско-бантамская экспедиция с помощью Ландака сокрушила Сукадану — формально вассала Бантама. Англичане были изгнаны, ОИК получила половину ежегодно добывавшихся на Западном Калимантане алмазов как свою долю. С начала XVIII в. заметную роль в этом районе стали играть бугские поселенцы, с помощью которых султан Сукаданы сумел вернуть власть над своим владением.

В середине XVIII в. богатый арабский купец Хусейн обосновался в Мампаве, бугском княжестве, возникшем на Западном Калимантане, и стал патихом. Его сын Абдулрахман основал на одном из притоков р. Ландак торговый центр Понтианак. Новый порт привлек внимание торговцев (местных и иноземных), стремившихся избежать голландских ограничений, и Понтианак за короткое время стал процветающим городом. В 1772 г. Абдулрахман провозгласил себя султаном. Обеспокоенная возникновением нового торгового центра на архипелаге, ОИК в

1779 г. навязала Понтианаку договор. Султан обязался платить Компании ежегодную дань, запретить разведение пряностей и кофе в своих владениях и позволить голландцам соорудить там форт [16, с. 422].

На Западном Калимантане с середины XVIII в. стали селиться китайские золотоискатели, компании (конгси) которых, основанные на земляческих и клановых связях, приобрели значительное влияние в Самбасе, Монтрадо и Мампаве. В 70-е годы XVIII в. под руководством энергичного Ло Фанфака, эмигрировавшего из Китая, общины золотоискателей, утвердившиеся в даякских районах Западного Калимантана, превратились в независимые объединения, которые фактически не признавали власти местных правителей.

В 1784 г. раджа Али, сын раджи Хаджи, изгнанный голландцами с Риану, появился на Западном Калимантане, где нашел приют у своих соотечественников — бугских князей Мампавы и Сукаданы. Султан Понтианака Абдулрахман, стремясь захватить Сукадану, в союзе с Компанией начал войну против Али. Союзники захватили Сукадану, которую сожгли и разрушили, но в Мампаве натолкнулись на серьезное сопротивление. Лишь в 1787 г. новой голландской экспедиции удалось разбить бугских князей Мампавы и Самбаса. Султаном Мампавы стал Касим, сын понтианакского владетеля, заключивший с ОИК договор, идентичный тому, который подписал его отец в 1779 г. Несмотря на достигнутый успех, голландцы в тот момент не закрепились на Западном Калимантане, поскольку находившаяся накануне краха ОИК не смогла успешно конкурировать с английскими и китайскими торговцами, а вытеснить их силой не имела возможности. В 1791 г. голландцы вынуждены были покинуть форт в Понтианаке [16, с. 430].

На Южном Калимантане основным государственным образованием был султанат Банджармасин, считавшийся последовательно вассалом яванских государств Маджапахита, Демака и Матарамы. На протяжении XVII — первой половины XVIII в. ОИК заключила с Банджармасином, который после падения Макассара стал довольно крупным центром торговли, несколько договоров о монополии на торговлю перцем, о военной помощи и сооружении фортов во владениях султана. Несмотря на эти договоры, голландцы не добились значительных успехов на Южном Калимантане, поскольку султаны Банджармасина не склонны были поступаться своими доходами и изгонять в угоду ОИК англичан, на протяжении всего периода сохранявших свои фактории в этом районе [11, с. 319].

В 80-х годах XVIII в. Компания получила долгожданную возможность вмешаться в дела Банджармасина. В 1785 г. здесь вспыхнула междоусобица, в которой ОИК поддержала одного из претендентов — пангерана Нату против законного наследника — Амира. Голландский отряд капитана Хоффмана в марте

1786 г. с помощью банджармасинских приверженцев Наты разбил Амира и его бугских союзников у Бассона, а в мае 1787 г. пангеран Ната, ставший султаном Банджармасина, подписал с Компанией договор, по которому признавал ее своим сюзереном, могущим определять порядок престолонаследия и вмешиваться в назначение высших должностных лиц, уступал голландцам о-в Лаут, территорию на восточном побережье и так называемые Дусунские районы, т. е. области, населенные даяками, во внутренней части своих владений, а также предоставлял ОИК монополию на закупку перца и право на сбор торговых пошлин [16, с. 430]. Но, как и на Западном Калимантане, колонизаторам не удалось воспользоваться плодами неравноправного договора. В 1792 г. Хоффман погиб во время похода в верхнем течении Барито, и в 1797 г. Компания была вынуждена эвакуировать свой пост в Банджармасине, подвергавшийся непрерывным атакам местного населения [11, с. 320].

В восточной части архипелага постоянным источником беспокойства для ОИК оставался Южный Сулавеси. Несмотря на покорение Гова и соседних бугских владений еще в XVII в., свободолюбивое и воинственное население острова не прекращало борьбу против колонизаторов. В конце 30-х годов XVIII в. восставшие буги во главе с Бонту Лангкасой и присоединившиеся к ним жители княжества Ваджу напали на Макассар, изгнали султана и осадили голландский форт.

В 1776 г. некий Сангкиланг, выдававший себя за изгнанного голландцами султана Гова, поднял восстание и захватил макассарский трон. Разбитый голландским гарнизоном, он бежал в область Тораджа, во внутренней части Сулавеси. После смерти Сангкиланга его последователи признали своим главой князя Бони, и Компания до конца своих дней так и не смогла подавить это движение [16, с. 424].

Некогда процветающие Молуккские острова в результате хищнической системы эксплуатации ОИК в XVIII в. находились в крайне тяжелом положении. Периодически продолжали вырубаться все гвоздичные и мускатные деревья за исключением Амбона и о-вов Банда, население которых было обязано сдавать пряности голландцам по крайне низким ценам и закупать продовольствие у Компании — по высоким. В результате беспощадной эксплуатации население Амбона в XVIII в. сократилось на треть [23, с. 204]. Производство пряностей непрерывно сокращалось вследствие полной незаинтересованности местных жителей. Султаны Тернате, Тидоре и Бачана, делившие власть над Молукками, превратились в послушных слуг колонизаторов.

Голландское влияние на Малых Зондских островах было незначительно. Раннеклассовые образования и родо-племенные союзы на этих островах продолжали жить своей жизнью, почти не имея сношений с колонизаторами. Здесь действовали не столько служащие ОИК, сколько авантюристы, пираты и другие

искатели наживы и приключений из Европы. Так, на Тиморе на протяжении XVIII в. существовала община «черных иностранцев», основанная французом, дезертировавшим из армии Компании. «Черные иностранцы» — пираты и разбойники — построили укрепление и терроризировали местное население, а заодно голландцев и португальцев, вынужденных отсиживаться в своих фортах [9, с. 209].

Острова Кей, Танимбар, Ару, а также западное побережье Ириана в эпоху ОИК оставались районами, фактически не затронутыми европейским влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губер А. А. К истории голландского проникновения в Индонезию. — «Ученые записки Московского городского педагогического института». Т. III. Кафедры исторического факультета. Вып. 1. М., 1941.
2. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
3. Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. М., 1940.
4. Новая история стран зарубежного Востока. Т. 1. М., 1952.
5. Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII—60-е годы XIX в.). Документы и материалы. М., 1962.
6. Тюрин В. А. Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
7. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
8. Членов М. А. Население Молуккских островов. М., 1976.
9. Chijs J. A. van der. Koepang omstreeks 1750. — «Tijdschrift van Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen». Batavia, 1868, d. 18.
10. Clérq F. S. A. Bijdrage tot de geschiedenis van het eiland Banka. — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde» uitgegeven door Koninklijk Instituut voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indie (далее — BKI). Amsterdam — 's-Gravenhage, 1895, d. 14.
11. Graf H. J. de. Geschiedenis van Indonesie. 's-Gravenhage, 1949.
12. Graf H. J. de. Gevangenneming en dood van Raden Truna-Djaja, 26 dec. 1679.—2 jan. 1680.—«Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde». Jakarta, 1952, d. 85.
13. Graf H. J. de. De regering van Sunan Mangku-Rat I Tegal-Wangi, vorst van Mataram, 1646—1677. — «Verhandelingen van het Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde». 's-Gravenhage, 1961, d. 33; 1962, d. 39.
14. Graf H. J. de. De expeditie van Antonio Hurdt, Raad van Indie, als admiraal en superintendant naar de binnenlanden van Java, sept.—dec. 1678, volgens het journaal van Johan Jurgen Briel, secretaris. — «Werken uitgegeven door de inschoten — Vereeniging». 's-Gravenhage, 1971, d. 72.
15. Kielstra E. B. Onze kennis van Sumatra's Westkust, omstreeks de heeft der 18-e eeuw. — BKI, 1887, d. 36.
16. Klerck E. S. de. History of the Netherlands East Indies, vol. 1. Rotterdam, 1938.
17. Kroeskamp H. De Westkust en Mimangkabau, 1665—1668. Utrecht, 1931.
18. Leeuw W. J. A. de. Het Painansch Contract. Amsterdam, 1926.
19. Louw P. J. F. De derde Javaansche Successie-Oorlog (1746—1755). 's-Gravenhage, 1889.
20. Pigeaud Th. G. Th., Graf H. J. de. Islamic States in Java, 1500—1700. The Hague, 1976.
21. Ricklefs M. C. Jogjakarta under Sultan Mangkubumi, 1749—1792. A History of the Division of Java. L., 1974.
22. Stapel F. W. Cornelis Janszoon Speelman. — BKI, 1936, d. 94.
23. Vlekke B. H. M. Nusantara. A History of Indonesia. Bruxelles — Jakarta, 1961.

М. Г. Козлова

**БИРМАНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1765—1769 гг.
И ЗНАЧЕНИЕ КАУНТОНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БИРМЫ С КИТАЕМ
(до конца XIX в.)**

Взаимоотношения Бирмы с Китаем уходят своими корнями в глубину веков и основываются на нескольких факторах: антропологической и языковой близости народов, населяющих эти страны, географическом соседстве (наличие общей границы), включении Бирмы в политическую межгосударственную систему китайской империи.

В последние два десятилетия перед историками со всей остротой встал вопрос об изучении как общетеоретических проблем, связанных с китайской межгосударственной системой и прежде всего раскрытием терминов «вассалитет» и «данничество», которыми китайская традиция определяла связи Китая с окружающими его странами, так и конкретных взаимоотношений императорского Китая со странами Дальнего Востока, Юго-Восточной и Центральной Азии (см. [1—4; 7; 8; 14; 15]). Как показали научные исследования, большинство китайских «вассалов» — государств указанных регионов либо не являлись ими в действительности, либо не считали себя таковыми. Ряд стран находился в номинальной зависимости от Китая, не ограничивавшей их суверенитета ни во внешней, ни во внутренней политике. Эту зависимость в историографии Китая принято тем не менее называть «вассалитетом», хотя термин не однозначен европейскому термину эпохи феодализма.

Китайская межгосударственная система представляет собственно китайский «миропорядок» (world order), сложившийся во многовековом процессе консолидации и трансформации в огромный комплекс космологических, религиозно-этических, социокультурных, политических, торговых и дипломатических факторов, которые и составляют его сущность. Краеугольный камень китайского миропорядка лежит в традиции сюзеренитета Китая над некитайскими странами и народами, исходившей прежде всего из Китаецентристской системы организации мира (Китай — «Срединная империя», «Пределы четырех сторон мира», «Поднебесная»), универсальности власти императора — «Сына Неба» на всем обозримом пространстве, не имевшем четких

территориальных границ, т. е. односторонней направленности всей системы «Китай—периферия». Заложенная в нем априорность неравенства всех других государств перед лицом огромной китайской империи, существовавшей тысячелетия, перед мощной действенной силой ее цивилизации приводила в действие механизм взаимоотношений Китая с соседними государствами только как сюзерена и вассалов, носителя «высшей цивилизации» и «варваров». Приблизиться к китайской цивилизации «варварам четырех сторон света» можно было либо путем прямого подчинения «Сыну Неба», т. е. включения в состав его империи, либо выказыванием покорности — отправкой посольства к китайскому двору с данью.

Составной частью китайской межгосударственной системы была и четко разработанная церемониальная процедура принятия послов. Выполнение ритуала «коутоу» (три коленапреклонения и девять челобитий), обращение к императору как к сюзерену от имени вассала — правителя страны, снарядившего миссию, передача дани и подарков «Сыну Неба» и ответное «благоволение» императора — вручение печати и грамоты для государя соответствующей страны — означали признание им покровительства той или иной китайской династии. Включение государства в орбиту китайских межгосударственных взаимосвязей путем принятия инвеституры его правителем от императора Китая одновременно ставило эту страну на определенное место в огромной иерархической структуре, охватывавшей значительную часть Азии, вершину которой увенчивал «Сын Неба».

Таким образом, с китайской точки зрения, любая страна, отправившая к императорскому двору в Пекине посольство, вне зависимости от ее реального статуса и отношений с Китаем, считалась его вассалом. Именно поэтому и английская миссия лорда Макартни в 1793 г. была изображена в документах цинской монархии как «данническая». В тех же источниках вопреки здравому смыслу к числу китайских вассалов отнесены были и другие европейские страны, в том числе Россия [14, с. 193—197].

Внешние, формальные, с европейской точки зрения, принципы китайской межгосударственной системы (обмен посольствами, ритуал приветствий, поднесение подарков) капиталистические государства Запада пытались преодолеть навязыванием Китаю договорной системы взаимоотношений, которой он фактически не знал (юридически статус «вассальных» государств не закреплялся). К середине XIX в. под натиском колониальной экспансии Запада межгосударственная система Китая, сгруппировавшаяся в целом на докапиталистических основах, пришла к полному краху, хотя еще долгое время императорский двор напоминал европейским «соперникам» о своих верховных правах на азиатские государства. Однако еще до раздела Китая на сферы влияния европейскими государствами сама китайская система

взаимоотношений начала давать осечки. Главным фактором в этих взаимоотношениях стало нежелание большинства народов и стран покоряться политике Китая, направленной как на расширение сферы действия его межгосударственной системы, так и на превращение формального вассалитета многих стран в реальный путем захвата их территорий и ассимиляции населения.

Борьба народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии за избавление от любых форм зависимости от императорского Китая приводила к деформации традиционного механизма китайского внешнеполитического общения. Именно такого рода явлению и посвящена данная статья — провалу китайской экспансии в Бирму во второй половине XVIII в. и заключению Каунтонского соглашения 1769 г., поставившего взаимоотношения Бирмы с Китаем на новую основу, в значительной мере нарушившую традиции.

В исторических хрониках бирмено-китайская война 1765—1769 гг. получила двойственное освещение. В китайских анналах этому событию отведено мало места [20, с. 548—549], да это и понятно: поражение от столь незначительной страны, какой была Бирма в сравнении с «великим» соседом, весьма ущемляло имперские амбиции маньчжурской династии Цин, уже начавшей свою агрессию в Центральной Азии. Китайские историки приняли версию династийных летописаний: факт военной победы Бирмы либо вовсе не упоминается, либо ставится с ног на голову, ибо победа приписывается Китаю. Так, в «Очерках истории Китая» китайские историки утверждают, что «в 1788 г.¹ маньчжуры завоевали Бирму, а в следующем, 1789 г. — Аннам, превратив их в вассалов Цинской империи» [10, с. 561].

Бирманские хроники, напротив, довольно подробно излагают четыре похода китайско-маньчжурских войск в глубь бирманской территории, со всеми маршрутами, сражениями и необычайно преувеличенными данными о количестве вражеских сил, а также красочными деталями, касающимися военного искусства бирманских военачальников, защиты крепостей, пехоты, кавалерии, в том числе и слоновой, флота. Бирманские хронисты прекрасно понимали значение достигнутой победы над врагом для престижа своей страны, оставив на пальмовых листьях² грядущим поколениям память о героической борьбе народов страны против посягательств на ее независимость. Наиболее полное изложение бирманских хроник на английском языке, касающихся китайско-бирманской войны 1765—1769 гг., дано в работе Г. Бёрни, английского востоковеда и первого резидента в Аве [12]. Английские историки Бирмы А. Фейр, Дж. Харви в своих работах [23; 17] целиком придерживаются

¹ Приведена совершенно неверная дата окончания войны: надо — 1769 г.

² Бирманские хроники написаны не на бумаге, а на пальмовых листьях.

версии бирманских хроник, как и собственно национальные историки Бирмы, отмечая справедливый освободительный характер борьбы бирманского народа против захватнической, агрессивной политики китайско-маньчжурской династии Цин и полный крах акции Китая.

Что же касается мирного договора, или соглашения, подписанного в 1769 г. в Каунтоне, то приходится довольствоваться лишь отдельными замечаниями в общей исторической литературе о факте его заключения. Сам договор, скорее всего, не сохранился, есть лишь его изложение в бирманских хрониках. Может быть, поэтому он и не был подвергнут анализу в дальнейшем. Однако представляется, что с точки зрения выявления реальных взаимоотношений Бирмы и Китая в XVIII—XIX вв. необходимо обратиться как к разысканию этого документа, так и к изучению посольств, которыми обменялись после заключения соглашения обе стороны, чтобы пролить свет на актуальную в настоящее время проблему взаимосвязей государств Юго-Восточной Азии с Китаем.

Установление еще в первых веках нашей эры связи обоих государств на основе китайских принципов вассалитета не повлекло за собой изменения статуса как ранних государств на территории Бирмы, так и всех последовавших за ними. Единственный раз в истории Бирмы она в течение нескольких лет находилась под непосредственным управлением Китая, установленным в результате монгольского завоевания в XIII в. В целом же взаимоотношения Бирмы и Китая оставались на уровне номинального, формального признания верховной власти китайского императора, не задевавшего ни в коей мере подлинного национального суверенитета страны, полной самостоятельности в проведении внутренней политики и установлении взаимоотношений с другими государствами (см. подробнее [6]).

Сам обмен посольствами был нерегулярным как в силу неустойчивой политической ситуации в районах северных и северо-восточных границ Бирмы, заселенных воинственными племенами, где проходил путь между двумя странами, так и нежеланием Бирмы устанавливать более тесные контакты с соседним государством, стремлением к освобождению даже от формального признания сюзеренитета Китая. Далеко не добровольно приезжали бирманские послы в Пекин, не раз грозили Бирме вторжением императорские войска, дабы заставить ее правителей подчиниться, приняв инвеституру. Особенно активно Китай стремился к превращению номинального вассалитета стран Юго-Восточной Азии в реальный в период правления минской династии (1368—1644), а в цинскую эпоху (1644—1911) достигла своего апогея экспансионистская политика китайского государства. Однако к этому времени объединительные, централизаторские тенденции в Бирме привели к созданию сильного государства — сначала во главе с династией Таунгу (1531—1752),

затем Конбаунов (1752—1885), которое сумело противостоять имперским поползновениям своего соседа, традиционной политикой которого было предотвращение складывания на его границах крупных государств — потенциальной угрозы собственному суверенитету.

Нападение Китая на Бирму во второй половине XVIII в. было следствием как общей межгосударственной китайской политики по отношению к соседям, составной и неотъемлемой частью которой было приведение к «покорности» стран, входящих в ее орбиту, так и специфических условий, создавшихся в это время в Китае в связи с утверждением там маньчжурской династии Цин. Непосредственные причины военного конфликта заключались в притязаниях обеих стран, Бирмы и Китая, на пограничные районы, заселенные тайскими и шанскими племенами, которые создали здесь свои государственные образования. Еще в конце XVI в. бирманские правители династии Таунгу присоединили к Бирме шанские княжества от Могауна до Чиангмая (в том числе Кентунг (Чэнтун), Мохньин, Момей, Монпай (Мёнгпа), Лойко, Схипо (Тибо) и др.), входившие в сферу и китайских интересов. Правители (собва) этих княжеств, попав в зависимость от бирманского двора, которому они периодически выплачивали дань, были вынуждены иногда платить ее и другой стороне — китайским чиновникам, дабы обезопасить свои владения от карательных походов другого соседа. Игра шанских князей на противоречиях между Бирмой и Китаем, вмешательство императорского двора в дела владетелей пограничных княжеств, расцениваемое бирманскими монархами как нарушение суверенитета их страны, — все это создавало на северо-восточных границах Бирмы, примыкающей к китайской провинции Юньнань, напряженную и конфликтную ситуацию.

В конце 1646 г. из Китая, где шли широкое крестьянское движение, знаменовавшее крах минской династии, и войны с маньчжурами, устанавливавшими свое господство в стране, в Юньнань двинулись крестьянские китайские армии, чтобы объединиться с минскими войсками во главе с Гуй-ваном. Здесь последний оплот прежней династии, который держался еще несколько лет не только за счет сопротивления маньчжурам, но и за счет ограбления соседних шанских княжеств, особенно Тейни (Схенви) и пограничных городов, как, например, особо пострадавшего от китайских реквизиций Меймьо [17, с. 196; 23, с. 137]. Бирманцы направили в этот район войска. В 1659 г. маньчжуры вторглись и в Юньнань, некоторое время терпели поражения от крестьянских войск, но вскоре сумели овладеть Юньнаньфу (Куньмином), главным городом провинции [9, с. 21]. Гуй-ван под натиском маньчжурских войск отступил в Бирму во главе значительной армии. Бирманские хроники, которые Гуй-вана называют Юн-ли, сообщают, что он направил собве княжества Бамо письмо, в котором просил разрешения

поселиться в пределах его владений и даже обещал принять его подданство [12, с. 126]. Вскоре из Авы, где в это время правил Нандабайн (Пиндале) (1648—1661), пришло разрешение китайцам поселиться в Бирме (оксло Сагайна им была выделена земля). Сам Гуй-ван с семьей и приближенными был отправлен в Аву.

Именно в это время начались многочисленные рейды китайских войск в Северную Бирму. Бирманские хроники утверждают, что их нападения были подготовлены самим Гуй-ваном, который якобы хотел хитростью захватить Аву и создать в Бирме свое государство [12, с. 126]. Скорее всего, теснимые маньчжурами китайские войска пересекали границу Бирмы, чтобы спастись и найти руководителя в лице последнего отпрыска минской династии, который вынужден был извиниться перед бирманским двором за действия своих соотечественников. Китайские отряды не только захватили княжества Моне и Яунгве, но нанеся поражение бирманским войскам под Меймьо, дошли до самой Авы, грабя и убивая мирное население, сжигая монастыри и лагоды [17, с. 197; 23, с. 138]. Бирманский историк Маун Тин Аун считает, что действия Нандабайна (разрешение Гуй-вану поселиться в Бирме) были грубой ошибкой, которая тяжело отразилась на состоянии государства. Еще три года китайские отряды — сторонники минов и маньчжуры, их преследовавшие, мародерствовали в Верхней Бирме и совершенно разорили долину Чаусхе, житницу страны, разграбили Паган, не раз осаждали Аву.

Только в конце 1661 г., после воцарения нового правителя Пье Мина, дела бирманцев пошли лучше, и они сумели при помощи европейских пушек заставить снять осаду со столицы. Китайцы ушли из-под стен города. А бирманский двор решил наказать Гуй-вана: часть его приближенных была перебита. В 1662 г. У Сангуй, недавно назначенный маньчжурским губернатором Юньнани, разгромил остатки минских сторонников и потребовал выдачи Гуй-вана. У Сангуй направил через бирманскую границу 20-тысячное войско [12, с. 129]. Как полагает Паркер, нельзя точно определить численность вторгшихся цинских войск; скорее всего, она была намного меньше, чем указывают бирманские хроники. Это еще не была захватническая война, разразившаяся через столетие, а экспедиция, направленная со специальной целью местными властями Юньнани и продолжавшаяся всего 40 дней [21, с. 2]. Тем не менее маньчжуры дошли почти до Авы, остановившись в Аунбинле, вступая в стычки с бирманцами, проводившими преимущественно оборонительные операции. Бирманский правитель не имел достаточной армии и средств после опустошений, совершенных войсками Китая во время рейдов последних лет. Остро ощущалась нехватка риса, который приходилось привозить в столицу с юга. Он был вынужден согласиться на требование о выдаче Гуй-вана, после че-

го маньчжурские войска покинули территорию Бирмы [23, с. 138—139].

Однако этот эпизод был чреват опасными тенденциями, всегда существовавшими в отношениях обеих стран. Последнее столетие существования в Бирме династии Таунгу ознаменовалось постепенным разрушением объединенного бирманского государства. Китайские вторжения наряду с другими внешними и внутренними факторами ускоряли его и создавали угрозу независимости государства. Недаром бирманские хроники приписывают Гуй-вану намерение закрепиться в Бирме. Весьма опасным был и поход У Сангуя к Аве. Цинский император Цяньлун позднее назвал его авантюрой, направленной на достижение личных целей этого китайского военачальника, который вначале принял сторону маньчжуров, а затем объявил себя императором Китая [21, с. 2]. Однако в трудной борьбе за утверждение власти Цинской династии в Китае эти конфликты между двумя соседними государствами остались лишь эпизодами.

Еще целых сто лет маньчжуро-китайские власти не обращали свои взоры к бирманско-юньнаньской границе. Агрессия Цинов была направлена в сторону северных пределов страны: в 1691 г. они завоевали Монголию, в 1782 г. установили власть в Тибете, в 1757 г. захватили Джунгарию и в 1759 г. — Кашгарию. Когда же они столкнулись с Бирмой, там уже правила новая династия — Конбаунов, возглавившая сильное централизованное государство.

Осложнения с цинским Китаем для Бирмы начались в период ее собственных завоевательных кампаний. Правитель Синбьюшин (1763—1776), второй сын основателя династии Алаунпайи (объединившего монский юг и бирманский север), основное внимание сосредоточил на завоевании соседнего тайского государства Сиам. Уже на следующий год после вступления на трон он направил против Сиам военную экспедицию, которая, пройдя через Чиангмай и подчинив Лаос, вторглась в Сиам и начала долгую осаду ее столицы Аюттии, не снятую даже при известии о вторжении в Северную Бирму цинской армии.

Нападение маньчжуро-китайских войск на Бирму было первым «контактом» уже утвердившейся Цинской династии с соседним государством после долгого периода забвения. Обмена посольствами не было с 1628 г., по свидетельству самих китайцев [22, с. 73]. Поэтому в случаях недовольства китайской стороны торговой практикой бирманских властей в районе города Бамо, где существовала постоянная торговая ярмарка для китайских караванов, проводилось одностороннее разбирательство обычно в пользу бирманцев. Это вызывало многочисленные протесты китайских подданных, которые «коллекционировал» до поры до времени губернатор Юньнани. У него уже находилась жалоба некоего Лю-ли, торговавшего в Бамо и Каунтоне китайским шелком и другими товарами, на плохое обращение с

ним бирманских властей, которым показалась весьма подозрительной просьба Лю-ли разрешить ему на свои деньги построить мост через р. Тапинг, чтобы торговые караваны быстрее добирались до ярмарочных мест в районе Бамо.

Китайского торговца отослали для дознания в столицу, но никаких шпионских козней в его поведении там не усмотрели, кроме непонятного, но настойчивого желания построить мост, и снова разрешили торговать, как обычно, и даже начать строительство злополучного моста. По возвращении в Бамо китайский торговец заявил, что у него пропали оставленные там товары, а уже в Юньнани сообщил обо всем губернатору [12, с. 129].

В то же время другой китайский торговец, прибывший в Каунтон с большим караваном грузов, которые везли 2 тыс. пони, пожаловался бирманским властям в Бамо, что ему не платят за купленные в кредит товары, и потребовал возмещения убытков. Во время происшедшей стычки один китаец из этого каравана был убит, и, как ни пытались бирманцы по обычаям своей страны загладить инцидент, новая жалоба появилась у губернатора Юньнани [12, с. 129].

Вторая причина бирманско-китайского конфликта лежала в политической сфере — в притязаниях обеих сторон на господство в шанских княжествах, находившихся на стыке границ Бирмы и китайской провинции Юньнань. Конбауны в 1765 г. столкнулись с отказом некоторых шанских князей в верхнем течении р. Салуин уплатить дань Бирме и послали карательную экспедицию в этот район, в результате которой часть князей бежала в Юньнань. Китайцы, обеспокоенные укреплением Бирмы на северо-восточных рубежах, а также походами в Лаос и долину Меконга, решили воспользоваться просьбой бежавших князей о покровительстве и напасть на союзника бирманского правителя — собву Чэнтуну, во владениях которого как раз в это время убили китайского торговца [17, с. 253]. Императора Цянь Луна, которому губернатор сообщил обо всех жалобах, не нужно было побуждать к нападению на Бирму. Гордый своими победами в Туркестане, император решил «наказать» Бирму и посадить на трон своего ставленника, считая, что для этого будет достаточно отрядов из Юньнани.

В самом конце 1765 г. китайско-маньчжурские войска под командованием губернатора Юньнани пересекли границу. По сообщениям бирманских хроник, они состояли из 50 тыс. пехотинцев и 10 тыс. кавалерии [12, с. 130]. Они вторглись на территорию крупнейшего шанского княжества Чэнтун, лежащего на восточном берегу Салуина, и двинулись по направлению к Бамо, осадив Каунтон. Однако объединенные силы шанских князей при помощи бирманских войск, которые были высланы Синбьюшином 28 декабря навстречу цинской армии, не только смели ссаждающих Каунтон, но и задержали общее наступле-

ние врагов, отбросив их к Меконгу и нанеся им большой ущерб [13, с. 176]. Губернатор Юньнани, не перенеся позора, покончил самоубийством, а разгневанный Цянь Лун собрал новую армию, которая в конце следующего года под руководством нового военачальника, только что занявшего пост губернатора Юньнани, появилась на границах Бирмы. Часть армии быстро достигла Бамо, и бирманцы эвакуировали город, который и был занят врагами. Это сообщает Паркер: он работал с китайскими династийными хрониками и, очевидно, из них почерпнул эти сведения. Бирманцы замалчивают этот эпизод, связанный с короткой, всего в несколько дней, оккупацией города в октябре 1766 г., которая, однако, послужила предлогом для китайских претензий на Бамо позднее, в 1885 г. [21, с. 6]. Вскоре бирманцы сумели выбить китайско-маньчжурские отряды из Бамо. Те заняли оборону несколько южнее города, на берегу Иравади, в том месте, где проходила традиционная ярмарка. Одновременно другая вражеская колонна, направлявшаяся к Могауну, укрепились в горах Тинза.

Основные силы бирманской армии направились к театру военных действий около Бамо в начале 1767 г. как по Иравади — в составе флотилии, которую образовали 300 военных судов и лодок, вооруженных пушками с 15 тыс. человек, так и сухопутным путем — по западному берегу реки. Сухопутные войска под руководством Вунчжи Маха Зиту составляли 20 тыс. пехоты, 2 тыс. всадников и 200 боевых слонов [12, с. 131].

Самая крупная военная операция произошла, как и в первой китайской экспедиции, под Каунтоном, который был осажден цинскими войсками, расположившимися под Бамо. Губернатор Каунтона на сей раз хорошо укрепил город и подступы к нему, а гарнизон, уже опытный, встретил осаждающих врагов не только огнем пушек и мушкетов, но и расплавленным свинцом и кипящей смолой, которую лили со стен на идущие на приступ с лестницами, баграми и веревками маньчжуро-китайские войска. Защитников Каунтона за ярость и самоотверженность в борьбе китайцы называли «сверхъестественными существами» и «духами» [12, с. 131]. Губернатор Каунтона действовал в тесном взаимодействии с бирманскими войсками, приплывшими по Иравади. Высадившаяся с судов около Бамо пехота штурмом овладела вражескими укреплениями под городом и двинулась к осажденному Каунтону с северо-запада, зайдя в тыл цинским войскам. Из города вышли его защитники, и бирманцы соединенными усилиями, несмотря на численное превосходство врага, после тяжелых трехдневных боев заставили снять осаду с Каунтона. Оставив на поле боя 10 тыс. воинов, маньчжуро-китайские войска начали отступать по направлению к Тинза, где укрепились другая часть их армии. Бирманцы не переставали преследовать отступающих, и вражеские потери еще более увеличились.

В то же время шедшая вдоль реки бирманская колонна войск, достигнув Могауна и оставив там гарнизон, направилась в расположение крупного китайско-маньчжурского подразделения (100 тыс. пехотинцев и 20 тыс. кавалеристов) в Тинза. Уничтожив в тесном ущелье вражеский разведывательный отряд, бирманские войска с трех сторон атаковали китайские укрепления около Лизо и взяли их. Преследуя цинские отряды до Мейнла, войска Вунчжи Мах Зиту вскоре встретились здесь с каунтонской колонной, которая подчинила — во время следования за отступающими частями — некоторые пограничные шанские княжества. Население этих княжеств отказывалось давать продовольствие вторгшимся войскам, а китайский обоз с провиантом был еще ранее захвачен бирманцами. Недостаток провизии, постоянные стычки со следующими по пятам бирманцами и большие потери в людях заставили цинскую армию покинуть территорию Бирмы через Лунчуан. В конце мая 1767 г. бирманские военачальники вернулись в Аву [12, с. 134].

Это неожиданное для Цинов превосходство бирманской армии, мужественное сопротивление всего народа захватнической войне, развязанной Китаем, не только не заставило Цянь Луна отказаться от агрессивных намерений в отношении Бирмы, но, наоборот, подстегнуло к продолжению войны. Уже в ноябре 1767 г. маньчжуро-китайская армия в третий раз пересекла бирманскую границу. На сей раз она насчитывала 600 тыс. пехоты и 60 тыс. кавалерии, по бирманским хроникам [12, с. 135], а по китайским источникам — не более 40 тыс. человек [9, с. 84].

Цинские войска наступали из Вантинга на границе к югу — через Лашо и Тейнни. Бирманский губернатор Тейнни эвакуировал город, который вскоре был захвачен вражескими войсками. Здесь был поставлен большой гарнизон и сосредоточены продовольственные обозы. Из Тейнни китайско-маньчжурские войска двумя колоннами стали продвигаться дальше. Одна из колонн направились к северо-западу по караванной дороге — на Каунтон и Бамо, а вторая к юго-западу — через Схипо к столице Бирме Аве.

Известие о новом нападении Китая не застало бирманский двор врасплох. Уже в конце декабря из Авы направились навстречу вторгшимся китайско-маньчжурским войскам три армии, насчитывавшие 30 боевых слонов, 3 тыс. всадников и 30 тыс. пехоты [12, с. 135]. Бирманские министры — вунчжи возглавили армию. Их план кампании заключался в том, чтобы отрезать от Тейнни продвигавшиеся на столицу и Каунтон вражеские колонны и лишив их, таким образом, снабжения продовольствием и боеприпасами, нанести удар с тыла.

Однако армия Вунчжи Маха Зиту, встретившаяся с превосходящими силами захватчиков к северо-западу от Схипо, потерпела поражение, сдала г. Схенви, не сумев задержать стремительное продвижение их к бирманской столице. В Аве началась

паника при известии (9 марта 1768 г.) о том, что китайско-маньчжурские войска захватили Сикайн, находившийся всего в 48 км от столицы. Но другая бирманская армия, успешно действуя под командованием Вунчжи Маха Тихатуры, вскоре отступили наступавшие войска захватчиков сначала к Лашо, а затем к Тейнни. Китайско-маньчжурская армия в Тейнни испытывала недостаток в пище, ибо караван с продовольствием, достигший западного берега Салуина, бирманцы отбили. Кроме того, шанское население города выступило на стороне бирманцев, так что атака бирманской армии на укрепления Тейнни закончилась полным успехом, город был освобожден. Вскоре для китайско-маньчжурской армии наступили еще более тяжелые времена. Бирманцы отрезали ее от всех источников воды, и в лагере начались болезни — малярия и дезинтерия. Эпидемии в сочетании с постоянными атаками бирманцев нанесли значительный урон в живой силе армии Цинов. Вражеские укрепления под Тейнни были заняты бирманскими войсками, все три колонны которых здесь соединились, нанося врагу удары сразу с трех сторон. Китайско-маньчжурская армия бежала в Юньнань, оставляя на своем пути оружие, лошадей, раненых. Общие потери составили 10—20% солдат, участвовавших в экспедиции [21, с. 7]. Как записано в бирманских хрониках, «леса и холмы были покрыты мертвыми телами китайцев, а на оружии у бирманцев было столько крови, что оно выскальзывало из рук» [12, с. 138].

Китайско-маньчжурское командование не сумело координировать силы своей армии. Колонна, наступавшая на Бамо и Каунтон, вообще была отрезана от остальной части войск. Не сумев захватить Каунтон, хорошо защищенный и храбро обороняемый, и узнав о разгроме в Тейнни, эта армия также ушла в Юньнань. Боясь императорской расправы за разгром третьей китайской экспедиции в Бирму, главнокомандующий Минжуй, по обычаю маньчжурских офицеров, отрезал свою косу и отослал в Пекин, а сам покончил жизнь самоубийством. Другие военачальники, не последовавшие его примеру, были казнены по указу Цянь Луна.

Харви пишет, что «последствия бирманских побед были ужасны: как только одна китайская армия откатывалась назад, появлялась другая — еще больше, чем предыдущая» [17, с. 254]. Агрессия цинского Китая ширилась и нарастала, так как вопрос теперь стоял о чести и престиже императора.

Двенадцатимесячный перерыв в военных действиях перед четвертой и последней экспедицией маньчжуро-китайских войск в Бирму был использован обеими сторонами для собирания сил. Цянь Лун попытался привлечь на свою сторону в качестве союзников Сиам, Манипур и Качар, но это ему не удалось. Бирманский король для закупки пушек и другого оружия вынужден был перелить тысячи золотых и серебряных изображений

Будды из бирманских храмов в Пагане [17, с. 245]. Из Сиам к этому времени вернулась часть армии, правда не в блестящей форме после долгой войны. Шанские ополченцы были отпущены по домам, но бирманцам было не до отдыха, они вернулись, чтобы попасть на новый театр войны.

В конце октября 1769 г. в районе Бамо появилась полумиллионная вражеская армия (согласно бирманским хроникам, кроме 500 тыс. пехотинцев было еще и 50 тыс. конных [12, с. 139], хотя, по китайским данным, у Цинов насчитывалось всего 50—60 тыс. воинов [9, с. 41]). На сей раз Цянь Лун поручил командование войсками своему сводному брату князю Фухену, известному военачальнику, и двум другим крупным маньчжурским генералам. Фухен разработал план ведения военных операций. Но теоретически неплохая идея двинуться с тыла со стороны Шуэбо к Аве по правому берегу Иравади через шанские княжества Могаун и Мохньин оказалась на практике неосуществимой. И не только вследствие географической труднодоступности этого горного района, пересеченного широкими реками, которые невозможно было форсировать, но и вследствие полного топографического невежества китайско-маньчжурского командования, хотя оно и изучало анналы Юаньской династии, монгольские орды которой прошли в XIII в. по Северной Бирме [21, с. 8]. Свыше двух месяцев колонна блуждала по территории Могауна и Мохньина, даже не ведя боевых действий. Только посланные на выручку войска каунтонской группы помогли ей выйти в район расположения своей армии. Затем, полагая, что взятие Каунтона — ключ к победе, военачальники снова сосредоточили все войска в этом районе, даже не пробуя преодолеть инерции предыдущих экспедиций.

Бирманская армия двинулась из Авы 21 октября 1769 г. на встречу вражеским войскам тремя колоннами: основные силы — на судах флотилии вверх по Иравади к Бамо под командованием Вунчжи Маха Тихатуры, другая часть — на север к Могауну по правому берегу Иравади и конница — по левобережью реки [12, с. 139].

Первые бои завязались под Каунтоном. Большая часть вторгшихся в страну войск укрепились в этом районе: наиболее сильные оборонительные сооружения китайско-маньчжурские войска построили под Шуэньяунбином, приблизительно на половине пути между Бамо и Каунтоном. Отсюда был сделан бросок к Каунтону, который и был блокирован с суши. Со стороны реки подошли китайско-маньчжурские части: 500 судов доставили к Каунтону 50 тыс. войска [12, с. 139], и город был блокирован еще и со стороны Иравади. Однако многодневные попытки овладеть Каунтоном оставались тщетными. Бирманский губернатор города, уже получивший изрядный опыт в борьбе с маньчжурами, осаждавшими город в каждой из экспедиций этой войны, организовал его оборону, и гарнизон умело отби-

вал все штурмовые атаки врагов. Маньчжуры, прекрасно владевшие искусством осады укрепленных городов, с целым набором приспособлений для преодоления стен, валов и других защитных сооружений так и не смогли овладеть Каунтоном.

Вскоре подоспевший авангард армии Вунчи Маха Тихатуры был брошен на цинский флот перед Каунтоном; вражеские военные суда были частично потоплены, частично рассеяны, и осада города со стороны Иравади снята. Защитники города получили возможность снабжения продовольствием и боеприпасами. Хотя через некоторое время остатки цинского флота снова сосредоточились на реке вблизи Каунтона, бирманские атаки сорвали все попытки отрезать город от Иравади.

Основные силы армии Вунчи Маха Тихатуры, достигнув по реке Тагауна, соединились здесь с кавалерийскими частями (в том числе и слоновой кавалерией), продвигавшимися по левому берегу Иравади, и направились к Момейну. Они вели крупные бои к северу от р. Синкан, разгромили здесь группировку вражеской армии с помощью слонов и манипурской конницы, а затем стали также продвигаться в район Каунтона и Бамо, где происходили главные военные операции [12, с. 141].

Части Вунчи Маха Тихатуры, взаимодействуя с каунтонскими подразделениями своей армии, нанесли тяжелое поражение маньчжурской коннице, атаковав ее с двух сторон в районе Шуэньяунбина, и заставили ее укрыться за стенами укрепления. Китайско-маньчжурская армия оказалась, по словам бирманских военачальников, «в ловушке, как рыба в сети» [12, с. 142]. Атакующие бирманцы прорвали вражескую оборону, часть солдат проникла за стены укрепления с помощью лестниц, другая пошла в него через ворота и проемы, пробитые слонами. Несмотря на ожесточенное сопротивление китайско-маньчжурских войск, они были вынуждены покинуть свой форпост под Шуэньяунбином и уйти к западу, на соединение с каунтонскими частями. Бирманцам досталось здесь большое количество мушкетов, амуниции, лошадей и мулов.

Вскоре обе бирманские армии сосредоточились вблизи Каунтона, где было завершено окружение маньчжуро-китайской экспедиции. Бирманцы разделились на три части, одни заняли позиции на северном берегу р. Синкан, другие — около деревни Мююа, наконец, была группировка, направленная для блокировки военных китайских лодок, курсировавших около города по Иравади. Когда начались тяжелые бои, бирманский гарнизон Каунтона, выйдя из городских ворот, также принял участие в последней крупной битве этой войны, стоившей многих жизней обеим сторонам.

Цянь Лун, напряженно следивший за военными действиями в Бирме (ежедневно гонцы отправлялись с бирманской границы в Пекин и обратно), очевидно, понимал, что авантюра его про-

валивается. Во всяком случае, он послал Фу-хену указ о необходимости предпринять на выбор следующие действия, если к моменту прибытия гонцов Каунтон еще не будет взят: 1) остаться с армией на бирманской территории где-нибудь в здоровой и удобной местности до следующей весны или лета; 2) направить бирманскому правителю требование подчиниться Китаю; 3) объявить об уходе из Бирмы под предлогом того, что Китай удовлетворен тем ущербом, который он нанес противной стороне своими военными действиями. Однако конфиденциальное послание Цянь Луна своему главнокомандующему было намного определеннее: ему предписывалось уведомить бирманского правителя через доверенное лицо, что император не желает продолжения смертоубийства и поэтому, если бирманский монарх выкажет покорность, армия Китая будет отозвана из пределов Бирмы [21, с. 8].

Еще более решительной стала позиция императора, когда он узнал, что в военных действиях под Каунтоном погибло 13 тыс. его воинов, в том числе и один из главнокомандующих. Он приказал, чтобы Фу-хен немедленно прибыл в Пекин, а войска под прикрытием местных шанских и качинских отрядов отошли к границе. Впоследствии Цянь Лун скажет: «Я приказал уйти... потому что я видел, что много моих храбрых маньчжуров погибли, а поскольку мы не сможем захватить Аву, бесполезно упорствовать во взятии Каунтона» [21, с. 12]. Таким образом, цинский император фактически признал себя побежденным и сделал шаг к прекращению войны.

Почти одновременно бирманские военачальники под Каунтоном предложили китайско-маньчжурскому командованию начать переговоры о мире, ибо и бирманская армия, хотя и одержала победу во всех крупных боевых операциях, была обессилена ежегодно повторяемыми экспедициями Цинов. Часть армии пришла с сиамского фронта в 1767 г. после взятия Аютии и без отдыха была брошена в новые сражения. И хотя наступательные операции в Сиаме с началом бирмано-китайской войны прекратились, для поддержания своей власти в Сиаме и Лаосе бирманцы оставили там большой контингент войск; война на два фронта тяжело сказывалась на состоянии бирманского государства.

3 декабря 1769 г. в бирманский лагерь под Каунтоном прибыл один из маньчжурских командующих, генерал Ха (главнокомандующий провинции Гуйчжоу), который вместо тяжело заболевшего Фу-хена вел переговоры в Каунтоне. В письме, которое он привез, говорилось, что война началась не из-за того, что Китай хотел завоевать Бирму, а лишь потому, что шанские князья попросили его о помощи. В нем содержалось также обещание выдать пленных, если бирманцы, со своей стороны, сделают то же. Письмо заканчивалось выражением надежды на то, что войны больше не будет, что снова откроется «золотая и се-

ребряная дорога»³, что «две великие страны должны по-прежнему жить в мире» [12, с. 144].

Когда Вунчжи Маха Тихатура собрал своих подчиненных для обсуждения ответа на это письмо, многие бирманские военачальники, памятуя, что война была развязана Китаем и о больших потерях, а также о победах, одержанных над могучим врагом, не хотели идти ни на какие переговоры, не соглашались ни на какие условия. Бирманский министр, взявший на себя роль миротворца, увещевал их, напоминая о мощи императорского Китая, находящегося в таком близком соседстве с Бирмой: он говорил, что если бирманцы откажутся от переговоров и разобьют наголову вражеские войска, то в памяти поколений останутся взаимная вражда и жажда мести, а народы обеих стран не будут знать мира и спокойствия [12, с. 145].

Наконец стороны согласились назначить 13 декабря днем открытия переговоров о мирном разрешении конфликта при условии, что обе армии будут находиться под взаимным контролем. И в назначенный день в Каунтоне под большим навесом, сделанным специально для этой цели, собрались бирманские и маньчжурские высшие чины и офицеры. Еще до подписания договора бирманцы потребовали, чтобы им немедленно были выданы собвы княжеств Тейнни, Бамо и Могауна, перешедшие на сторону Китая. Китайско-маньчжурское командование согласилось на выдачу, но не ранее чем через 6 месяцев. Однако это требование, не зафиксированное в письменном документе, так никогда и не было выполнено цинской стороной. Кроме того, бирманцы довольно недвусмысленно напомнили, что небольшие шанские княжества в верховьях Иравади — часть Бирмы и предложили отвести маньчжуро-китайские войска с их территории. Когда же представители Китая попытались отвергнуть это предложение на основании якобы неясности границ, бирманцы посоветовали им ориентироваться на буддийские пагоды, которые ясно разграничивают две страны [12, с. 144].

Бирманские хроники приводят текст договора, подписанного между Бирмой и Китаем 13 декабря 1769 г.:

«Бирманский главнокомандующий его величества правителя Авы [следует титулатура] и назначенные представители [перечисляются 14 бирманских офицеров] и командующий императора Китая, а также представители [перечисляются 13 маньчжурских офицеров] собрались в большом дворце с семью крышами в Каунтоне 13 декабря 1769 г., чтобы договориться о мире и дружбе между двумя великими странами и о том, что золотая и серебряная дорога должна быть восстановлена в соответствии с прежним обычаем.

Войска обоих монархов должны начать отход, когда начнутся переговоры, а после их окончания стороны по обычаю обменяются подарками.

³ Так китайцы называли торговую караванную дорогу через Бамо.

Все подданные бирманского правителя, находящиеся в любой части китайской империи, пользуются теми правами, которые они имели по традиции.

Мир и дружба устанавливаются между двумя великими государствами; эти два государства должны быть, как два куска золота, слитые в один.

Соответственно восстанавливается на прежних основаниях золотая и серебряная дорога.

Монархи каждой страны должны обмениваться письмами на золоте каждые 10 лет, к чему их должны побуждать принцы и чиновники» [12, с. 146—147].

В целом договор фиксировал окончание войны между двумя государствами, однако он не отражал в полной мере униженного положения китайско-маньчжурских войск, находившихся в тисках бирманской армии, которая реально могла нанести им более сокрушительный удар. Условия договора позволяли китайско-маньчжурской армии «достойно» покинуть страну, которую она не сумела покорить. Националистически настроенный Маун Тин Аун высоко оценивает значение победы Бирмы над Китаем с точки зрения не только внутреннего развития Бирмы при династии Конбаун, высшей точкой которого он считает Каунтонский договор 1769 г., но и с международной. Он полагает, что, если бы китайско-маньчжурские войска не получили должного отпора в Бирме, вся Юго-Восточная Азия могла оказаться завоеванной цинским Китаем [19, с. 183].

Официальный двусторонний договор — свидетельство не только военной победы Бирмы, но и победы ее дипломатии. На всем дальнейшем протяжении истории независимой Бирмы (до 1885 г.) ее взаимоотношения с Китаем, которые регулировались Каунтонским соглашением, стали впервые в некоторой степени регулярными.

Прежде всего в договоре не содержалось упоминания о необходимости присылки дани к китайскому двору, а следовательно, умалчивалось и о вассалитете. Правда, мы имеем дело не с оригинальным документом и не с копией, а с версией бирманских хроник, которая может быть фальсифицированной. К сожалению, хотя договор был «написан на белой бумаге чернилами, а копия вручена китайцами бирманцам», как в ней сообщается [12, с. 146], до сих пор не обнаружено ни подлинного документа, ни его следов. Известно только, что он не был ратифицирован ни одной из сторон. Маун Тин Аун, например, полагает, что Синбьюшин, разгневанный тем, что маньчжуро-китайской армии дали уйти от полного разгрома, разорвал копию договора [19, с. 182]. Однако это не меняло существа дела, если имелся подлинник документа. Но нельзя забывать, что для Китая любое посольство имело «даннический» характер. Об этом и свидетельствует дальнейшее развитие событий, касающихся взаимоотношений Бирмы с Китаем.

Сразу же после подписания договора стороны обменялись ценными подарками, а 18 декабря китайско-маньчжурская армия, расплавив свои пушки и сжегши остатки флота, начала отход к границе, усеяв дороги в горах и джунглях множеством трупов солдат, умерших от ран, болезней и истощения. На расстоянии выстрела их сопровождали бирманцы до тех пор, пока последний вражеский солдат не покинул территорию Бирмы [21, с. 10].

Вунчжи Маха Тихатура, взявший на себя смелость пойти на подписание договора, обрек, таким образом, себя на гнев и недовольство Синбьюшина, однако бирманские историки высоко оценили его мудрость и дальновидность, его стремление покончить с изнурительной войной, которая могла губительно сказаться на Бирме. Хотя ее потери были значительно меньше, чем вражеские, но в отношении к общему количеству населения составляли довольно значительную величину [19, с. 182—183].

Зная о недовольстве Синбьюшина, Вунчжи Маха Тихатура не осмелился вернуться в столицу и только подавлением восстания в Манипуре в январе 1770 г., на которое им были брошены войска прямо из-под Каунтона и Бамо, сумел вернуть расположение правителя, которому его победоносные войны в Сиаме, а особенно последняя — бирмано-китайская, придали невероятную амбициозность. Один из его министров всерьез считал, что в мире нет народа, который сумел бы противостоять бирманцам [16, с. 104]. Во всяком случае, при династии Конбаун произошла переоценка правящими кругами Бирмы роли и места страны в межгосударственных отношениях региона, действенным фактором в которых стала агрессивность самой Бирмы (до начала войн с Англией). Бирманские хроники того периода нетерпимы даже к малейшему ущемлению престижа государства. Победа над Китаем, занимавшим особое положение в системе взаимоотношений в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке и всегда претендовавшим на сюзеренитет в этом районе земного шара, естественно, не могла не вызвать стремление усилившейся Бирмы изменить систему этих взаимоотношений.

Однако Китай, несмотря на свое поражение в войне с Бирмой, которое Цянь Лун тем не менее не хотел признавать (впоследствии он отнес кампанию в Бирме к победам, совершенным в его правление) [7, с. 32], не собирался отказываться от своих претензий на «вассальную зависимость» бирманского государства. В маньчжурских анналах Каунтонский мир изображался как документ, зафиксировавший Бирму в качестве регулярного данника или вассала Китая вследствие положения об обмене сторон миссиями раз в 10 лет. Бирма, основываясь на том же самом документе и факте разгрома китайско-маньчжурских войск, вассалом Китая (как и в более ранний исторический период) себя ни в коей мере не считала, не была таковым и претендовала на равенство во взаимоотношениях.

Цянь Лун прежде всего настаивал на присылке «вассальной» миссии из Бирмы, на соблюдении ритуальных форм обращения к нему как к сюзерену и ожидал, что сразу же после заключения договора такая миссия должна появиться в Пекине, но тщетно. Бирманцы на основании договоренности требовали, чтобы из Китая были возвращены шанские князья, которые во время войны выступили против Бирмы, а также военнопленные. Это возмущало Цянь Луна. Он считал, что бирманцы первыми должны освободить пленных и отослать их в Китай, а раз они этого не делают, значит, не боятся своего соседа [21, с. 12]. Полагая, что договор фиксировал «вассальные» взаимоотношения, он ожидал их проявления и пытался даже форсировать этот момент запрещением в начале 1770 г. китайско-бирманской караванной торговли, особенно ввоза из Бирмы хлопка [22, с. 90]. Цянь Луну приписывают сравнение сложившейся ситуации с русско-китайскими взаимоотношениями в момент заключения Кяхтинского договора (1727 г.), когда он попытался ограничить русскую торговлю с Китаем в связи с отказом в выдаче беженцев [21, с. 11]. Но, очевидно, политические амбиции бирманской страны были сильнее, чем экономические трудности, вызванные прекращением торговли. Для Китая же убытки, причиненные прекращением торговли через Северную Бирму, оказались настолько велики, что юньнаньские чиновники вынуждены были улаживать конфликт и даже согласиться на то, чтобы китайские военнопленные оставались пока в Бирме. Бирманцы поселили две с половиной тысячи из них в столичном районе в качестве садовников и ремесленников [17, с. 258]. Хотя официальный запрет на торговлю не был снят, с октября 1770 г. китайские караваны, как и раньше, начали прибывать в Бамо, Каунтон и другие торговые пункты [21, с. 10].

Еще в течение 20 лет китайский и бирманский двор обменивались письмами, выражавшими неудовольствие обоих монархов. И часто гонцов из Бирмы, которые привозили повторное требование освобождения бирманских пленных вместо ожидаемого Цянь Луном сообщения о прибытии «вассального» посольства, в Пекине бросали в тюрьму. При преемнике Синбьюшина — правителе Сингу (1776—1789) положение не изменилось. Наконец в 1787 г., уже в правление Бодопаи, посольство прибыло, но только не в Пекин, а из Пекина в Амарапуру (новую столицу Бирмы, построенную Бодопаей) с подарками: восемь золотых статуй Будды, ковры, расшитые драгоценными камнями одежды, лошади и пр. И только в ответ на эту миссию Бодопая отправил свое посольство (10 июня 1787 г.), которое прибыло в Пекин в 1788 г. В качестве подарков императору предназначались четыре слона, 100 виссов слоновьих бивней, драгоценные камни и украшения, лаковые шкатулки и пр. [21, с. 14]. Миссия была благосклонно принята Цянь Луном в летней резиденции императоров в Йехо и вернулась домой в начале 1789 г.

Однако трудно предполагать, что действительно Цянь Лун, который 20 лет ожидал «подчинения» Бирмы, первым направил туда свое посольство. Паркер высказал такое сомнение в своих работах, посвященных взаимоотношениям Бирмы с Китаем, еще в конце XIX в., когда, перед английской аннексией Бирмы, встал вопрос о реалиях ее вассальной зависимости от Китая. На основе сопоставления маньчжурских анналов и бирманских хроник (в изложении Бёрни) он пришел к любопытному выводу, что обмен миссиями между Бирмой и Китаем в 1787—1789 гг. был вызван махинациями провинциальных властей Юньнани и некоторых шанских князей, заинтересованных в снятии запрета на бирмано-китайскую торговлю, которые направили ложные посольства в Бирму якобы от китайского императора, чтобы побудить бирманского правителя направить «ответную» миссию (см. подробнее [21, с. 13—15]).

Вполне вероятно, что это так, но, поскольку со времени появления работ Паркера не было проведено новых исследований, остаются некоторые сомнения. Прежде всего это касается письма от китайского императора, зачитанного на аудиенции у Бодопаи в Амарапуре 3 июня 1787 г., привезенного миссией. Бёрни приводит полный текст этого письма, из которого явствует, что Цянь Лун, признавая Бодопаю суверенным государем над «западными странами», обращался к нему традиционно как «старший брат» к «младшему» и выражал надежду на дружбу и союз между двумя государями, которые существовали и прежде. В нем также выражалось сожаление, что 17 лет, как «золотая и серебряная дорога» бездействует, несмотря на соглашение 1769 г. об обмене посольствами и поощрении торговли [12, с. 409—410]. В ответном письме императору Бодопаю называл его «царственным другом», «монархом Востока», подчеркивал независимость своего государства и выражал согласие на предложенное императором установление дружественных взаимоотношений.

Таким образом, началом дипломатических отношений между Бирмой и Китаем следует считать бирманское посольство 1787—1789 гг. (если принять версию Паркера, что посольство Китая 1787 г. в Амарапуре было ложным). Цянь Лун на приеме по случаю прибытия бирманских послов сказал: «Между нашими странами всегда существовала дружба, а теперь с прибытием писем и подарков небольшое недоразумение, которое произошло [имея в виду отсутствие посольств из Бирмы], устранено и восторжествуют добрые взаимоотношения» [12, с. 415]. Никаких специальных высказываний о дани или инвеституре не было; общий стиль речи был традиционно покровительственным, так как приезд посольства отождествлялся с выражением почтительного подчинения «Сыну Неба».

Однако в письме от губернатора Юньнани к Бодопае, привезенного с китайским эскортом, сопровождавшим некоторое

число бирманских пленных, отпущенных Цянь Луном на радостях по случаю приезда посольства из Бирмы, не только сообщалось о предстоящем в ближайшее время (в 1790 г.) праздновании 80-летия Цянь Луна, но и выражалась просьба губернатора прислать в Китай бирманское посольство, дабы выразить уважение императору. За это он обещал содействие Бодопае в получении инвеституры от маньчжурской династии, если такую бирманский правитель пожелает [21, с. 15]. Но миссия из Бирмы не была послана на юбилей императора Китая. Бодопаю, опьяненный своими победоносными войнами, считавший, что может даже завоевать Китай и Индию [24, с. 52], не высказал желания получить инвеституру от династии Цин.

В 1792 г. Бодопаю направил вторую миссию в Китай, хотя в китайских источниках числится за Бирмой еще одно посольство в 1791 г., которое, по утверждению Паркера, было также следствием «активности» шанских князей [21, с. 18]. Это посольство преподнесло императору наряду с другими подарками золотые пластины, украшенные рубинами, с выгравированным на них его титулом (невероятно длинным и сложным — на языке пали), а получило в ответный дар для своего правителя большую золотую печать с рукояткой в виде верблюда, которая удостоверяла, что власть бирманского монарха равна власти китайского императора. Бодопаю был весьма обеспокоен этим, понимая, что принятие печати свяжет его формальными узами вассалитета с императором Китая; однако он не был настолько неблагодарным, чтобы отвергнуть инвеституру, тем более что традиция взаимоотношений в данном случае ставила его на один уровень с императором Китая (правители, например, Авы и Пегу в XVII в. получали лишь позолоченные печати). Причиной принятия Бодопаей печати была, конечно, не ее ценность (4 кг чистого золота), как уверяет Харви [17, с. 279], а сохраняющая еще свою значимость в районе ЮВА китайская система межгосударственного общения.

В дальнейшем взаимоотношения сторон носили более или менее регулярный характер, хотя указанная в Каунтонском договоре периодичность чаще всего не соблюдалась. В XIX в. из Бирмы в Китай было направлено 10—12 посольств (иногда сообщения бирманских и китайских источников не совпадают, и часть миссий из Китая, возможно, была не от императорского двора, а от местных властей Юньнани) [7, с. 32; 14, с. 193—194]. Это — несомненное свидетельство повышения значимости международных связей для Бирмы. Возможно, что для других стран региона за внешнеполитической активизацией скрывались экономические интересы расширения торговли с Китаем [14, с. 199]. Однако в отношении Бирмы этот фактор сомнителен и требует дополнительных изысканий, хотя несомненно, что установление мира на границах обоих государств не могло не способствовать расширению торговли между ними.

Паркер в своей работе проводит даже такую мысль, что бирмано-китайская торговля велась бы и вне зависимости от признания или непризнания Бирмой верховных прав Китая [21, с. 21]. Таким образом, торговые отношения сторон не связываются им с «данническими» или дипломатическими.

Стремление к расширению контактов Бирмы с Китаем лежит прежде всего в политической сфере, усилении бирманского государства при Конбаунах, не только проводившего завоевательную политику на своих северо-западных и юго-восточных границах, но и расширявшего межгосударственную деятельность. Более устойчивые, чем на ранних этапах бирманской истории, связи с Китаем ничуть не ущемляли ее суверенитета во внешней и внутренней политике. Бирма посылала многочисленные посольства в Индию, они достигали Бодхгаи, Дели, Варанаси и других городов. С конца XVIII в. дипломатические отношения бирманцев обогатились опытом европейской договорной системы, что придавало бирманскому двору еще больше амбиции. Бирманские правители вмешивались в дела северо-западных княжеств — Ассама, Манипура и Качара — и в начале XIX в. подчинили их своей власти. Во взаимоотношениях с Китаем бирманские государственные деятели никогда не забывали напомнить о Каунтонском договоре, подчеркивали свою независимость обращением к императору Китая как к равному («царственный друг») и посылали свои миссии, как правило, в «ответном» порядке.

Бирма строила свой «бирмоцентристский порядок», китайский в миниатюре, утверждая сюзеренитет над окружающими государствами, преимущественно шанскими и индийскими княжествами, превращая их в своих вассалов. Китайская система межгосударственного общения была воспринята Бирмой и некоторыми другими странами региона, ибо прекрасно вписывалась в структуру централизованных деспотических государств ЮВА. При Миндоне, который уделял особое внимание международной политике, пытался дипломатическим путем, рассылая посольства в европейские страны и США, найти союзников для борьбы со все расширяющейся экспансией Англии, Бирма и Китай в 1874 г. также обменялись миссиями. Возможно, что Миндон рассчитывал на помощь со стороны Китая. Об этом свидетельствую, например, опасения, высказанные британским резидентом в Бирме, о возможности тайных переговоров бирманского посла с китайским двором об оборонительном и наступательном союзе против Англии [25, с. 259].

В пекинских газетах по поводу приезда миссии Миндона Бирма снова была названа китайским «данником», а при переводе на китайский язык письма Миндона было допущено искажение его обращения к императрице Цыси: вместо «царственный друг» было опубликовано «ваш вассал» [25, с. 259—260]. Подобная же фальсификация была проделана китайской сто-

роной и по отношению к письмам Бодопаи, который адресовался к китайскому императору как равный к равному, а в переводе все было обращено в традиционную форму «младшего брата» и «вассала».

Таким образом, несмотря на изменение соотношения политических сил в регионе в XIX в., ослабление Цинской империи, определенное нежелание усилившихся стран региона признавать традиционную форму взаимоотношений с Китаем, механизм древней китайской «даннической» системы, который тысячелетиями служил китайской дипломатии, все еще действовал вне связи с реальной действительностью.

Обмен посольствами в 1874—1875 гг. был последней вехой в отношениях независимой Бирмы и Китая. Вскоре Англия аннексировала всю страну и превратила Бирму в колонию, а Китай после «опиумных» войн и заключения неравноправных договоров превратился в полуколониальную державу. Колониальная экспансия западного мира, за которой стояла новая общественная формация, уничтожила докапиталистические общества Бирмы и Китая, породившие традиции межгосударственного общения китайского образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
2. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1980.
3. Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы.—Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
4. Думан Л. И. Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.
5. Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая.—Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
6. Козлова М. Г. История взаимоотношений Бирмы с Китаем (до 1948 г.).—Бирма и Китай: проблемы взаимоотношений. М., 1982.
7. Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.
8. Мурашева Г. Ф. Вьетнам-китайские отношения в XVII—XIX вв. М., 1973.
9. Новая история Китая. Под ред. С. Л. Тихвинского. М., 1972.
10. Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. Пер. с кит. яз. М., 1959.
11. Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1956.
12. Burney H. Some Account of the Wars between Burma and China, together with the Journals and Routes of the Three Different Embassies Sent to Peking by the King of Ava, Taken from Burmese Documents.—«Journal of the Asiatic Society of Bengal». Calcutta, 1837, vol. 6, p. 1—2.
13. Cordier H. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec pays étrangers. P. 3. P., 1920.
14. Fairbank J. K., Ssü-yu Teng. Ch'ing Administration. Three Studies. Cambridge (Mass.), 1960 (Harvard-Jenching Institute Studies, XIX).
15. Fairbank J. K. (ed.). The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (Mass.), 1968.
16. Gouger H. Personal Narrative of Two Years Imprisonment in Burma. L., 1827.

17. Harvey D. J. E. History of Burma, from the Earliest Time to the 10 March 1824, the Beginning of the English Conquest. L., 1978.
18. Hinton H. China's Relations with Burma and Vietnam. N. Y., 1958.
19. Htin Aung, Maung. A History of Burma. N. Y.—L., 1967.
20. Macgowan J. Imperial History of China, as Compiled by the Chinese Historians. Changhai, 1906.
21. Parker E. H. Burma's Supposed «Tribute» to China. Reprint from the «Asiatic Quarterly Review», L., July, 1898.
22. Parker E. H. Burma with Special Reference to Her Relations with China. Rangoon, 1893.
23. Phayre A. History of Burma. L., 1967.
24. Sangermano V. The Burmese Empire a Hundred Years Ago. Westminster, 1893.
25. Woodman D. The Making of Burma. L., 1962.

Э. О. Берзин

ГОСУДАРСТВО ЧИАНГМАЙ (ЛАННАТАИ)
В XIII—XVI ВВ.

Данная работа посвящена истории относительно малоизвестного средневекового феодального государства Индокитая — Чиангмая (Ланнатаи), существовавшего в XIII—XVI вв. на севере современного Таиланда. В западной историографии история Чиангмая рассматривается только в чисто политическом плане. Специфика этого очень архаического по своему устройству феодального государства и характер внешней политики Чиангмая, в частности его сношения с Юаньским Китаем, не попали в поле зрения западных исследователей. Между тем эти две проблемы представляют значительный интерес.

Чиангмай возник во второй половине XIII в. в ходе сильнейшего кризиса, потрясшего весь Индокитайский полуостров. В результате прекратили свое существование не только такие крупные и древние государства, как Кхмерская (Ангкорская) империя и бирманское царство Паган, но и сравнительно небольшое монское государство Харипунчайя, образовавшееся на севере Таиланда в VII в. и сумевшее вплоть до XIII в. отстаивать свою независимость от могущественных соседей.

В западной историографии главной причиной падения древних государств Индокитая считают завершение завоевания Китая монголами и последовавшую вслед за этим мощную волну миграции тайских племен на Индокитайский полуостров. Исходной же территорией этой миграции якобы было расположенное в Юго-Западном Китае тайское государство Наньчжао, покоренное в 1253 г. монголами.

Но, как показали работы последних лет, население Наньчжао говорило на языках не тайской, а тибето-бирманской группы. Кроме того, судя по китайским источникам, Наньчжао было высокоразвитым классовым государством со сложной административной системой, в то время как тайские племена, вторгшиеся в XIII в. с севера широкой полосой от Северной Индии (Ассам) до Северного Вьетнама, находились, в сущности, на высшей ступени варварства, и классовое устройство у них только зарождалось.

Что касается монгольской империи, то она действительно во второй половине XIII в. оказывала немалое влияние на ход событий в Юго-Восточной Азии как дипломатическим, так и воен-

ным путем. Но продвижение тайских племен в Индокитай и образование ими там первых самостоятельных государств произошло задолго до начала монгольских завоеваний к югу от Янцзы.

Главная же причина падения старых государств Индокитая в XIII в. заключалась не в монгольском и не в тайском нашествии, а во внутренней дряхлости этих раннеклассовых государств, в исчерпанности их внутренних политических ресурсов для подавления народных масс. Как и Римская империя в свое время, древние государства Индокитая были окружены в течение столетий воинственной варварской периферией, но варвары смогли захватить в них власть только тогда, когда эти государства стали разваливаться сами.

Тайские племена, принявшие столь драматическое участие в истории Индокитая XIII в., с VII по XII в., по всей видимости, занимали широкую гористую полосу между государством Наньчжао на севере и ранними индокитайскими государствами на юге, образуя по отношению ко всем им «варварскую» периферию. На протяжении этих веков часть тайских племен начала постепенно просачиваться в более плодородные южные районы. В первую очередь при этом заселялись районы, еще не освоенные монскими и кхмерскими земледельцами, например горные долины с редким охотничьим населением. Так, уже в VIII в. на крайнем севере Таиланда существовало тайское княжество Чиангсен¹.

С XI в., после присоединения монского государства Лаво к Кхмерской империи, кхмерские цари начинают использовать тайцев в качестве наемников для охраны своих северных границ². До XI в. между монскими государствами Лаво и Харипунчайя в области среднего Менама существовала широкая нейтральная полоса, заселенная крайне слабо. Эту-то пограничную полосу кхмерские цари и предоставили тайским переселенцам. В XI—XII вв. здесь возникают сильно укрепленные крупные города Сукотаи, Саванкалок, Питсанулок и др., в архитектуре которых чувствуется сильное кхмерское влияние.

По мере того как в Кхмерской империи все чаще происходили мятежи, народные восстания, религиозные войны (1050—1066, 1080—1113, 1160—1181 гг.), скромные военные поселенцы набирали все большую силу, постепенно проникая и в чисто монские районы. Разоренные двойным непосильным гнетом кхмерских и монских вельмож, без конца отрываемые от своего хозяйства разорительными великодержавными войнами кхмерских царей против Вьетнама и Тямпы и колоссальным культовым строительством, монские крестьяне, предпочитая из двух зол меньшее, стремились перейти под власть патриархальных

¹ По лаосским хроникам, г. Чиангсен был основан в 773 г.

² К такой же практике прибегали и поздние римские императоры.

тайских князей. Такая же картина, по-видимому, наблюдалась и в тогдашней Бирме.

В 1096 г. у слияния рек Мепинг и Меванг (к северу от современного тайландского города Рахенга) образовалось независимое тайское княжество Пайао. В 1215 г. на территории современной Бирмы к северу от Бхамо было основано тайское княжество Могаунг. В 1223 г. на западном притоке Салуина возникло тайское княжество Моне (Мыанг Най). В 1229 г. таи завоевали Ассам и создали там свое государство.

Ослабевшей Кхмерской империи в 1238 г. был нанесен решительный удар на среднем Менаме. Тайский князь Шри Индрадитья освободил от кхмерского владычества бывшую территорию Лаво (Центральный и Южный Таиланд) и основал здесь новое государство — Сукотаи. С этого момента сохранявшее еще независимость монское государство Харипунчайя оказалось зажатым между тайцами на юге (Сукотаи) и тайцами, оставшимися на местах своего древнего обитания на севере, которые оказывали друг другу поддержку, хотя экспансия Сукотаи и была обращена в основном на юг, в более плодородные районы.

На севере рыхлую федерацию варварских тайских княжеств возглавил князь Чиангсена Менграй (1261—1317), который, постепенно сплачивая эту федерацию, приступил к завоеванию Харипунчайи. Уже на второй год своего правления он основывает новый город Чианграй и переносит туда столицу. Затем, постепенно продвигаясь на юг и отхватывая все новые куски Харипунчайи, он занимает в 1269 г. г. Чиангконг и основывает в 1273 г. г. Мыанг Фанг. Вслед за этим, однако, его наступление на Харипунчайю приостанавливается более чем на полтора десятилетия. По времени этот перерыв совпадает с появлением монголов в Северной Бирме. Вслед за Бирмой объектом монгольской агрессии становятся почти все государства Юго-Восточной Азии — Вьетнам, Тямпа, Камбоджа, Индонезия и государства на территории Таиланда. В 1287 г. границы империи Юань вплотную подошли к Сукотаи и государству Менграя. В ответ на это владетели трех тайских государств — Рама Камхенг (король Сукотаи), Менграй и Нгам Мыанг (князь небольшого княжества Пайао) — в том же, 1287 г. заключают тройственный союз для обороны против чужеземного нашествия.

После заключения тройственного союза Менграй вновь обращается к своим планам завоевания Харипунчайи, но теперь он явно бережет свои войска и вместо прямого натиска прибегает, согласно легенде, к своеобразной военной хитрости. Он засылает в эту страну своего агента, который, втершись в доверие к царю Джибе и получив важный пост, довел различными притеснениями народ до ненависти к существующей власти. Суть этого беллетризованного рассказа, видимо, в том, что, как и Рама Камхенг, Менграй умело использовал глубокое недовольство населения в пришедшем в кризис деспотическом государстве.

В 1292 г. Менграй после краткой осады занял столицу Харипунчайи Лампун. Последний монский царь бежал в крепость Лампанг, где пытался организовать сопротивление. И в том же году, возможно по приглашению побежденного, в государство Менграя вторгаются монголы. В такой критической обстановке Рама Камхенг, союзник Менграя, представлявший во внешней политике интересы союза трех государств, проявляет незаурядные дипломатические дарования. В 1292 г. он отправляет посольство к Хубилай-хану с данью и признанием верховной власти императора. При этом он, несомненно, действует и в интересах своего союзника. В 1293 г. монгольские войска покидают Харипунчайю, а ее незадачливый последний царь получает разрешение поселиться на территории Сукотаи в Питсанулоке.

К 1296 г. положение тайских государств стабилизировалось настолько, что Менграй после переговоров со своими двумя союзниками основывает новую столицу Чиангмай («Новый город»). Под этим названием (реже под названием Ланнатаи — «Миллион рисовых полей тай») новое северотайское государство существовало до XVIII в.

Уже в следующем году Менграй включается в борьбу, которую шаны и бирманцы вели против монгольского господства, и вторгается в княжество Че-ли (Чиангунг) на бирманско-китайской границе. В конце 1297 г. против Чиангмая направляется карательная монгольская экспедиция, но уже к лету 1298 г., когда повстанцы в Бирме под предводительством своих вождей — «трех шанских братьев» — освобождают Паган и арестовывают короля, принесшего присягу империи Юань, монгольские завоеватели вынуждены перейти к обороне, а затем и отступают. Последний набег монголов на Бирму и Чиангмай осенью 1300 г. окончился в апреле 1301 г. их полным разгромом на территории Чиангмая. Два года спустя, в апреле 1303 г., юаньская провинция Чинг Минь в Бирме была официально ликвидирована императором. Одновременно исчезает угроза монгольского вторжения на территорию Таиланда.

Государство Чиангмай (Ланнатаи), образовавшееся в результате этих драматических событий, стало типичным глубинным государством Юго-Восточной Азии, подобным Лаосу (Лангчан), с которым его связывала также общность языка. Вследствие слаборазвитой экономики и внешней торговли оно сохранило много архаических черт, в частности воинственность, присущую молодому варварским государствам. Войны в его истории занимают очень большое место, будучи, в сущности, главной задачей чиангмайских феодалов, причем борьба с соседями шла не столько за приобретение новых земель, сколько за захват пленных, которых можно было бы посадить на слабозаселенные земли Чиангмая и эксплуатировать гораздо интенсивнее, чем коренных жителей, свободолюбивых и воинственных, составлявших основу чиангмайского войска.

Большую роль в истории страны играли феодальные смуты. У короля Менграя было три сына: Кун Круанг, Кун Крам и Кун Круа. Старший сын, губернатор Фанга, если верить летописям, был убит по приказу отца в тринадцатилетнем возрасте. Дело в том, что Кун Круанг стал орудием в руках местной феодальной клики, которая хотела посадить его на трон, низложив Менграя. Двое оставшихся сыновей Менграя в последние годы его правления так долго и упорно боролись за влияние в государстве, что Менграй в конце концов выслал младшего, Кун Круа, в отдаленное шанское княжество Мыанг Най (Моне) [7, с. 53—54].

Несмотря на колоссальный авторитет королевской власти, личность короля как в Сиаме, так и Чиангмае отнюдь не пользовалась абсолютной неприкосновенностью. Из 16 королей, правивших в Аюттии с 1351 по 1569 г., восемь было низложено или убито. В Чиангмае с 1259 по 1564 г. из 16 правителей было низложено только пятеро, зато династические войны происходили здесь чаще и были дольше и кровопролитнее, чем в Сиаме. Это объясняется более архаическим социальным строем Чиангмая и большей ролью, которую здесь играли удельные князья.

Несмотря на преклонный возраст и внутренние неурядицы, Менграй продолжал вести активную внешнюю политику и в первые десятилетия XIV в. После того как миновала монгольская угроза с севера, он обращает свое внимание на юг. Сначала он посылает свои войска против Нижней Бирмы. Король ее Сутхагом, у которого руки были связаны феодальным мятежом в Мартабане, поспешил откупиться от Менграя. Он отправил ему богатую дань и предложил в жены свою дочь, принцессу Нанг Пайко, после чего оба государства заключили договор о мире и дружбе. Затем настала очередь Верхней Бирмы. Ослабленные внутренними и внешними войнами, шанские правители Верхней Бирмы не стали оказывать Менграю вооруженного сопротивления. Они уплатили ему дань и послали в Чиангмай большую группу ремесленников, которую потребовал король. В их числе были ювелиры, литейщики и другие специалисты [7, с. 54].

В 1317 г. король Менграй умер на восьмидесятом году жизни (по преданию, убит молнией). На престол взшел Кун Крам (1317—1327). Кун Крам перенес столицу на север, в Чиангмай, а в Чиангмае посадил правителем своего сына Санбху. Узнав об этом, Кун Круа вернулся из изгнания и, собрав своих приверженцев, напал на Чиангмай. Санбху уступил город без боя. Заняв Чиангмай, Кун Круа объявил себя королем (1317—1322). Королевство Ланнатаи распалось, таким образом, на две части.

Задачу его воссоединения взял на себя второй сын Кун Крама — Тао Нам Туам. Его агенты, переодетые купцами, проникли в город и ночью открыли ворота войскам законного короля. Кун Круа, который, по сообщению летописи, спал после пьяной оргии, был схвачен и брошен в темницу. В том же, 1322 г. ко-

роль Кун Крам назначил Тао Нам Туама правителем Чиангмая. Но, закрепившись в Чиангмае, Тао Нам Туан сам начал представлять угрозу для короля. В 1324 г. по приказу Кун Крама этот популярный военачальник был арестован и сослан в Чиангтунг (ныне Кенгтунг). Правителем Чиангмая был вновь назначен слабохарактерный Санбху [7, с. 55].

В 1327 г. Кун Крам умер и ему наследовал Санбху (1327—1334). Следуя традиции, заведенной отцом, он назначил правителем Чиангмая своего сына Кампу, а столицу перенес в Чиангсен, который отстроил заново. Здесь он семь лет спустя скончался в возрасте 60 лет. Сменивший его Кампу (1334—1345) не прославился никакими деяниями. При нем могущество Ланнатаи ослабло. По преданию, этот король за недостойные поступки был съеден крокодилом во время купания в реке [7, 56].

При следующем короле Пайу (1345—1367) королевство Ланнатаи перенесло серьезное испытание — агрессию со стороны только что возникшего в долине Меконга государства Лангчан (Лаос). В 1354 г. войска лаосского короля Фа Нгуна переправились на правый берег Меконга и захватили восточные районы Ланнатаи, прилегающие к этой реке. Пайу направил против Фа Нгуна войско под командованием генерала Пья Сенмуонга, но оно было разбито, а командующий убит. Союзное государство Сукотаи, само подвергшееся нападению, не могло оказать Ланнатаи помощи. В такой обстановке король Пайу вынужден был заключить унижительный мир, выплатить Фа Нгуну огромную контрибуцию и отказаться от захваченных лаосцами районов. Теперь Чиангсен стал пограничным городом, и, чтобы обезопасить себя от новых набегов, король Пайу вновь (и на этот раз окончательно) перенес столицу в Чиангмай. С этого времени королевство Ланнатаи обычно называют, как и его столицу, Чиангмаем.

При сыне Пайу, короле Куэне (1367—1385), Чиангмай впервые подвергся нападению племен с севера (с территории нынешней Юньнани). Это вторжение, однако, было отбито способным военачальником, вышедшим из низов, Кун Майной. За этот подвиг он получил почетный титул Пья Сриситимачай Сонграм Лумпа и назначен губернатором Чиангмая. Здесь перед нами, таким образом, один из примеров пополнения феодального класса за счет общинной верхушки.

В правление короля Куэна было положено также начало бесконечным феодальным войнам с образовавшимся в 1351 г. королевством Сиам (Аютия), которые продолжались с перерывами с последней четверти XIV по первую половину XVI в. Поводом к первой сиамо-чиангмайской войне послужило наступление Аютии на ослабленное и сильно уменьшившееся в размерах государство Сукотаи. В 1376 г. король Куэна послал войска на помощь сукотайскому монарху Сай Лю Таи Таммараче II (1370—1408). Помощь оказалась недостаточно эффективной.

В 1378 г. Сукотаи было вынуждено признать себя вассалом Аютии, которая к тому же раздробила ее территорию.

Король Куэна извлек, однако, из поражения Сукотаи урок. Он оказал широкое гостеприимство жителям Сукотаи, пожелавшим эмигрировать в его страну. Особым предпочтением пользовались художники, ученые и монахи. (Сукотаи в культурном отношении стояло выше, чем Чиангмай.) Король Куэна заслужил репутацию покровителя искусств. Как отмечают летописи, он сам был большим знатоком в области религии, астрологии, ведической философии и фольклора, хотя отдавал большую дань и традиционному королевскому спорту — слоновой охоте [7, с. 58].

Среди приглашенных Куэной в Чиангмай монахов был выдающийся знаток буддизма Пра Маха Сумана. Он поднес королю якобы обнаруженную реликвию (часть тела) Будды. Куэна распорядился поместить эту реликвию на вершине горы Дой Сутеп близ Чиангмая, которая с тех пор стала центром буддийского культа в королевстве Ланнатаи [2, 95—97]. При Куэне значительно оживилось строительство буддийских храмов, древний культ местных духов был существенно потеснен. В 1371 г. Куэна даже построил в своем дворцовом саду большой монастырь и передал его Пра Маха Сумане [2, с. 102].

В 1385 г. Куэна умер и на престол вступил его 14-летний сын Сен Мьонг Ма (1385—1411). Малолетство короля сразу же дало повод для феодальных усобиц. Младший брат Куэны, принц Махапром, занимавший пост правителя Чиангсена, решил воспользоваться моментом для захвата трона. Собрав армию, он подступил к Чиангмаю и потребовал впустить его в город якобы для поклонения праху умершего короля. Хитрость Махапрома, однако, была разгадана министром-регентом Сенпанонгом, который выслал ему навстречу королевскую армию. Махапром был разбит и бежал на территорию Аютии, в вассальный город Саванкалок, а затем обратился за помощью к королю Аютии Боромораче I. Так началась вторая сиамо-чиангмайская война [2, 103; 4, 59].

Махапром во главе сиамской армии осадил в 1387 г. чиангмайский город Лампанг. Город выдержал осаду. Командующий чиангмайскими войсками генерал Мьн Лок Након вовремя подоспел на помощь и заставил отойти осаждающих. Вскоре после этого он разбил войска сиамцев при деревне Сен Санук. В этой битве отличилась беременная жена командующего — Нанг Си Мьонг³. Принц Махапром бежал в сиамский город Кампенгпет. Некоторое время спустя, потеряв надежду на трон, он решил вернуться на родину. С этой целью он похитил в Кампенгпете знаменитую статую Будды Пра Сихинг и преподнес ее

³ Вообще в тайских государствах XIV—XVI вв. женщины занимали важные политические и даже военные посты.

королю Сен Мьонг Ма. Благочестивый король тут же простил его и вновь назначил правителем Чиангсена [7, 60—61].

Требования сиамцев вернуть драгоценную статую Сен Мьонг Ма оставил без ответа. Более того, в 1390 г. он сам стал инициатором повой войны с Аютией, третьей по счету. Поводом к ней послужила просьба бывшего сукотайского короля Таммарачи II вторгнуться в Сиам, чтобы избавить Сукотай от вассальной зависимости. Но когда чиангмайские войска вошли в Сукотай, Таммарача II почему-то передумал (может быть, они слишком ретиво грабили его подданных) и внезапно ночью напал на своих союзников. Потерпев поражение, Сен Мьонг Ма едва избежал плена (по преданию, его вынесли на плечах двое верных слуг). После того как Сен Мьонг Ма умер, оставив трон своему двенадцатилетнему сыну Сам Фанг Кену (1411—1441), против нового короля поднял мятеж его старший брат Чикумкан, удельный князь Чиангсена. Потерпев поражение, Чикумкан бежал за помощью в Сиам. Это послужило поводом для четвертой сиамо-чиангмайской войны. Сиамской армией на этот раз командовал вассальный король Сукотай — Таммарача III (сын Таммарачи II). На первом этапе войны он осадил город Пайао. В ходе осады сиамцы возвели башню, на которую поместили пушки, чтобы бомбардировать город⁴. Жители Пайао упорно оборонялись. Они сорвали медную черепицу с храма, отлили из нее пушку и ядрами разбили сиамскую башню.

Однако после этого поражения Таммарача III не отступил на территорию Сиама. Напротив, совершив глубокий рейд на север Ланнатаи, он внезапным ударом захватил г. Чианграй. После этого сиамские войска двинулись на столицу королевства — Чиангмай.

Применение артиллерии сочеталось в войнах того времени с очень архаическими чертами. Согласно летописям, генеральное сражение под стенами чиангмайской столицы было заменено поединком двух бойцов, выставленных враждебными армиями. Чиангмайский боец Хан Йотчайпет победил, и сиамцы отступили. Возможно, впрочем, что главной причиной отступления была энергичная деятельность партизанских отрядов в тылу сиамской армии. В летописях сохранилось упоминание о подвигах чиангмайского мальчика — партизана Петиота. Уходя, сиамцы угнали с собой все население Чианграя. Сразу же после отражения сиамской агрессии над Чиангмаем нависла новая угроза. Князь Холумпа, владетель вассального по отношению к Китаю княжества Нонгсе, в 1412 г. потребовал от короля Сам Фанг Кена выплаты дани на том основании, что Чиангсен некогда платил дань государству Наньчжао, а княжество Нонгсе — правопреемник этого государства. В ответной ноте Сам Фанг Кен сослался

⁴ Первые упоминания об артиллерии в сиамских летописях относятся ко второй половине XIV в., но некоторые историки оспаривают их подлинность.

на то, что Наньчжао еще в 1253 г. было завоевано монголами и прекратило свое существование. Стало быть, дань платить больше никому.

После этого князь Холумпа послал войска для захвата Чиангсена. Однако чиангмайский полководец Чао Сенкамруонг, умело маневрируя, заманил войска Нонгсе в местность, где для них была приготовлена ловушка — ямы, прикрытые ветвями и листьями. Проведя операцию по окружению войск Холумпы, Чао Сенкамруонг погнал их на ямы и полностью разгромил. В 1415 г. войска Нонгсе совершили новое вторжение в пределы Ланнатаи. Они довольно долго разоряли северную окраину, пока генерал Чао Кун Сен не выбил их оттуда [7, 64—65].

Потенциальная угроза одновременного нападения вассалов Китая и Аютии, однако, продолжала оставаться реальной на всем протяжении правления Сам Фанг Кена. Для нужд обороны требовалось напряжение всех сил страны. Между тем значительная часть доходов государства, особенно в результате дарений предыдущего короля, находилась в руках буддийского духовенства, которое не платило налогов. В чрезвычайной обстановке Сам Фанг Кен вынужден был поднять руку на богатства буддийской церкви и в известной мере поддерживать старые анимистические культы, которые не требовали таких затрат.

Эти действия вызвали неугасающую ненависть к королю «еретику» со стороны буддийского духовенства. В дошедшей до нас хронике «Джинакаламалини», составленной в 1516 г. чиангмайским монахом Раттанананья, говорится: «Он (король Тиссараджа, он же Сам Фанг Кен. — Э. Б.) был без веры, поощрял еретиков за счет верующих, поклонялся демонам и жертвовал буйволов и быков духам садов, деревьев, пагод, гор и лесов. По этой причине жители его царства были прозваны „рабами демона“. Он велел воздвигнуть большое святилище Пурачанна в прекрасном городе Саратира [Фанг Кен], где он родился. Он пожертвовал этому храму рисовые поля и другую собственность, и на всей территории царства он конфисковал земли, такие, как рисовые поля, принадлежавшие буддийским и другим монастырям, чтобы передать их этому храму». Однако в летописи «Понгсавадан Йонк», составленной позднее светским автором, Сам Фанг Кен характеризуется только положительно как мудрый король, который сумел защитить свою страну от нападения Аютии [2, с. 104]. Если отбросить тенденциозные оценки хроники «Джинакаламалини», изложенные в ней факты говорят, что Сам Фанг Кен стремился создать единое храмовое хозяйство, все ресурсы которого находились бы в руках государства, как в ангорской Камбодже в эпоху расцвета и в некоторые периоды истории древнего Египта.

В то же время нельзя сказать, чтобы буддийская церковь безропотно переносила «притеснения» со стороны государства. Правда, в начале правления Сам Фанг Кена большая группа

монахов, недовольная его политикой, уехала в Камбоджу, а от туда на Цейлон — мировой центр хиньянского буддизма. Но они не остались там на постоянное жительство, а после шестилетнего пребывания, посвященного упорному изучению новейших форм цейлонского буддизма, вернулись в Аютию, захватив с собой несколько цейлонских монахов. Заручившись здесь поддержкой аютийского духовенства, они направились (в 1430 г.) обратно в Ланнатаи, где с новой силой развернули буддийскую пропаганду. Для поднятия своего престижа монахи организовали целую серию «чудес». Наиболее эффективным из них было «открытие» в Чиангрунге в 1434 г. знаменитой статуи «Изумрудного Будды», изготовленной, по преданию, в 43 г. до н. э. на Цейлоне, а потом якобы затерявшейся [2, с. 105—106].

Правительство некоторое время еще пыталось сдерживать политическую активность буддийских монахов, направленную на возврат монастырских богатств и реальное участие монахов в государственных делах. Так, в 1432 г., согласно хронике «Джинакаламалини», губернатор Лампанга «потерял жизнь и честь за то, что поддерживал монахов», но самих монахов репрессии не коснулись [2, 106].

Между тем в международной обстановке произошли изменения. С исчезновением угрозы на границе с Китаем начинают слабеть и основы внутренней политики Сам Фанг Кена. При явном подстрекательстве со стороны буддийского духовенства возникает заговор против короля, во главе которого номинально стоял шестой сын Сам Фанг Кена, Тао Лок, не имевший никаких шансов получить корону обычным путем, а фактически всем руководил его друг, энергичный генерал Пья Самдекьоя.

В 1441 г., когда король Сам Фанг Кен отдыхал в загородном дворце, Пья Самдекьоя со своими войсками захватил столицу. Король был вскоре арестован и приведен в столичный дворец, где перед собранием высшего буддийского духовенства и знати вынужден был отречься от престола⁵ в пользу Тао Лока, а затем был отправлен в изгнание в шанское княжество Мыонг Сад [2, с. 107]. Тао Лок начал царствование под именем Тилокарата (1441—1485). Ему предстояло царствовать 44 года, дольше всех остальных чиангмайских королей, но бурное начало его правления не давало оснований полагать, что оно продлится так долго. Первым же препятствием на его пути оказался его друг и благодетель Пья Самдекьоя, которому он пожаловал титул принца — Сенкап. Титул Сенкап оказался тому недостаточным, и, рассчитывая на свою популярность в войсках, он посягнул на корону. В борьбе против такого претендента Тилокарат прибег к чувствам солидарности королевского клана. Помощь новому королю оказал его дядя, принц Мын Лок Након (тезка героя

⁵ Хроника «Джинакаламалини» сообщает, что он отрекся только перед собранием монахов, а о знати умалчивает [2, с. 107].

второй сиамо-чиангмайской войны и сам выдающийся полководец). Опираясь на силы своего удельного княжества, он захватил Пья Самдекьоя. Король, учитывая прежние заслуги мятежника, а главное — его популярность, ограничился тем, что послал его в кратковременное изгнание, а затем дал ему почетный пост губернатора Чиангсена.

Между тем в стране назревал новый мятеж. Другой брат свергнутого короля, удельный князь Мыанг Фанга, принц Сои, не пожелал признать королем своего племянника Тилокарата. Он послал своих людей в Мыонг Сад за свергнутым королем и перевез его в свой удел. В то же время он обратился за военной помощью к королю Сиаму Боромораче II. Это послужило поводом к пятой сиамо-чиангмайской войне (1442 г.).

Но к тому времени, когда сиамские войска появились в Чиангмае, силы оппозиции были уже разгромлены прищем Мын Лок Наконом. Столица Соя, Мыанг Фанг, была взята штурмом, бывший король Сам Фанг Кен вновь арестован, принц Сои погиб в арьергардном бою, когда пытался пробиться на соединение с сиамцами [7, с. 70]. Продвижение сиамцев к столице Ланнатаи было остановлено удачной ночной вылазкой чиангмайских разведчиков, натравивших сиамских боевых слонов на их лагерь. Боромораче II пришлось отступить. Преследуя сиамские войска, чиангмайцы вторглись на территорию Аютии.

После этих успехов положение Тилокарата упрочилось. Теперь он поспешил отблагодарить буддийских монахов за поддержку, осыпав их богатыми дарами. Монахи, в свою очередь, не остались в долгу и славил его на каждом шагу. В хронике «Джинакаламалини» Тилокарат изображается прямым антиподом своего нечестивого отца. «Он, — сообщает хроника, — обладал силой, энергией и славой героя. Он заботился о благе ближнего, как о своем собственном. Он был полон веры и благочестия, и у него были глубокие знания» [2, с. 108].

Стремясь укрепить связь светской знати с духовенством, Тилокарат в 1442 г. организовал торжественную церемонию одновременного посвящения в монахи 500 юношей из знатных семей. (Впрочем, через три месяца они имели право покинуть монашеское сословие.) В 1447 г. Тилокарат сам ненадолго ушел в монахи, возложив обязанности регентши на свою мать — королеву Махадеви⁶.

После успешного завершения очередной войны с Сиамом в 1452 г. Тилокарат совершил особо крупные дарения земель монастырям. В 1478 г. он приказал специально расширить царский дворец, чтобы поместить внутри его буддийские реликвии с Цейлона [2, с. 110—111].

⁶ Мать-королева прекрасно справилась со своими обязанностями. Во время своего правления она даже завоевала независимое тайское княжество Пре, которое, кстати, упорно обороняла также женщина — княгиня Тао Мехкун. Исход дела решило превосходство Чиангмая в артиллерии [7, с. 71—72].

Укрепив свое положение внутри страны, Тилокарат получит возможность округлить владения. Помимо княжества Пре, присоединенного в 1447 г., Тилокарат в 1450 г. завоевал до этого независимое княжество Нан. В 1460 г. он совершил поход против шанских княжеств (на территории нынешней Бирмы) и подчинил некоторые из них. Войска под командой его внука захватили в 1462 г. крупное шанское княжество Мыонг Най. Армия Тилокарата совершила и походы на север против княжеств, лежащих близ китайской границы. В 1478 г. была отражена попытка вьетнамцев захватить княжество Нан [7, с. 71—76]. Но главной осью внешней политики Тилокарата была вооруженная борьба с Сиамом, где в то время правил также могущественный монарх Боромотрайлоканат (1444—1488). Военный перевес в этой борьбе вплоть до середины 70-х годов XV в. находился на стороне Чиангмая. По-видимому, централизаторские реформы Боромотрайлоканата пришлись не по вкусу сиамским феодалам, наиболее крупные из которых правили в пограничных районах.

Шестая сиамо-чиангмайская война началась в 1451 г. в связи с тем, что правитель сукотайского города Саванкалока поднял мятеж против Сиамы и просил Тилокарата о помощи. В связи с этим в Северный Сиама вторглись две чиангмайские армии. Первая из них во главе с Тилокаратом двинулась прямо на Саванкалок, но недалеко от города ее авангард был разбит сиамцами. Узнав в это же время о вторжении в Чиангмай короля Лангчана, Тилокарат спешно вернулся в столицу. Отсюда он двинулся к Чиангсену, освободил его и, преследуя войска противника, вторгся на лаосскую территорию, занял ряд городов и даже осадил столицу Лаоса — Луангпхабанг. Однако упорное сопротивление лаосцев заставило его снять осаду и вернуться в Чиангмай, захватив большую добычу и множество пленных, которых он посадил на своей земле. Между тем другая чиангмайская армия успешно действовала против войск Боромотрайлоканата и захватила часть сиамской территории [7, с. 73].

После нескольких лет затишья разразилась новая, седьмая война (1460—1463). Как и в прошлый раз, прелюдией к ней послужила измена губернатора Саванкалока, передавшего город Тилокарату, который за это назначил его также губернатором Пайао. В том же году Боромотрайлоканат напал на княжество Пре, но нападение не увенчалось успехом. В 1461 г. чиангмайские войска под командованием бывшего губернатора Саванкалока вторглись в Сиама, взяли штурмом г. Сукотаи и приступили к осаде самого крупного города Северного Сиамы — Питсанулока. Но чиангмайцам не удалось развить свой успех. В 1462 г. сиамцы освободили Сукотаи. В целях более оперативного руководства войной Боромотрайлоканат перенес свою столицу в Питсанулок, оставив в Аютии наместником старшего сына. В 1463 г. Тилокарат попытался снова захватить Сукотаи, но отступил с большими потерями.

Теперь война перешла на чиангмайскую территорию. Преследуя противника, сиамская армия во главе с вторым сыном короля, принцем Интарачей, продвинулась до холмов Дой Ба, где произошло генеральное сражение. В ходе сражения Интарача был смертельно ранен выстрелом из мушкета. Это деморализовало сиамские войска, и они отступили, несмотря на явный перевес. В 1464 г. неустойчивый губернатор Саванкалока решил снова перейти на сторону Сиамы. В качестве репрессии чиангмайцы сожгли большую часть города. Правителем Саванкалока был посажен дядя Тилокарата, принц Мын Лок Након.

В 1465 г. по случаю временного (на 8 месяцев) ухода Боромотрайлоканата в монастырь было заключено перемирие. Несмотря на долгие переговоры, сиамцам не удалось мирным путем возвратить Саванкалок. В 1466 г. враждебные действия возобновились. К этому периоду относятся интересные эпизоды из истории тайной войны в средневековом Индокитае. В Чиангмае в 1467 г. появился бирманский монах, тайный агент Боромотрайлоканата. Он быстро втерся в доверие Тилокарата и, «раскрыв» мнимый заговор, добился казни наследника престола Бун Руанга, а также многих высших чиновников. В следующем году в Чиангмай прибыло сиамское посольство во главе с неким брахманом. Вскоре послы были уличены в том, что зарыли в разных местах столицы семь кувшинов, содержащих вредоносные магические средства. В ходе разбирательства выяснилась и провокационная роль бирманского монаха. Глава посольства и монах были казнены сразу же, прочие члены посольства отпущены, но перебиты на обратном пути.

Девятая война разразилась в 1474 г., сразу после смерти наиболее выдающегося чиангмайского полководца Мын Лок Накона. На первом этапе сиамцы достигли значительных успехов. Им удалось захватить главную чиангмайскую пограничную крепость Чианг Юн и освободить Саванкалок. На втором этапе чиангмайцы отбили Чианг Юн. Так после целого ряда изнурительных войн было восстановлено статус-кво. Последняя, десятая война между Боромотрайлоканатом и Тилокаратом началась в 1485 г., после того как Тилокарат, видимо вспомнив о событиях 1467—1468 гг., перебил сиамское посольство. В ответ на это Боромотрайлоканат вторгся в Чиангмай, но не добился существенных успехов. В том же году Тилокарат умер. На престол взошел его внук Йотчианграй (1485—1495). При нем в 1492 г. вспыхнула одиннадцатая война между Чиангмаем и Сиамом. Поводом к ней послужило бегство в Аютию монаха Сурьявонга, прихватившего с собой драгоценную статую «Кристалльного Будды» из королевского храма. В ответ на требование Йотчианграя вернуть статую сиамский король сообщил, что она где-то затерялась. Йотчианграй придвинул войска к границам Сиамы, и статуя была возвращена [7, 78].

Этот относительный успех, однако, не прибавил популяр-

ности молодому королю в глазах феодальной знати. Пока был жив Тилокарат, он держал феодальную вольницу в руках (в борьбе с сепаратистами он не пощадил даже родного сына). Теперь крупные феодалы снова подняли голову. Под предлогом того, что Йотчианграй не способен управлять страной, они в 1495 г. низложили его и возвели на трон его тринадцатилетнего сына Мыонг Кео (1495—1525). Регентшей при малолетнем короле была назначена его мать, королева Пронгной, с которой знати, видимо, было легче договориться [2, с. 116; 7, с. 78].

Когда король Мыонг Кео достиг совершеннолетия, он, чтобы ограничить засилье светской феодальной знати, обратился за помощью к буддийскому духовенству. Хроника «Джинакала-малини» сообщает, что этот король отличался чрезвычайной приверженностью к религии Будды. Он активно участвовал во всех религиозных праздниках. Так, в 1501 г. Мыонг Кео лично присутствовал на торжественном открытии библиотеки буддийской литературы [2, с. 117]. Он оказывал духовенству и постоянную материальную поддержку, дарил монастырям земли и рабов. В 1511 г., согласно хроникам, он окружил Махадхачетью (великую буддийскую святыню) тройной серебряной оградой. В 1516 г. для охраны этой же святыни от нападений сиамцев король спешно окружил Лампун каменной стеной, причем на этой стройке работало якобы 3 млн. человек, т. е. все население Чиангмая [2, с. 121, 123].

В том же году, стремясь сгладить трения внутри буддийского духовенства, Мыонг Кео лично присутствовал на совместном собрании монахов всех трех буддийских сект Чиангмая. В 1517 г. на ассамблее только одной секты Сихала король и королева-мать поднесли монахам 200 тыс. золотых монет [2, с. 128].

Укрепив свои позиции внутри страны, Мыонг Кео в области внешней политики снова взял курс на войну с Аютией. В 1507 г., собрав большое войско, он вторгся в Сиам и осадил Сукотай. В отличие от прежних войн, заканчивавшихся обычно за один сухой сезон, эта война (двенадцатая по счету) длилась более трех лет. После первых успехов, однако, инициатива перешла к Сиаму. Сукотай выдержал осаду, а в 1508 г. сиамский полководец, военный министр Пья Калахом перенес военные действия на территорию Чиангмая и оккупировал вассальное княжество Пре. В следующем году чиангмайцам удалось отвоевать это княжество, но в 1510 г. оно снова оказалось в руках сиамцев.

После трехлетнего перерыва война вспыхнула вновь. В этой, тринадцатой по счету войне (1513—1515) военные действия приняли особо ожесточенный характер. Первые два года успех был на стороне чиангмайцев. Чиангмайский генерал Мын Пинг Йи, совершив ряд удачных набегов, угнал в свою страну огромное число пленных и скота. В 1515 г. он захватил важные сиамские центры Сукотай и Кампенгпет.

Перед лицом таких поражений сиамский король Рама Тибоди II (1491—1529) обратился за военной помощью к португальцам, незадолго до того завязавшим дипломатические и торговые отношения с Сиамом. С помощью португальских пушкарей и мушкетеров Рама Тибоди II в конце 1515 г. удалось организовать контрнаступление. В битве на р. Меванг сиамцы одержали решительную победу. Вскоре после этого пал чиангмайский город Лампанг, где была захвачена большая добыча. В числе трофеев было знаменитое изображение Будды из черного камня, по преданию привезенное сюда из Лопбури принцессой Чамдеви в VII в. Вскоре после этого военные действия прекратились. Сиамский король прислал в Чиангмай миссию доброй воли, и Мыонг Кео поспешил заключить мир [7, с. 79].

В 1525 г. король Мыонг Кео умер в возрасте 44 лет (согласно летописям, от пищевого отравления). Возможно, его отравили крупные феодалы, права которых он пытался ограничить. Он не оставил после себя мужского потомства. Совет знати пригласил на царство его сводного брата Кет Клао, который тогда был правителем вассального шанского княжества Чават Ной [7, с. 79].

Феодальная знать рассчитывала, что Кет Клао окажется покорной игрушкой в ее руках, но новый король повел самостоятельную политику. Вскоре крупные феодалы составили заговор, чтобы свергнуть его. Кет Клао вовремя раскрыл этот заговор и сурово покарал его участников. Но правление его по-прежнему оставалось беспокойным: неизвестные лица подожгли королевский дворец, а затем и всю столицу. Населению Чиангмая был нанесен большой ущерб, многие впали в нищету. В 1535 г. разразилось новое, на этот раз удачное, восстание против короля. Мятежники свергли Кет Клао и изгнали его обратно в Чават Ной. На трон был посажен сын Кет Клао — Чайкам (1535—1543). Но и этот король, посаженный знатью, не смог удовлетворить всех крупных феодалов. Часть этих феодалов в 1543 г. подняла восстание, убила Чайкама и пригласила Кет Клао вернуться на трон. Второе правление Кет Клао продолжалось только два года. В 1545 г. часть феодалов во главе с вельможей Сен Дао снова свергла его, и он был убит [7, с. 80].

После казни Кет Клао в Чиангмае началась борьба за власть между различными кликами феодалов. Группа Сен Дао, укрепившаяся в столице, хотела призвать на трон князя Мекути, дальнего родственника Кет Клао, правителя шанского княжества Мыонг Най. Другая группа (феодалы Южного Чиангмая) стремилась посадить на трон князя Хсенви. Третья группа, возглавляемая Мын Айсамланом, опиравшаяся на северные районы (Чиангсен и Чианграй), начала секретные переговоры с королем Лаоса Потисаратом. Эта группа предложила корону Чиангмая несовершеннолетнему сыну Потисарата, принцу Сеттатирату, который по матери был внуком Кет Клао. В раз-

вернувшейся борьбе князь Хсенви, потерпев поражение под Чиангмаем, пригласил в страну сиамского короля Прачая (1534—1546). Но когда в июне 1546 г. Прачай с войском подошел к столице Ланнатан, положение здесь в значительной степени стабилизировалось. Северные феодалы при поддержке лаосцев разгромили сторонников Мекути и убили Сен Дао. В качестве компромисса правительницей Чиангмая до совершеннолетия Сеттатирата была провозглашена дочь Кет Клао, принцесса Чирапрабха. Эта незаурядная женщина обладала недюжинными дипломатическими способностями. Она сумела, не доводя дело до открытой борьбы, убедить Прачая вернуться в Сиам.

Но осенью 1545 г. положение опять осложнилось. В Чиангмай вторгся шанский претендент — принц Мекути. В ответ на это лаосский король прислал в Чиангмай свой гарнизон. Прачай счел этот момент подходящим для нового вмешательства в чиангмайские дела. В конце 1545 г. его войско благодаря внезапной ночной атаке захватили г. Лампун (бывшую столицу Харипунчайн). Затем он приступил к осаде Чиангмая. Принцесса Чирапрабха, однако, сумела организовать энергичное сопротивление. После кратковременной осады Прачай был вынужден отступить. Чиангмайские отряды шли за ним по пятам, нанося удар за ударом. У р. Пун Сам Мын сиамские войска попали в засаду и потеряли трех генералов, десять тысяч солдат и три тысячи лодок. Так завершилась последняя, четырнадцатая по счету, сиамо-чиангмайская война.

В 1548 г. в Чиангмай прибыл принц Сеттатират, и королева Чирапрабха уступила трон своему племяннику. Но Сеттатират процарствовал в Чиангмае только два года. В 1550 г. умер его отец Потисарат, и Сеттатират поспешил в Лаос, так как на престол претендовали его младшие братья. Укрепившись в Луангпхабанге, он обратился к Чирапрабхе с посланием, предлагая занять освободившийся чиангмайский трон, но та отказалась. Тогда чиангмайская знать пригласила на престол уже упоминавшегося выше шанского князя Мекути, отдаленного потомка основателя династии короля Менграя [7, с. 81—82].

Король Мекути (1551—1564) был последним правителем независимого Чиангмая. В годы его правления на западе поднялась мощная бирманская держава во главе с Байиннауном. Шанские княжества, лежавшие между Бирмой и Чиангмаем, одно за другим подпали под власть этого грозного завоевателя. Когда очередь дошла до бывшего княжества Мекути, Мьонг Ной, его жители обратились к чиангмайскому королю за помощью. Но Байиннаун одновременно послал Мекути ноту с требованием соблюдать нейтралитет. Пока Мекути колебался, Мьонг Ной пал, и бирманцы вышли на границы Чиангмая.

Король Байиннаун направил к Мекути новое посольство, предлагая ему прибыть в гости в свою ставку. Осторожный Ме-

кути вместо этого направил к бирманскому королю лишь группу феодалов и буддийских монахов. Видя, что его уловка раскрыта, Байиннаун сбросил маску и осадил Чиангмай. В 1556 г. после трехдневного штурма столица Ланнатан пала. Мекути был взят в плен, однако, после того как он присягнул Байиннауну, тот возвратил ему власть, но уже в качестве вассала Бирмы [7, с. 83].

Восемь лет спустя, в разгар войны Бирмы с Сиамом и Лаосом, Мекути вновь провозгласил независимость Чиангмая. Но Байиннаун подступил к столице королевства и взял ее штурмом. После этого он формально заключил брачный союз с престарелой экс-королевой Чирапрабхой и оставил ее вассальной правительницей Чиангмая под присмотром сильного бирманского гарнизона. Второе правление Чирапрабхи (1564—1578) было не богато внешними событиями. Чиангмай послушно посылал воинские контингенты в армию Байиннауна, что в конечном счете сильно обескровило страну.

После смерти Чирапрабхи в 1578 г. Байиннаун назначил вассальным королем Чиангмая своего второго сына — Саравади. После успешного восстания Сиам против бирманского владычества в 1584 г. Саравади неоднократно вторгался в Сиам, чтобы помочь своему брату, бирманскому королю Нандабайину, но каждый раз терпел тяжкие поражения. В 1599 г. после распада бирманской империи Саравади счел за благо присягнуть на верность королю Сиаму Наресуану, чтобы сохранить власть, хотя бы в качестве сиамского вассала. С этого момента история Чиангмая (за исключением кратких промежутков) сливается с историей Сиамом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берзин Э. О. История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
2. Coedès G. Documents sur l'histoire politique et religieuse du Laos Occidental.—«Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient». Т. 25. Hanoi, 1925.
3. Coedès G. The Indianized States of Southeast Asia. Canberra, 1968.
4. Coedès G. Introduction à l'histoire du Laos.—«France — Asie». Saigon, 1956, t. 12, № 118—119.
5. Frankfurter O. Events in Ayuthya from Chulasakaraj 686—966.—«Journal of the Siam Society». 1909, vol. 6, fasc. 3.
6. Le Boulanger L. L'histoire du Laos. P., 1974.
7. Manich M. D. History of Laos. Bangkok, 1967.
8. Mathieu A. R. Chronological Table of the History of Laos.—Kingdom of Laos. Saigon, 1959.
9. Sasorith K. D. Historical Aspects of Laos.—Kingdom of Laos.
10. Viravong M. S. History of Laos. N. Y., 1964.
11. Wood W. A. R. A History of Siam from the Earliest Times to the Year 1781. Bangkok, 1933.

И. Ю. Перская

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНДОНЕЗИИ

История Индонезии в древности и в средние века тесно связана с историей Индии. К I в. н. э. относится индийская колонизация стран Юго-Восточной Азии, оказавшая влияние на ряд социальных и политических институтов, культуру и религию этих стран. История Индонезии эпохи средневековья представляла собой синтез индонезийских и индийских элементов, подобно тому как история ряда феодальных государств Европы была синтезом германских и романских начал.

Домусульманская Индонезия стала объектом изучения индийских историков и породила большую историографию, совершенно не освещенную в советской литературе.

В 20-х годах нашего века начались археологические изыскания в Южной Индии, в результате которых были открыты надписи, свидетельствующие о связях Индии и Индонезии. Эти открытия дали толчок изучению индонезийской истории в Индии. Вместе с тем это было время роста освободительного движения в самой Индии, горячего стремления к полной национальной самостоятельности. Эти обстоятельства способствовали росту индийского национализма, влияние которого не могло не сказаться на историографии.

В 1926 г. в Калькутте было создано «Общество Запредельной Индии», которое выпускало свой журнал «Journal of Greater India Society». Это общество занималось изучением индийского культурного влияния на страны Юго-Восточной Азии. На страницах журнала помещали свои статьи как индийские, так и европейские ученые.

Еще в 1921 г. были предприняты раскопки буддийского монастыря в Наланде. Индийский археолог Хирананда Шастри обнаружил здесь медную пластинку с санскритской надписью, проливавшей свет на историю Индонезии IX в. и ее отношения с Индией. Ученый опубликовал статью, посвященную этой надписи: «Медная табличка Девапаладевы из Наланды» [39], где он дает санскритский текст надписи и английский перевод нескольких ее строк. Анализируя ее содержание, он говорит о правлении в IX в. в Шривиджайе династии Шайлендра, якобы ведущей происхождение из Индии и объединившей под своим владычеством Суматру и Яву, об отношениях между Шриви-

джайей и южноиндийским государством Чола, об индийском культурном влиянии. Шастри считает, что суматранская культура — индийского происхождения. По его мнению, Суматра первая приняла южноиндийских эмигрантов.

Надпись в Наланде была вторично опубликована Н. Г. Маджумдаром [16], хранителем музея научного общества «Варендра» («Research Society Varendra»). Он снабдил публикацию английским переводом, дал описание надписи, изложение ее содержания, анализ языка. Изучая саму надпись, Маджумдар выдвинул круг проблем, которые, по его мнению, могут быть решены на материале надписи, — выявление генеалогии Шайлендра в VIII—XI вв., вопрос о волне индийских колонистов из Северной Индии в противовес традиционному утверждению о том, что они пришли с юга.

Крупным специалистом по средневековой истории Индии и Малайи был проф. Р. Маджумдар, вице-канцлер университета в Дакке в 40-е годы. Его интересовала история индийской колонизации и распространение индийской цивилизации и культуры в странах Юго-Восточной Азии. В связи с этим большое место в его трудах было отведено истории Индонезии, изучение которой он начал с Шривиджайи эпохи Шайлендра. Этой средневековой индонезийской империи было посвящено несколько статей: «Империя Шайлендра (до конца X в.)» [17]; «Короли Шайлендра Суварнадвипы» [18]; «Борьба между Шайлендра и Чола» [19]; «Упадок и гибель империи Шайлендра» [20]. Маджумдар в 1934 г. указал на то, что первое упоминание о династии Шайлендра содержится в надписи в Лигоре.

Интересны его сообщения о торговле Шривиджайи с Китаем, принявшей своеобразные формы податной торговли. При этой форме торговли обмен товарами происходил в виде выплаты дани китайскому императору местными индонезийскими товарами (последние, в свою очередь, взимались как поборы с вассальных Шривиджайе государств) и получения как бы в уплату почетных китайских титулов, связок монет, золота, фарфора. Автор рисует и высокую культуру средневековой Индонезии, тесно связанную с распространением буддизма в форме махаяны. Он описывает великолепные индо-яванские храмы Борободур и Каласан.

Однако своим политическим могуществом и культурой Шривиджайя, по мнению Р. Маджумдара, обязана Индии. Оттуда якобы пришли Шайлендра, буддизм и буддийская культура. В своих утверждениях автор даже идет дальше, превращая империю Шривиджайя с династией Шайлендра в империю Шайлендра с Шривиджайей как ее главной частью. Он говорит о том, что пришедшие из Индии Шайлендра установили в VIII в. свою власть на Яве, а затем на Малаккском полуострове и Суматре. Тем не менее ученый недостаточно последователен в этих своих утверждениях. Иногда речь идет у него о Шривиджайе с

династией Шайлендра. Он признает также, что вопрос о происхождении Шайлендра спорен и что бытующие в литературе предположения о происхождении Шайлендра с Явы или Малаккского полуострова также имеют право на существование.

Касаясь отношений Шривиджайи времени правления Шайлендра с государством Чола в Южной Индии, он пишет о причинах борьбы между ними. Они заключались в том, что Шайлендра занимали ключевые позиции в торговле между Западной и Восточной Азией, а Чола боролись за превосходство на море.

Останавливается Р. Маджумдар и на проблеме гибели Шривиджайи. Среди причин ее он отмечает рост самостоятельности вассальных государств, входивших в состав империи, усиление их борьбы за автономное существование, ослабление Шривиджайи в связи с борьбой против Цейлона и таи, завоеванными в конце XIII в. северную часть Малаккского полуострова.

Главное внимание автор уделяет вопросу об индийской колонизации, ее истоках и последствиях. Этому посвящена статья «Малайцы», написанная в двух вариантах [22; 23]. Основной труд автора «Древние индийские колонии на Дальнем Востоке» [21], а также его книга «Индийские колонии на Дальнем Востоке» [24] представляют собой обзор всего им написанного и служат пособием для университетского курса истории. Точка зрения автора не лишена противоречий. Опираясь на сведения голландских ученых — Брандеса, Крома, Фрюин-Меса и др., Р. Маджумдар говорит о пришедших некогда в Индонезию аустронезийцах, или протомалайцах, к которым принадлежали и предки современных индонезийцев. Эти племена принесли с собой ряд типов палеолитических и неолитических орудий, а также основные сельскохозяйственные культуры. В первом варианте статьи «Малайцы» он пишет, что аустронезийцы в следующий период колонизовали также Индию и что происшедшая позже колонизация Индонезии индийскими племенами была как бы обратным процессом. Индия происходит из Индонезии, а Индонезия из Индии. Вероятно, потомки этих аустронезийцев смешались с местными индийскими племенами. Среди них были и племена малава, разбросанные по всей Индии и давшие названия языку малайлам, а также многим географическим пунктам как в Индии, так и в странах Юго-Восточной Азии.

Приблизительно в I в. н. э. началась индийская колонизация стран Юго-Восточной Азии. В основе ее лежала торговая экспансия. Колонизации способствовали также проповедники индуизма. В результате в Индонезию проникли новые языки — санскрит и пали, индийские религии, социальные и политические учреждения и бытовые установления. Однако, как отмечает автор, местные элементы не были стертые и становились сильнее по мере ослабления контактов с Индией.

Р. Маджумдар преувеличивает влияние Индии и роль индийских элементов, приписывая индийскому происхождению и ир-

ригацию, и искусство изготовления батика, и высокую государственную организацию, и культуру. Он говорит о доминирующем влиянии индийских институтов, как бы поглотивших местные элементы. Однако, утверждая это, автор впадает в противоречие, ибо одновременно он ведет речь о сложном сочетании двух цивилизаций, т. е. фактически о синтезе.

Автор дает описание индианизированных государств на островах Малайского архипелага — Яве, Бали, Суматре, Калимантане. Он рассказывает о королевствах Холинг (Калинга), Тарума, государстве Мулавармана в Кутеи, Шривиджайе, а также Матараме и Сингасари. По его мнению, с основанием последнего началась новая фаза яванской истории: индийская культура отступала все больше на задний план и чисто местные элементы занимали ее место. Ученый дает описание и последней индианизированной империи в Индонезии — Маджапахита, власть которого распространялась на все главные острова Малайского архипелага и большую часть Малайи. Однако Маджапахиту уделено значительно меньше места, чем Шривиджайе, по всей вероятности потому, что Маджумдар считает его более яванским и менее индийским. Свою историю индианизированных государств он заканчивает гибелью Маджапахита, распространением ислама и миграцией индо-яванских элементов на Бали, который остался центром индо-яванской культуры.

В отличие от многих историков средневековой Индонезии Р. Маджумдар уделяет внимание и социально-экономическому развитию Индонезии. Он говорит о богатствах Индонезии, плодородии ее почв, позволявшем собирать два-три урожая в год, развитой внешней торговле. Интересны взгляды историка на отношения собственности. По его мнению, в Индонезии отсутствовало понятие неограниченной собственности на землю. Землю хотя и можно было заложить, но нельзя было конфисковать по решению суда, и лишь временно разрешалось передавать ее в руки кредитора. Не существовало особых правил наследования земли, выраженных в категориях права. Отношение к земле сводилось к наличию ряда прав распоряжения ею (права земледельца обрабатывать землю и присваивать плоды своего труда, права власть имущих присваивать часть доходов с земли, доходов, которые они делили между собой). Однако у Маджумдара отсутствовали четкие представления о земледелии и землепользовании. Он пишет о существовании в индонезийских средневековых индианизированных государствах системы варн. Однако он отмечает широкое распространение браков между членами различных варн. Говорит он и о существовании рабства, положении рабов и их использовании вне сферы производства.

В книгах Р. Маджумдара можно найти сведения о государственном строе индианизированных государств как высокоорганизованных и эффективных бюрократических системах. Подчер-

кивает он и обожествление главы государства, считавшегося воплощением одного из богов индуистского пантеона. Интересны сообщения ученого о том, что для высших чиновников обязательно было знание ряда наук, таких, как логика, грамматика, философия, а также знание книги законов и священных книг. Автор говорит о существовании книг законов, содержащих санскритские термины и представляющих собой соединение индийских законов с местными обычаями. Наиболее известна книга законов, по мнению ученого, «Kutara-maṇava», составление которой приписывается первому министру Маджапахита — Гаджа Маде. Одной из отмеченных Р. Маджумдаром особенностей государственной организации была чрезвычайно большая роль в ней родственных связей: почти все члены правительственного аппарата были связаны родственными отношениями.

Р. Маджумдар рассказывает о религиозных культурах, распространенных в Индонезии, — буддизме хиньяны, преобладавшем до конца VII в., и махаяны — в VIII в., тантрийском синкретизме. Пишет он и о шиваизме на Яве (VIII в.) и на Бали, и о местных культурах. Ученый считает, что местные верования были частично поглощены более развитой индийской религиозно-философской системой. Большое место Маджумдар уделяет тесно связанной с религией индонезийской культуре. Он подробно останавливается на индонезийской литературе и искусстве, давая их периодизацию. Отмечает он и отношение государства к культуре: правители покровительствуют ей и даже способствуют появлению ряда выдающихся произведений. Однако, говоря о культуре, ученый также преувеличивает значение в ней индийских элементов.

Дает Маджумдар и описание быта индонезийцев. Отмечает он и более высокое в Индонезии по сравнению с другими странами Востока положение женщин, которые могли занимать государственные посты, владеть собственностью, наследовать имущество, выбирать себе супруга.

В целом Р. Маджумдар рассматривает историю Индонезии лишь в связи с историей индийской колонизации Юго-Восточной Азии и ее влиянием там. Его цель — прославление Индии. Он говорит о том, что существует всеобщий закон, согласно которому низшая цивилизация, соприкасаясь с высшей, поглощается последней, вливается в нее, и что интенсивность этого процесса зависит исключительно от способности первой к ассимиляции и второй — к поглощению. Он считает, что Индонезия восприняла индийские социально-политические учреждения, культуру, религию, быт. Признавая наличие местных элементов, он отводит им весьма скромную роль.

Это представляется спорным. Неправильным кажется и большое преувеличение индийских элементов. Автор и сам впадает в противоречие, ибо говорит и о доиндийской цивилизации, и о материальной культуре протомалайцев, и о местных культурах, и

об астрономических знаниях и доиндийских памятниках культуры. Противоречивым является и то, что Р. Маджумдар, близко подойдя к правильной, на наш взгляд, идее синтеза индонезийских и индийских элементов, на словах отрицает ее. Так, он высказывает интересную мысль о первоначальной миграции аустронезийских племен из Индонезии в Индию, а затем обратной волне индийской колонизации. Впоследствии же он отказывается от этой мысли. Говорит он и об ассимиляции индийских поселенцев в среде местного населения, о том, что по мере ослабления контактов с Индией происходило укрепление местных элементов.

Недостаточно убедительным представляется у Маджумдара стремление вывести происхождение Шайлендра из Индии, равно как и значение завоеваний Чола, которые представлены как губительные для Шривиджайи. Но и здесь мы встречаемся с противоречием, ибо сам ученый говорит о том, что Шривиджайя и после этих завоеваний продолжала свое нормальное существование.

Однако в целом труды Р. Маджумдара представляют ценный вклад в науку. Историк использует широкий круг источников: археологические памятники (в том числе данные индийской и индонезийской эпиграфики), религиозно-философские, литературные и законодательные памятники, в том числе рукописные, китайские анналы, свидетельства античных авторов и восточных путешественников. Привлекает он и материалы современной балийской культуры, близкой к индианизированной культуре прошлого. Применение сравнительно-исторического и ретроспективного методов, а также анализа дает ему возможность восстановить яркие страницы средневековой истории Индонезии, картину ее социально-экономического, политического и культурного развития. Особенно большое значение имеет представленный автором социально-экономический материал, ибо историография до него восстанавливала лишь общую канву исторических фактов, хронологию и политическую историю. Новым в его сочинениях является и попытка ввести морально-этический критерий в оценку поступков ряда исторических лиц. В общем ученый вплотную подошел к проблеме синтеза индийских и индонезийских элементов, что открывает дорогу новым исследованиям.

Другой видный индийский историк — Биджан Радж Чатерджи, специалист в области истории и культуры Индии и Индонезии, ставший доктором филологии в Пенджабе и доктором философии в Лондоне. Ведущая тема работ ученого, так же как и Р. Маджумдара, — история индийской колонизации и индийское влияние на страны Юго-Восточной Азии. Индонезии (ее доколониальной истории) посвящены его работы «Индийская культура на Яве и Суматре» [3] и «История Индонезии, древняя и средневековая» [4]. Первая работа дает краткий очерк исто-

рии культуры; вторая — обстоятельный труд, посвященный индонезийской истории и изданный трижды — в 1927, 1933 и 1967 гг. Последнее издание включает новые достижения историографии и дополнено новыми материалами. В нем целиком переработаны несколько глав и написано новое введение. Незменной осталась лишь основанная на материалах ныне покойного доктора Н. П. Чакраварти, главы Археологической службы Индии, часть книги, посвященная надписям.

Б. Р. Чатерджи рассматривает вопрос о происхождении индонезийцев, сообщая о ранних упоминаниях Явы в «Рамаяне» (I в.) и у Птолемея (II в.). Находит отражение в его трудах и вопрос о ранних связях Индонезии с Китаем (II в.) и о ранних китайских торговых поселениях на юго-восточном побережье Суматры (III в.). Большое внимание автор уделяет ранней индийской колонизации Индонезии. По его мнению, первые колонисты пришли из Южной Индии. Североиндийское влияние наблюдается значительно позже, во времена Шайлендра. Автор говорит и о существовании на западном побережье Суматры в очень раннее время арабской колонии, глава которой посылал золото в Китай. Подобно Р. Маджумдару, Чатерджи рассматривает историю отдельных индонезийских государств средневековья. Говоря о правлении Шайлендра в Шривиджайе, ученый, однако, в противовес своему коллеге отстаивает яванское происхождение этой династии. Он считает, что Шайлендра правил на Яве последние две декады VIII в. и в первой половине IX в. Последний яванский Шайлендра — Балапутрадева — основатель монастыря в Наланде. Потеряв свой яванский трон в борьбе с противником, принцем Кумбжайони (Агастья), он занял трон Шривиджайи и утвердил свою династию на Суматре, где она правила со второй половины IX до конца XI в. Упомянутая яванские государства XII—XIII вв., Чатерджи рассказывает о том, что в это время яванские купцы вели торговлю и на южном побережье Африки и что при дворе яванских принцев в Кедири были многочисленные рабы-негры.

Большое внимание (особенно по сравнению с Р. Маджумдаром) Чатерджи уделяет Маджапахиту — конец XIII — первое десятилетие XVI в.). Ученый рисует государственную систему Маджапахита. Говорит он и о проникновении туда ислама, постепенном упадке этого государства и его гибели. Интересны сообщения Чатерджи о том, что появившиеся в начале XVI в. в Юго-Восточной Азии португальцы, желая использовать в своих интересах ситуацию, сложившуюся на архипелаге, предложили Маджапахиту союз против угрозы мусульманского завоевания. Появлением португальцев кончается изложение средневековой истории Индонезии.

Большое внимание Чатерджи уделяет культуре Индонезии и ее сродству с индийской культурой. Однако он отмечает, что индонезийской культуре свойственны не только индийские черты.

Он говорит о том, что в древнеяванском языке элементы санскрита смешивались с полинезийскими диалектами, вытесненными санскритом. Древнеяванские надписи более многочисленны, чем санскритские. Рельефы Панатарана хотя и содержат историю Рамы, но в индонезийском стиле, ибо существует малайская версия «Рамаяны». В XIII—XIV вв., как было установлено еще голландским ученым Фогелем, пластические искусства представляли собой тип скорее полинезийский, чем индийский, а в сюжетах лаконов (пьес, представлений) смешана история богов и гигантов из «Рамаяны» и «Махабхараты» с малайско-полинезийскими легендами. Таким образом, Чатерджи, как и Р. Маджумдар, дает материал для рассмотрения исторического развития Индонезии как синтеза разнообразных элементов, в частности индийских и индонезийских.

Заслугой ученого является то, что он обратился к наименее изученному времени индонезийской истории — древнему и средневековому периодам, для чего привлек богатый эпиграфический материал. Вся вторая часть его «Истории Индонезии» посвящена памятникам эпиграфики — важным источникам средневековой истории Индонезии. Автор рассматривает основные надписи V—XVI вв., дает их транскрипцию, перевод, разночтения, описание, анализ, а также указания на их публикации.

Однако в своих работах Чатерджи не занимается анализом социально-экономических отношений в древней и средневековой Индонезии, тогда как исследуемые им памятники дают такую возможность. Как видно даже из материала, предложенного автором, они содержат сведения об аграрных отношениях, социальном строе, средневековых институтах, напоминающих западно-европейский иммунитет, и т. д. Не говорит он и о характере ранних государств Индонезии. Отсутствует у него и четкая периодизация истории доколониальной Индонезии. Слишком большое внимание Чатерджи уделяет сменам форм религии, считая их определяющими для политического развития: правление Шайлендра связано с буддизмом Махаяны; в государстве Сингасари утвердился тантризм; гибель Маджапахита вызвана победой ислама.

Ряд индийских историков стоят на позициях еще более крайнего национализма, приписывая только Индии все заслуги цивилизации большинства стран Юго-Восточной Азии, в том числе Индонезии.

Джитендра Натх Банерджи говорит о миграции мотивов искусства из Южной Индии в Индонезию в древности и в средние века вследствие длительных контактов между двумя странами [2]. О том же пишет и Манохан Гхош [15].

Крайне шовинистические взгляды высказывает О. К. Ганголу. Говоря об экспансии Великой Индии [9], он сообщает, что индийские купцы, мореходы и путешественники появились в Юго-Восточной Азии в I в., основывая там поселения и государства.

Индийские эмигранты, к которым принадлежали и Шайлендра, основали центры индийской культуры и распространили свою религию. Борободур, этот Парфенон Востока, также памятник индийского искусства. Искусство и цивилизация Индии за моря образуют как бы интегральную часть искусства и цивилизации Индийского полуострова, его культурный ареал по ту сторону Ганга [10]. Это — не влияние, а перенос индийской культуры со всеми ее характерными чертами: социально-политической системой, торговыми корпорациями, канонами искусства, религией. То обстоятельство, что индонезийское искусство имело собственные черты и изображало местные этнические типы, по мнению Ганголу, не лишало его индийского характера.

На тех же позициях индийской экспансии и доминирующего влияния индийской культуры в Индонезии стоит и Бахадур Чанд Чхабра. Он считает, что индийская династия Паллава, правившая в III—IX вв. на Коромандельском побережье, была источником индийской колонизации в Индонезии [7]. Именно отсюда мигрировали брахманы и кшатрии, основывавшие поселения на Яве. Толкуя топоним «Kunja-rakunjadesa» надписи в Чангале [6], Чхабра считает, что он идентичен географическому названию «Kunjaradazi» на границе Тривандрума и что, возможно, отсюда индийцы пришли на Яву, принеся с собой индийскую культуру. Имена индонезийских правителей носили индийский характер. Изображения Будд, найденных на островах Индонезии, напоминали Будд Южной Индии [5]. Культ Агастья, почитание Шивы в форме лингама также были индийскими. Индийскими были и календарь с эрой Шака, санскрит, шрифт паллава грантха, мифология.

Отрицает существование собственной индонезийской цивилизации и Прабодх Чандра Багхи [1]. По его мнению, исконное население Индонезии и Малайзии — пришельцы из Индии с незапамятных времен. В начале I в. началась новая волна колонизации из Индии, приведшая к образованию индианизированных государств в Юго-Восточной Азии, в том числе и в Индонезии. Такое государство — Шривиджайя — стало центром буддизма и изучения санскрита. Завоевавший его Маджапахит также был центром индийской культуры, которая пришла в упадок вместе с упадком самого Маджапахита.

Об индийских источниках индонезийской культуры говорит и Девапрасад Гхош. Вслед за Р. Маджумдаром он утверждает, что в основе искусства Шривиджайи лежит индийское искусство Гупта с их эллинистической техникой Гандхары [11]. Классическое искусство Гупта чувствуется в скульптурном изображении бодисатв Авалокешвара на Суматре [12]. В чанди Явы времен Шайлендра заметно влияние как Южной, так и Северной Индии [13], а в их декоративном узоре воспроизводятся мотивы Ориссы [14]. Д. Гхош объясняет это тем, что Шайлендра ведут свое происхождение якобы оттуда.

Националистическая линия продолжается и в трудах К. А. Нилаканта Шастри, профессора университета в Майсуре, а также в Мадрасе. Самые крупные из его работ не представляют собой самостоятельных исследований — они написаны в качестве учебных пособий для студентов и основаны на голландской и индийской литературе. Следуя своим предшественникам в Индии, Нилаканта Шастри говорит об Индонезии как об индийской колонии. Последнее название дается им не только в смысле того, что Индонезия выросла из поселений индусов, но также и в современном смысле этого слова. Индонезия, по его мнению, была восточной колонией Индии, из которой привозили ароматические вещества, сандаловое дерево, пряности [30].

Индонезии в этих работах почти не отводится самостоятельной роли. К. А. Нилаканта Шастри утверждает, что задолго до индийского влияния в Индонезии ощущалось влияние Китая. В 2000—1500 гг. до н. э. на острова Малайского архипелага началась миграция из Китая и Индокитая, откуда были принесены бронза и железо, мореходство, домашнее скотоводство, культура риса. В первые века нашей эры началась индийская колонизация, распространившаяся по всему архипелагу. Это были миграции из Южной Индии. Носителями индийской культуры были купцы, священники, изгнанники с родины. Купцы основывали фактории, женились на девушках из знатных семей и легализовали свое положение. Священники-брахманы поступали на службу к правителям и пользовались их покровительством. С приходом новых сил трансформировалось индонезийское общество. Индия была *alma mater* Индонезии. Из нее в Индонезию были привнесены формы государства, торговли, ремесла, культура, религия, касты, законы, топонимы, антропонимы.

Необычайно преувеличивая роль Индии, Нилаканта Шастри все же дает ряд любопытных сведений об индийской миграции в Индонезию и ее формах. Так, опираясь на надпись в Луба Тува (Loeba Toewa) 1088 г., он дает описание тамильской купеческой корпорации (гильдии) на Суматре [25]. О подобных корпорациях говорят и надписи Южной Индии. Им жаловались деревни и помещения для жилья и складов. У них были свои храмы. Они регулировали сами свои дела и даже имели свою вооруженную охрану на складах и во время перевозок товаров. Нилаканта Шастри считает, что тамильская колония на Суматре была более или менее постоянной, следствием чего и было применение тамильского языка в официальных документах. Эта корпорация включала также ремесленников, высекавших надписи на камне. По его мнению, колонисты из Индии воздвигали типично южноиндийские храмы. Свидетельства индийского влияния — комплекс Прамбанана, изображения Агастья [26], а также найденные на Суматре женские бронзовые скульптуры в стиле Южной Индии X в. [27].

Большое внимание Нилаканта Шастри уделит истории Шри-

виджайи [28; 29]. Следуя голландскому ученому Монсу, а также Р. Маджумдару, он предположил, что изначально Шривиджайя была расположена на восточном побережье Малаккского полуострова; ученый говорит также о яванском происхождении Шайлендра. Один из представителей этой династии женился на дочери правителя Шривиджайи и получил ее престол. По мнению автора, на Яве оставалась своя ветвь Шайлендра. Он спорит с Р. Маджумдаром, утверждающим, что Шайлендра были правителями Катахи и распространили сюзеренитет на всю Шривиджайю. Из написанного К. А. Нилаканта Шастри о Шривиджайе наибольшее значение имеет статья [29], основанная на источниках и содержащая ряд любопытных сведений: о доходах махарадж, о приглашении из Китая ремесленников, о торговле с восточным побережьем Африки. Говорит он и о государствах, зависимых от Шривиджайи. Историю Шривиджайи он заканчивает упадком последней, завоеванием ее Явой, переходом политического и торгового верховенства на Суматре к государству Мелайю, которое, в свою очередь, попадает в подчинение к яванским королевствам — Сингасари, а затем Маджапахиту. Нилаканта Шастри преувеличивает значение Южной Индии в истории Шривиджайи. Вообще он отводит Индонезии лишь роль индийской колонии. Ценно у него исследование санскритских топонимов и отдельных терминов, главным образом по материалам надписей.

Тем не менее вопреки своей концепции Нилаканта Шастри вынужден также признать, что в Индонезии произошло слияние индонезийских и индийских элементов. Так, в Индонезии имело место сочетание общественной и частной собственности. Смешение индийских и индонезийских институтов заметно в организации деревень, которые объединялись (4—8 или 10 соседних деревень) в более широкие локальные единицы. Существовал синкретизм индийских и индонезийских религиозных культов. Складывалась синтетическая культура — в языках ранних надписей господствовал как санскрит, так и малайский и яванский языки. В литературе, ваянге, музыке также наличествовали как индонезийские, так и индийские элементы.

Индонезия шла своим путем. Об этом свидетельствовало то обстоятельство, что Шривиджайя играла роль в развитии позднего буддизма. Оттуда он распространился опять же на Индию, Китай и Тибет.

О влиянии индийской культуры на Индонезию и о синтезе индийских и индонезийских элементов пишет современный индийский историк Н. Сантош Десаи в статье, посвященной «Рамаяне» как инструменту исторического контакта и культурного передатчика между Индией и Азией [8]. Он говорит о распространении индийских элементов — «Рамаяны» и «Махабхараты», буддийских канонов на пали, санскритских сутр. «Рамаяна» проникла в страны Азии в первые века нашей эры. В Ин-

донезию она пришла из Гуджарата и Южной Индии. Оттуда попала во Вьетнам и Камбоджу. Впоследствии этот эпос трансформировался применительно к местным условиям. Археологические свидетельства об истории Рамы в Индонезии относятся к IX в., т. е. ко времени Шривиджайи. Это барельефы на храмах Прамбанана в Центральной Яве, Панатарана на востоке острова. Носят на себе следы этого эпоса и некоторые архитектурные памятники Маджапахита. Существует несколько версий «Рамаяны». Десаи анализирует каждую из них, выявляет их источники, представляющие собой различные литературно-филологические памятники Индии или адаптации их, либо совершенно самостоятельные произведения, включающие местные мусульманские легенды и сказки.

Представителем индийской историографии является также Химансу Бхусай Саркар, специалист в области эпиграфики. Им были переведены на английский язык ряд надписей [31; 32; 34; 35; 37]. Переводам сопутствовали введение, комментарии, указания на первые публикации и место хранения надписей. Он публиковал заметки о датировке отдельных надписей и встречающихся в них терминах [36]. Опубликованный им эпиграфический материал содержит чрезвычайно интересные сведения по социально-экономическим проблемам средневековой Индонезии: об общине как экономической и административной единице, о формах собственности. Эпиграфика дает материал для изучения таких интересных явлений, как патронат и иммунитет (в терминах феодального западноевропейского общества). Эпиграфика дает материал и по социальной структуре средневекового индонезийского общества, наличию четырех варн. Из этого материала можно получить представление о формах ренты, государственном устройстве Явы времен Сингасари и Маджапахита. Надписи говорят о необходимости для должностных лиц обладать определенными знаниями по философии, логике, грамматике. Дают они и представление о культуре и быте индонезийцев, сравнительно высоком положении женщин.

Однако Саркар не занимается анализом опубликованного им эпиграфического материала и ограничивается лишь мелкими заметками. В статьях, носящих обзорный характер, следуя большинству других индийских ученых, он стремится проследить индийское влияние на Индонезию. Такой характер имеют его статьи «Заметки о культурных контактах между Явой и Бенгалией» [33], а также «Взгляд на индо-яванское общество Центральной Явы (с середины VII до начала X в.)» [38]. В этих статьях он говорит о массовой индийской колонизации, которая принесла систему варн, санскритскую культуру, религию. Шайлендра, по его мнению, пришли из Индии. Индонезийское общество для него как бы слепок с индийского. Однако здесь он впадает в противоречие, говоря одновременно об индо-яванском обществе, поскольку само понятие «индо-яванское об-

шество» позволяет предположить некое синтетическое общество. Отмечает Саркар и различные категории населения деревни, но не дает их анализа.

Индийская историография в целом преувеличивает значение индийских элементов, отводя им главенствующую роль в истории Индонезии и превращая последнюю в индийскую колонию.

Тем не менее историки Индии внесли свой вклад в историографию Индонезии. Они перевели на английский язык и опубликовали ряд эпиграфических памятников, исследовали вопросы, связанные с проникновением индийских элементов в Индонезию, осветили ряд социально-экономических и политических проблем индонезийской истории. Показали они отношения Индонезии с Индией и другими странами Юго-Восточной Азии, подробно описали индонезийскую культуру и вплотную подошли к проблеме синтеза индийских и индонезийских элементов.

Индийская историография на повестку дня выдвинула и ряд других задач: анализ эпиграфического материала; составление словаря санскритских терминов индо-индонезийских памятников; публикацию новых памятников, в частности законодательных, еще малоизвестных, но имеющих большое значение для изучения социально-экономической истории; глубокое изучение вопросов синтеза и места индийской цивилизации в истории Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bagghi P. Ch. India and China.—Kalidas Nag. Greater India. Bombay, 1960.
2. Banerjee J. N. On the Identification of a Few Indonesian Sculptures.—«Journal of Greater India Society». (далее—JGIS). Calcutta, 1937, vol. 4, № 3.
3. Chatterjee B. R. Indian Culture in Java and Sumatra.—Kalidas Nag. Greater India.
4. Chatterjee B. R. History of Indonesia, Early and Medieval. Meerut—Delhi—Calcutta, 1967.
5. Chhabra B. Ch. The Celebes Bronze Budhas.—JGIS. 1935, vol. 2, № 1.
6. Chhabra B. Ch. Kunjarakunjadesa of the Changgal Inscription.—JGIS. 1936, vol. 3, № 2.
7. Chhabra B. Ch. Expansion of Indo-Aryan Culture during Pallavarule (as Evidenced by Inscriptions). Delhi, 1965.
8. Desai N. S. Ramayana—an Instrument of Historical Contact and Cultural Transmission between India and Asia.—«Journal of Asiatic Society». Calcutta, 1970, vol. 300, № 1.
9. Gangolu O. C. On Some Hindu Relics in Borneo.—JGIS, 1936, vol. 3, № 1.
10. Gangolu O. C. Relation between Indian and Indonesian Culture.—JGIS. 1940, vol. 7, № 1.
11. Ghosh D. Sources of the Art of Sri-Vijaya.—JGIS. 1936, vol. 3, № 1.
12. Ghosh D. Two Bodhisattva Images from Ceylon and Srivijaya.—JGIS, 1937, vol. 4, № 2.
13. Ghosh D. Early Art of Srivijaya.—JGIS. 1934, vol. 1, № 1.
14. Ghosh D. Migration of Indian Decorative Motifs.—JGIS. 1933, vol. 1, № 1.
15. Ghosh M. On the Source of the Old-Javanese Ramayana Kakawin.—JGIS. 1936, vol. 3, № 1.
16. Majumdar N. G. Nalanda Copper—Plate of Devapaladeva. [б. м.], 1926 (Monographs of the Varendra Research Society, Rajshahi, № 1).
17. Majumdar R. C. The Sailendra Empire (upto the End of the Tenth Century A. D.).—JGIS. 1934, vol. 1, № 1.
18. Majumdar R. C. Les rois Sailendra de Suvarnadyipa.—«Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient». (далее—BEFEO). P., 1934, vol. 33.
19. Majumdar R. C. The Struggle between the Sailendra und the Cholas.—JGIS. 1934, vol. 1, № 2.
20. Majumdar R. C. Decline and Fall of the Sailendra Empire.—JGIS. 1935, vol. 2, № 1.
21. Majumdar R. C. Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol. 2. Suvarnadvipa. Dacca—Calcutta, 1938.
22. Majumdar R. C. The Malay.—JGIS. 1938, vol. 3, № 1.
23. Majumdar R. C. The Malay.—Kalidas Nag. Greater India.
24. Majumdar R. C. Hindu Colonies in the Far East. Calcutta, 1944.
25. Nilakanta Sastri K. A. A Tamil Merchant-Guild in Sumatra.—«Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde» uitg. door Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen (далее—TBG). Batavia—s'Gravenhage, 1932, d. 72.
26. Nilakanta Sastri K. A. Agastya.—TBG, 1936, d. 76.
27. Nilakanta Sastri K. A. A South Indian Portrait Bronze from Sumatra.—JGIS. 1936, vol. 3.
28. Nilakanta Sastri K. A. History of Sri Vijaya. Madras, 1949.
29. Nilakanta Sastri K. A. Sri Vijaya.—BEFEO. 1940, t. 40.
30. Nilakanta Sastri K. A. South Indian Influences in the Far East. Bombay, 1949.
31. Sarkar H. B. An Old Loan-Record of the Saka Year 833.—JGIS. 1934, vol. 1, № 2.
32. Sarkar H. B. On Old Javanese Inscription from Ngabean of the Saka Year 801.—JGIS. 1934, vol. 1, № 1.
33. Sarkar H. B. Two Notes on the Cultural Contact between Java and Bengal.—JGIS. 1934, vol. 1, № 1.
34. Sarkar H. B. An Old Javanese Inscription from Penampihan of the Saka Year 1191.—JGIS. 1935, vol. 2, № 1.
35. Sarkar H. B. Ten Old-Javanese Copperplates from Sidoteka of the Saka Year 1245.—JGIS. 1935, vol. 2, № 2.
26. Nilakanta Sastri K. A. Agastya.—TBG, 1936, d. 76, 1937, vol. 4, № 1.
37. Sarkar H. B. The Copper-Plate of Barabadur, 828 Saka.—JGIS. 1939, vol. 6, № 2.
38. Sarkar H. B. Glimpses into Hindu—Javanese Society of Central Java (from the Middle of the Seventh to the Early Part of the Tenth Century A. D.).—JGIS. 1941, vol. 8, № 2.
39. Shastri H. The Nalanda Copper-Plate of Devapaladeva.—«Epigraphia Indica». Calcutta—Delhi, 1924, vol. 17, p. 7.

С. С. Кузнецова

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ
РАННЕЙ ИСТОРИИ МАТАРАМА
(1587—1601)

История Явы в XVI в. все еще изучена недостаточно. Между тем значение данного периода для понимания истории Индонезии трудно переоценить. Именно в XVI в. окончательно исчезает со сцены последнее индо-буддийское государство Явы — Маджапахит, на острове получает распространение ислам, достигают расцвета торговые города-государства северного и восточного побережий с их своеобразной экономической и социальной организацией. Происходят значительные политические перегруппировки, в результате которых степень государственной централизации заметно ослабляется и обладающие относительной самостоятельностью небольшие княжества образуют весьма неустойчивые объединения во главе с новыми политическими лидерами — Демаком, достигшим зенита славы при султানে Тренгане (1505?—1546), и Паджангом. Наконец, в XVI в. Ява впервые вступает в контакт с европейцами, сначала португальцами, а затем голландцами.

В последние десятилетия XVI в. на Яве появляется еще одна политическая сила — государство Матарам. Ему предстояло положить конец феодальной раздробленности, объединить Центральную и Восточную Яву и, распространив свою власть как на торгово-ремесленные прибрежные города, так и на внутренние аграрные районы, на недолгое время стать едва ли не самым значительным в яванской истории государством.

Начало изучению истории Матарама в советском востоковедении было положено А. А. Губером, труды которого посвящены колониальному проникновению Голландии в Индонезию [1, с. 19—28; 2, с. 13—43; 9, с. 26—36]. В дальнейшем, однако, исследование политической, социально-экономической и культурной жизни Матарама занимало небольшое место в трудах советских индонезиеведов. В литературе вопроса встречаются лишь отдельные упоминания об этом государстве, анализ частных проблем, связанных с ним [3, с. 532—552; 4; 8; 10, с. 152—153, 162—179; 11, с. 56—69], в то время как изучение истории Матарама представляет большой интерес не только само по себе, но и в связи с тем, что многие специфические черты традиционного яванского общества, окончательно сложившиеся

именно в матарамский период, продолжают оказывать влияние на социальную структуру и идеологию современной Индонезии.

В западном востоковедении, где в последние годы изучение Матарама заняло важное место, в истории этого периода также существует немало нерешенных проблем. Трудности решения их объясняются отсутствием европейских свидетельств по ранней истории Матарама и особенностями местных яванских источников, достоверности которых различные авторы дают далеко не одинаковые, а порой и диаметрально противоположные оценки.

Особенно неясными и спорными являются проблемы возникновения Матарама, его ранней истории и реальности его основателя, которым яванские источники, и в частности важнейший из них — династийная хроника «Бабад Танах Джави» («История Явы», далее — БТД), называет панембахана Сенапати (годы правления 1587—1601). Именно этим проблемам и посвящена настоящая статья.

В наиболее резкой форме недоверие к исторической ценности БТД (как, впрочем, и большинства других памятников традиционной яванской историографии) нашло выражение в трудах профессора Лейденского университета К. Х. Берга [12—17]. Суть его взглядов на яванскую историографическую традицию сводится к отрицанию у яванцев исторического сознания в европейском смысле этого слова, отсутствию у них интереса к фактам своей древности. Яванские исторические сочинения, как считает Берг, это не повествования о прошлом, а магические произведения. Прибегая к лингвистической аналогии, Берг указывает, что эти тексты были написаны как бы не в изъяснительном, а в желательном наклонении — оптативе, т. е. ориентированы не на сообщение о реальных фактах, а на достижение определенного, желательного для правителя развития событий в будущем. В результате «литературной магии» события яванской истории представлены в этих текстах в ложном свете, даты их выдуманы, многие исторические фигуры вымышлены, а взаимоотношения героев и обстоятельства, в которых они действуют, сконструированы на основе знакомства с литературными или столь же недостоверными предшествующими историческими текстами.

Типичным примером построений, характерных для Берга, является его теория формирования БТД, и в частности трактовка личности Сенапати. Берг считает, что доматарамская и матарамская части БТД сложились в результате двух последовательных редакций. Целью первой из них, о которой и пойдет речь в дальнейшем, было магическое доказательство законности власти узурпатора Агунга, которого голландский ученый считает истинным основателем Матарама. Берг полагает, что пуджанга (придворный поэт-историограф), хорошо знакомый с древнеяванскими сочинениями «Нагаракертагама» и «Парара-

тон», стремился не только представить Агунга наследником правителей Маджапахита, но и обосновать концепцию о том, что Матарам — второй Маджапахит. Поэтому, описывая переход власти от Демака к Матараму, пуджанга Агунга вместо изложения подлинных событий создал аллегория, материалом для которой ему послужил среднеяванский «роман» о Виджайе, повествующий о падении государства Сингасари и последующем основании Маджапахита [32, с. 409—415]. Используя сюжет этого «романа» и подставив в нем на место Сингасари — Демак, а на место Маджапахита — Матарам, он считал, что тем самым передает Матараму величие и могущество, достигнутое Маджапахитом после перехода к нему власти от Сингасари.

Главным героем рассказа пуджанги, призванным сыграть роль самого Виджайи — основателя Маджапахита, должен был быть султан Агунг, однако знакомство яванцев с фактами его биографии якобы мешало воздействию на них магической аллегории. Тогда создатель БТД, по мнению Берга знавший, что пуджанга Маджапахита Прапанча «подарил» основателю сингасарийской династии двух фиктивных предков — Ангрока и Нусапати, тоже «подарил» своему покровителю двух фиктивных предков — Сенапати и панембахана Крапьяка. Матарамскому пуджанге было удобнее сделать героем своей аллегории вымышленного Сенапати, а не реального Агунга. В итоге Сенапати оказался одновременно вторым Виджайей и вторым Ангроком, а в рассказе, который в главных чертах повторяет «роман» о Виджайе, появились элементы повествования об Ангроке. Таким образом, считает Берг, Сенапати — не историческая фигура, а персонаж, вымышленный пуджангой Агунга.

Предположение Берга о фиктивности Ангрока и Нусапати едва ли в настоящее время может быть серьезно принято во внимание. Ф. Д. К. Босх убедительно показал всю неосновательность концепции «прото-Параратона» и реальность первых сингасарийских правителей. Кроме того, по его справедливому замечанию, если пуджанга Агунга и был осведомлен об Ангроке, он должен был твердо считать его основателем династии и не мог ничего знать о «фабрикации» Прапанчи, а тем более сознательно ей подражать [18, с. 4—11].

С гипотезой о приписывании фиктивных предков тесно связана и идея Берга о тождестве Сенапати и Агунга, подтверждаемая тем, что они якобы совершали одни и те же завоевательные походы. Как показал Х. Я. де Грааф, походы Сенапати и Агунга были направлены против разных районов Явы, однако голландский ученый не отметил еще одного их существенного различия. Анализ БТД показывает, что Сенапати, как и следует ожидать от правителя сравнительно небольшого княжества, воюет незначительными силами (БТД, например, сообщает лишь о 800 его воинах, выступивших против Паджанга; в другом историческом источнике, «Серат Канда», несколько раз упоми-

нающем о размерах его армии, она не превышает 1—2 тыс.) [22, с. 83, 108, 118]. Своими успехами Сенапати, как правило, бывает обязан удаче (помощь духов в войне с Паджангом), хитрости (в войне с Мадиуном), искусному политическому лавированию (вмешательство в конфликт адипати Демака с Бенава или в спор о кедирийском престоле) и т. д. Он не столько воюет, сколько умело прибирает к рукам то, что «плохо лежит». В отличие от Сенапати Агунг, получивший в наследство уже довольно сильное и расширившееся государство, выступает в поход с многочисленной армией и одерживает победы в крупных сражениях. Не менее характерны различия и в составе армий Сенапати и Агунга. Первый из них выступает в поход лишь со своими матарамцами, второй — собирает комплексную армию, состоящую как из матарамских сил, так и из войск вассальных княжеств.

Наконец, австралийский исследователь М. К. Риклефс приводит важные доводы в пользу того, что некоторое сходство жизнеописаний Сенапати и Агунга объясняется не намеренной фальсификацией матарамского пуджанги, а искажением исторической традиции во второй половине XVIII в., приведшим к частичному смешению биографий обоих правителей [31, с. 174].

Подтверждением вымышленности Сенапати Берг считает отсутствие упоминаний о нем в португальских и ранних голландских источниках, а также в довольно древнем сочинении — «прототипе» пророчества Джайябайи (праламбанг) [19], в котором при перечислении правивших на Яве династий восприемником власти Паджанга назван не Сенапати, а Агунг. Грааф, тщательно изучивший европейские источники, напротив, обнаружил в них косвенные подтверждения историчности Сенапати. Что же касается праламбанга, то ссылки на него Берга, на наш взгляд, малоубедительны. Этот весьма темный по содержанию документ едва ли был создан ранее картасурского периода, что делает его древность относительной. Во всяком случае, он появился уже после агунговской версии БТД (1636—1641) [24, с. 128], хроники «Саджарах Бантен» (1662—1663) [20, с. 7] и «сборника хронограмм» (1670) [31, с. 203], в которых уже встречается имя Сенапати.

В праламбанге всего четверо наиболее выдающихся правителей: первый яванский государь Сунчала (Сувелачала), легендарный основатель всех яванских династий Качихавас (видимо, Кандиаван), основатель маджапахитского (а не сингасарийского, как было в действительности) правящего дома — Анграджаса (Анрок) и, наконец, Аньякракума (султан Агунг). При этом в праламбанге хотя и упоминаются правители кедирийского периода, власть в нем переходит от Качихаваса не к ним, а непосредственно к Ангроку. Это противоречит не только исторической реальности, но и данным яванской традиции, и позволяет предполагать, что в определенных случаях слова «на-

следовал», «заменял» могут иметь в праламбанге не столько прямой, сколько обобщенный символический смысл. Сообщение текста о том, что вскоре после правления Агунга Ява подверглась всевозможным бедствиям, нельзя связать с событиями более ранними, чем войны Трунаджайи и падение Матарамы. Отсюда возникает предположение о том, что праламбанг был создан в Картасуре, если не позже. Таким образом, Агунг выступает в праламбанге первым и в то же время единственным правителем Матарамы. В итоге упоминание лишь величайших правителей Явы, наследование, не обязательно обозначающее передачу власти следующему по порядку правителю, и ограничение матарамской династии одним лишь Агунгом свидетельствуют, скорее всего, о том, что автор праламбанга вовсе не стремился к исторической точности, называя первого правителя Матарамы, но приводил имя того из государей, «чей светский и духовный авторитет, по мнению яванцев, навсегда остался непрезвыденным» [27, с. 161].

Наконец Берг, на наш взгляд, не прав, отрицая историчность Сенапати на том основании, что в его жизнеописании присутствует сочетание «мотивов Виджайи и Ангрока», якобы заимствованное из «Параратона». Изучение текста БТД показывает, что сочетание этих мотивов появляется в хронике при описании смены почти каждой из яванских династий, будь то переход власти от Паджаджарана к Маджапахиту, от Маджапахита к Демаку или от Паджанга к Матараму. Однако эту повторяемость, по-видимому, более правомерно связать не с влиянием «Параратона», знакомство с которым автора БТД само нуждается в доказательствах [23, с. 124—125], а с циклической концепцией истории, присущей яванской культуре и отразившейся как в самом «Параратоне», первом образце жанра бабадов [5, с. 117], так и в БТД.

Представление об истории как о последовательно повторяющихся циклах, которое и приводит к «появлению в хрониках в разнообразных контекстах сходных литературных мотивов и привязыванию их к различным персонажам» [30, с. 185], проявляется особенно наглядно в концепции падения того или иного кратона в конце одного века и основания нового в течение трех лет следующего века. Так, по яванским представлениям, даты (в яванской системе летосчисления) основания и падения Паджаджарана — 1200 и 1300 гг., Маджапахита — 1301 и 1400 гг., Демака — 1403 и 1500 гг. В 1503 г. власть, согласно традиции, перешла к Паджангу, в 1600 г. пал Матарам, в 1603 г. была основана Картасура (в двух последних случаях традиционные даты правильны) [30, с. 177—185]. Для описания перехода власти в яванской историографии, по-видимому, также существовала определенная схема, обеспечивавшая право на престол новой династии и устанавливавшая связь этой новой династии с предыдущей [26, с. 52—53]. В самом общем виде на основе

рассказов БТД о четырех династических сменах эта схема может быть реконструирована в следующем виде.

Потомок (часто один из сыновей) правящего государя Явы, рожденный «чудесной матерью» или появившийся на свет при необычных обстоятельствах, проходит период испытаний (отец стремится убить сына, и тот, спасшись по воле судьбы, воспитывается простолудином, или совершает аскетические подвиги, или терпит поражение от врагов и т. д.) и, получив предсказание о будущем царском достоинстве, отправляется во дворец. Проявив сверхъестественную силу (секти), юноша удостаивается любви государя, который приближает его (усыновляет или женит на дочери), назначает начальником личной охраны (или военачальником) и награждает земельным наделом. Чаще всего этот надел — еще не освоенный лес, в котором герой основывает город. Вскоре город становится процветающим и многолюдным и превращается, по существу, в «государство в государстве». Молодой правитель перестает признавать верховную власть отца (или тестя), выступает против него со своим войском и, одержав победу, кладет начало новой династии (реже переход власти происходит мирным путем).

В конкретных описаниях отдельные элементы этой схемы могут опускаться. Под влиянием использования готовых сюжетов или под давлением реальных исторических фактов она может включать в себя и различные новые мотивы. Ее собственные компоненты могут распределяться между несколькими персонажами или дублироваться, однако все это не изменяет устойчивости и универсального характера схемы (ср. [25, с. 297—303]). Вероятно, ее дальнейшее изучение поможет глубже понять циклическую теорию позднесредневековой яванской историографии и усмотреть в ней характерную диалектику развития государства, которое в течение века достигает наивысшего расцвета, но при этом само в себе создает предпосылки будущего упадка и смены его новым. Именно данная схема и является, как мы полагаем, инвариантом историй о Виджайе, Сенапати и множестве других основателей яванских династий и потому избавляет от необходимости предполагать, что Сенапати в БТД смоделирован по образцу литературного прототипа — Виджайи.

Кроме того, само представление Берга о том, что соответствие рассказа о каком-либо персонаже хроники литературному прототипу свидетельствует о его неисторичности, также далеко не всегда оказывается справедливым. Риклефс в ряде работ прекрасно показал, что одни и те же культурные стереотипы определяли не только характер повествования хроник, но и само поведение исторических деятелей [29; 30, с. 183—188]. Так, вождь яванско-голландской войны Дипонегоро, в реальности которого не приходится сомневаться, повторил многие действия Сенапати, описания которых в БТД выступают как типичные легитимирующие мотивы. Подобно Сенапати, он спал на камне

в Липуре, ожидал в пещере встречи с повелительницей духов Рату Кидул и т. д. [29, с. 235—240].

Особенно важное доказательство фиктивности Сенапати, по мнению Берга, — специфические черты генеалогической структуры БТД. Стандартная династия, согласно яванской традиции, пишет ученый, должна была насчитывать семь правителей. В БТД перечисляются семь государей Маджапахита и семеро связанных родственными узами государей Джангалы и Паджаджарана (Берг опускает двух правителей, предшествующих государям Джангалы, — Кандиавана и Реси Гентаю, как тождественных друг другу предков человечества). Генеалогия также включает еще четыре семерки правителей: одна из них — потомки Адама, две другие — потомки Батары Гуру и герои «Махабхараты», четвертая — предшественники правителей Джангалы. Эта структура, как утверждает Берг, дает все основания предполагать, что семеро членов генеалогии, связывающих Маджапахит с Матарамом (от Бондана Кеджавана до Сенапати и панембахана Крапьяка), представляют собой группу правителей «скрытого периода» истории Матарамы, предшествовавших его первому реальному государю — султану Агунгу. Таким образом, общее количество предков матарамской династии образует комплекс из семи династий по семь правителей в каждой, и тем самым Сенапати оказывается не основателем матарамского правящего дома, а одним из тех, кто его основание подготовил.

Предлагаемая Бергом интерпретация генеалогии БТД по ряду причин представляется спорной. Во-первых, совершенно очевидно, что включение того или иного персонажа в семичленную династию само по себе еще не свидетельствует о его неисторичности, поскольку в генеалогии БТД наряду с явно вымышленными правителями фигурируют и реальные (например, в маджапахитской семерке — Хаям Вурук, в семерке, следующей за героями «Махабхараты», — Джайя Байя и т. д.).

Во-вторых, обратившись к тексту хроники, нетрудно заметить, что число предков Агунга в БТД равно не 49 (семь династий по семь правителей), а 54. При этом тенденция к семичленности династий, действительно характерная для хроники, выдерживается в генеалогии совсем не строго. Лишь в ее маджапахитской части мы встречаемся с семью правителями, царствовавшими в одном кратоне (резиденции). Уже предшествующая семерка — составная и включает две группы государей, имевших различные резиденции: двое из них правили в Джангале, а пятеро — в Паджаджаране. Особенно трудна для схематизации часть генеалогии, стоящая между героями «Махабхараты» и правителями Джангалы. Их одиннадцать, и даже если вслед за Бергом исключить из этого числа Кандиавана и Реси Гентаю, то можно будет в лучшем случае сформировать еще одну семерку, после чего останется два правителя, не вхо-

дящих ни в одну из семи династий. В действительности генеалогия доматарамских правителей состоит из следующих групп: 7+7+8+7+4+2+5+7. Это позволяет предполагать, что, вопреки мнению Берга, семеричность могла быть нарушена и в матарамской части генеалогии.

В-третьих, исходя из тех же принципов, что и Берг, можно дать иную интерпретацию всей генеалогической схеме БТД. Обращает на себя внимание, например, то, что кратным семи является не число предков Агунга, а число всех государей, правивших до падения Матарамы при султани Амангурате I (их 56). Далее, в семье матарамских правителей имеется по крайней мере трое претендентов на роль основателя династии. Это прежде всего Кьяи Геде Сесела, договорившийся с будущим султаном Паджанга, что на смену последнему придут правители «матарамской линии», т. е. как бы «вербально» основанный династии. Еще больше прав на звание родоначальника у Паманахана, основавшего Матарам в лесной чаще. Наконец, основоположником матарамского государства выступает в БТД Сенапати.

Если, учитывая все это, обратиться к генеалогии, то можно заметить, что именно Сеселе предшествует группа из 49 предков. Им же самим открывается семерка государей, правивших в Матараме до его падения. Если, как поступает Берг с Кандиаваном и Реси Гентаю, рассматривать Бондана Кеджавана и Гетаса Пандава лишь в качестве прародителей матарамской династии и не включать их в нее, то вся генеалогия может быть истолкована следующим образом: семь семерок предков матарамских князей, из которых две последних — их непосредственные прародители, плюс семь членов матарамской династии. То, что ни Села, ни его сын так и не взошли на престол, вовсе не мешает такому истолкованию, ведь и представители группы героев «Махабхараты» — Абиаса и Абиманью не занимали трона Астины. Таким образом, Сенапати и панембахан Крапьяк оказываются в семерке членов матарамской династии, и генеалогические аргументы Берга в пользу их неисторичности отпадают.

Предлагаемая интерпретация генеалогии БТД отнюдь не претендует на ее действительное объяснение. Она лишь показывает, что применение умозрительной методологии Берга, основанной на поверхностных ассоциациях, произвольном отбрасывании одних персонажей и подчеркивании роли других, позволяет делать из генеалогических данных именно те выводы, которые диктуются исследователю его предвзятыми мнениями.

Итак, источниковедческий анализ БТД не подтверждает гипотезы Берга о неисторичности Сенапати. Данные хроники не дают никаких оснований для подобных выводов¹. В то же вре-

¹ Этот факт, важный в первую очередь сам по себе, заслуживает внимания еще и потому, что, вопреки мнению ряда исследователей (см., например, [18]), показывает несостоятельность гиперкритического подхода Берга не только к древнеяванским, но и к новояванским историческим сочинениям.

мя свидетельства внешних источников, собранные голландским исследователем Х. Я. де Граафом, подтверждают реальность личности Сенапати. Высказывавшееся Бергом и некоторыми другими учеными недоверие к надежности БТД Грааф связывает с тем, что они, интересуясь преимущественно описанием последних лет индо-яванского периода, начинали изучение этой объемистой хроники с начала. Однако, поскольку именно этот материал, хронологически наиболее отдаленный от того времени, когда создавалась БТД, и сильнее всего пострадавший от искажений при устной и письменной передаче, приобрел явно мифологический характер и не смог оправдать ожиданий историков, они объявляли мифологической всю хронику в целом. Грааф предлагает другую методику работы с текстом БТД: начинать его изучение следует с конца или с середины, т. е. с рассказа о событиях, которые можно проконтролировать с помощью внешних европейских источников, и постепенно двигаться к началу текста. В результате применения данной методики Грааф приходит к выводу, что яванцам, несомненно, было присуще не только «чувство истории», но и недооценивавшееся у них прежде «чувство хронологии». Убедительно подтверждают это многочисленные бабады сангкала (списки дат с кратким изложением событий по годам), демонстрирующие при сравнении их с европейскими свидетельствами высокую степень точности (ср. [31, с. 202—203]). Широкое привлечение четырех бабадов сангкала, сопоставление данных, содержащихся в них, с данными яванской историографической традиции и, наконец, тщательная проверка полученных результатов по португальским и голландским архивным материалам, документам и воспоминаниям путешественников позволили Граафу осветить ряд неясных моментов истории Матарамы.

Признавая, что в БТД нередки искажения исторической правды, вызванные в первую очередь временной дистанцией, склонностью к схематизации и рядом поздних вставок и переделок, Грааф предостерегает от гиперкритического отношения к тексту, поскольку в нем наряду с сомнительными частями встречаются и вполне надежные разделы. Так, в частности, раздел о Сенапати. Выражая свое несогласие с точкой зрения Берга, Грааф в то же время отказывается от разбора его аргументов (почему мы и сочли необходимым столь подробно остановиться на них). Вместо этого он выдвигает встречные доводы в пользу историчности предков Агунга — его деда Сенапати и отца — панембахана Крапьяка [23].

Хотя в крайне скудных европейских источниках, синхронных правлению Сенапати, его имя не упоминается, они содержат важные свидетельства того, что уже в конце XVI в. Матарам был весьма значительным государством. Так, голландец Виллем Лодевейк в 1597 г. сообщал, что «правитель Матарамы самый могущественный на Яве» и потому его резиденция на карте от-

мечается большой звездочкой. Самое древнее свидетельство о деде Агунга, т. е. Сенапати, встречается в записях генерал-губернатора Батавии Яна Питерсзона Куна, который в 1623 г. писал, что тот был «простым человеком из деревни Матарам», со временем достигшим высокого положения и власти. Как справедливо отмечает Грааф, эти сведения, полученные всего через девять лет после вступления Агунга на трон, очевидно, соответствуют действительности, поскольку девяти лет явно недостаточно, чтобы, начав практически с нуля, достичь того могущества, которое было характерно для Матарамы в первой четверти XVII в.

К этому следует добавить и то, что Кун получил свою информацию до 1625 г. — времени, которым Берг датирует первую версию БТД. Таким образом, великий дед Агунга был известен на Яве уже до того, как его «придумал» агунговский пуджанга.

На фоне этих важнейших свидетельств более убедительно звучат и другие доводы Граафа, который считает, что историчность Сенапати подтверждается также рядом архитектурных памятников, сохранившихся на территории Матарамы и относящихся ко времени его правления (например, мечеть 1587 г., развалины дворца и усыпальницы), а также известными голландцам рассказами самого султана Агунга об отце и деде, правивших в Матараме. О том же, как уже отмечалось, свидетельствуют и различия в маршрутах военных походов Агунга и Сенапати: почти во всех случаях султан Агунг начинает свои завоевания там, где Сенапати их закончил.

Итак, имеются достаточно веские основания считать Сенапати исторической личностью. Однако установление историчности Сенапати еще не означает признания достоверным всего того, что сообщается о нем в БТД. Поскольку контроль с помощью внешних источников для времени Сенапати почти невозможен, едва ли не единственный путь для реконструкции истории этого периода — критический анализ композиции и стиля самой хроники. Такой анализ был проделан нами в ряде предыдущих работ [5; 6; 7]. Основные результаты его могут быть суммированы следующим образом.

БТД, как и любое другое произведение жанра бабад (хроника), включает две функционально противопоставленные друг другу части. Функция первой части, повествующей о происхождении династии, — утверждение ее законности. Функция второй части — описание дальнейших правлений и наиболее важных событий каждого из них. Отмеченные функциональные различия обуславливают разную степень исторической надежности первой и второй частей БТД. В первой части повествование подчиняется задаче изложения государственной концепции хроники. Поэтому достоверные исторические факты здесь сравнительно малочисленны и не носят систематического характера, тогда

как во второй части в соответствии с ее назначением они более многочисленны и связаны между собой в определенную систему. Границей между первой и второй частями БТД служит описание победы Сенапати над Паджангом и получения им статуса независимого правителя, претендующего на власть над всей Явой.

Комплексный анализ стиля сорока военных описаний в БТД (от начала памятника до войн Амангурата II) показывает, что текст хроники неоднороден и в ней могут быть выделены четыре стилистически различные зоны. Зона I (от начала текста до войны Сеселы против Демака) дает наиболее краткие и простые по всем параметрам описания военных действий. Следующая зона II (от войны Паджанга против Джипанга до войны Сенапати против Маджуна) первоначально была, видимо, сходна с зоной I, но подверглась радикальной переработке в картасурский период (между 1705—1727 гг.) в соответствии с характерной для того времени сложной, «олитературенной» и детализированной манерой военных описаний. Зона III (от войны Сенапати против Пасурухана до войны Силаронга против Баламбангана) содержит наиболее правдоподобные описания военных действий, которые сильнее, чем в других зонах, насыщены реальными деталями и обладают весьма сложной структурой. Реалистичность зоны III проявляется, в частности, в том, что исход сражений в ней в отличие от зон I и II решают не подвиги героев или вмешательство сверхъестественных сил, а оборонительные и наступательные действия армий. В то же время зона III сравнительно неоднородна. Первые войны этой зоны (Сенапати против Пасурухана, Кедири и объединенных сил Восточной Явы) еще сохраняют ряд существенных признаков зоны I, переход от которой к зоне III до картасурской переработки зоны II был, по всей вероятности, более плавным. Наконец, зона IV (от войны Амангурата I против Баламбангана до войны Ингалаги против Амангурата II), стиль которой сложился уже в Картасуре, несколько уступает по степени фактологичности зоне III и при этом отличается наибольшей литературностью, что, разумеется, сказывается на точности описаний.

Анализ композиции БТД подтверждает принятое мнение, что описание деятельности Сенапати содержалось уже в ранней версии БТД, созданной при Агунге между 1641 и 1644 гг. Возможное в принципе предположение, что рассказ о Сенапати был введен в хронику в картасурское время, опровергается тем, что в следующем разделе текста, посвященном Агунгу, не обнаруживается черт первой легитимирующей части, обязательной для любого бабада. Их отсутствие и доказывает, что хроника не могла начинаться прямо с событий времен Агунга и что повествование о Сенапати входило в ее первоначальную версию. Таким образом, ядро рассказа о Сенапати в БТД сложилось не

позднее чем через сорок лет после его смерти, принадлежало перу луджанги, довольно точно описавшего правление султана Агунга [24, с. 127], и поэтому может в определенной степени претендовать на достоверность.

В то же время стилистические соображения не позволяют нам полностью согласиться с мнением Граафа, который, рассматривая рассказ о Сенапати как однородный, писал: «Обращает на себя внимание то, что история преемников Сенапати — панембахана Крапьяка и султана Агунга — примерно до 1635 г. излагается в правильном порядке и довольно точно фактологически. Это заставляет отнестись с доверием не только к периоду с 1600 по 1635 г., но также и к описанию двадцати предыдущих лет (т. е. годам жизни Сенапати. — С. К.), учитывая, что стиль повествования этого раздела, в сущности, не отличается от последующей части хроники» [22, с. 3].

В действительности как композиционно, так и стилистически именно раздел о Сенапати в БТД особенно неоднороден и состоит из четырех различных фрагментов. Первый из них, включающий эпизоды до победы над Паджангом, относится к первой легитимирующей части бабада, в которой достоверный рассказ о событиях не играл важной роли. К тому же значительная часть сообщений о Паджанге из этого фрагмента, как показал Грааф [24, с. 129], была введена в БТД лишь в начале XVIII в. картасурским хронистом в связи с тем, что новая столица Картасура располагалась в непосредственной близости от Паджанга. Это также наложило свой отпечаток на достоверность данного фрагмента.

Еще более отчетливо картасурская переработка проявилась во втором фрагменте (зона II) с его двуслойностью описания войн Сенапати против Паджанга, Демака и Маджуна [23, с. 80—88, 91—95, 100—105]. Здесь первоначальное ядро хроники обнаруживается в сообщениях о малочисленности армии Сенапати и его действиях с помощью лишь матарамских войск, а также о важной роли, которую играют в сражениях отдельные военачальники и чудесные силы. Картасурская переработка же сказывается в большой и едва ли исторически надежной детализации военных описаний и в преувеличении их масштабов и значения.

Насколько скудным и лишенным ярких подробностей было первоначальное ядро повествования о Сенапати за пределами легитимирующей части, свидетельствует третий фрагмент, содержащий близкие по стилю к зоне I описания его войн против Пасурухана, Кедири и объединенных сил восточнояванских княжеств [28, с. 106—109]. В них, по существу, сообщается лишь о самом факте сражения и о наиболее общих его контурах. Наконец, четвертый фрагмент — описание последней войны Сенапати против Пати — почти не отличается по стилю от рассказа о походах Агунга; это описание вполне типично для зоны III и с

учетом обычной для хроники тенденциозности может быть принято как относительно надежное.

Таким образом, композиционно-стилистический анализ фрагментов, образующих раздел БТД о Сенапати, показывает, что реальные события в каждом из них воспроизводятся с различной степенью искажения и поэтому дают различный по достоверности материал для реконструкции начальной истории Матарам.

Обобщая результаты исследований БТД, можно прийти к следующим выводам. Имеются достаточные основания считать Сенапати исторической личностью, правившей в Матараме в последние десятилетия XVI в. Чрезвычайно разработанная в БТД концепция его легитимности и происхождения от потомков маджапахитской династии, по-видимому, не может быть принята всерьез. Более вероятной нам представляется параллельная версия, сообщаемая Яном Питерссоном Куном и яванской хроникой «Саджарах Бантен», о том, что отец Сенапати был человеком низкого происхождения — слугой правителя Паджанга. Подтверждение ее можно найти и в самой БТД. Не вполне ясно, каким именно путем (в результате дарения или захвата) он получил в управление принадлежавшую Паджангу область Матарам, в то время весьма малонаселенную и слабо развитую. Эта область, которая не могла похвастать ничем, кроме былого величия в IX—XI вв., и досталась Сенапати, когда он (вероятно, в 1587 г.) наследовал отцу и начал укреплять свою столицу.

Подробное описание помощи сверхъестественных сил, которую якобы получил Сенапати в начале правления, разумеется, мифично. Однако осуществление им обрядов, которые должны были обеспечить ему такую помощь, вполне вероятно (см., эпизод с Дипонегоро, описанный выше). Во второй раз Сенапати получает сакральную поддержку во время визита к князю-священнику в Гири около 1589 г.

Три важнейших события знаменуют начальный период правления Сенапати. Первое — восстание против Паджанга, приведшее к гибели султана Адвиджайю (вероятно, он погиб от руки убийцы, подосланного Сенапати) и обеспечившее Матараму независимость и положение гегемона глубинных районов Центральной Явы. Второе — успешное вмешательство в борьбу за престол между адипати Демака и сыном Адвиджайи — пангераном Бенава, поставившее под контроль Матарам Демак и открывшее ему путь к северному побережью. Наконец, третье — одержанная с помощью дипломатических уловок победа над Мадиином и женитьба на мадиунской принцессе, происходившей из рода правителей Демака. Этот брак сильно укрепил престиж Сенапати в глазах яванцев и сделал более обоснованными его претензии на роль верховного правителя. Описание всех этих событий сильно искажено картасурской переработкой и требует чрезвычайно осторожного отношения к себе. Лишь общая

канва событий может быть признана относительно надежной.

После покорения Мадиина Матарам наряду с Сурабаей и ее восточнояванскими союзниками становится ведущей политической силой на Яве. Дальнейшая деятельность по «собираанию яванских земель», естественно, еще более обострила соперничество Матарам и Восточной Явы и привела к ряду не слишком крупных войн между Сенапати и правителями периферийных областей, входивших в сурабайскую коалицию. Эти войны (против Кедири, Равы и др.), как и прежние, велись сравнительно малыми силами, порой чужими руками и не всегда приносили успех. Из скупого рассказа о них также трудно реконструировать что-либо большее, чем сам факт военных действий. Несмотря на то что двадцатитысячная армия, выставленная Сенапати против восточнояванских сил в битве при Утере, свидетельствует о росте матарамской мощи, в последние годы XVI в. Сенапати еще не был готов к решающим боям с сурабайской коалицией.

Незадолго до смерти Сенапати возникла серьезная угроза господству Матарам на самой Центральной Яве. В 1601 г. восстал адипати Пати — Прагола I, недовольный стремлением двоюродного брата к неограниченной власти. Это восстание и его подавление довольно обстоятельно, в стиле хроники султана Агунга, описано в БТД. В рассказе о нем, пожалуй, впервые можно считать достоверной не только канву, но и ряд деталей. В том же, 1601 г. Сенапати умирает. Разумеется, вопреки заверениям БТД, до власти над всей Явой в то время было еще далеко, однако государство, которое получил в наследство назначенный Сенапати преемник — панембахан Крапьяк, было столь значительно, что на упоминавшейся голландской карте 1597 г. оно представлено как крупнейшее на острове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губер А. А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М.— Л., 1932.
2. Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
3. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
4. Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии.— Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
5. Кузнецова С. С. К изучению проблемы достоверности позднесредневековых яванских хроник — бабадов.— Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
6. Кузнецова С. С. К вопросу о гетерогенности стиля яванской хроники БТД (на материале военных описаний).— Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979.
7. Кузнецова С. С. Проблема формирования средневековой яванской хроники «История Явы» (Бабад Танах Джави).— Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. 1. М., 1980.
8. Мовчанюк П. М. Хроника из китайского храма в г. Семаранге о китайцах в Индонезии в XV—первой половине XVI в.— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974.

9. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975.
10. Парникель Б. Б. Введение в литературную историю Нусантары в IX—XIX вв. М., 1980.
11. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
12. Berg C. C. Javaansche Geschiedschrijving.— Geschiedenis van Nederlandsch Indie, d. 2. Amsterdam, 1938.
13. Berg C. C. Twee nieuwe publicaties betreffende de geschiedenis en de geschiedschrijving van Mataram.— «Indonesie», 1955, № 2.
14. Berg C. C. Geschiedenis en geschiedschrijving van Mataram.— «Indonesie», 1955, № 3.
15. Berg C. C. Babad en Babad-studie.— «Indonesie», 1957, № 1.
16. Berg C. C. De Kratonbouw in de wildernis.— «Indonesie», 1957, № 6.
17. Berg C. C. The Javanese Picture of the Past.— An Introduction to Indonesian Historiography. N. Y., 1965.
18. Bosch F. D. C. C. Berg and Ancient Javanese History.— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde». 's-Gravenhage, 1965, d. 112, afl. 1.
19. Brandes J. Jets over een ouderen Dipanegara in verband met een prototype van de voorspelling van Jayabaya.— «Tijdschrift van het Bataviaasch Genootschap». Leiden, 1889, d. 32.
20. Djajadiningrat H. Critische beschouwing van de Sadjarah Banten. Haarlem, 1913.
21. Graaf H. J. de. Over het ontstaan van de Javaanse Rijkskroniek. Public Lecture at the Royal University. Leiden, 19 Oct. 1953.
22. Graaf H. J. de. De regering van Panembahan Senapati Ingalaga.— «Verhandelingen Koninklijk Instituut». 's-Gravenhage, 1954, vol. 13.
23. Graaf H. J. de. De historische betrouwbaarheid der Javaanse overlevering.— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», 1956, d. 112, afl. 1.
24. Graaf H. J. de. Later Javanese Sources and Historiography.— An Introduction to Indonesian Historiography. N. Y., 1965.
25. Josselin de Jong P. E. The Dynastic Myth of Negri Sembilan (Malaya).— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», 1975, d. 131, afl. 2—3.
26. Moertono S. State and Statecraft in Old Java. A Study of the Later Mataram Period, 16th to 19th Century. Ithaca, 1968.
27. Pigeaud Th. G. Th. Literature of Java. Vol. 1. Leiden, 1967.
28. Poenika Serat Babad Tanah Jawi wiwit saking Nabi Adam doemoegi ing taon 1647. The Hague, 1941.
29. Ricklefs M. C. Dipanegara's Early Inspirational Experience.— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», 1974, d. 130, afl. 2—3.
30. Ricklefs M. C. Jogjakarta under Sultan Mangkubumi, 1749—1792. L., 1974.
31. Ricklefs M. C. Modern Javanese Historical Tradition. L., 1978.
32. Zoetmulder P. Kalangwan. A Survey of Old Javanese Literature. The Hague, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АКАДЕМИК А. А. ГУБЕР

А. Н. Узьянов, Ю. О. Левтонова. Вместо введения	3
Ю. Н. Гаврилов. О глубине научного проникновения в трудах А. А. Губера :	9
Е. И. Гневушева. А. А. Губер — организатор науки	20

Раздел II

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЮВА

А. И. Ионова. Ислам и тенденции современной трансформации массового сознания (на материалах Индонезии, Сингапура, Малайзии)	30
А. Б. Беленький. Из истории либерально-буржуазного национализма в Индонезии	45
Г. И. Колодкова. Церковь «Иglesия ни Кристо» на Филиппинах как пример трансформации христианства в условиях колониальной страны	72
В. А. Жаров. Государственная идеология и политика в Малайзии	91
Э. М. Гуревич. Правящая партия Сингапура: структура, идеология, политика	114
Е. А. Черепнева. Государственная идеология Индонезийской республики в освещении современных западных историков	128
В. В. Самойленко. Малайзия в системе политического сотрудничества в АСЕАН	145

Раздел III

ИСТОРИЯ СТРАН ЮВА

И. А. Огнетов. К вопросу о связях вьетнамской революции с мировым революционным процессом	160
Ю. П. Дементьев. Колониальное общество: некоторые проблемы структуры (на примере Восточного Индокитая)	180
В. А. Тюрин. К истории голландского утверждения в Индонезии	192
М. Г. Козлова. Бирманско-китайская война 1765—1769 гг. и значение Кантонского мирного договора во взаимоотношениях Бирмы с Китаем (до конца XIX в.)	216
Э. О. Берзин. Государство Чиангмай (Ланнатаи) в XIII—XVI вв.	239
И. Ю. Перская. Современная индийская историография древней и средневековой Индонезии	256
С. С. Кузнецова. К проблеме изучения ранней истории Матарам (1587—1601)	270

Готовится к изданию

Юго-Восточная Азия: государство и экономика.
Сб. статей. 12 л.

В сборнике статей, подготовленном учеными СССР, НРБ и ГДР, рассматриваются деятельность государственных органов Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин в экономической сфере в 70-х—начале 80-х годов, новые функции, которые берет на себя государство в обстановке современной научно-технической революции.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСКВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *С. Н. Какачикашвили*
Художник *В. В. Локшин*
Художественный редактор *Б. Л. Резникова*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 14695

Сдано в набор 10.11.82. Подписано к печати 24.03.83. А-02152. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Вклейка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,0+0,125 (вкл.). Усл. кр.-отт. 18,31. Уч.-изд. л. 19,75. Тираж 1700 экз. Изд. № 5314. Зак. № 764. Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИБ ПНУС

470156

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Готовится к изданию

Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. 18 л.

В коллективной монографии исследуются традиционные институты и методы социализации детей у различных народов Восточной и Юго-Восточной Азии: соотношение семейного и общественного воспитания, подготовка детей к труду, методы дисциплинирования и другие вопросы.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСКВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

0000111111

470156